

73 ФАНТАСТИКА 74

73
ФАНТАСТИКА
74

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1975

Р2
Ф22

Составитель В. БУГРОВ

Г. АЛЬТОВ
Д. БИЛЕНКИН
В. БРЮСОВ
С. ГАНСОВСКИЙ
В. ГЛУШКОВ
И. ДРУЧИН
И. ЛУКОДЬЯНОВ
О. ЛУКЬЯНОВ
И. ЛЯПУНОВА
Р. ПОДОЛЬНЫЙ
М. ПУХОВ
Н. СОКОЛОВА
Г. ТАРНАРУЦКИЙ
В. ФИРСОВ
В. ЦЫГАНОВ
В. ЩЕРБАКОВ
Р. ЩЕРБАКОВ

●

АБАКАН
БАКУ
КИЕВ
МОСКВА
САРАТОВ
ТУЙМАЗЫ
УФА

●

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

Ф $\frac{70302—187}{078(02)—75}$ 161—74

СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ

Млечный Путь

РАССКАЗ-ПЬЕСА

Морозный день кончался, ясный. Большое оранжевое солнце уже село куда-то за гостиницы «Заря», «Алтай», «Восток», к станции электрички Рабочий поселок, но проспект еще звенел как натянутая струна, катил сразу в двух направлениях, словно сдвоенный провод под током — неподвижный и бегущий. К югу торопился проспект, к магазину «Океан», Рижскому вокзалу, салонам «Все для новобрачных» и «Свет», к тем последним особнячкам, что остались еще от Первой Мещанской, и на север — мимо просторного предполья выставки, аллеи Космонавтов, обелиска, покрытого полированным титаном, мимо какого-то недавно построенного института, то ли оптического, то ли астрономического (на крыше башенка вроде купола обсерватории), и мухинской скульптуры «Рабочий и колхозница». Катил над речкой Яузой, где делали набережную, где возле старинного каменного акведука раскинуться спортивному центру, потом на широкий мост через Окружную железную дорогу к белым многоэтажным домам Лося, на мост через Окружное шоссе, вдоль которого сверху работники ГАИ на вертолетах, и дальше-дальше к Загорску, Ярославлю, лесами, лесами в глубь России.

Протекторы тысяч машин разбили, вытаяли и унесли с проезжей части выпавший ночью сухой февральский снег — длинными полосами с язычатым краем он остался только на осевой и у кромки тротуаров. Возле Звездного бульвара и улицы Кибальчича в вечереющий послерабочий час толпы прохожих скапливались, разрежались и снова скапливались на переходах, люду не было конца, троллейбусы, автобусы

нагружались мгновенно. У входа в метро нахальные голуби зорко следили с навесов табачных и галантерейных ларьков, кто же соберется угостить их горячим пирожком с мясом; собирающиеся здесь, чтобы вместе ехать на занятия, ученицы музыкальной школы смело ели мороженое. «В тесноте, да... не обедал», — сказал плотный гражданин, бодро втискиваясь в трамвайный вагон, уже до того набитый, что и змее не проскользнуть бы между прижатыми друг к другу пальто и шубами. Кругом улыбнулись.

Всего лишь за четыре километра отсюда в защитной лесной зоне на безмолвную просеку под высоковольтной вышла молодая лисица, принюхиваясь, поводила в морозном воздухе острой мордочкой, будто нарисовала сложный узор. В ста пятидесяти миллионах километров отсюда из жерла солнечного пятна рухнул поток протонов. Испуская немой торжествующий рев, рождалась звезда в немыслимой дали. Плыли галактики, разбегалась Вселенная, из тех пространств, куда и направление не показать, из тех времен, о которых не скажешь, раньше ли они, позже, чем с е й ч а с, текли сигналы, падали, не принятые пока, на верхушки елей, на острие телевизионной башни Останкина.

Загорелись синие буквы «Кинотеатр К О С М О С», зеленые «Г А С Т Р О Н О М».

На проспекте перфокарты домов зажигали все новые и новые дырочки-окна. Какие там судьбы, о чем говорили утром, уходя, с чем приходят сейчас?

Возьми нас, жизнь, позволь услышать.

Один телефонный звонок, другой...

СТАРИК. Иду!

Шаги. Телефон продолжает звонить.

Иду же, иду! Бежать, что ли?

Шаги ближе. Телефон умолкает.

Звяканье трубки.

Алло!.. Алло!.. Все, не успел. Обычная история.

Звук положенной на рычаг трубки.

Ф-фу, даже сердце заколотилось. (Вздыхает.)

Цветы почему-то на столе, розы. На дворе зима, снег, а тут розы... Ах да! Танечка принесла утром. Какой-то сегодня день, она говорила, какая-то дата... Забыл. Прошлое вываливается кусками, как кирпичи. (С внезапной яростью.) Так вспомни же, вспомни, что сегодня! (Успокаиваясь.) Нет, этого не победишь. Все мне говорят: «Дед, ты не чувствуй себя виноватым, если не помнишь». А я все равно чувствую... Ну ничего, теперь это все кончится. Только они меня и видели — невестки, зятья, внуки, правнуки... Где у меня чемодан?.. Ага, вот он!

Резкие телефонные звонки.

Черт, междугородная, наверное!

Звяканье трубки.

Алло, у телефона!

Телефон безмолвствует.

Алло, будьте любезны громче!.. Может быть, говорят, а я не слышу. Слух с молодости плохой.

В трубке жужжит.

ГОЛОС (с металлическим, звенящим оттенком). Внимание, просим не отходить от телефона! Просим вас не бросать трубку ни в коем случае.

СТАРИК. Кого вам надо?

ГОЛОС. Вас. Мы говорим из будущего.

СТАРИК. Из Будогощи? Наверное, неправильно соединили. У до-

машних там никого нет. Какой вам нужен номер?

ГОЛОС. Ваш — какой бы он ни был. Это не Будогощь. Будущее, завтрашний день, понимаете? (С большим воодушевлением.) Мы ведем разговор сквозь время, наш голос летит через бесчисленные века. Работают две группы, и вот одна уже прорвалась в вашу современность. Мы добились удивительного успеха. Сложные приборы будут переводить ваши слова и фразы на понятный для нас язык... Уже переводят.

СТАРИК. Вы говорите, будущее?

ГОЛОС. Да, будущее. Futurum.

СТАРИК. ...Знаете что, скоро должна прийти внучка. А я старик. Не очень понимаю. Вы позвоните попозже.

ГОЛОС. Не можем позже. Для нашей с вами связи подключены и используются огромные мощности. Пожалуйста, проникнитесь величием происходящего. Вот вы, человек пока еще только планеты Земля, и мы, теперь уже галактическое человечество. Стало возможным общение. Так начнем же... И кроме того, нам нужны именно вы.

СТАРИК. Я нужен?

ГОЛОС. Да.

СТАРИК. Именно я, Алексеев Павел Иванович?

ГОЛОС. Именно вы.

СТАРИК. Слушайте, это не розыгрыш?

ГОЛОС. Что вы — чудовищна сама мысль!.. Впрочем, нажмите рычаг телефонного аппарата.

СТАРИК. Зачем?

ГОЛОС. Вы отключитесь от станции. Но разговор останется возможным. Нажмите, не кладя трубки. Таким способом вы проверите.

СТАРИК. Ладно.

Металлический стук.

Нажал, ну?

ГОЛОС. Все равно вы слышите нас. И мы слышим... Можете оторвать трубку совсем. Попробуйте.

СТАРИК. Серьезно? И что получится?

Шорох... Треск.

Оторвал.

ГОЛОС. Вот.

СТАРИК. Дьявольщина!

Шорох. Стук покатившейся трубки.

ГОЛОС (придавленно). Собственно, трубка нужна только как преобразователь другого вида волн... Вы слушаете?.. Алло, где вы?.. Мы убедительно просили ни в коем случае не прекращать разговор.

СТАРИК. Даже страшно.

ГОЛОС. Говорите в трубку. Ничего не слышно... Вы, может быть, вообще бросили трубку?.. Павел Иванович, будьте любезны, возьмите ее, говорите в микрофон.

СТАРИК. Взять, что ли?

Шорох... Шаги. Звяканье трубки.

А это не опасно?

ГОЛОС. Что?

СТАРИК. То, что вы проникли к нам?

ГОЛОС. Конечно, нет. Взгляните через окно наверх. Там через все небо дерзкой параболой размахнулся Млечный Путь. В известном смысле мы говорим оттуда. И кроме того, сквозь время... Если неудобно беседовать так, можем воспользоваться приемником. У вас в комнате, наверное, есть радиоприемник. И где-нибудь поблизости отсюда?..

Звук наподобие лопнувшей струны.

(Очень громко, но уже без металлического оттенка.) Как будто бы нашли. (Значительно тише, мягким тоном.) Так будет лучше, да? Так вам удобнее слушать?

СТАРИК. Приемник сам включился... Ничего себе чудеса! Пожалуй, я сяду.

Скрип стула.

ГОЛОС. Верите теперь, что это не розыгрыш, что будущее?.. Тогда спрашивайте о том, что вам хотелось бы узнать. И у нас масса вопросов к вам.

СТАРИК. Фантастика... Не соберусь с мыслями. Будущее... Самое главное, конечно, что будущее есть и все продолжается. А то в последнее время много горьких пророчеств там, на Западе. Толкуют о перенаселении, о водородных бомбах, о засоренности этой, как ее... биосферы. Некоторым представляется, будто мы, люди, возле конца.

ГОЛОС. Перенаселение?.. Нет, не тревожьтесь. Это все удалось преодолеть.

СТАРИК. А с энергией? Я тут все читаю газеты, журналы. Пишут об энергетическом кризисе — в Европе, в Японии.

ГОЛОС. В принципе энергии бездна. Вселенная полна энергией. Если, например, обращать время в пространство, если на миллиардные доли секунды замедлить его грандиозный вселенский вал, высвобождается...

Последние слова звучат все тише.

СТАРИК. Что вы говорите — время в пространство? Надо же, до чего додумываются... Хотя ладно, пусть ее — энергию. Вы мне вот что скажите — зачем именно я понадобился. Что во мне такого, что вы именно меня выбрали? Человек-то небольшой, жизнь прожил малозаметную, в истории не отмечен... Алло!.. Алло, вы слышите?.. Эй, у вас что-нибудь заело?

Стучит рычаг телефона.

Хотя трубка ведь оторвана — что я делаю?.. Какая-то чертовщина!.. А, ладно, буду собираться!

Шаги.

ГОЛОС. Алло! Послушайте!..

СТАРИК. Ну наконец-то!

ГОЛОС. Вероятно, у нас прерывалась связь... Вы нас слышите?.. Говорите в трубку. Вы не ушли?

СТАРИК. Никуда не ушел... Где же эта трубка?

ГОЛОС. Вероятно, у нас прерывалась связь... Где вы?

СТАРИК. Да здесь, здесь! Вот она, трубка, — я ее в спешке в чемодан сунул... Алло! Черт, я испугался, думал, вы отсоединились совсем! Скажите, зачем именно...

Я хочу... Скажите, пожалуйста... Забыл.

ГОЛОС. Что вы забыли?

СТАРИК. Что хотел спросить. Вылетело... Бог ты мой, какая мука с памятью! Слушайте, надо подождать внучку. Все разъехались, я один в квартире. Хотели временно поселить тут со мной медсестру, я не согласился. А Таня бывает каждый день раза по два. Утром забегала и теперь придет минут через сорок.

ГОЛОС. Нет, нет. Извините, но это невозможно. Вариант с внучкой даже не стоит обсуждать. Спрашивайте нас, а потом начнем мы.

СТАРИК. Ладно... Скажите, вы сейчас далеко, на Млечном Пути, да? Но как же мы разговариваем? Я читал, даже свет оттуда идет десять тысяч лет или сто. Между вопросом и ответом должен получаться длиннейший перерыв, пока это пропутешествует туда и обратно. Но быстрее света ничего нет — так говорит теория.

ГОЛОС. Какая — теория относительности?

СТАРИК. Да.

ГОЛОС. А природа?.. Природа ведь еще по этому поводу не высказывалась.

СТАРИК. Как вы сказали?.. А-а, понял... Совершенно не знаю, о чем спрашивать... Чем вы там занимаетесь, в будущем? Как вообще живете?

ГОЛОС. Удивительно. Только вам трудно это себе представить... Промышленность у нас введена в замкнутые циклы, она почти не отличается от природы, гармонизирована с ней, и то, что в основном нужно людям, как бы растет, не нарушая прозрачности синего воздуха, чистоты хрустальных рек. Экология производства...

СТАРИК. Экология!

ГОЛОС. Да.

СТАРИК. Ну вот, опять это слово.

ГОЛОС. Какое — «экология»?

СТАРИК. Нет, это я так. Продолжайте.

ГОЛОС. Мы неустанно расширяем свой чувственный, эмоциональный, логический опыт, исследуем материю в ее мельчайших частицах, целые миры и целые галактики. Но главный объект приложения сил — человек, его возможности, социальная жизнь. У нас необозримое разнообразие. В городах с миллиардным населением, рассеянных по кольцу цивилизации, напряженно бьется ритм искусств, ставятся смелые социальные эксперименты, борются страсти, однако тот, кому нужен покой, сосредоточение, может избрать себе безлюдный остров или материк под дальним солнцем, где тишина и слышно, как шепчет ручей под деревом... У человека нашей эпохи совсем мало вещей, он почти свободен от них, но зато в словаре миллионы слов, потому что мы воспитали новые ощущения, способности. У нас нескончаемое творчество, тысячи оттенков радости и красоты. Мы чувствуем теперь гораздо сильнее — случается, крик любви или надежды, исторгнутый одним лицом, пронзает целые звездные системы.

СТАРИК. А старость?

ГОЛОС. Самая прекрасная, венчающая пора, потому что к силе, знаниям прибавляется мудрость опыта. Здесь живут долго и умирают когда захотят.

СТАРИК. Когда же они хотят?

ГОЛОС. Если человек сделал все, что было ему по силам, испытал все, он начинает думать о том, чтоб раствориться, стать каплей росы на листке, камнем под солнечным лучом. Жизнь — это развитие, и, когда пройдены все фазы, лишь редкие хотят повторить или задержаться в какой-нибудь.

СТАРИК. Так... пожалуй. Но сама смерть?

ГОЛОС. Она страшна в боли, болезни разочарования... если позади незавершенные дела. Но у нас нет ничего такого. Кстати, ваше поколение — одно из последних, которое уходит страдая. Там, впереди, страх смерти исчезнет.

СТАРИК (вздыхает). Да-а... И все это у вас на звездах. А мне всегда казалось, что в космосе пусто, холодно. Черное кругом.

ГОЛОС. Нет. Здесь такая голубизна небес на планетах, зелень странных лесов, цвета скал. Мы в великом походе — приблизились к самым границам этой Вселенной и скоро шагнем за них. Наполнена любая секунда существования... Можно, теперь мы приступим к вопросам?

СТАРИК. Я уже устал. Ну пусть, приступайте... Хотя скажите, от на-

шего времени что-нибудь осталось у вас? Ну вот как от египтян — пирамиды какие-нибудь, вещи?

ГОЛОС. Осталось. Большие сооружения вашей эпохи, здания... И вещи — обычные, бытовые.

СТАРИК. Какие?

ГОЛОС. Например, тут в музее стоит диван. Заключен в прозрачную герметическую оболочку.

СТАРИК. Диван? Случайно не кожаный?

ГОЛОС. Кожаный.

СТАРИК. Интересно.

Шаги. Затем скрип пружин.

Нет ли на нем дырки? Прожжено папиросой в правом углу.

ГОЛОС. В левом, если сидеть на диване.

СТАРИК. Правильно, в левом... Так, а если... (Шепотом.) Если еще разрезать?.. Где у меня ножницы? Шорох, стук, треск раздираемой материи.

Алло! Еще примет не видно?

ГОЛОС. Распорот правый валик. Возможно, ножницами. Распорот и зашит.

СТАРИК (растерянно). Уже зашит.. Послушайте, но это мой диван. И он сейчас там, на звездах. Как странно и... обидно. Вещи, слепые, бездушные, переживают бездну лет, попадают за миллионы километров. А мы сами?.. Объясните, вот наши мысли, тревоги, наша усталость, наша радость — из этого что-нибудь осталось, хоть что-нибудь не исчезает?.. Раньше, скажем, в бога верили, считали, после смерти в раю будет вечно жить человек. А теперь материализм: помер и будто не жил... Вот отвечайте, от меня что-нибудь переходит к вам туда, где тысячи оттенков счастья? От меня хотя бы — кроме дивана, на котором спал?

ГОЛОС. Сейчас будем выяснять... Кто вы теперь, в настоящее время?

СТАРИК. Старик.

ГОЛОС. А чем занимаетесь?

СТАРИК. Этим и занимаюсь. Семьдесят пять лет. Куда ни попадешь, все кругом моложе — и другие чувства, другие интересы. Тут, правда, на бульваре пожилые сидят, несколько человек. О здоровье толкуют. То есть одни о болезнях и хвастают ими, другие, наоборот, хвалятся, как сердце хорошо работает, как сон. Но это одинаково противно... Или еще тема — обсуждают, чего есть нельзя, чего пить. Белый хлеб нельзя, сахар тоже. Когда заваренный чай простоял, видите ли, больше десяти минут, он уже токсичен. То вредно, это... Но если так рассуждать, жить в целом вредно... Алло, на проводе?

ГОЛОС. Да, слушаем.

СТАРИК. А почему молчите?

ГОЛОС. Наверное, вы сейчас плохо чувствуете себя. Вы нездоровы, да?

СТАРИК. Нездоров. Поэтому они и хотели медсестру. Но при чем медсестра, когда я просто старый? Каждая жизнь, если ее не прерывать, приходит к старости — вот в чем беда. У меня лучшие друзья уходили молодыми.

ГОЛОС. Мы могли бы помочь в смысле вашего физического состояния. У нас гигантские возможности. Если бы вы нам очень подробно и точно описали...

СТАРИК (прерывает). Лучше выслушайте. А то почти все время молчу. Из-за памяти. Возьмешься что-нибудь доказывать, а потом замечаешь, что забыл, с чего начал. Так неловко становится. Да и вообще поговорить не с кем. Внучка вот, Таня, той самой экологией за-

ниймается, племянник — структурным анализом. Но что такое структурный анализ? Он примется объяснять, каждая фраза в отдельности вроде понятная, а вместе не складываются... Потолковать особенно не о чем, и делать дома тоже нечего. Я работать привык, а тут все готовое. Ни дров поколоть, ни воды принести — одни выключатели да кнопки. Сидишь целый день сложа руки. Вот ведь как получается — люди трудятся, в результате их работы меняется мир. Но чем больше они старались, тем меньше к старости такого дела, к которому они привыкли, которое умели. Только вспоминать остается. А вспоминать тоже мало хорошего.

ГОЛОС. Отчего? Разве вы недовольны прожитой жизнью?

СТАРИК. Конечно, недоволен. Сделал совсем мало. В юности, молодой был, мечтал подвиг совершить. А жизнь вышла незаметная, будто не было ее. Оглянешься — вроде кругом ничего моего и не осталось. Вот ученый, к примеру, — он лекарство изобрел либо закон вывел, которым люди до сих пор пользуются. Или художник — его самого давно уже нету, а на картину в музее до сих пор смотрят. Теперь меня взять... Работал-работал, руки всегда в мозолях, но все как сквозь пальцы просыпалось, исчезло. Вот вы сказали, что старость — это знания и мудрость опыта. А какие у меня знания?.. Другой племянник, Игорь, по бетону специалист. Делают они там у себя машину, чтобы плотность повышала, по стройкам ездят, испытывают. А мы его, бетон, в свое время как уплотняли? За плечи возьмемся и ходим стенкой взад-вперед, топаем... Многие еще в лаптях тогда были... Это и есть моя мудрость — поднимай больше, таши дальше. Но теперь другая нужна, не эта.

ГОЛОС. Значит, если б вам снова юность, вы бы иначе жили?

СТАРИК. Факт, иначе. За что-нибудь такое взялся бы, что с годами не уйдет, не отменится.

ГОЛОС. Но кем вы были прежде?

СТАРИК. Кем был?.. Да обыкновенным человеком. Не «крупный», первый или там «значительный». Рядовой, как все. Правда, большинство-то так и есть: даже не вторые или третьи, а просто на заводе работают, в конторе считают. Но ведь проходных, второстепенных ролей в жизни нету. Для своей собственной биографии каждый, кто бы он ни был, все равно выступает главным героем. Так неужели же... Слушайте, я, кажется, сбился. Давайте кончать. Хватит.

ГОЛОС. Вы ощущаете себя одиноким и ненужным?

СТАРИК. Нет. Не совсем так. Дома вокруг меня ходят, заботятся. Даже слишком заботятся — вот это и мучает. Они вообще-то неплохие — зятья, невестки, внуки. И все время в командировках, экспедициях. Друзей у них много, с которыми они там в поездках сходятся. Квартира большая, постоянно новые люди. А сами родные уезжают часто и передают меня с рук на руки, чтобы я один не остался. Утром, бывает, выйдешь в столовую, совсем незнакомые. Меня увидали: «Здрасьте, Пал Иваныч, здрасьте. Мы тут завтрак приготовили, и эти таблетки вам обязательно надо принять». Но ведь видно же, что у них на столе свои бумаги, в уме свои дела... Словом, путаюсь я тут, отвлекаю. И решил уйти.

ГОЛОС. Куда?

СТАРИК. Пройду последний раз те места, где воевал, строил. Где сам был большой и сильный, не старичок, как сейчас. В деревню загляну, откуда сам родом, может, работу найду какую немудрящую. Я же отдавать привык, не брать, не тянуть к себе. Но дома для меня все, а я ничего. Знаете, как неловко, что Таня, внучка, по два раза в день... У нее в институте дел хватает, да ведь и молодая, погулять надо. А она ко мне. Я говорю, что не надо, только разве им что-нибудь докажешь?

ГОЛОС. Значит, они хорошие, настоящие люди, ваши родные?

СТАРИК. Хорошие.

ГОЛОС. Вероятно, они не без вашего участия стали такими?

СТАРИК. Без моего. Я их не воспитывал. Они, между прочим, и не родные мне. Только так считается... Ну, извините. Пора уже. Пойду. До свиданья.

ГОЛОС. Алло-алло! Как же вы пойдете, когда нам нужно еще много узнать. Подождите! Неужели не увлекает возможность говорить с будущим? Ведь это впервые за всю историю... А потом — почему только считается, что родные?

СТАРИК. Все, ухожу. Я уже собрался. Спасибо большое за разговор — узнал, что вы есть, человечество продолжается. И хватит с меня... Да, кстати, а Земля?

ГОЛОС. Что — Земля?

СТАРИК. Она-то существует? Вот что я хотел еще спросить. Вы сами на Млечном Пути. А наша планета как? Бросили совсем?

ГОЛОС. Конечно, существует. Это родина человечества, и отсюда же до сих пор ведется отсчет полезности, добра и счастья. На Земле и теперь живут, она столица всех планет. Катится в эфире голубой шар, чертят небо кремлевские башни, неприкосновенным осталось место, откуда человек впервые поднялся в космос, березы, как прежде, распускают по ветру свои зеленые косы, и пальмы на атлантическом берегу принимают шторма.

СТАРИК. Вроде музея, что ли?

ГОЛОС. Нет, почему? Но то, что нужно было сохранить, сохранено... Кстати, эту нашу беседу Земля сейчас тоже слушает, как и другие многочисленные миры.

СТАРИК. Что-то я не понял... Нас сейчас слышат люди?

ГОЛОС. Слышат.

СТАРИК. Прямо сейчас — то, что мы говорим?

ГОЛОС. Миллиарды миллиардов. И в том числе жители будущей Земли. То есть, с вашей точки зрения, будущей.

СТАРИК. Вот это попал в положение!.. Что ж вы раньше не предупредили. А я-то жалуюсь, ворчу.

ГОЛОС. Вы не сказали ничего такого, за что может стать стыдно. Давайте продолжать, пока есть время.

СТАРИК. Нет, теперь уж пойду окончательно. Вы меня просто оглушили... Но все равно надо торопиться. Внучка застанет, уговаривать примется. Цветы вот зачем-то принесла... Мне, между прочим, с будущим не так и охота толковать, мое-то все в прошлом.

ГОЛОС. Мы можем и с прошлым. Как раз в эти минуты вторая группа связалась с началом двадцатых годов вашего века... нет, раньше. Вас можно соединить напрямую... Алло! Послушайте!

Шаги...

СТАРИК (издали). Ну?.. Пока еще слушаю...

Где у меня пальто старое, в шкафу?

Скрип деревянной дверцы.

ГОЛОС. Конец десятых годов — это же время вашей молодости. Там на телефоне юноша. Он-то как раз хочет говорить с будущим — и с вами и с нами. Ему интересно... Возьмите трубку. Юноша на проводе... Сейчас мы будем звать вас телефоном. Говорите с юношей, и это опять-таки информация для нас. Павел Иванович!..

Резкие телефонные звонки.

Внимание! Конец десятых годов.

СТАРИК. Каких еще десятых?.. Ладно. Сейчас.

Шаги. Клацанье трубки.

Алло, у телефона.

ЮНОША. Алле, алле, барышня!.. Хотя какая же барышня?

СТАРИК. Ну давай-давай, я слушаю.

ЮНОША (торопясь). Кто на проводе, алле?.. Слушай, верно, что будущее, не наше время? Неужели может быть?.. Наши пошли на позицию, мне командир сказал — в штабе имущество собрать. И вдруг вызов. А он разбитый — аппарат. Миной попало. И провода нет. Трубку беру, там голос... Значит, правда, что будущее?

Слышна орудийная канонада.

СТАРИК. Правда. Я тоже сначала не поверил. Но вижу, что так... Слушай, ты сейчас где? Что у вас...

ЮНОША (прерывает). Которые раньше говорили, сказали — в небе живут, по звездам. А ты сам где, на небе? Какой у вас год там?

СТАРИК. Семьдесят четвертый... тысяча девятьсот. Ты что — на фронте сейчас?

ЮНОША. Ого, полста лет, больше! (Пониженным голосом.) Слушай, а тут положение тяжелое. Германец наступает, армия кайзера Вильгельма. У них свой рабочий класс задавленный. С Риги идут, Двинск уже захватили. И здесь наступают. Хотят выйти на Гатчину, там до Петрограда прямая дорога. Нашей власти четыре месяца, а они — чтоб задушить свободу. Старые царские полки стихийно откатываются, открыли фронт... Канонаду слышишь — германские пушки.

СТАРИК. Постой! Где вы находитесь?

ЮНОША. Положение отчаянное. (С нарастающим энтузиазмом.) Но они не знают, они не знают, что перед ними теперь не серая скотинка, а революционные отряды! Такого они еще не видели. Мы умрем, как один, но не пустим... Вторую неделю здесь. Вчера выгнали двух провокаторов, расстреляли одного развращенного элемента, который грабил. Вечером митинг, постановили — трусов не будет. И сегодня, как начнет германец, сами перейдем в атаку. Знаешь, какое настроение — мы тоже, как в небе, по облакам. Любой в отряде может речь держать, всю пропаганду высказать — про мировую революцию, всемирную справедливость... Алло, на проводе!

СТАРИК. Да-да, здесь. Скажи...

ЮНОША. Ну ты давай рассказывай скорее, как у вас. Мы-то изнищали вконец. По деревням ни соли, ни железа, в Петрограде продовольствия на три дня. Но все равно народ горит против капитала... С какого года сам — вроде голос старый?

СТАРИК. С девяносто девятого... А вы где стоите?

ЮНОША. Так и я с девяносто девятого. Как же выходит?.. Откуда говоришь, не из Питера?

СТАРИК. Из Москвы.

ЮНОША. И я же московский... Ты сейчас-то где, на какой улице?

СТАРИК. На проспекте Мира... в общем, где раньше Мещанская. Даже дальше. Возле ВДНХ.

ЮНОША. Чего-чего?

СТАРИК. Около Выставки достижений народного хозяйства.

ЮНОША. А что — уже есть достижения? Трамваи ходят в Москве?

СТАРИК. Трамваев мало...

ЮНОША. Вот и сейчас не ходят. Мы в Петроград собрались, с Конной площади на Николаевский вокзал пехом... Скажи, а керосин есть, дрова?

СТАРИК. Нету, потому что...

ЮНОША. Сейчас тоже. Старые бараки ломаем, от холода спасаемся. У вас ломают бараки?

СТАРИК. Последние сносят. Но не оттого...

ЮНОША. А говоришь, достижения... Подожди, сейчас за стену выгляну — мы тут в доме сгорелом стоим. Может, пора уже.

Шаги, еще шаги... Грохот орудий. Нет, пока стреляют, готовятся. Но скоро пойдет германец. Только им неизвестно, что у нас пушки тоже есть. С Путиловского вчера привезли две трехдюймовки. Уже на позицию поставили, окоп для снарядов, все... Они пойдут, а мы как жахнем. А потом конница налетит. Васька Гриднев, кавалерист, собрал по мужикам лошадей.

СТАРИК. Погоди!.. Гриднев... Василий?

ЮНОША. Седел нет — из мешков поделали, стремена навили лыковые. Неделю ребят учит в атаку на кусты — рубят шашками. Лошаденки маленькие, брюхатые, но ничего. Сегодня ударят во фланг противнику.

СТАРИК (взволнованно). Подожди же! Вася Гриднев — я его знал. Воевали вместе... Слушай, ты где жил в Москве? Тебя как звать?

ЮНОША. Я?.. Алексеев... Крестили Павлом. У Гавриловны жил, аптекарши. Дом на Серпуховском проезде, деревянный. Сам учеником на Михельсоне.

СТАРИК. Так это же я Алексеев! Павел Иванович... Я у Гавриловны жил. Первый этаж с крыльца налево. Шестеро наших заводских стояло у нее. Моя койка у двери сразу. Одеяло нестрядевое из деревни привез. А летом спал в дровяном сарае.

ЮНОША (недоверчиво). Ну?..

СТАРИК. Отец Иван Васильевич... Калужской губернии, Хотьково Думиничского уезда. Деревня Выселки.

ЮНОША (тревожно). Ну... и мой батя тоже.

СТАРИК. И под Питером я был — от михельсоновцев группа. Штаб в баронском доме сгорелом — как мы пришли, еще дымился.

ЮНОША. Тут вот тоже дым.

СТАРИК. Сапоги на мне были австрийские тогда, помню. Рука болела — мы в Петрограде ревизию частных сейфов делали в банке, буржуй ладонь прихлопнул железной дверцей. Со зла.

ЮНОША. Так он мне прихлопнул! Вот у меня тряпочкой замотано.

СТАРИК (тихо). Знаешь, ведь я — это ты.

ЮНОША. Ты — это я?.. Как?

СТАРИК. Ну да. Только через время.

ЮНОША. Погоди! Ведь ты же

старик, дед. Тебе сколько, восьмой десяток небось?

СТАРИК. Семьдесят шестой пошел... Понимаешь, это они связали нас, соединили, которые из будущего. Сейчас ты и есть ты. А после станешь я... Смотри, как совпало, получилось. (Глубоко вздыхает.) Сердце даже прихватило. Где у меня корвалол?..

ЮНОША. Выходит, и мне стукнет семьдесят пять? Не верю.

СТАРИК. Еще бы! В двадцать лет допустить невозможно. И я не верил. Первые-то года какие длинные — из детства в юность. Каждый час чувствуешь, что живешь. Но потом она подкрадывается, старость. Отдельный день идет долго, а года быстро набираются, незаметно... Слушай, раз такое дело, я же тебя предупредить могу. Чтобы тебе мои ошибки миновать.

ЮНОША. Значит, это я, который вот со мной разговариваешь? Как здорово... Ну ты скажи, отец, как там у тебя... У меня все будет получаться? Мы с ребятами тут все разбираем — кто министром, кому армией командовать. Прежние-то теперь, царские, все полетели. Наша будет власть. Ты объясни, кем я стану. Командиром фронта, а?

СТАРИК. Фронта?.. Нет, не будешь.

ЮНОША. Ну, хотя полк под моим началом?

СТАРИК. Не. Провоюешь рядовым.

ЮНОША. А почему?

СТАРИК. Так получится. Не знаю.

ЮНОША. А потом? Как отстоим революцию... У нас лектор был, про звезды рассказывал, Луну, Солнце. Всем, говорит, надо учеными быть, грамотными.

СТАРИК. Ты ученым не станешь. Рабочий.

ЮНОША. Опять рабочий?

СТАРИК. Да.

ЮНОША. На Михельсоне?.. И жить у Гавриловны в дому?

СТАРИК. Какая там Гавриловна! У нее дом отберут. Завод у Михельсона тоже. Все станет нашим. Но ты рабочий.

ЮНОША. А в песне поется: «Кто был ничем, тот станет всем». Ты что же, не старался, не хотел подвиг совершить или что-нибудь?

СТАРИК. Еще как! Революция началась, только и думал, что героем стану, все меня будут знать.

ЮНОША. Вот и я мечтаю. Мы тут про подвиг думаем все.

СТАРИК. Ну правильно. Твои мечты, которые сейчас, и есть мои молодые мысли. Но не получилось.

ЮНОША. А почему? Ты расскажи, как прожил.

СТАРИК. Как прожил?.. Семья, дети — три сына. Только они погибли, все мои сыновья. (Плачет.)

ЮНОША (тихо). Ты что, отец?..

СТАРИК. Видел-то их мало-мало. Почти ничего такого и сделать для них не мог особенного. Таня училась после гражданской, стала медиком, врачом. Выучилась — надо ехать в Среднюю Азию на трахому. Там процентов до двадцати заболевали тогда глазами, слепли. По городам на улицах нищих незрячих — не протолкнуться. Потом на оспу в Поволжье, эпидемии подряд шли — целыми деревнями лежали. С холерой тоже боролась — тогда от холеры помирали тысячами.

ЮНОША. Сейчас мрут.

СТАРИК. Про это и разговор... В Белоруссии тоже была — там лихорадки болотные косили людей. А я здесь, в Москве, дома, один на

все. Со смены с завода идешь, в очередях настоишься. Пришел, мальчишек потрепал по голове одного, другого. А дров наколоть, принести, поесть приготовить, постирать. Да субботники, да воскресники. Сыновья росли сами. Потом сорок первый год, война. Смотрим с Танюшей, они уже в шинелях. Первым Павел пошел, такой красивый, высокий, как бывают молодые парни. И один за одним: «До свиданья, папа, до свиданья, мама». Но не случилось свиданья.

ЮНОША. А дальше?.. Бобылем остался?

СТАРИК. Дальше?.. Дальше в сорок четвертом на лестнице звонок. За дверью девушка в гимнастерке — взгляд суровый... Вы Павел Иванович?.. Ну, я... Мы с Павлушей вместе служили в части... Зашла и вдруг плачет. Убивается, слова сказать не может. Мне бы самому плакать, а я ее утешаю. Выплакалась: «Ладно, пойду...» — «Куда ты пойдешь, оставайся, квартира большая...» — «Я, — говорит, — замуж теперь никогда не выйду...» — «Почему не выходить, неужели, — говорю, — фашисты так над нами наиздевались, что и детей в России не будет...» И в сорок пятом тоже звонок. Парень. Этот про Колю рассказывал, младшего. Фотографии принес, ордена. Сам с Ленинграда, у него там все близкие погибли в блокаду... «Оставайся, места хватит...» — «Ладно, останусь...» Теперь замминистра. Дочку Танюшей назвал — ну, в честь нашей Тани... От среднего, Гриши, тоже приехали. Опять набралась квартира, детские голоса зазвенели. Но сынов моих нет.

ЮНОША. А жена?

СТАРИК. Таня?.. Она врачом была на фронте. В окружение попала с ранеными. И фашисты ее убили.

ЮНОША. Слушай! Вот к нам в отряд питерские влились, с Нарвской заставы. Девчонки там две. Одну Татьяной звать — с синими глазами. Я все время об ней думаю. Это что же — она и есть?

СТАРИК. Она.

ЮНОША. И мы поженимся?.. Скажи, поженимся? Она за меня пойдет?

СТАРИК. Поженитесь. Только я тебе говорю, ее фашисты убьют в сорок первом.

ЮНОША. А с кем же это опять война? В сорок первом году. Кто на нас пойдет?

СТАРИК. Фашизм.

ЮНОША. Это кто — мировая буржуазия?

СТАРИК. Она.

ЮНОША. Мы-то здесь ждем — вот-вот мировая революция грянет по всем странам... Скажи, а ты воевал в сорок первом... то есть мне воевать?

СТАРИК. Не пустили. На заводе оставили сталь варить. Металла-то сколько требовал фронт. Каждый бой — кровь и металл, кровь и металл. Любую победу сперва в цехах надо было добыть. Не думай, что в тылу сахар — техника всей Европы на нас шла. Работали, у станков падали. В литейном жара, окна плотно закрыты, чтобы светомаскировку не нарушить. Берешься заднюю стенку печи заправлять — порог высокий, лопата веская, да брикеты килограмм по десять, побольше полпуда. Точно не кинешь, по дороге все рассыплется. Перед открытой крышкой задерживаться нельзя, сожжет. Надо быстро по-

дойти, размахнуться, кинуть и тут же уйти. С такта сбился, ничего не вышло... И плавки долгие были — не то что теперь. Намотаешься у мартена, еле ноги держат — ждешь, пока металл поспеет к выпуску. Случалось, когда авария, неделями не выходили с завода. Две смены отработаешь, часа три прикорнул в красном уголке и опять... Но силы-то откуда? Паек военный, голодный, да и того не съедаешь, потому что дети...

ЮНОША. Какие дети? Твои сыны на фронте.

СТАРИК (кричит). А чужие дети?! Напротив на лестнице солдатская вдова молодая, Верочка, в конторе работает. Двое — вот такие крохи — ходят бледненькие. Как им не подкопить кирпичик хлеба, не занести хоть раз в неделю?

Звучит мощный аккорд музыки. Что такое?.. Я вижу звезды... Или мне кажется, что звезды горят сквозь стены, сквозь потолок?.. Эй вы, где, которые из будущего?

ГОЛОС. Да. Мы здесь и внимательны.

СТАРИК. Дайте нам еще минут десять, пять хотя бы... Слушай, мальчик, юноша, мне тебя предупредить надо. Жизнь, в общем-то, не очень хорошо сложилась. Можно бы больше достигнуть, сделать. Брался я за многое, а из всего мало осталось. Может быть, вечное что-нибудь надо было начинать, а я всегда только один день обслуживал. В лучшем случае месяц или год. Чего в данный момент нужно, то и делал. Но эти моменты давно прошли.

ЮНОША. Чего-то я не пойму. Скажи еще раз.

СТАРИК. Слушай внимательно. Сейчас у вас будет бой. Я его хорошо помню — в долине, между холмов. В атаку пойдете, германец прижмет огнем, положит на снег. Смирнов, командир, вскочит, и ты за ним бросишься. Так вот я тебе хочу сказать — бросайся, но не сразу. Секунду пережди, и тогда тебя пуля минует.

ЮНОША. Какая пуля?

СТАРИК. Которая меня не миновала... Ранило, слуховой нерв задело. На рабфаке потом уже не потянул, потому что лектора не слышал. Выучиться так и не смог, как другие выучились — в инженеры вышли, в профессора... Сталь варил, выше помощника горнового тоже не поднимался. В общем, большого ничего совершить не пришлось, такого, чтобы навечно... Понял меня? Сделаешь?

ЮНОША. Не знаю.

СТАРИК. Почему?

ЮНОША. Не знаю... Обещать не стану.

СТАРИК. Ну вот. Всегдашняя история — старость предупреждает, юность не слушает. Но ведь я — это ты. Теперь уж ясно, какую роль та секунда сыграла. Мне-то видно.

ЮНОША. Что же ты сам сразу бросился? Не ждал.

СТАРИК. Откуда думать было? Но тебе-то я говорю.

ЮНОША. Отец, если б ты чувствовал, как сейчас тут... Утро... И сегодня революционная армия перейдет в наступление. Мы на митинге поклялись. Это великий поход: кончается прежнее, начинается совсем другое. А ты говоришь, подождать.

СТАРИК. На одну десятую долю секунды.

ЮНОША. У нас здесь нового чувства столько. Мы об государстве думаем, об целом мире, обо всех

трудящихся и угнетенных... Или вот дружба. Мы теперь все вместе. Я за Смирнова жизнь отдам, не пожалею. Или за Васю Гриднева.

СТАРИК. Не отдашь ты за него жизнь. В двадцатом Васю зарубят махновцы-бандиты на Украине. Крикнет: «За власть Советов!» — и падет. А ты будешь в другом месте... У меня лучшие друзья уходили молодыми.

ЮНОША. Неужто в двадцатом году еще воевать?

СТАРИК. А ты думал! Так тебе господа и отдали Россию даром! Генералов на вас пойдет без счета, капитализм всей планеты поднимется. Только начинается гражданская война. Еще ой-ой насидишься в седле, натопаешься по снегам-степям. Четыре раза с Таней будете расставаться, на разные фронты попадать.

ЮНОША (вздыхает). Мы-то считаем, только вот с германцем сейчас справиться... Ну ладно, раз так.

СТАРИК. Ты слушай меня. За многое не берись, понял? Я вот даже английский принимался учить в лазарете — с парнем лежали на койках рядом, думали, пригодится мировую революцию делать. Но это было зря... На рабфак не пробуй, только время потеряешь. А Таня пусть не учится на врача, пусть другое что-нибудь... Или взять завод в Иваново-Орловском. Мы его сразу после гражданской восстанавливали. Знаешь, как выкладывались. На тачку земли навалишь — еле стронуть — да еще бегом по доскам. Не то восстановили — новый построили. Но в сорок втором сгорел тот завод, а теперь уже мало кто помнит, что был... В общем, жилы не рви на той стройке.

ЮНОША. Понятно... Значит, ты совсем один остался?

СТАРИК. Ну, есть тут — я тебе говорил. Только они не родные.

ЮНОША... Голодуешь?

СТАРИК. Кто?.. Я?

ЮНОША. Ты.

СТАРИК. Я, что ли, голодаю?.. Это спрашиваешь?

ЮНОША. Ну да.

СТАРИК. Скажешь тоже! Меня тут, куда посадить, не знают, чем угостить. Апельсины, ананасы — только бы ел. Лучших врачей приглашают насчет здоровья. Совестно даже самому... Только делать нечего, заняться — вот беда. Я же не могу эти... экологию, структурный анализ.

ЮНОША. Чего-чего?.. Что это такое?

СТАРИК. Науки.

ЮНОША. Так они что — ученые, с кем ты живешь? Как же ты попал к таким?

СТАРИК. Я же рассказывал. С фронта приходили и оставались. А потом сами выучились, дети их выучились. Да у меня и у самого пенсия — выше головы хватает. Только она мне и не нужна.

ЮНОША. Так это что — те самые, что ли, которые в войну?.. У вас как — солдаты учатся, рабочие? Не одни господа?

СТАРИК. Господа?.. Господ давно нету. Все трудятся.

ЮНОША. Все?.. А трамвая до сих пор не починили, дров не подвезли в Москву — бараки ломаете.

СТАРИК. Какие там дрова?.. Ты мне говорить не дал. Скажи, ты знаешь Москву?

ЮНОША. Ну знаю.

СТАРИК. Так вот той Москвы нету. И той России... Вообще все другое. Трамваев мало в Москве, потому что метро. Под землей бегут вагоны. Сел на мягкую скамейку,

за десять минут от Конной к трем вокзалам. Ни дров, ни керосина не надо — электричество светит, газ утепляет. Стоят огромные белые дома — десять этажей, пятнадцать, даже тридцать. И в них живут рабочие. По квартирам музыка играет — радио. Телевизоры — ящик, а в нем вроде кино, синематограф говорящий. Включил — и видишь, что в другом городе происходит, в другой стране, даже на дне моря или за облаками... Работают на заводах восемь часов, два выходных в неделю. На улице вечером тысячи огней: магазины, театры, кино, стадионы — такие места, где люди отдыхают, упражняются, чтобы стать красивей, здоровее... А улицы сами! Не развалюхи в грязи по окна, а проспекты под асфальтом, широкие площади с цветами, деревьями, воздушные дороги, по которым автомобили бегут. В дворах спортивные площадки для детворы, вишневые деревья стоят, жасмин, сирень... Вот это теперь Москва!

ЮНОША. А хлеб есть?

СТАРИК. Конечно. Никто не бедствует хлебом.

ЮНОША. И ситник?.. Неужели ситник?

СТАРИК. Белый хлеб, пшеничный?.. Сколько хочешь. По всей России голодных ни одного человека. Дети так и конфет не хотят. Про нищих молодые не знают, кто они такие были. Болезни старые выведены. Ни трахомы, ни холеры, ни оспы — рябого нигде не встретишь, только если из пожилых... В деревнях машины пашут, сеют, убирают. Наша молодежь самая ловкая в мире, самая быстрая, смелая... Что говорить! Лица совсем другие у людей. — тебе бы не узнать — спокойные, уверенные. Девушки все до одной красавицы.

ЮНОША. Это как сказка... Не обманываешь?

СТАРИК. Да что ты!.. Вот оно все вокруг меня. В окно выгляну — белые дома. Внизу на катке мальчишки в хоккей играют. Маленькая девочка с собакой возится, а сама так одета, как ты и не видал никогда.

ЮНОША. А грамотные? Все? И девушки тоже?.. Неужели бабы книжку читают?

СТАРИК. И слова нет «бабы». Десять лет все учатся — обязательно, по всему государству. Кто хочет — еще пять в институте. Если бы тебе школы показать, светлые, чистые... Другим странам помогаем наукой, техникой... Понимаешь, и мировая революция идет, уже почти пол земного шара рабочая власть. Вообще, оно все сбылось, о чем мечтали, а теперь у молодых новые задачи, новые мечты. Хотят, чтобы вся природа была вокруг чистая, здоровая, болезни все искоренить, какие остались, стремятся на другие планеты достигнуть. За мир борются, чтобы никогда-никогда не было войн.

ЮНОША. И я все это увижу — улицы с огнями, театры, тот ящик, где морское дно, заморские страны?.. Скажи, кто же это сделал все?

СТАРИК. Кто сделал?.. Да мы... ты и будешь делать вместе со всеми.

ЮНОША. А болезни — что, их теперь нету? Это Таня?

СТАРИК. И Таня тоже.

ЮНОША. Слушай, мне уже пора... Скажи скорее, как вы добивались, чтобы это все вышло?

СТАРИК. Работали, себя не жалели.

ЮНОША. И ты не жалел?

СТАРИК. А что же, сидел, что ли? У нас после войны в литейном свод два раза обрушивался в металл. Печи изношенные, а все хочется еще одну последнюю плавку снять. На бригаду план дают, а мы встречный.

ЮНОША. Что же ты мне говоришь тогда?..

Шорох, шаги...

Отец, кончилась артиллерийская подготовка. Пошел на нас германец.

Издалека доносится высокий звук трубы.

Слышишь? Это Вася Гриднев выводит своих на позицию. Конница наша. Сейчас поскачут в атаку.

Возникает и проносится конский топот.

Эх, как идут! Как идут!.. Вот они вымахнули на гребень... Отец, я побегу. Как бы не опоздать к бою.

Вдалеке бьет одинокий выстрел.

Наша артиллерия. Пушки, что ребята привезли.

Вступает музыка и с ней мощный, все покрывающий залп.

Что это? (Тревожно.) Что это, отец? Мы никогда не слышали, чтобы так.

СТАРИК. И здесь за окнами небо все осветилось.

ЮНОША (тревожно). Нет, это здесь бьют пушки! Но у нас же нет такой силы... Что это?

СТАРИК. Стой, подожди! Что за день у вас там сегодня?

ЮНОША. День?.. Не знаю. Мы тут сбились со счета... Разговенье... или первая седьмица поста... Февраль кончается.

СТАРИК. Февраль восемнадцатого года. На петроградском фронте под Нарвой?

ЮНОША. Ну?

СТАРИК. А число?.. Слушай, я, кажется, понял, почему цветы — цветы мне внучка принесла... Какое число у вас — не двадцать третье?

ЮНОША. Вроде оно.

Один за другим с промежутками следуют залпы.

СТАРИК (с подъемом). Это ваши орудия!

ЮНОША. Нет. У нас только две пушки.

СТАРИК. Это ваши орудия! Вы переходите в наступление, и выстрелы ваших пушек отдаются и гремят через века. Это история, мальчик, День Красной Армии, День Советской Армии. Салют.

ЮНОША. Но такая огромная сила?.. У нас не может быть. Только две трехдюймовки с Путиловского.

СТАРИК. Мальчик, юноша, забудь, что я тебе говорил. Живи на полный размах. Сейчас в атаке поднимайся сразу, не думай. Тебя ранят, и к тебе подойдет девушка с синими глазами. Ты не отпускай, не расставайся, и у вас будет много счастья... Пусть обязательно дети. Как это прекрасно, когда они рождаются и когда вырастают. Заходишь в комнату, а на столе у мальчишек железки, камни, которые они нанесли... Позже дневник пишут, первые свои, неумелые стихи... Что это сердце так сжалось...

ЮНОША. Ну говори, говори!

СТАРИК. В Орловском будете завод восстанавливать, на чужое плечо не надейся, свое подставляй. Учи английский — мировая революция придет. На рабфак все равно поступай. То, что ты в старости не поймешь структурный анализ, неважно — это ведь твой труд в том, что молодые теперь могут заниматься наукой. Ты будешь рабочий

класс. Старайся, выкладывайся, где бы ни был, и тогда ты совершишь свой подвиг. Тогда все-все будет твое: первый трактор в деревне, который потянет плуг, а косматые мужики зачешут в затылке, закусят губу — слезы на глазах. Твои каналы в пустыне, новые города и заводы в тайге, университеты в республиках. Твой будет красный флаг победы в сорок пятом году и твой корабль, который от Земли поднимется в космос... Да, погибнут твои сыновья — тяжкое, непереносимое горе. Но тебе родными станут другие, твоими станут внуки, правнуки и поведут тебя от одной любви ко второй любви...

ЮНОША. Я иду, отец! Мне пора. Прощай! (Издали.) А что такое космос?

СТАРИК. Ты еще узнаешь.

Вступает отдаленное многоголосое «урр-ра!» и растворяется в звуках музыки. Залпы салюта становятся чуть глуше.

ГОЛОС (негромко). Павел Иванович...

СТАРИК. Да. Кто это говорит?

ГОЛОС. Будущее. Мы хотим сообщить вам, что через тысячу лет по всем галактикам, по всем обитаемым мирам пройдет год вашего имени. Уже начата подготовка, и этот сегодняшний разговор бесценен для нас.

СТАРИК. Как сердце схватило, и бледнеет в глазах... Где же телефонная трубка?.. Подождите там, в будущем. Я не понял. Год моего имени? Но почему?.. У меня жизнь простая, незаметная. Как у всех.

ГОЛОС. Нет незаметных жизней. Каждый человек ценен — с ним приходит, от него начинается нечто. Вы ведь не знаете, какие огромные последствия в будущем может дать тот или иной поступок, даже маленький на первый взгляд. Одной человеческой жизни мало, чтобы увидеть эти следствия, которые растут от поколения к поколению и образуют новые следствия. Ничто не исчезает без следа.

Слышен длинный звонок.

СТАРИК. Телефон!.. Нет, телефон выключен... Как вы сказали — ничего не пропадает?

ГОЛОС. Ни тихое слово, ни скромное дело. Сначала они роднички, но потом уже реки, которыми полнится океан грядущего. Поэтому мы все — от вас, и все, что сделано, пережито вами, пришло сюда, влилось и пойдет с нами еще дальше. Пойдет от всех. Знаменитые и обыкновенные равны перед лицом вечности, следствия небольшого мужественного дела, развиваясь в веках, могут затмить важнейшие решения королей. Когда в вашей современности утром в вагонах теснятся пассажиры метро, когда ждут светофора нетерпеливые толпы, каждый значим. Через каждого проходит нить от прошлого вперед, и будущее зависит от того, какие узелки, какие драгоценности, какие зерна на этой пряже. Любой человек ценен для истории, по-своему делает ее. В этом смысле все люди — великие люди — от любого начинается завтра, каждый ткет материю будущего. Здесь, среди звезд, в просторах Вселенной, мы торжественно отмечаем год каждого человека на Земле, который был, жил, трудился и выполнял свой долг. Нет ада и рая, но в том, что он сделал, как прошел свой путь, человек живет вечно.

Снова длинный звонок.

СТАРИК. Подождите!.. Значит, и жена моя Таня. И старший сын

Павел, и младшие мальчики? И Вася Гриднев, и наш горновой Дмитриевич, и другие из бригады?.. Как же так? Если праздновать почти всех, откуда возьмется время? Откуда годы, столько годов?

ГОЛОС. Но у нас, у человечества, впереди вечность... Павел Иванович, сеанс кончается, мы выключаем аппараты. Прощайте, мы глубоко благодарны вам. Прощайте. Длинный звонок, стук. Скрип двери. Шаги...

ДЕВУШКА. Ты что не открываешь, дедушка?.. Я уже испугалась. Как сердце у тебя сегодня?

СТАРИК. Кто это — Таня?

ДЕВУШКА. Сейчас придут мама, отец, Игорь. От Николая была телеграмма, самолет уже на Внуковском, и тогда они приедут всей семьей. Василий звонил, они уже вышли теперь. Веру Михайловну я сейчас встретила на лестнице, она готовится. Будет много-много народу... Сегодня же праздник, ты не забыл?.. Слушай, какой у тебя беспорядок!

СТАРИК. Николай?.. Младший сын?

ДЕВУШКА. Какой ты странный сейчас, дед... У нас сегодня в институте такая бурная кафедра, я несколько раз выбегала тебе звонить, но все было занято... Слушай, что это — почему-то оторвана трубка... Дедушка, как сердце, ты мне не ответил? Не было приступа?.. Вдруг ты вынул откуда-то старое-старое пальто. Я даже не знала, что оно сохранилось... Ну-ка дай попробовать руки... Нет, ничего, теплые.

СТАРИК. Таня, жена моя!

ДЕВУШКА. Да нет же, дедушка. Это я, Таня, внучка.

СТАРИК. Что такое — звезды! Разноцветные звезды рассыпаются в небе.

ДЕВУШКА. Это салют... Видишь, сколько я вынула из почтового ящика. Целая гора, он был весь набит — почтальон даже положила газеты сверху, на окне... Какое у тебя лицо, дедушка, сегодня. Совсем-совсем молодое.

СТАРИК. Кажется, отпустило сердце... Да, отпустило совсем. Но такое впечатление, будто я поднимаюсь все выше, выше, выше... Слушай, вот эти звезды... Таня, покажи мне... покажи мне, где Млечный Путь.

МИХАИЛ ПУХОВ

Костры строителей

— Не успеем, — сказал Егоров.

— Вы все-таки пристегнитесь, — сказал Бутов. — Скорость большая, мало ли что. Потом — темнеет.

Егоров послушно затянул ремень безопасности. Солнце уже зашло, и, хотя небо на западе еще играло красным, впереди сгущалась ночь. Глайдер мчался над зеленой стрелой шоссе, пронизывающей тайгу. Деревья подходили к самой дороге, но сейчас сливались в высокие стены, лес потерял глубину, и осталось только шоссе — бесконечный коридор с искаженной из-за скорости перспективой.

— А насчет остального не беспокойтесь, — продолжал Бутов. — Будем вовремя, я гарантирую. Мне сегодня еще домой нужно попасть.

Бутов полулежал в водительском кресле, повернув загорелое лицо к Егорову. На дорогу он не смотрел — машина сама их везла. На вид Бутов был настоящий сибиряк, и познакомились они всего два часа назад — Егоров расспрашивал всех на автовокзале, как побыстрее добраться до Станции, никто не мог посоветовать ничего путного, но тут появился Бутов, потащил его к стоянке, втолкнул в глайдер, запер снаружи и удалился, сказав: «Ждите. Я скоро».

И ушел. И не появлялся целый час, и это стоило Егорову много нервов, потому что времени оставалось в обрез, и Егоров по инерции нервничал до сих пор.

— А хоть бы и не успели, — продолжал Бутов. — Подумаешь, пуск новой электростанции. Каждый день появляются новые объекты.

— Это не какой-нибудь объект, — объяснил Егоров. — Это Станция, Станция с большой буквы. Это Станция, которая будет давать энер-

гии больше, чем остальные электроцентрали мира, вместе взятые.

— Каждый день тоже не какие-нибудь пускают, — возразил Бутов. — Каждый раз что-то новое, что-нибудь «самое». Зачем куда-то спешить? События сами происходят вокруг.

Егоров усмехнулся. Спокойствие Бутова постепенно передавалось ему, и он уже верил, что они успеют вовремя, хотя до пуска оставалось менее получаса, а впереди лежала еще сотня километров с хвостиком. Но мысленно он был уже на месте. Он знал — что-то произойдет, и хотел при этом присутствовать, и теперь уже верил, что это ему удастся.

— Потом, что вы хотите увидеть? — продолжал Бутов. — Обычная банальная церемония. Станция заработает — толпа закричит «ура!». Когда «Томь» выигрывает у «Спартака», ликования куда больше.

— Для физика Станция — это уникальный объект с очень высокой пространственно-временной концентрацией энергии, — объяснил Егоров. — Особенно в самом начале, сразу же после пуска, еще до выхода на режим. Здесь может наблюдаться ряд побочных эффектов — новых, совершенно неизученных.

— Почему неизученных?..

— Физики не занимались Станцией, — объяснил Егоров. — Ее строили инженеры, и никто не знает, что произойдет, когда эта энергия начнет выделяться в фиксированной точке пространства.

— Взорвется, что ли? — усмехнулся Бутов.

— Нет, пуск Станции безопасен. Этим как раз занимались, и это доказано. Но освобождение такой колоссальной энергии исказит геометрию Мира. Может быть, это будет длиться мгновение, но так будет.

— Фантазия какая-то. Вы где про это читали?

— Я это считал. Вчера вечером, на клочке бумаги. И сегодня утром, на ЭВМ. Результат, по-моему, любопытен. Как я и думал, пока Станция выходит на режим, возможны ограниченные, строго локализованные нарушения причинно-следственных связей. Как это будет выглядеть, я не знаю. Но это будет.

— А я фантазий не уважаю, — заявил Бутов. — Все помешаны на фантазиях. А что в них такого?..

— Говорят, фантазия будит мысль.

— По-моему, она ее усыпляет, — сказал Бутов. — Если вам надо проснуться, сделайте глубокий вдох. Вберите в легкие лучший воздух Земли и посмотрите вокруг. Вы увидите только лес, тайгу на тысячи километров. И вы можете блуждать по этим лесам целый год, питаться грибами и ягодами, которых здесь уйма, и не догадываться, сколько тонн руды перерабатывается ежесекундно у вас под ногами.

— Да, это хорошо придумано, — согласился Егоров. — Двухэтажный мир. Промышленность в подземелье— остальное снаружи. Мы получаем необходимое сырье, и природа остается нетронутой. Когда-то делали по-другому.

— Когда-то автомагистрали строили из асфальта, — сказал Бутов.

Егоров ничего не сказал, глядя вперед, на дорогу. Наступили сумерки, и травяное покрытие наполовину потеряло свой неповторимый изумрудный оттенок. Гордость сибирских селекционеров — вечное покрытие, мечта дорогостроителей. Когда ее создавали, эта трава пред-

назначалась для футбольных полей. Но оказалась незаменимым дорожным материалом, не имеющим достойных соперников. Конечно, когда над шоссе проносится глайдер на воздушной подушке, все равно — трава или бетон, и то и другое не пострадает. Но если проходит тяжелый трактор или, допустим, танк— плохо придется бетону. А трава примнется и встанет снова, и ничего с ней не случится.

— Просто счастье, что освоение Сибири чуть-чуть запоздало, — сказал Бутов. — Прежде наступление на новые территории проводилось стихийно, без оглядки на будущее. Результаты вы знаете. А здесь все идет по правилам, по науке, и иначе нельзя. Современная техника — она любую природу в состоянии искалечить.

Егоров молчал, глядя вперед. Прямой участок шоссе закончился, дорога плавно вильнула вправо и по широкой дуге вылетела на берег реки. Плотный многотонный поток с трудом угадывался под невысоким обрывом, было уже темно, и только кое-где на черной воде лежали двойные огоньки бакенов.

— Выходит, вы у нас отдыхаете, — сказал вдруг Бутов. Не спросил — сказал утвердительно. Егоров усмехнулся.

— В командировке.

— А то у нас многие отдыхают,— продолжал Бутов. — Почти из всех стран мира. И нельзя сказать, чтобы я этого не понимал.

Дорога взлетела вверх, темная лента реки осталась далеко позади, и шоссе вновь превратилось в прямой коридор с отвесными стенами на фоне почти черного неба. Бутов включил дальний свет, по шоссе заметались тени, и вне двух световых цилиндров стало совсем темно.

— Что вы собираетесь делать после пуска? — спросил Бутов.

— Еще не знаю.

— Хотите — заглянем ко мне. У меня много всякого интересного. Все время иностранцев возят, в порядке обмена опытом. Только никакого опыта они не перенимают, восхищаются и грустно вздыхают. У нас, говорят, так уже не получится. Слишком поздно спохватились, говорят.

— А это далеко? Впрочем, вам незнаком этот термин. Для вас тысяча километров — по соседству.

— Нет, действительно близко. Недавно поворот был. 150 километров, полчаса ходу. Собственно, все эти леса мои.

— Наверное, здесь и родились? Вы, сибиряки, оседлый народ. Живете на одном месте. Или это наше предвзятое, неверное представление?..

— Не знаю, — сказал Бутов. — Мне до настоящего сибиряка далеко. Приезжий я, пришелец. Москвич, если вам интересно. Окончил лесной институт, направили сюда по распределению. Жена была недовольна. Глушь, говорит. Три года, говорит, жить в этой глуши. И было это 15 лет назад.

В кабине было еще темнее, чем снаружи, темноту подчеркивали зеленые огоньки на приборной панели, и лица Бутова Егоров не видел. А впереди он видел только прямоугольный вырез звездного неба в отвесных стенах тайги и вдруг понял, что небо подсвечено снизу, будто за горизонтом прячется большой город, к которому они приближаются.

— Посудите сами, какая же здесь глушь? — продолжал Бутов. — Глушь — значит глухое место, ту-

пик, и деться некуда. А если здесь глушь, где же тогда простор?..

Егоров не ответил. Сначала ему показалось, что в голосе Бутова мелькнуло сожаление, но потом это ощущение исчезло. Бутов говорил искренне, и иначе быть не могло.

— И еще дети, — сказал Бутов. — Детишкам здесь больно уж хорошо. Поймите меня правильно. Я никого не осуждаю. Центр есть Центр, и природу там сейчас охраняют. Охраняют и лечат, если можно так выразиться. Но во многих местах лечить-то нечего. Ведь лес — он как лошадь или собака, хорошее обращение любит. А если с кнутом — остается выжженная земля, прикрытая слоем мусора. Культурный слой, как говорят археологи.

С лесом вообще непонятно. В Сибири за год добывают сейчас больше древесины, чем во всем мире за всю предшествующую эпоху. Теоретически я представляю, каким образом все эти запасы восстанавливаются, но... В конце концов, это знали и раньше.

Он надолго замолчал. Егоров тоже молчал, глядя вперед, на слабое зарево в узком проеме дороги. Свечение не усиливалось — скорее наоборот, потому что глайдер вместе с дорогой поднимался сейчас по склону плоского холма, и невидимый источник свечения из-за этого опускался глубже за горизонт. Но через несколько минут глайдер вынес пассажиров на вершину холма, дорога отсюда полого стремилась вниз, и если бы был день, перед ними открылась бы вся панорама мира. Но равнина пряталась в темноте, и только громадное здание парило на горизонте, квадратное, белое, озаренное светом прожекторов. Здание, которым кончалась дорога.

Станция.

Дорога стремительно неслась вниз. Здание Станции стояло над горизонтом, выхваченное светом из темноты. Оно плавало над невидимым лесом — белое, как теплоход, громадное, как пирамида, хотя его главные этажи, как подводные части айсберга, уходили далеко в землю. Станция была уже совсем близко, не выдвигалась из-за горизонта, а увеличивалась только за счет приближения. Как стремительный призрак, глайдер мчался вниз над стрелой шоссе, распарывая тьму ножами прожекторов. Стены леса уносились назад, потом впереди под прожекторами сверкнул рыжий комочек, дорога куда-то исчезла, ремни перерезали грудь, а сбоку уже вновь надвигалось шоссе — медленно, страшно. Удар — скрежет металла — мрак.

— Жив? — сказал кто-то.

Егоров открыл глаза. Он лежал на мягкой траве на обочине, по лицу разгуливал ветер, неярко светили звезды. Бутов стоял перед ним на коленях, уже улыбаясь.

— Обошлось, слава богу.

Да, обошлось. Ныло плечо, мысли метались. Рядом на дороге угадывалась темная груда глайдера. Он лежал днищем вверх, распахнув пасть кабины. В кронах невидимых деревьев шелестел ветер.

— Лисица, — сказал Бутов. — Заграждение. Не помогло. Не знаю почему. Выскочила на дорогу, машина пошла в прыжок, но...

Бутов махнул рукой. Егоров помнил. Мрак — скрежет металла — удар. Опрокинутое шоссе, рыжее пятно под ножами прожекторов. Но что-то было и раньше.

Он приподнял голову и посмотрел вниз вдоль шоссе. Белый освещен-

ный квадрат отгораживал половину неба. Раньше, из кабины глайдера, Станция казалась ближе. Там, где дорога упиралась в ее основание, все, как на вышивке, было усеяно разноцветными точками. Люди.

— Потеряла устойчивость, — сказал Бутов. — Скорость, вы понимаете?

Егоров смотрел вдоль дороги.

Что-то произошло. Кажется, свечение вокруг Станции неуловимо изменилось. Нет, там все осталось как было. Что-то произошло, но не там.

Егоров по-прежнему лежал на земле, но одновременно ощущал, как сильный восходящий поток как бы приподнимает его в воздух и уносит высоко вверх — вверх в пространстве и времени, вверх над эпохами и просторами, над людьми, событиями и судьбами — вверх, помогая окинуть взглядом мир, над которым он поднимался. Он поднимался все выше, и все менялось, становясь неоднозначным, туманным, таинственным, и многоликая жизнь текла в каждой клеточке пространства, раскинувшегося вокруг на тысячи километров.

В лесах горели костры. И лес изменился, стал совершенно другим. Вернее, он оставался прежним, но одновременно он был первобытным дремучим лесом, древней тайгой, по которой бродили саблезубые тигры и мамонты трубным гласом сотрясали предутренний воздух. И там горели костры.

И у костров сидели люди. Одетые в тяжелые шкуры, с каменными топорами на коленях. Красные блики костров лежали на их волосатых лицах, обращенных туда, где высоко над землей поднималось белое здание Станции. В их глазах не было тревоги. Они улыбались.

А немного поодаль по вольной бурливой воде плыли на север казацкие струги, под белыми парусами в манящую неизвестность. Казаки гребли, пели песни и одобрительно усмехались, глядя туда, где в ночи вдруг вспыхнуло невиданное доселе сияние.

И уже совсем в другом месте геологи XX века, усталые, но довольные после удачной разведки, ели ложками кашу и смотрели на странный свет, разлитый над горизонтом.

А по чистому небу полуночи проносились диковинные летательные аппараты, и прекрасные дети грядущего невесомыми мотыльками стремились к призрачному сиянию, исходившему от работающей Станции.

И так было всюду, на всей территории необъятного края. Станция заработала, и концентрированный поток энергии изменил свойства пространства, сломал время, соединил будущее и прошлое. И люди этой земли — нефтяники и лесорубы, сплавщики и золотоискатели, водители поездов и автомобилей, землепроходцы, охотники, звероводы, строители, красноармейцы и пограничники, ученые и колхозники — со всех сторон и из всех эпох одобрительно смотрели на дело рук своих потомков, предков и современников.

А потом все померкло, растаяло, растворилось, Егоров снова лежал на земле, рядом стоял на коленях Бутов, их окружали ночь и тайга, а издалека неслся многоголосый ликующий крик.

Егоров лежал под прохладным куполом неба и улыбался, вдыхая лучший воздух Земли.

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Река мне сказала...

Вот и река. С матово-зеленого закатного неба в ее темное зеркало уже упала первая звезда. Я сразу узнаю заводь, где мы купались в июне, где сейчас пахнет мятой, а тростник дремлет от безветрия. В нескольких сотнях метров от воды — минные поля, блиндажи, пулеметы, окопы. И на чужом, и на нашем берегу. Фронт недвижим; он застыл. Граница проходит здесь, по Ловати — и не первый уж месяц. Пока я был в госпитале, ничто не изменилось. За моей спиной, в реденьком полупрозрачном леске скорее угадывается, чем слышится негромкая песня. Там мои товарищи. Только Наденьки нет: она теперь в отдельном стрелковом батальоне, который держит оборону километрах в двадцати к северу от нас.

С ней успел я узнать, как тепло воздуха в часы звезд пряталось в древесные стволы. И почему ни зорями чистыми, ни светлыми яркими днями не куковала кукушка (в июне она «ячменным колоском подавилась»), и что говорили сердцу простые цветы — ландыши, васильки, цветы ржи. Дважды опускались и сходили росы над желто-синими берегами Ловати-реки, дважды гладь ее расплескалась под нашими ладонями голубыми брызгами звезд. Дважды на плечи к нам слетало золотистое утро. Не было третьего утра, третьей ночи, видно, много уж и так дано было тишины и покоя под дулами немецких пулеметов.

Далекий июнь. Две ночи. Память не сольет их воедино.

...Я вхожу в воду бесшумно и быстро. Наденька уже в реке: темное крыло волос прикрыло ее плечи, зыбкая волна блеснула под щекой. Мы ныряем с открытыми глазами — и звезды дрожат, как над костром; пряди их лучей не так-то просто со-

брать в прямолинейные пучки. Нет в помине кузнечиков, кликавших свет в легкой мерцающей полутьме надводного мира. На дне звенит песок (интересно, слышно ли в воде стрельбу?).

Ласков, упруг серебряный ток чистых струй от наших рук. Кто вынырнет последним? Лунно-белая струя сбегает с моих плеч. Наденьке я проигрываю целую минуту. Не так уж много, казалось бы, но если учесть, что среди моих сверстников во всем Осташкове не было равных мне в этом виде состязаний...

Впрочем, Наденька девушка необычная. Она снайпер, окончила специальную школу. Но дело даже не в этом, потому что во вторую ночь...

— ...смотри на берег! Видишь? Может быть, ты думаешь, что это от ветра?

Ничего особенного я не замечаю. Берег как берег. Ветра нет совсем.

— Смотри внимательно. Еще раз. — Наденька поправляет волосы быстрыми неуловимыми движениями. Ее руки всплеснулись над глянцем воды, волосы сбросили капли, улеглись за спиной.

— Да ты за берегом наблюдай, за тростником! — говорит Наденька.

И тогда я наконец вижу: тростник качается, шелестит. Воздух неподвижен; трава повторяет движение ее рук, волос.

— Еще? — спрашивает она.

Я киваю.

Только что тростник был недвижен, но стоило ей прикоснуться к волосам — по воде разбежались блики из-под проснувшихся полутеней. Она опускает руки — медленно, устало... Тростник успокаивается, шелест тает.

— Как же это у тебя получается?

Наденька в ответ улыбается. А может быть, просто внимательно смотрит на меня. У нее очень большие темные глаза, но где-то в их глубине живет и живет улыбка, прозрачная веселость.

— Это шутка, — говорит она. — Хочешь что-нибудь посерьезнее?.. Я разбужу сейчас птицу.

Дрогнули ее губы, чуть-чуть, почти незаметно, точно слово должно было слететь с них, да так и не слетело, застыло, невысказанное, волшебное. Сошлись брови, глаза стали продолговатыми, внимательными, но и в них светилось то же желание, что не успело с губ слететь, обернувшись словом. Миг один, звезда дрогнуть не успела, а из-под двух сонных берез вырвалась птица, пулей пронзив ракитник в низком шальном полете.

— Вот и птица, — говорит Наденька, — только не спрашивай, как это у меня получается. Словами разве передашь?.. О живом нужно уметь думать не так, как обо всем остальном, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

Хотя я и читал про биологическую радиосвязь (и сам был до войны студентом третьего курса физфака и знал, что любой мускул излучает радиоволны), я действительно ничего не понимаю.

— И я тоже, — сознается она, — уметь легче, чем знать и объяснять. Бывают минуты, когда кажется, что все можешь.

...Открылось утро, точно невидимая птица приподняла темно-голубые крылья. Ушли звезды — с каплями светлой воды сквозь пальцы. Вставал ясный зеленый день. Очередь с чужого берега хлестнула по воде, прошила тростник. Пуля прошла сквозь мое плечо.

* * *

Два месяца в госпитале, в бывшем монастыре — это как сон. Наши палаты-кельи были уютны и постылы; в последние дни можно и нужно было бы убежать. И как медленно текло время! А под Курском и Орлом уж гремели залпы, которым не разбудить было вечной, казалось, тишины у нас. Особенно вечерами, когда в белом северном небе застывали перья облаков, приходили долгие часы размышлений, уносимых потом в сны-мечты. (Над Ловатью вечерами опускалась совсем другая тишина — вольная, тревожная.)

Впрочем, до глубокой ночи очень часто нас удерживала карта Курско-Орловского направления, которую капитан Дроздов нарисовал сам — в таком масштабе, что она занимала весь бильярдный стол. Капитан стоял у карты на костылях, показывал, где прочертить стрелки, где обвести кружочками населенные пункты, отбитые у немцев. Увидеть бы эту землю; ожегши щеки, опалив брови, увидеть хоть бы пламя над ней, идти бы по бесконечным полям, лишь бы за спиной побольше оставалось этой земли...

— По-иному воюем теперь, — сказал как-то Дроздов. — Раньше, бывало, думали: откуда сила такая у немца, кто его остановит и когда? А начали вот с открытыми глазами действовать. Правильно я говорю?

С вопросом он обратился ко мне, но именно в эту-то минуту я задумался о другом.

Ловать-река, синие берега...

Днем позже я рассказал Дроздову о Наденьке, не назвав ее по имени. Память моя была золотым мостом в странные далекие ночи. Тростник, теплый песок, серебряная от светлого неба и звездной пыли вода в заводи; птица — та, Наденькина птица... Дроздов, выслушав меня, сказал, что все это вздор.

Стал ли я думать о Наденьке реже? Нет, наверное. Человек бывает разным. Так уж получилось, что в долгие дни — в сушь, а чаще в дожди, когда в лугах за монастырем нестерпимо синели цветы, а своды церквушки медленно летели под казавшимися неподвижными облаками, — я становился другим. Воспоминания сделались частью меня самого, они то высвечивались вдруг в моей голове с несказанной ясностью, то гасли на время, точно засыпая.

...Мокрые свежие колокольчики мы дарили Женечке Спасской, которая ухаживала за нами в госпитале. Сероглазая и стройная, она была такой красивой, что влюбляться в нее не имело смысла. Но осталось видение женских глаз, их доброта и строгость, реже — лукавство, но главное — доброта, которую потом учишься замечать в других глазах, в другие годы. А перед ней, и робея и восхищаясь, и часто и назойливо, возникали две совсем неважнецкие фигуры в больничных халатах — инвалид на костылях и двадцатилетний мальчик с ненужно большой охапкой мокрых синих цветов...

Однажды, когда мы играли с Дроздовым в шахматы, я спросил его:

— Глеб Валентинович, вы когда-нибудь видели тростник? Только при очень легком ветре?

— Кажется, да. А что?

— Вопрос простой: почему качаются стебли? Не гнутся, заметьте, не приклоняются к воде, а качаются. Даже при слабом, постоянном ветре.

— Ну и почему же?

— Не знаю. Но, кажется, они похожи на маятник. Только ведь вот подвесьте обычный маятник у открытой форточки, и не будет ничего такого...

— Маятники разные есть. Маятник Фроуда раскачивается даже без толчков, нужно только повесить груз на вращающуюся ось. Это совсем обычный маятник, груз — блюдце, только наверху кольцо, и продето оно в стержень, а тот крутится. И с постоянной скоростью притом... Что, к своим захотелось? На Ловать-реку, а?

Он еще спрашивал! Только вот слово «свои» звучало как-то еще не совсем привычно. Свои... Да нет. Так, пожалуй. Все свои, даже те, кого я недолюбливал.

...Кто-то рассказывал мне о записке, приколотой булавкой к стволику березы у околицы. На неизвестной мне, но своей дороге, у неизвестного, но своего села девичья, своя рука оставила листок из ученической тетрадки: «Дорогие бойцы! Нас гонят в рабство. Спасите». Тогда, в госпитале, я еще не знал, что все бойцы моей части, и Женя Спасская, и раненые в госпитале, и военный инженер капитан Дроздов так и останутся навсегда своими, близкими людьми, о ком помнить буду всегда. Всегда, хотя раньше слова «свои» и «близкие» я понимал немного иначе.

В одну из последних моих ночей в госпитале пришел долгий необычный сон. От знакомой лесопилки за дощатым забором ветер нес, казалось, запах смолы, тепло пиленого дерева. По дороге, по которой в детстве мы бегали за малиной на опушку леса — на «малиновую поляну», шли отец и два моих брата. Шли мать, дядя Сергей и другой дядя, Михаил, потом мои одноклассники — Алексин, Климов и другие — все, кого можно увидеть вместе лишь во сне. У многих лица были белые — у тех, кто был мертв.

Старший брат Юрий и дядя Сергей шли вместе и молчали, они очень похожи, оба рослые и светловолосые, и лица у них белые-белые. Их убили под Ленинградом. За ними шел Саша Алексин, пропавший без вести. Потом мой младший брат Василий, и у него было белое лицо. Он совсем недавно на фронт ушел. Уж мать наша по нему, по милому ее сердцу Васеньке, сколько-сколько слез пролила! Прошел Климов, живой и здоровый, молчаливый...

И вот я увидел Наденьку. Как темны ее волосы, как легка на ней солдатская шинель! Я всматриваюсь в ее лицо. Глаза у нее большие, совсем не грустные, темные, а прозрачные, как всегда. Голос ее негромок, как будто себе самой говорит:

— Залетку моего жду. Весточки все нет и нет... Не уберегла его. Мало мы были с ним. Захочет ли разыскать меня после госпиталя, вспомнит ли?.. Увидеть ли мне Андрюшеньку? Догадается ли, что жду его, что нет радости желанней, чем свидеться с ним?

У нее бледное лицо. Я смотрю и смотрю на него, чтобы получше рассмотреть. Но тут что-то мешает мне. Я просыпаюсь. Палата. Утренний свет. Окно. Черный шумливый грузовичок, качнув бортами, резко выбежал за ворота, поднялся на пригорок и, застыв на мгновение и выпустив сизоватое облачко, превратился в тающую тень. Я окончательно просыпаюсь. Летучая пыль, рожденная тремя жаркими днями, обозначила в воздухе след машины, а он вызвал мысль о возвращении в

часть. Вскоре меня выписали из госпиталя.

* * *

Двадцать километров... Я пройду их за четыре часа, и могу даже быстрее, много быстрее. А найду ли Наденьку?

Все живое и на нашем и на чужом берегу затаилось, и уже спят желтоспинные окуни, которые и сейчас, в августе, тоже помнят, наверное, июньские ночи. Очень приблизительно, совсем нетвердо (мне и неловко было расспрашивать) могу указать я направление, в котором ушел отдельный стрелковый батальон. В ту сторону текла река, словно указывая верную дорогу. Тростник говорил о скорой осени; днем я слышал, как прозвенел первый желтый лист. Вода же была тепла. Я бы искупался, как прежде, только одному купаться... я подбираю слова: невесело? боязно?..

Не купаться бы мне ночью в Ловати и раньше, если б однажды сама она не подошла ко мне и не сказала:

— Искупаться бы в реке, да днем нельзя, а ночью боюсь одна, может, присмотрите за мной?

И мы скрылись. Не хрустнула ветка, не качнула светлым свечным языком ночная фиалка. Возникла и пролетела ласковой птицей первая ночь. Как же давно это было!

...Наш комбат был строг и справедлив. Если б не он, очень могло статься, что Наденьке проходу бы не давали, такая она была ладная девушка. Комбат сказал:

— Прекратить. Она нам должна товарищем стать, бойцом. Если надо будет, товарищ Наденька сама разберется, кто чего стоит.

Но никогда, ни в первую, ни во вторую ночь, не говорилось нами слов, подобных тем, которые слышались мне в госпитале, во сне.

А что, если сейчас пойти берегом, не приведет ли сама река меня к ней, думал я. Трудно, конечно, рассчитывать на это — один шанс из тысячи, что я сразу, сейчас смогу ее разыскать. И все-таки... Странная мысль не покидала меня. Я даже не заметил, как ладонь моя коснулась мокрого песка: я сидел на корточках у самого берега, и мне хотелось почему-то дотянуться до тростника. Меня отделяла от него полоса темной воды шагов в пять шириной.

И тогда я увидел вдруг: тростник качался; шорох был почти неслышен, иначе я обратил бы на это внимание раньше. Высокие тонкие копья как-то дружно гнулись и выпрямлялись, сквозь их колеблющийся строй иногда высвечивались светлые пылинки звезд, упавших в воду. С необыкновенным вниманием пытался я уловить хотя бы малейшее движение воздуха. Иногда мне казалось, что веет легкий ветерок. Минутой позже я убедился, что вокруг спокойно и тихо — так, как только может быть в ясную ночь самого спокойного месяца года — августа. И потом, когда я пришел сегодня к реке, тростник был недвижен. Я же отлично помнил: час назад было так же вот тихо, пахло мятой...

Я раздумывал. Совсем недолго. Потом встал и пошел берегом. Я шагал все быстрее и быстрее, пока наконец не побежал. И мне казалось, вот там, за поворотом берега, за выступом ракитника, увижу ее. Ведь я знал — знал, что она была где-то у реки, может быть, так же, как и я, сидела у берега... Потому и шелестел тростник.

Она поправляла волосы! Как раньше. Может быть, она даже догадывалась, что я уже вернулся. Шумела таволга, била по плечам, а я не улавливал ее запаха. Мое время — до утра, как и тогда, в июне. Лишь чей-то вскрик «стой!», оставшийся за спиной, лишь брызги из-под травы, устлавшей прибрежное болотце, лишь быстрые звуки сломанных веток. Я уверился в неожиданной, нелепой мысли. И я — подумать только! — боялся, что Наденька могла уйти. Сухой сук оставил на моей щеке глубокую кровоточащую царапину, почти рану, а я почувствовал лишь легкое тепло от стекавшей за воротник крови.

Не знаю, сколько прошло времени, — я остановился. Смыл кровь, растянулся на траве, и мне долго не хотелось вставать.

Тот же вопрос лениво, неназойливо всплывал в моей памяти. О маятнике. Ветер раскачивает стебли так же, как постоянное вращение оси — маятник Фроуда. Ведь метелки тростника как бы текут вместе с воздухом, стоит им наклониться — и тогда уж ветер не мешает им снова подняться. Потом опять и листья и метелки становятся поперек невесомому, казалось бы, току воздуха. И снова движение вниз. Потом вверх. Бесконечное движение. Но маятник Фроуда — очень чувствительный механизм. Малейшее изменение массы или упругости, или самые легкие толчки могут «разбудить» его или, наоборот, остановить. Дроздов говорил, что сам Жуковский, создатель теории крыла, находил время, чтобы снова и снова возвращаться к загадке маятника Фроуда. Дроздов как-то согласился со мной, что слабые электромагнитные волны могут раскачать маятник, согласен он был и с тем, что человек излучает такие волны, ведь об этом писали уже в двадцатых годах, а вот рассказу моему о тростнике так и не поверил. Да верил ли я сам?.. Почему-то никто не задумывается над тем, отчего качается тростник. Но, по существу, ответа на этот простой вопрос нет. А если еще трава качается, повторяя движение человеческих пальцев?.. Маятник Фроуда, электромагнитные волны... Нет, трудно было убедить в этом кого бы то ни было. «Возможно ли?» — задавал я себе один и тот же вопрос.

А звезда, которая сегодня вечером первой взошла над лесом, повисла уже надо мной и словно позвала меня побыстрее идти. Я встал. То знакомое многим ощущение, когда руки и ноги от усталости кажутся ватными, постепенно, с каждым новым шагом исчезало. Река опять говорила мне о близкой встрече: едва слышно шептали о ней длинные листья тростника (а ветра не было). В небе уж проступала белая заря, вода становилась синее, дорога — легче, а усталость пропала совсем.

Я сначала угадал Наденьку за пологим далеким поворотом. Потом увидел ее. Потом поверил. Она бежала навстречу. Шинель была накинута на ее плечи, она торопливо поправляла волосы одной рукой, другой — застегивала ворот белой рубашки. Все вокруг уже собиралось вдруг, по-летнему, проснуться. Кажется, звучали уж голоса — смутные, неясные. Вели разговор птицы-невидимки, и рос прерывистый гул самолета над другим берегом, наполнявший предрассветное пространство неизъяснимым предвестием тревоги.

Звонок голос Наденьки:

— Андрей Николаевич, Андрюша!

Радость-то какая! Я-то все думала: нет и нет нашего Андрюшеньки. А сегодня вечером уж знала, догадывалась, что ты приехал. Здравствуй, Андрюшенька. Здравствуй!..

Совсем рядом были ее темные, но прозрачные глаза. Мы были уже вместе. Тогда ее и настигла неожиданная пуля с другого берега.

...Пришла осень на берега Ловати-реки. Черная земля прикрылась чем могла: опавшими листьями, пожухлой травой, намокшей соломой, упавшей в придорожье с воза. Отсветились синим светом берега; серой мглой упали на них легкокрылые зори; осень военная принесла с золотом листьев серебро слез. Наша часть шла на юг, к Белоруссии. Дороги под ногами, под колесами машин были вымощены стволами берез и осин. Кровью заалели ягоды рябины на голых ветвях. Дожди вымыли наши сапоги, и по первому снегу мы двинулись в долгожданный бой. Перед нами лежала прекрасная, но истерзанная войной земля — Белая Русь.

Наполнив гулом обнаженные леса, исковеркав деревья, сжигая дома, оставляя тела на снегу, война постепенно уходила от берегов, где отзвучал Наденькин голос, но где навсегда, казалось, остались следы на песке, которого касались ее ноги.

Он поглядел на марсианина, стоящего на фоне неба.

— Звезды! — сказал Томас.

— Звезды! — отозвался марсианин, глядя на Томаса.

Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была словно расшита ими — так искрятся светящиеся крупинки в фосфоресцирующей оболочке студенистой глубоководной рыбы. Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и в животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях.

— Я вижу сквозь вас! — сказал Томас.

— И я сквозь вас! — отвечал марсианин, отступая на шаг.

Томас ощутил живое тепло собственного тела и успокоился. «Все в порядке, — подумал он, — я существую».

Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.

— Я не бесплотный, — негромко сказал он. — Живой!

Рей Брэдбери, Ночная встреча.

ВАЛЕРИЙ ЦЫГАНОВ

Марсианские рассказы

— Я как раз не склонен считать человека венцом природы, — сказал Петровский.

— Это любопытно, — сказал Паркер.

Он вскинул голову и посмотрел на Петровского немигающим взглядом. Была у него такая неприятная манера.

— Поймите меня правильно, — сказал Петровский, — я хотел сказать только, что глупо считать себя пупом вселенной. Надо полагать, мы не единственные представители разума даже в нашей Галактике. О более отдаленных местах я и не говорю.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МАРСИАН

Он был очень стар, настолько стар, что даже не помнил своего имени. Тело его сохраняло бодрость, глаза и слух — остроту, и только память... память иногда подводила.

Прошла, кажется, целая вечность с тех пор, как он остался один. Очень странно чувствовать себя единствен-

ным разумным существом на целой планете. Он страдал от одиночества и вместе с тем ощущал непонятную, самого его пугавшую гордость оттого, что вся планета принадлежит только ему. К одиночеству он со временем привык и перестал замечать его, а гордость осталась, разрослась до невероятных размеров и вытеснила все остальные чувства. Он ничего не хотел, ничего не ждал и ни во что не верил, а только без конца обходил свои владения, и его глаза горели безумным светом.

Потом на Марс пришли люди. Он не искал с ними встречи и лишь посмеивался про себя, потому что был уверен, что им здесь не выжить, со временем они сами поймут это и улетят к себе домой. Но люди остались, они построили в пустыне первый город, и вскоре на Марс хлынула лавина переселенцев.

До сих пор он был спокоен — люди не рисковали покидать окрестности города. И вдруг будто разом исчезли сдерживавшие их опасности, и одна экспедиция за другой стали уходить на много километров в глубь планеты. Рождались новые поселки, появились первые дети. Но не это страшило его. Ужасным было другое — люди не замечали или не понимали следов великой цивилизации. Прекрасные города, чудеса марсианского зодчества, были для них всего лишь дряхлыми скалами со сложной системой сырых и мрачных пещер, великолепные дороги — зыбучими песками, остатки грандиозных каналов — древними тектоническими разломами. Люди удивлялись, откуда здесь такое количество сухих листьев — ведь на Марсе нет деревьев. И они жгли костры из листьев, радуясь редкой возможности погреться у живого огня. Они сдирали со стен то, что казалось им плесенью, и писали на стенах крупными белыми буквами свои имена. Земные дети играли огромными клубками серебряной паутины, которые родители привозили им из пещер, и только он слышал обрывки мелодий — детишки рвали на части паутину, и ветер уносил кусочки в пустыню, чтобы навсегда похоронить в бесконечных песках.

Впервые за тысячелетия у него появилось желание — умереть, но он не мог вспомнить, как это делается.

Он уже не бродил из города в город. Он остановился в древней марсианской столице и беспомощно наблюдал, как люди прокладывают дороги для своих громоздких и шумных машин.

Он поселился на окраине, в здании крупнейшего на планете театра. Но пришел день, когда люди подвели дорогу к самому его дому. Он обнаружил это утром, проснувшись, и отчаяние толкнуло его на безумный шаг — он побежал к людям и закричал во всю силу: «Стойте! Остановитесь!» Люди смотрели прямо на него, но не видели его и не слышали его отчаянных криков.

Человек в темно-синем комбинезоне нажал кнопку на пульте, и прогремел взрыв. А когда обломки скалы упали на землю и дым рассеялся, человек обернулся к своему соседу и сказал:

— Все в порядке, Мальцев! Можете идти дальше.

— Не будем загадывать, — сказал Паркер. — Конечно, мы не одиноки. Но пока что человек знает лишь одно разумное существо — самого себя. Так зачем же лишать его удовольствия хотя бы временно, до встречи с себе подобными, счи-

тать себя совершенством? Я думаю, большой беды от этого не будет.

— А вот я не уверен в этом, — сказал Петровский. — Во-первых, как бы не пришлось человечеству впоследствии краснеть за свою кичливую самоуверенность, а во-вторых, пора бы привыкнуть к мысли, что мир может быть измерен не только человеческими мерками, иначе мы рискуем попросту не понять собратьев по разуму.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

— Ты только посмотри, какой цветок! — сказал Хоган.

Даммер обернулся. Цветок в самом деле был замечательный. Ему и в голову не приходило, что могут быть такие цветы. Маленький, ярко-алый колокольчик — что может быть проще! И в то же время какая хрупкость, чистота линий и насыщенность цвета! Он как будто соткан из воздуха, подсвеченного первыми лучами утренней зари.

Хоган уже карабкался по каменистому склону.

— Что ты делаешь? — сказал Даммер. — Не трогай его!

— Я отвезу его невесте. Цветок с Марса — вот это подарок!

— Он у тебя завянет. Сорви его лучше перед стартом.

— Пожалуй, ты прав, — Хоган остановился. — Вот только не отцветет ли он до того времени, как ты думаешь?

Даммер пожал плечами.

— На корабле его можно попробовать законсервировать, — задумчиво сказал Хоган.

— Он здесь не один, я думаю.

— Ладно, — сказал Хоган, — рискнем.

Он нагнулся и осторожно прикоснулся к цветку рукой в толстой перчатке. Цветок дрогнул, съежился и исчез. Только голубоватый дымок поднялся между пальцами. Хоган шарахнулся в сторону.

— Ты видел?! — заорал он.

Даммер кивнул. Он увидел даже больше: на голой скале позади Хогана внезапно появился точно такой же цветок.

— Вон еще один, — сказал он, хотя был уверен, что это тот же самый цветок.

Хоган побежал к нему и ткнул пальцем в колокольчик. Снова легкий дымок, и цветок исчез, чтобы появиться в нескольких метрах дальше.

— Чертовщина какая-то... — пробормотал Хоган.

— Оставь его, — сказал Даммер, — он не хочет, чтобы ты его взял.

— Ерунда! — отмахнулся Хоган. — Цветок не может хотеть. Здесь что-то другое...

Он тронул колокольчик носком ботинка и, когда тот перенесся на несколько метров дальше, пошел за ним.

Даммеру показалось, что перемещение цветка осмысленно. Он двигался в одном направлении, словно хотел привести людей куда-то.

— Не надо, Хоган, — еще раз сказал он.

— Ну нет, я дознаюсь, в чем тут дело!

Цветок забирался все выше и выше, и Хоган упрямо карабкался следом, перепрыгивая с камня на камень. Внезапно огромный обломок скалы зашатался у Хогана под ногами. Он раскинул руки, стараясь удержать равновесие.

— Прыгай! — отчаянно крикнул Даммер, но опоздал — громадный

камень перевернулся, словно крышка чудовищной банки, и Хоган исчез под ним.

— Хоган! — закричал Даммер. — Хоган, ты слышишь меня?!

Молчание.

Даммер вздрогнул — он почувствовал чей-то взгляд на спине и стремительно обернулся. Никого. Только аленький цветок — на том же самом месте, где они заметили его в первый раз. Даммер изо всех сил стискивал зубы, но не мог избавиться от озноба. Тогда он повернулся и побежал.

— Позвольте! — возмутился Паркер. — Лично у меня нет ни малейшего сомнения в том, что два разумных вида обязательно поймут друг друга. И потом, о человеческих мерках — это же несерьезно! Человек просто не в силах оценивать окружающее с какой-то иной, не человеческой точки зрения. Кому, как не вам, знать это?!

КОСТЕР

Мальцев вышел из машины и захлопнул дверцу. Впервые за два месяца ему удалось выкроить день отдыха. Сейчас, в период бурного заселения Марса, как никогда нужны дороги, много настоящих, надежных дорог. Только вчера его отряд закончил автостраду между центральным Космопортом и Порт-Диксоном, а завтра нужно снова приниматься за работу. Зато сегодняшний день полностью принадлежит ему, и он намерен использовать его наилучшим образом. Прожив на Марсе почти год, он, по существу, не видел его. Говорят, здесь есть чудные места. Когда-нибудь он посмотрит все достопримечательности, а сегодня его вполне устроит этот небольшой скальный массив. До ближайшего поселения добрая сотня километров, и можно надеяться, что до него здесь еще никто не побывал.

Мальцев открыл багажник, выгрузил на песок палатку, ящик с продовольствием, канистру с водой и перенес все это к подножию ближайшей скалы. В тени было еще холодно, и прозрачный налет инея покрывал песок. Ботинки оставляли на нем отчетливые следы. Мальцев оглянулся — на границе света и тени земля была темная от влаги, и над ней поднимался бледный пар.

За выступом скалы оказалась пещера, очень узкая и сырая, как и все пещеры на Марсе. Мальцев включил фонарик и вошел в нее. Ему сразу сделалось зябко. Пришлось включить подогрев куртки. Стены пещеры покрывал толстый слой изморози. Колючие чешуйки осыпались от его шагов и таяли на лице. Под ногами похрустывал мелкий гравий. Пещера повернула направо. Инея здесь уже не было. Вместо него на стенах влажно поблескивали пятна разноцветной плесени. Откуда здесь столько пещер, подумал Мальцев, и как они похожи друг на друга, будто их сделал кто-то по единому образцу — на стенах плесень, на полу гравий, иногда попадаются обрывки странной паутины.

Под ногами зашуршало. Листья, огромный ворох листьев. Вот это здорово, подумал Мальцев, мне повезло. По рассказам старожилов, такие находки попадаются нечасто. В общем-то, никакие это не листья, потому что на Марсе нет деревьев. Известно только, что это единственный на планете горючий материал естественного происхождения. Зна-

чит, у него будет костер. На такое везение он не рассчитывал. Он нагнулся и взял в горсть несколько сухих и ломких лепестков, растер между пальцами и сдул с ладони тончайшую пыль.

Еще на заре цивилизации была создана марсианская «Илиада». Многие поколения литературоведов и историков бились над установлением ее авторства, но так и не пришли к единому мнению. Десятки городов спорили за право называться родиной великого поэта... Тысячи марсианских писателей учились на примере поэмы глубине повествования, яркости образов и неувядаемости красок. И лишь немногим из их числа удалось достичь высоты идеала...

Уже в сумерках он уложил в машину вещи, проверил, не забыл ли чего, и только после этого вытряхнул из мешка припасенные листья. Они вспыхнули, едва он поднес зажигалку. Языки пламени побежали с листка на листок, скручивая их в тугие черные трубочки. За одну минуту они охватили всю кучу, зашелестели, вытягиваясь к темному небу и разбрасывая тысячи искр. Мальцев зажмурился, чувствуя, как ласковое тепло проникает сквозь одежду и слабыми волнами скользит по телу. Странное создание человек, подумал он, интересно, найдется ли во вселенной существо, которое так же любит огонь?

Костер вспыхнул напоследок и погас, оставив после себя горстку пепла с мерцающими в глубине искрами. Вот и все, подумал Мальцев, кончился мой отпуск.

Он не увидел из машины, как налетел порыв ветра из пустыни, подхватил пепел и унес его с собой, рассыпая на ходу.

— Все правильно, — согласился Петровский, — однако не составляет большого труда вообразить мир, где развитие разума в силу специфики среды пойдет совершенно отличным от Земли путем. Конечно, мы не можем представить всех подробностей, но вывести общие принципы зависимости эволюции разума от среды можно и нужно, в противном случае мы можем не заметить чужой разум, потому что с нашей точки зрения это не будет даже жизнью, не то что разумом.

ИГРУШКА

— Дай мне руку, — сказал Скотт, но Драйден только помотал головой, продолжая пятиться от ямы.

Драйден наконец остановился.

— Нет, Ричард, — сказал он, — ты конченый человек. И я тебе не помогу, никто не поможет, ты сам знаешь.

Скотт отвратительно выругался. Руки его уже посинели, а ногти прямо-таки светились лазурью.

— Уходи, — хриплым шепотом сказал он, — уходи сейчас же. Оставь меня одного.

Драйден кивнул, не сводя глаз с его рук.

— Убирайся!—взорвался Скотт.— Хоть это ты можешь сделать?!

Драйден подобрал разбросанное снаряжение, замешкался.

— Ты ничего не хочешь передать? — виновато спросил он.

— Ничего! Уходи!

— Прощай! — сказал Драйден и торопливо зашагал между дюнами.

Скотт не ответил, но в его глазах не было ничего, кроме ненависти. Он подождал, пока Драйден не скрылся из виду, вытащил из кобуры одеревеневшей рукой бластер и положил его перед собой на край ямы. Драйден прав — когда человек попадает в лапы «лазурной смерти», надеяться не на что. Остается собрать все мужество и умереть достойно, насколько это возможно в таких обстоятельствах. Все это он прекрасно знал, но не сдержался, облаял Драйдена без всякой к тому причины, да и кто сдержался бы? Тот даже почувствовал себя виноватым, хотя никакой вины тут нет. Просто ему повезло, и в ловушку угодил не он, а Скотт. Могло получиться наоборот. Тогда бы ушел Скотт, точно так же, не подав руки обреченному товарищу.

Он попробовал пошевелить ногами и не почувствовал их. Возможно, их и в самом деле уже нет — превратились в голубой студень. Хотя вряд ли — край ямы по-прежнему оставался на уровне его лица. Он совсем не чувствовал боли. Тело онемело и почти не слушалось его. Стоит ли ждать, подумал он, не лучше ли покончить сразу? Многие так и делали в его положении. Но какая-то безумная надежда мешала ему сделать это. Он усмехнулся и положил ладонь на рукоятку бластера и тут же отдернул ее назад, опасаясь не устоять перед искушением.

Он стал думать о Земле, о доброй Земле, где повсюду можно ходить, не рискуя провалиться в зловонное гнездо лазоревки, где ласковое, теплое солнце и густой воздух, который, кажется, можно пить. Признаться честно, он знал, на что идет, когда летел сюда. Именно опасности привлекли его. На Марсе люди гибнут гораздо чаще, чем в других уголках солнечной системы, гибнут по разным причинам, и «лазурная смерть» только самая страшная из них. Пусть это будет ему утешением. Не так обидно, когда умираешь ужаснейшим на планете образом.

Первым погиб Лазарев, начальник русской базы, лет двадцать назад. Вместе с ним умерли еще трое — они пытались помочь своему товарищу. Тогда еще не знали, что достаточно прикосновения к пострадавшему, чтобы вместе с ним отправиться к праотцам. С тех пор погибло десятка полтора человек, а средство против болезни так и не было найдено. Не научились даже обнаруживать гнезда лазоревки, так искусно прятались они под тонким слоем песка. Найти гнездо можно было, только провалившись в него.

Край ямы дрогнул и быстро пополз вверх. Началось, подумал Скотт. Он по-прежнему не чувствовал боли. К бластеру он не притронулся. Ему было страшно, но он успел подумать, что умереть от «лазурной смерти» в некотором роде даже почетно.

Голубой светящийся студень сомкнулся над его головой. Поверхность его медленно вспучилась и изменила окраску. Дрожащий холмик рос, расслаивался на лепестки и переливался теперь всеми цветами радуги. Странное образование походило на огромный цветок с непропорционально толстой ножкой. Он был красив зловещей, отталкивающей красотой.

Цветок оказался недолговечным, уже через минуту он сморщился, поголубел и исчез. Студень наполнил

яму до краев и остекленел. Ветер довершил остальное. Он намел песку и совершенно скрыл последние следы самой страшной западни на Марсе.

* * *

Марсиане, так же как и люди, очень любили своих детей. А их дети, как и земные сорванцы, больше всего на свете любили игры. Разумеется, они предназначались для ребят постарше. Самые маленькие самозабвенно возились в песке, как и их земные сверстники. Были у них и песочницы, правда, не совсем такие, как на Земле. Стоило карапузу бросить в песочницу пригоршню песку, и она исторгала из своих недр цветок необычайной красоты. Даже взрослые поддавались искушению и иногда, в свободные минуты, принимали участие в детской забаве.

Песочницы, предоставленные самим себе, постепенно переродились. Они заманивали животных и пожирали их. Скоро на планете не осталось ни одного живого существа. Песочницы приспособились и на этот раз — они впали в спячку.

А потом пришли люди...

Паркер рассмеялся.

— Дорогой коллега, — сказал он, — я не ожидал, что в вас сохранилось столько ребячества Допустим, вы правы. Допустим, нами создана модель другого мира. Но в чем ее ценность? Где гарантия, что мы встретимся именно с таким миром и сможем использовать наши выводы?

ОДИНОКИЙ ВЕТЕР

Он на минуту прилег среди песчаных дюн, ласково прильнул к их оплывшим склонам и, отдохнув, полетел дальше. Он кружил по планете днем, в негреющих лучах солнца, и ночью, при слабом свете двух лун. Он проносился над полюсами, вздымая снежную пыль, возвращался к экватору и печально завывал среди пустых домов, словно искал кого-то.

Он не знал, что ему никогда уже не придется играть густыми волосами молодых марсианок, шаловливо трогать края их широких нарядных одежд. Он был всего лишь ветер, и люди, пришедшие на планету, для него ничем не отличались от прежних ее обитателей, ему казалось, что все идет, как прежде.

А для людей он был слишком сух и колюч, они прятались от него в своих металлических домах, а если выходили на улицу, то надевали скафандры. Марсиане никогда не делали этого. Они вдыхали его полной грудью, ловили раскинутыми руками и звонко смеялись, когда он гладил их лица. Люди были совсем другими, а иногда, когда ветер крепчал, они боялись его.

Но он был всего лишь ветер и не обижался на них. Для него ничто не изменилось в этом мире. Он кружил над полюсами, возвращался к экватору, лихо проносился по безлюдным улицам городов, и ему было все равно.

Он даже не знал, как он одинок.

— Я говорю об общих принципах, — сказал Петровский.

— Какая разница!

— Разница есть, — сказал Петровский. — И некоторые из этих принципов для меня уже ясны. Главный из них — крайняя осторожность и уважение по отношению к чужим, пусть даже безжизненным, на наш взгляд, планетам. И еще: нужно попытаться представить себе, какая жизнь могла возникнуть в данных условиях, не обязательно похожая на ту, которую мы знаем по Земле, скорее наоборот. Главное, как можно дальше оттолкнуться от привычных представлений.

ГОЛОС

Крупный песок хрустел под ногами, словно снег. Фогель закрыл глаза и представил, что идет по широкому снежному полю и жмурится от солнечного сияния, и сосны на краю поля качаются и расплываются радужными пятнами в слезящихся глазах, и пахнет морозом и снегом. Он вздохнул и открыл глаза. Они успели привыкнуть к темноте, и теперь он различал впереди покатые склоны дюн, едва заметные на фоне почти черного неба. Звезд не было. Такое случается на Марсе чрезвычайно редко — после больших песчаных бурь, когда тысячи тонн мельчайшей пыли несколько суток плавают в атмосфере, и тогда даже дни напоминают сумерки. Фогель обернулся на брошенный вездеход, но его уже не было видно.

До форта Экватор оставалось восемь километров, и идти предстояло весь остаток ночи, и это было необычно и здорово. Фогель ни минуты не жалел, что не проверил перед выездом горючее. Правда, завтра придется возвращаться за машиной, выслушивать нотацию Пономаренко, но это будет завтра.

Фогель был большим любителем новых ощущений, хотя и не признавался в этом самому себе, но это пристрастие, без сомнения, сыграло немалую роль в его появлении на Марсе.

Осваивать Марс было во сто крат труднее, чем неисследованные области Земли, но романтического ореола не было и в помине. Каждый шаг заботливо предусматривался перспективным планом освоения Марса. Романтики план не предусматривал.

Поэтому Фогель рассматривал неожиданное приключение как дар судьбы, как компенсацию за неоправдавшиеся надежды.

Он вспоминал многочисленные легенды, сложенные о планете, и с внутренним замиранием ждал, что хотя бы одна из них окажется правдой. Нужно только поверить, твердил он про себя, поверить полностью и бесповоротно, и это непременно случится. Совсем недавно Мальцев рассказал ему о Голосе ветра. На Марсе ветер почти беззвучен, но иногда, самыми длинными и темными ночами, он начинает говорить на непонятном и, как утверждают, осмысленном языке. Протяжные слова раздаются, словно падают откуда-то сверху, и озноб пробирает невольных слушателей до костей. Голос слышали лишь несколько человек, и, по их единодушному мнению, это было нечто большее, чем простая игра природы. Кто-то пытался записать его на пленку, но запись не получилась, и это послужило поводом для официального заявления о том, что Голос-де явление психического порядка, объясняющееся нервным утомлением. Объяснению никто, кроме неисправимых педантов, не поверил, и

легенда осталась, время от времени обрастая новыми подробностями.

Фогель забрался на гребень дюны и остановился перевести дыхание. Идти по податливому песку оказалось нелегко. Ноги налились свинцовой тяжестью и одеревенели. Фогель лег на спину и расслабился. Черное небо казалось таким близким, что его можно было достать лежа, стоило поднять руку. Фогель так и сделал: он протянул вверх раскрытую ладонь, но ничего не почувствовал, кроме слабого дуновения ветра. «Песок струится сквозь пальцы ветра...» — всплыла в памяти строка полузабытых стихов. Кажется, он произнес ее вслух? Фогель прислушался.

— Песок — струится — сквозь — пальцы — ветра, — медленно повторил он и почти не услышал собственного голоса. Слова гасли у самых губ, едва успев родиться.

— Надо идти, — сказал Фогель, и снова слова растаяли, будто упали в безвоздушное пространство или погрузились в вату.

Фогель стал спускаться с дюны. Незаметно для себя он делал это чуточку торопливей, чем прежде. Рыхлый песок расползался у него под ногами, и он с трудом сохранял равновесие. «Испугался я, что ли? — подумал он. — Ерунда какая... Просто разреженный воздух».

— Э-ге-гей! — крикнул он, но крика не получилось. Из горла вылетело невнятное бормотание, которое он уловил скорее сознанием, чем слухом. «Что такое?..» — подумал он и неожиданно для себя самого побежал, увязая в песке и размахивая руками.

Громкий звук, похожий на удар грома, остановил его. «Что это?» — прошептал он и услышал Голос. Непонятные слова размеренно и тяжело, словно капли, падали сверху и, подхваченные эхом, разносились по всей округе, и возвращались назад, накатывались, подобно волнам, и громким звоном отзывались в ушах.

— Что это?! — беззвучно крикнул Фогель и повалился на песок, сжимая руками голову, но Голос продолжал звучать в его мозгу. Он бесстрастно рассказывал о чем-то, Фогель не понимал ни слова, но слышать его было невыносимо. Фогель поднялся на колени, с ненавистью посмотрел вверх. «Хватит! Хватит! — подумал он. — Я больше не могу!..»

Внезапный порыв ветра бросил ему в лицо горсть песку, и, пока он протирал глаза, Голос умолк. Тишина оглушила его. Он с трудом встал на ноги и побежал.

Через два часа из-за горизонта выплыли звездочки — огни на куполах Экватора. Фогель всхлипнул и лег на песок. Воспаленные глаза горели, во рту было сухо, и пыль скрипела на зубах.

Близился рассвет.

— Ваши слова напоминают мне одну из историй барона Мюнхгаузена, — улыбаясь, сказал Паркер, — ту самую, в которой он вытащил себя из болота, ухватившись за собственные волосы. По-моему, все попытки человека выйти за пределы свойственных ему представлений и логики закончатся подобным парадоксом.

— Речь идет не о том, чтобы перестроить мышление человека, — сказал Петровский. — Такое вряд ли возможно, да и нужно ли? Ведь тогда человек перестанет быть человеком. Но мне кажется, что у любых типов разума должна быть хотя бы одна точка соприкосновения, на осно-

ве которой будет строиться взаимопонимание и которую необходимо научиться отыскивать.

Паркер снова улыбнулся.

— Не будем спорить, — он наклонился и взял стакан. — Давайте хоть на время забудем о науке и поговорим о чисто человеческих делах.

Петровский не ответил.

— Не обижайтесь на меня, — сказал Паркер. — Решение нашего спора не за горами. Быть может, мы даже доживем до этого дня. Давайте выпьем за будущее. За прекрасное будущее, — он поднял стакан и неожиданно подмигнул, — а оно нас рассудит.

ПАМЯТНИК МАРСИАНИНУ

Прошел положенный срок, и на Марсе появились поэты. На смену суровым пионерам всегда приходят поэты, чтобы описать их действительные подвиги и создать легенды о подвигах, никогда не совершенных. Так было на Земле, и то же самое повторилось на Марсе.

Поэтам свойственно видеть мир несколько иначе, чем обычным людям, поэтому они увидели то, чего до них никто не замечал. И когда один молодой литератор написал фантастическую поэму, в которой изобразил Марс населенным странными разумными существами, все с восторгом приняли ее. Убедительно написанная вещь заставила читателей поверить, что изображенный мир мог существовать, в этом и заключалась причина успеха. Талантливая книга может заставить верить во что угодно.

Это была первая крупная поэма молодого автора. За ней последовали другие. Прошло много лет, и, когда поэт умер, он был признан одним из величайших гениев человечества. На всех освоенных планетах ему поставили памятники, а на Марсе соорудили мемориальный комплекс, потому что здесь он провел большую часть своей жизни и написал самые значительные свои произведения.

Поставили памятник и Марсианину, герою первой книги поэта. Поставили на самом видном месте новой марсианской столицы — на скале, почему-то не взорванной в свое время, да так и оставшейся торчать посреди города.

Многометровая статуя из нержавеющей стали изображала массивное, неповоротливое существо с очень большой головой, большими глазами и крючковатым носом. Марсианин стоял, расставив короткие ноги, и смотрел на раскинувшийся внизу город. Кое-кто находил выражение его лица растерянным, и им не нравилось это, потому что марсиане, описанные поэтом, были холодными, бесчувственными существами. Но, как бы там ни было, памятник скоро стал местной достопримечательностью и, по единодушному мнению туристов, очень украшал столицу. Недаром его создал самый выдающийся скульптор Марса. По его же настоянию вокруг скалы установили десяток мощных прожекторов, которые освещали памятник ночью.

Марсианин смотрел на город, и в его круглых глазах в самом деле можно было прочесть растерянность. Город, над которым он возвышался, был чужд ему. Он не узнавал родной планеты, преображенной руками людей, и, самое главное, — не узнавал самого себя...

ГРИГОРИЙ ТАРНАРУЦКИЙ

Космический пешеход

Он чувствовал, что кто-то пытается его разбудить, но никак не мог выбраться в явь. Сон был как глубокий колодец: только подымешься, цепляясь за скользкие стенки, почти до края и вновь скрываешься в темноту. Наконец с трудом удалось узнать склонившееся к нему лицо Ермолаева и осмыслить, что тот говорит.

— Да ты проснешься, Роман, или я тебя водой оболью. Слышишь? Прилетел психолог из следственного отдела.

— Гляди-ка, как быстро, — пробормотал Романов, изо всех сил стараясь не уснуть. — Мы еще сами толком ничего не поняли, а он уже тут. Кто, если не секрет?

— Какой, к черту, секрет! Елена Радищева.

— Что?! — Сознание мгновенно прояснилось, будто протерли запотевшее стекло. Все окружающее стало даже чересчур отчетливым. — Они там, кажется, с ума посходили! Не зря их «психами» зовут. Знают ведь, что дело касается меня.

— Брось, Роман. Человек погиб, а тебя волнует, кому поручили следствие. Для тебя Елена — бывшая жена, для них — лучший психолог. Ну ты идешь? Она в центральном куполе. Или сказать Радищевой, что ты предпочитаешь видеть ее во сне?

— Не остри, и без того тошно.

— Я стараюсь, но нервы сдали.

— А у меня, по-твоему, силовые кабели вместо них? — Романов нашарил лежащий рядом комбинезон, но помешкал немного. — Честное слово, неудобно как-то. Шесть лет не виделись, и теперь при таких обстоятельствах... Да, иду.

В центральном куполе располагались энергетические установки, основная исследовательская аппаратура,

кислородный ресурс, склады и каюткомпания. Здесь они и застали Радищеву. Рослая, статная, она стояла, загородив единственный небольшой иллюминатор, и Романов не сразу разглядел ее. К тому же опять ощутил смятение, не зная, как себя держать с Еленой. И потому, что была она тут официальным лицом, прибывшим расследовать чепе в экспедиции (в его экспедиции!). А еще больше из-за непроходящего чувства вины перед ней. Стоило только вспомнить, как он, глядя в бледное лицо Елены, торопливо, боясь растерять мужество, говорил жестокие, но, по его твердому тогда убеждению, необходимые слова, и тут же едкий стыд разрушал уверенность, оглуплял, делал смешным и беспомощным.

Радищева сразу разгадала этот комплекс, но не желала помочь. Она стояла молча, строгая и ожидающая.

Наконец Романов шагнул к ней и хрипловато сказал:

— Здравствуй, Лена. Мы не ждали так скоро. Не успели и сами разобраться, как это случилось.

— Тем лучше. Мне нужны свежие впечатления. Будем разбираться вместе... Да, извини, Роман, я сразу не поздоровалась. Надеюсь, хорошо живешь? — Она задумчиво посмотрела на него. — У тебя совсем побелели виски. Ты в мать, очень рано седеешь.

— Работа такая, — Романов внутренне поморщился от банальности, но продолжал в том же духе: — Нашу экспедицию не зря зовут испытанием нервов. Да и у тебя занятие не лучше. С чего начнешь? С отчета?

— Нет, я его там очень подробно изучила.

Переминавшийся у входа Ермолаев вдруг произнес:

— Начните с меня.

Радищева и Романов обернулись к нему.

— Мы с Браницким недолюбливали друг друга и потому были взаимно внимательны.

— Интересно! — Радищева наконец села, свет рванулся из иллюминатора, и Роман увидел все, что время успело сделать с ее лицом. Нет, оно не постарело, не увяло и даже, казалось, не изменилось, только исчезла мягкость, за которой когда-то лишь угадывался сильный характер. — Что ж, расскажите, Ермолаев. Может, ваше предвзятое внимание даст как раз верный ключ.

— Вы знаете, есть люди, которые в разных местах оставляют о себе разное мнение. Одни ими восхищаются, другие о них и говорить не хотят. Таким был Олег Браницкий. Если он чувствовал, что нравится окружающим, что его понимают, то становился красивым, талантливым, уверенным в себе. Но стоило ему оказаться в иной обстановке — и перед вами обнаруживалась заурядная личность.

Романов удивленно посмотрел на Ермолаева.

— Ты это к чему?

— Да так. Впрочем, нет. Я всегда считал, что Олег не годится для нашей работы. — Он повернулся к Радищевой. — Это ведь комплекс?

Та неуверенно кивнула и чуть опустила веки, словно потеряла интерес к разговору.

— Все мы тут немного «того», — сказал Роман. — Одно дело летать на корабле, и совсем другое — пешком ходить в космос.

Ермолаев слегка обиделся, что его не дослушали.

— Ладно, я пойду. Доскажу в следующий раз. Да и, наверно, это к случившемуся никакого отношения не имеет.

— Кто знает? Да постойте же! — Елена рассмеялась. — Я ведь задумалась над вашими же словами. Вернее, над одной странностью. Как вы могли недолюбливать Браницкого, если в парные выходы брали спутником только его? На несколько суток в космосе нужен, мне кажется, не только надежный помощник, но и близкий по духу человек, с которым хоть словом можно перебросится. Ведь с базой вы связь теряете через десять часов?

— Теперь через семнадцать. Потом часов сорок в безмолвии. Ощущение препротивное. Тоска, как у Демона. Выть хочется. А еще больше — отключить автокурс и ринуться обратно. Но в таких случаях не возвращаются — самостоятельно найти базу все равно, что отыскать осколок в соседней галактике. Вдвоем, конечно, легче. Можно друг с другом связь поддерживать. Да и знаешь: в случае чего есть кому прийти на помощь. Почему я выбирал в партнеры Браницкого? — Ермолаев замялся. — Видите ли, раньше говорили: с таким-то я в разведку не пошел бы. Но ведь настоящее мужество заразительно. И если сам им обладаешь — делись с другим.

— Выходит, Браницкий был попросту труслив? Но он ведь и один ходил в космос. И не раз. А на это решится далеко не каждый.

— Вы опять меня не поняли. — Ермолаев мучительно искал объяснения. — У нас совсем другие меры. Самый слабый из наших — герой в земных, привычных условиях. Кстати, на базе кое-кто скажет, что Олег был дьявольски смел. И я не стану спорить. Только все с ним всегда нервничали. Вот с Султрековым или с Пасхиным, с теми спокойно. А от Браницкого, чувствовалось, можно чего угодно ожидать.

— Он когда-нибудь подводил вас?

— Нет.

Романов слушал этот диалог все настороженней и все меньше видел в нем смысл. И чего ради эти умники из следственного отдела прислали психолога, а не технического эксперта?

Впрочем, в то, что подвела техника, Роман не верил. Это могло случиться только, если отключить автокурс... Ну конечно! Браницкий в конце концов не выдержал! Был же разговор, когда Олег уверял, что его все время подмывает это сделать. И предлагал разбросать какие-то маяки. Ему, дескать, надоело ходить с поводком, хочется свободного поиска. Но все это хитрости слабодушия. Так он Браницкому тогда и сказал: сдрейфил, можешь возвращаться на Землю.

* * *

От неожиданной встречи с Еленой осталось странное чувство — не то обида, не то досада. Правда, и не рассчитывал он на сердечность, но могли б хоть поговорить обстоятельней. Ну что ж, у каждого свои дела: ей — расследование, ему — обычная работа. Вот только ничего у него не ладилось. Романов с трудом дослушивал всех, кто к нему обращался: уже через минуту начинало терзать желание избавиться от собеседника. Да и в одиночестве не удавалось сосредоточиться: что-то торопило, нервировало, обрывало мысли. Но что, он никак не мог определить.

А тут еще очередной «холостой» выход в космос. В который раз ребята возвращались без результатов.

Собрались в вычислительной и спорили. Валерий Пасхин горячился:

— Виноваты расчетники. Меня просто не туда вывели. Тебе, Альбина, наверно, кажется, что мы как на свидание к знакомому фонтану ходим. А в космосе, заруби себе на своем коротком носу, одного и того же места не бывает.

Романов сердито посмотрел на заплаканную Воронину.

— Детсад какой-то вместо расчетной группы! Вы что, не понимаете, во что обходится каждый выход?

— Роман Михайлович, — вступилась за Воронину старший математик Дронова, — вы ведь сами знаете, исследования значительно усложнились. Теперь рассчитать заранее каждый выход в космос почти невозможно.

— Что же вы предлагаете? Может быть, свободный поиск? Без автокурса? Тогда вам и вовсе придется бездельничать.

— А если по маякам? — старший математик не обратила внимания на обидную фразу.

Романов, сощурив глаза, резко и неприязненно взглянул на нее.

— Удивительная смелость нападает на людей, когда они под надежным куполом.

Дронова смутилась.

— Да, я там не была. Но говорил же Браницкий...

— Не были, так помолчите, — перебил он. — А Браницкий и погиб только из-за этой своей глупости.

Романов вышел, в сердцах хлопнув дверью, и уже по дороге подумал: нехорошо получилось, совсем забыл, что Дронова влюблена в Браницкого.

У себя в кабинете он увидел Елену и понял, что все эти часы мучился желанием поговорить с ней.

— Ну, так сколько сегодня стычек провел начальник экспедиции?

— Что, психологический тест?

— Зачем же тест, я ведь хорошо тебя знаю. Да ладно, стоит ли пикироваться без посторонних. Расскажи-ка мне лучше, какое ощущение испытываешь там, когда выходишь один.

— Очень трудно передать. Пожалуй, точнее тебе объяснит Ермолаев. Впрочем, и он не мастак. Лучше всего получилось бы у Браницкого. Это Олег умел.

— Тебя я пойму лучше.

Он внимательно взглянул на Елену, и в нем шевельнулась пугливенькая надежда на отпущение. Чтобы не обманываться, отвернулся к иллюминатору, за которым виднелась подбитая звездами чернота.

— Если сказать, что в космосе всегда ночь — вечная ночь, как мрачно пишут поэты, — это неверно. День, ночь, тьма, свет — нелепые там понятия. Глядя сквозь толстые корабельные стекла, ни за что не вообразишь, как в космосе меняются представления о явлениях и величинах. Даже какая-нибудь звезда со всем своим выводком планет — мелочь. В космосе только два гиганта: он сам и твое «я». Ступив в эту беспредельную пустоту, где огромные миры лишь ничтожные искорки, ты уже не частица одного из них. Теперь ты с ними на равных. Ты идешь, и за спиной, впереди тебя, справа, слева и под ногами б е с к о н е ч н о с т ь. Но не подумай, Лена, что это сладостные чувства. Ощущение своей колоссальности вселяет не гордость, а ужас. Кажется, что мысль твоя в миллионы раз больше

тебя самого, но она одинока, бесполезна и обречена. Ведь ее пища — какая-нибудь, хоть крошечная, судьба, а бесконечности наплевать на любые судьбы... Однако я говорю только о себе. Каждый, наверно, воспринимает космос по-своему.

Романов обернулся и сразу попал под прицел расширенных зрачков Радищевой.

Истеричный вой сирены заставил их обоих вздрогнуть. За дверью послышался топот пробегавших людей. Кто-то крикнул: «Роман Михайлович, тревога!»

* * *

В шлюзовой камере набилось уже столько народу, что ее не удавалось закрыть.

— Пропустить только техников! — крикнул Романов. — Любопытствующие могут выйти и позже.

Он стукнулся шлемом о край шлюзового люка, поэтому последние слова прозвучали под металлический аккомпанемент. Подождав, когда гул в шлеме затихнет, Романов окликнул инженера Борина, топтавшегося уже около выхода.

— Что там случилось, Саша?

— Один луч метеоперехватчика упал.

— Как это упал?

— Он ведь, поймав метеорит, сопровождает его, пока не сожжет. А тут, видно, камушек долетел до поверхности неуничтоженный, за что-нибудь завалился, и луч его потерял.

— Опасность есть?

— Может, задев, сжечь стенку купола или уничтожить что-то из наружных механизмов.

Они вышли из камеры, и Романов, оглядевшись, ничего не увидел. «Что за шутки?» — пробормотал он, но тут же спохватился и включил инфравидение. Луч висел, едва не касаясь лабораторного купола. Стоит ему слегка сдвинуться вправо, и он аккуратно срежет тому макушку, а метнется влево — не будет стартовой установки. «Вот еще незадача, — подумал Романов. — Как его вывести из этой вилки?»

Снова открылась шлюзовая камера и выплеснула целую толпу. В наушниках начался галдеж, пришлось убавить звук. Кто-то побежал в сторону метеоперехватчика.

— Назад! — крикнул Романов. — Саша, объясни им популярно, что может случиться. Хотя подожди. Можно в старт-снаряде отключить предупредительную сигнализацию?

— Можно. Только перехватчик собьет его сразу на выходе и выведет тогда из строя всю установку.

— А если это сделать в полете?

— Роман Михайлович! — голос у Борина сорвался. — Так нельзя! Вы не успеете...

— Посмотрим, — на ходу бросил начальник экспедиции.

Никто из остальных сначала ничего не понял. Глядели на быстро удалявшуюся фигуру, продолжая обсуждать ситуацию.

— Саша, куда это шеф заторопился? — спросил чей-то голос. — Нам ограничил передвижение, а сам...

— Заткнись! — взорвался вдруг Борин, потом, волнуясь, добавил: — Он решил полететь мишенью.

И сразу в наушниках стало тихо. Только раз ворвался жалобный возглас Альбины Ворониной: «Да остановите же его!»

Между лап стартовой установки вспыхнула огненная струя, она мгновенно выросла, выбросив вверх снаряд. И тут же луч перехватчика мет-

нулся за ней. Люди увидели вспышку, а затем пустоту.

Никто не вскрикнул. Все остались стоять, окаменев, подняв лица. Холодная, безразличная чернота вселенной висела над ними.

Первым заметил тусклый огонек Борин, но он ошеломленно молчал, боясь, что это галлюцинация. Затем кто-то вздохнул, а Воронина заплакала. Теперь видели все — там, вдалеке, работал маленький заплечный двигатель, значит, из космоса «пешим ходом» возвращался человек.

Когда Романов опустился, в гуле голосов невозможно было разобрать ни одного отдельного.

— Борин! — счастливо заорал он. — Если твой чертов перехватчик еще хоть раз выкинет подобный фокус, я его вместе с тобой выброшу с планеты.

— Роман Михайлович, как вы выбрались? — отозвался инженер, и голоса в наушниках стали утихать.

— Как, как, — проворчал тот, шагая в толпе к центральному куполу. — Не захочешь умирать, сразу соображать научишься. Сделал что-то вроде замедленной мины, чтобы разомкнула предупредительную сигнализацию, когда я уже буду на безопасном расстоянии. Важно было лишь выскочить не навстречу лучу.

— А знаете, — сказал Борин уже в шлюзовой камере, — можно было обойтись и без мины. Взяли бы на стартовой тросик. Там его тысячи метров. Привязали к рукоятке и вышли.

— Я, Саша, залезая в снаряд, еще не представлял, как выберусь. Секунды были дороги, — уже устало ответил Романов и вдруг, почувствовав на себе пристальный взгляд, обернулся. За выпуклым стеклом одного из шлемов он узнал глаза Елены. И снова, теперь более смелая, надежда — чуть ли не уверенность — затеплилась в нем.

* * *

В своей комнате Роман бросился на кровать и несколько минут лежал без движения. Никак не удавалось расслабиться, огромное напряжение, которое только сейчас испытал, словно затвердело в нем. Только бы никого не видеть! Никого, кроме Елены. Роман загадал: если она придет, значит...

В дверь постучали. Он поднял голову, но не отозвался. Его почему-то охватило волнение, обессиливающее и неприятное.

Радищева вошла молча, неслышно, будто не наяву. Села напротив, медленно обвела взглядом обстановку, остановилась на фотографии, с которой двумя солнечными зайчиками глядела дочь. Потом Елена подняла руки, разделила надвое поток волос — точь-в-точь как у дочери — и стала совсем похожа на нее.

— Ты давно с нею виделся? — кивнула Елена в сторону фотографии.

— В последний отпуск. Ирина отдыхала тогда на Байкале и вся до макушки была полна самыми разными сведениями о нем. Она подымала меня чуть свет посмотреть, как появляются в утреннем тумане призрачные, будто недорисованные, скалы, возила на Ангару, уверяя, что у той совершенно необыкновенный цвет — настоящий маренго — и называла ее нейлоновой рекой. Очень выросла, загорела и теперь уж точная твоя копия.

О дочери Роман никогда не говорил спокойно: начинал ходить, трогать всякие предметы. Елена улыб-

нулась, и он почувствовал, как волна нежности докатилась до него. Шагнул к Лене и обнял ее.

Елена медленно отстранилась и без насмешки сказала:

— Ты всегда все истолковываешь по-своему.

Улыбка ее не исчезла, а просто как-то изменилась.

— Прости, я пришла совсем для другого разговора. Просто нечаянно отвлеклась. Скажи, что за спор вышел у вас с Браницким?

Романов заходил по комнате размашистей, злясь на себя и даже на Елену: могла бы в таком случае держаться иначе. Но о чем она спросила? Ах да, о Браницком. Надо же так забыться! Во всем виновата эта история с метеоперехватчиком.

— Олег пришел ко мне с нелепым предложением: ходить в космос без автокурса, оставляя специальные маяки, по которым можно было бы найти обратный путь. Мол, у него и конструкция такого маячка разработана — энергоемкого и малогабаритного. А их пришлось бы на Земле заказывать. Короче, я понял, что он попросту увиливает от очередных выходов, хочет устроить себе поездку на родную планету.

— Понял или решил?

— Какая разница?

— Большая. Если Браницкий не думал при этом ни о каких поблажках, то его оскорбила твоя отповедь.

— Догадываюсь, к чему клонишь: «Не предполагай в подчиненном худшее». Думаешь, не помню Кодекса руководителя? Но у меня космический опыт не год и не два, и психологию работающих здесь я знаю, пожалуй, лучше вашего. Как же, они ведь все герои! На Земле девчонки их портреты из журналов вырезают. Разве придет он и скажет, что у него нервишки сдали, что ему бы слетать покупаться в славе, пожать лишний раз ее плоды.

— Как ты несправедлив! — Радищева тоже встала. — Никто ведь не отнимает твоего мужества, почему же ты отказываешь в нем другим? Вот и этот случай с перехватчиком. Смело, эффектно! И очень авторитет подымает. Но опять демонстрация превосходства. Думаешь, никто из остальных не решился бы на то же самое?

— Однако не решился.

— Только потому, что ты всех подавляешь. Чего доброго, оборвешь, не дослушаешь предложения — ты же веришь лишь в свой ум, свою отвагу — и вместо геройства человек окажется в смешном положении.

— Да что здесь, школа бальных танцев? «Ах, простите, я нечаянно пригласил вашу даму!» Плевать мне на смешные положения, когда на каждом шагу такие, которые могут кончиться трагедией. И инициативы тут не всякие в моде. Если б Браницкий...

Радищева жестом остановила его.

— Ты забыл, Роман, что я представитель психолого-следственного отдела Совета по освоению космоса и прибыла сюда не для дискуссий.

— Ну и твои заключения?

— Статья четвертая: «Психологическая небрежность руководителя, повлекшая...»

— Постой, — Романов ошеломленно посмотрел на нее. — Это ошибка. Конечно, ошибка! Да, я несдержан. Случались и конфликты. Но гибель Олега... Как ты можешь такое связывать? Все твои рассуждения — еще не доказательства.

Елена молча протянула какие-то листки.

— Что? — он слегка отпрянул.

— Расчет выхода в космос без автокурса и маяков. Браницкий сделал его, потому что усложнившаяся программа исследования требовала свободного отклонения от заранее заданного маршрута, а насчет маяков не хотел больше к тебе обращаться.

Небольшие листки, покрытые паутинкой схем и словно запутавшимися в них символами, цифрами, в один миг стали главней всего. Даже сам этот безумный выход Браницкого в космос показался менее смелым, чем заключенная здесь идея. От формулы к формуле она захватывала все сильней. Роман не сдерживал восхищения и лишь мимоходом досадливо морщился от некоторых ошибок, будто и теперь их можно было исправить росчерком пера.

— Ну конечно! Олег не учел поглощения пространства «черной дырой». Значит, отклонение составило... — чуть ли не обрадованно воскликнул он и тут же поднял голову.

Лицо Елены было словно мраморное.

— Да, да, все следовало тщательно пересчитать, — голос его словно потерял окраску. — И не один раз. Нет, все равно это оказалось бы слишком большим риском. Но почему Браницкий не посоветовался?

— С тобой? Он уже имел однажды такое удовольствие.

Романов почувствовал, как на него обрушилась огромная тяжесть. Елена права. Во всем. Боже, как он виноват перед всеми! И перед ней.

Радищева, подойдя к двери, обернулась.

— Заключение я напишу позже.

— Это отставка от экспедиции?

— И от космоса. Но все решит Совет. Я ведь только психолог.

Постояв немного, она тихо добавила:

— Вот когда понадобится тебе настоящее мужество.

* * *

Оставшись один, Роман медленно обошел комнату. Представил, как все здесь переменится. Не будет висеть портрет Ирины. Исчезнут многие другие вещи. Появятся новые. Привычное перемешается с незнакомым. Маленький мир, который долгое время принадлежал ему, окружит иного человека.

Но о чем он думает? До чего ничтожные чувства выползают из сердца, когда ему нужно истекать стыдом и болью! Лучше б оно совсем было пусто.

Нет, тут нельзя оставаться. Тут тесно и мелко. Надо туда...

Романов быстро шел по коридору, страшась встретить кого-нибудь. И, только надев скафандр, почувствовал себя забронированным от взоров.

За куполом встретились несколько техников. Они только что установили новый старт-снаряд и возвращались обратно. Кто-то из них приветственно помахал начальнику экспедиции рукой, не узнав его.

Романов поднялся по металлической лесенке и, прежде чем сесть в снаряд, оглядел сверху экспедиционный городок. Сколько раз перед стартом взгляд проскальзывал по этому геометрическому пейзажу — матовые купола, серебристая игла антенны, легкие крылья локаторов, — но лишь сейчас заметил их фантастическую красоту. Вероятно, там, на Земле, воспоминание будет долго щемить сердце.

Он вызвал диспетчерскую.

— «Первый» идет в космос. Прошу любой курс.

— Это вы, Роман Михайлович? — удивленно откликнулся девичий голос. — Куда вам?

— Прошу любой курс.

Прижало и отпустило ускорение. Неслышно раздвинулись створки, обнажив звездную полоску, и он шагнул сквозь нее в пространство.

Звезды поплыли сначала в одну, потом в другую сторону — начался их обычный танец. Здесь, в космосе, всегда кажется, что не ты вращаешься, а все вращается вокруг тебя. Впрочем, кажется ли? Тут ведь любая точка может считать себя пупом вселенной. И это верно и неверно. Как значимость его собственной судьбы.

Но где тогда опора для смысла, для цели? Нельзя же разуму питаться сплошными отрицаниями? Зачем же вышел в космос человек? Чтобы растерять остатки привычных своих представлений? А что получить взамен?

Впрочем, когда впереди распахивается вселенная, смотрят на звезды. Разве заглядывал он в глаза Браницкого? Нет, просто вместе делали одну работу — все ради того же жадного желания человека знать, знать, знать! — и думали только о ней, а не друг о друге. Но не зря ли? Не там ли ответ? Не они ли — глаза человеческие — те окна, за которыми таится главная ценность, не теряющая смысла даже перед губительным скептицизмом относительности и бесконечности вселенной?

Вот она лежит со всех сторон, бездонная вселенная, и в ее черном холоде плавают пылающие галактики. Точнее, со страшной быстротой несутся друг от друга. А человеку с его куцым временем кажется, что они стоят на месте. Где ему, маленькому, ничтожному, увидеть галактические скорости! Лишь сознание его может объять и понять все! Так не оно ли та единственная вечная ценность, которая способна примирить нас с реальностью?

Сознание! Сила и слабость природы... Как же в древности называли его? Каким-то странным сдавленным словом... Душа. Но почему? Будто затянутое петлей, едва дышащее: душно! Может, потому, что душа была загнана в человека? Голая, беззащитная, ранимая. Но вот ей открылась бесконечность вселенной, а она все так же уязвима. Огромна, всесильна и уязвима! Как же мог он быть так неосторожен?

Романов нащупал ручной пульт. Зачем, интересно, конструкторы оставили возможность отключать автокурс? А может, рассчитывали на какой-либо иной вариант? На то, что наступит время, когда человек сможет найти дорогу в космос сам? Палец легко сдвинул рычажок. Все! Теперь не вернуть. Теперь он сам будет искать выход...

Звезды закружились, то и дело меняя рисунок. Как же Браницкий мог разобраться в этой путанице? Тем более та ошибка...

* * *

...В экспедиции поднялась суматоха.

— Что случилось? — спросила Елена у чуть не налетевшего на нее Ермолаева.

— Браницкий вернулся. Где Романов?

ОЛЕГ ЛУКЬЯНОВ

Пробуждение

1

Байдарка тихо скользила по черному зеркалу плеса. Тонкие усы волн тянулись от носа к корме, весла падали и взлетали, оставляя в воде маленькие воронки.

Солнце не торопилось садиться. Весь день оно двигалось по невидимой дуге к горизонту, а к вечеру его бег замедлился. Оно повисло над тайгой, неяркое, доброе солнце, и теперь медленно скользило вдоль черты леса, оплавляя верхушки сосен.

Выйдя из-за поворота, они почти одновременно перестали грести и опустили весла.

— Ух ты, какая красота! — улыбнулся Анатолий, откидываясь на спинку сиденья.

— Великолепно! — отозвалась Лена. — Кажется, что воздух сам светится, правда?

Громадные седые ели стояли над притихшей водой. Солнце кануло в их сумрачную глубину — ни проблеска, ни просвета. На чистой поверхности плеса лежали четкие рельефные облака, подрумяненные закатным солнцем. Байдарка медленно плыла среди белоснежного стада, не тревожа прозрачной вечерней тишины. Анатолий разложил на коленях карту и задумался.

Карта была скопирована наспех перед самым отъездом. Он забыл обозначить на ней север, и теперь ориентироваться приходилось по корявым надписям. Это требовало времени.

Щелкнул затвор фотоаппарата, зашелестела перематываемая пленка.

— Ага, кажется, нашел, — сказал Анатолий, поворачиваясь к жене. — Смотри, вот тут мы сейчас находимся, — он коснулся карты острием карандаша, — а вот

этот крестик и есть Лошадиные Лбы.

Лена наклонилась над картой и с улыбкой сомнения покачала головой.

— Что-то я уже не верю этой бумажке. Третий раз ты предсказываешь порог, а пока идут одни плесы.

— А вот то, что долго идут плесы, — верный признак близости порога, — возразил Анатолий. — Это же элементарная гидродинамика. Река разливается, потому что впереди что-то тормозит ее движение. Нет, нет, — добавил он уверенно, — на этот раз ошибки быть не может. Ошибки быть не может, — медленно повторил он и поднял голову.

В природе что-то изменилось. Как будто потухли краски и стало темнее. Неприятное предчувствие опасности сдавило сердце. Мир вдруг качнулся, закружилась голова. Небо стало тускнеть. Серая муть заполнила пространство, она быстро сгущалась, поглощая предметы, и затем все потонуло в непроглядной тьме.

Это произошло так неожиданно, что на миг Анатолий утратил ощущение бытия. Только некоторое время спустя он понял, что тьма погасила не сознание, а лишь видимый мир, и что все осталось прежним — ощущение карты в руках, упругость надувного сиденья, запах речной воды и ее голос, ласковый и удивленный.

— Что с тобой, Анатолий? Почему ты так смотришь?

Он хотел было сказать, что ему плохо, что он ослеп, но в этот момент далеко в звенящей пустоте кто-то отчетливо произнес:

— Это гроза. Это все из-за грозы!

— Какая безотвстственность! — громким шепотом воскликнул другой голос.

Бульканье, бормотанье, всхлипы, словно говорят в воду. И опять она. Прерывистый шепот ее невидимых губ:

— Что... что с тобой... мой хороший? Тебе плохо?

Звон в ушах. Снова бульканье, вздохи. Как утопающий за соломинку, он вцепился рукой в ее плечо. Он не мог произнести ни слова.

— Проверьте еще раз, обязательно проверьте, — зашептала тьма.

Слабым усилием парализованной воли он попытался удержать ускользающий рассудок. Лодка покачнулась.

— Что это? — наконец проговорил он, опираясь о борт рукой.

Но вдруг наступило облегчение. Давящий ком исчез, странные звуки пропали. Тьма стала рассеиваться, и через несколько секунд мир снова обрел краски.

Анатолий сидел, оглушенный, не веря освобождению. Он не почувствовал прикосновения ее ладоней.

Она теребила его щеки и жалобно лепетала:

— Ну что ты... что ты... что ты...

— Все... все прошло, — сказал он, с трудом разжимая онемевшие челюсти. Он подождал, пока пройдет звон в ушах и успокоится сердце, заставил себя улыбнуться.

— Все хорошо... не волнуйся. Просто у меня потемнело в глазах... А теперь все в порядке. — Он облегченно вздохнул.

— Ох, как ты меня напугал! Я сама чуть не потеряла сознание от страха. У тебя было такое страшное лицо!

В ее глазах блеснули слезы.

— У тебя еще не все прошло! Давай причалим к берегу.

— Не стоит, — сказал он, разгибаясь. — Я только минутку полежу в лодке.

Он почувствовал ужасную усталость во всем теле. Выдернув спинку сиденья, он вытянулся, положив голову на колени жены.

— Отдохни, мой хороший, — говорила она, массируя пальцами его виски. — Ты очень переутомился за эти годы. Я простить себе не могу, что позволяла тебе столько работать. Можно было бы и не торопиться с защитой.

— Ну ничего, мы хорошо отдохнем на реке, а когда вернемся, обязательно сходим к Шварцу...

Ее волосы приятно щекотали ему щеки. Он лежал, слушал ее голос и ощущал, как усталость постепенно проходит, а нервы успокаиваются.

— Ну вот и все, — сказал он, поднимаясь. — Ты привела меня в чувство, умница моя. Можно двигать дальше.

Он вставил спинку в пазы и свернул карту.

— Давай договоримся не вспоминать об этом. Выкинем из головы, как будто ничего и не было.

— Да, да, конечно, — согласилась она, — только ты сам об этом не думай, хорошо?

...Они плыли вдоль берега в глухой тени соснового бора. Лена рассказывала смешной случай, происшедший в прошлом году с ее подругой. Анатолий с видимым вниманием слушал и даже посмеивался в нужных местах, но на душе его было неспокойно.

Тьма ушла, и, может быть, безвозвратно, но вместо нее явилось тревожное чувство. Ему стало казаться, что все это уже когда-то было — лес, река, пятна облаков на воде, белые звезды кувшинок, солнце, снова выплывающее из-за бора. И главное — приступ слепоты. Он тоже как будто был, но не такой сильный. Ее руки уже ласкали его лицо, она говорила те же самые слова.

— Скажи, — перебил он ее, — у тебя никогда не возникало такое ощущение, как будто то, что происходит с тобой в настоящий момент, уже когда-то было?

— И ты никак не можешь вспомнить когда, — поддержала она, охотно меняя тему разговора. — Да, это иногда бывает, но очень редко. И длится всего секунду или две, а потом проходит. Странное, немного жутковатое ощущение. А почему ты об этом спросил?

Да, ощущение действительно жутковатое. То, что он испытывал сейчас, было гораздо сильнее, ярче и длительнее. Вот этот последний вопрос он тоже ей когда-то задавал, и ответ ее был точь-в-точь такой же.

Высохшая сосна лежит на воде, цепляясь за берег вывороченными корнями. Она была! А дальше, за ней, невидимая пока еще береза.

Лодка ныряет в просвет под стволом. Ветки царапают борта, сухая хвоя сыплется за ворот.

Неотразимо знакомое ощущение! Впереди на высоком бугре появляется одинокая береза, величественная, как собор. Солнечные лучики пляшут в ее тысячепудовой листве.

И, как запись на магнитной ленте, позади раздается возглас:

— О, какой великолепный контражур!

Сухой стук затвора, скрип перематываемой пленки.

Листва кажется невесомой, потому что все до единого листики шевелятся на ветру.

Эта мысль тоже была... Голова пуста и легка, как детский воздушный шарик. Сейчас она отделится от плеч и полетит в небо...

Береза скрывается за поворотом, и Анатолий слышит далекий, но четкий звук, как будто щелкнули выключателем. Нет, это не затвор фотоаппарата, и не надо оборачиваться, чтобы убедиться, что аппарат висит на груди Лены. Это то, что в нем, что может слышать только он один и о чем ей лучше не знать. Головокружение проходит. Голова снова обретает вес, чувство знакомости улетучивается...

Не переставая грести, Анатолий смахнул со лба выступивший пот. Ну теперь действительно прошло...

«Да, да, с этого года надо налаживать нормальную жизнь. Я буду получать кучу денег, Лена перейдет на полставки, займется домом, собой. Все будет хорошо, как поется в той старой смешной песенке».

— Все будет хорошо, — повторил он вслух, отламывая лопастью черный пласт воды.

Впереди блеснула быстрина. Вода недовольно заворчала под ударами весла. Набирая скорость, байдарка вошла в узкий осоковый коридор. Течение убыстрилось. За острыми зубцами леса, не отставая от лодки, прыгал рыжий заяц — солнце. Острые вспышки били по темной воде. Хрустнул камыш, и судно выскочило на открытое пространство. Стена леса оборвалась, сменившись кустарником. Золотой заяц ускакал. Впереди байдарки по воде летела длинная тень.

Положив весла вдоль лодки, гребцы пригнулись, пролетая под беседкой из нависающих ветвей.

— Хватит грести, отдохни, — бросил через плечо Анатолий, продолжая работать веслом.

Река стала словно покатой. Они скользили вниз по наклонной плоскости, отчеканенной закатной медью. Далеко впереди показались скалы. Оттуда по воде навстречу летящей байдарке катился ровный упрямый гул. Река неудержимо мчалась к порогу.

— Пора причаливать, — сказал Анатолий, направляя лодку к берегу...

Он вылез первым и обмотал носовой линь вокруг корневища, выпиравшего из берегового среза.

— Ну что я говорил? — сказал он, подавая жене руку. — Сейчас ты увидишь порог сверху.

Вдоль берега, среди кустов дикой смородины, вилась узкая тропинка. Они взобрались на самый верх каньона и остановились у чахлой березки, торчавшей на краю обрыва.

Тайга, великая и безмолвная, уходила к далекому горизонту. Любопытное солнце, доселе прятавшееся за деревьями, теперь поднялось над лесным массивом, словно для того, чтобы посмотреть, что же все-таки надо этим двум чудакам в пустынном лесном краю и зачем они влезли на скалу в этот мирный закатный час, когда природа уже успокаивается, готовясь к наступлению ночи.

С того места, где они стояли, хорошо просматривался весь порог. Левая, ближняя стена каньона была еще освещена солнцем. На ней лежали короткие рубчатые тени, а противоположная стена, тоже вся в уступах, совсем не освещалась и казалась оттого густо-синей. Внизу, в каменной теснине, бушевала голубая вода. Оттуда тянуло холодом.

Лениво неподвижная на плесах, веселая на быстринах, ворчливая на

перекатах, но всегда свободная, она приходила в ярость, оказавшись стиснутой в каменных челюстях каньона.

Вход и выход из каньона загромождали два больших камня. Они, как видно, вызывали особую неприязнь свободолюбивой стихии, потому что вода здесь дыбилась, шипела и с грохотом обтекала равнодушных истуканов.

Несколько минут путешественники молча созерцали бешеную пляску воды. Анатолий первым нарушил молчание.

— Вот это и есть Лошадиные Лбы, — сказал он. — Нечто подобное я встречал на Катуни. Здесь весь фокус в том, что вход в каньон возможен только вдоль левой стены, а выход у правой. Следовательно, после прохода первого камня надо успеть пересечь струю по диагонали, чтобы попасть в выходные воротца. Дальше, правда, мы опять видим ряд камней, но эти уже проще. Порог интересный, пройти вполне можно не разгружаясь. Главное — энергично грести, чтобы идти быстрее потока. Иначе потеряешь управление. — Он прервал свои объяснения и заглянул в лицо жене, которая завороженно смотрела вниз. — Э, моя милая, да ты, я вижу, трусишь, — улыбнулся он, прижимая ее к себе. — Давай сделаем так. Ты пойдешь пешком по берегу, а я проведу лодку.

— О нет! Ни за что! — встрепенулась Лена, отступая от края обрыва. — Пропадать, так вместе.

— Так ведь одному же легче пройти!

— Нет! — твердо сказала она, качая головой. — Одного я тебя не пущу.

2

Солнце все еще висело над лесом, освещая красным мерцающим светом путь к порогу. Байдарка покачивалась в береговой тени. Анатолий вытащил из кормового отсека рюкзак.

Тут на берегу они облачились в спасательные жилеты.

Байдарка теперь представляла собой наглухо задраенную торпеду, нацеленную окованным носом в горло порога. Из ее рыбьего тела, органически слитые с ним, торчали две фантастические фигуры в раздутых оранжевых жилетах.

Анатолий оттолкнулся веслом от берега. В воду упал ком глины, взметнув фонтанчик брызг.

— Значит, если опрокинемся, отталкивайся ногами от дна, — напомнил он, разворачивая лодку. — А вообще не бойся, в спасжилете не утонешь.

— А я и не боюсь, — храбро ответила Лена.

Повинуясь дружным рывкам весел, байдарка быстро скользила вниз по чеканной чешуе волн.

Порог начинался широким каменным котлом. Они влетели в него, как на крыльях. Вода здесь пузырилась и шла кругами. Впереди, в горле каньона, плясали стоячие волны. Густой гул восходил к небу из колодца.

«Чистилище!» — подумал Анатолий, охватывая взглядом уходящие вверх стены.

Навстречу, быстро увеличиваясь в размерах, мчался первый камень.

Отсюда, снизу, он и в самом деле походил на громадную лошадиную голову, погруженную по самые ноздри в пену. Байдарку подбросило на волне. Брызги ударили гребцам в лицо. Чиркнуло весло о камень.

Голова тяжелым снарядом промчалась мимо.

— Впритирку прошли, — удовлетворенно отметил Анатолий, давя на рулевую педаль.

Теперь левым, только левым! Он работал длинно и сильно, погружая весло почти вертикально, на всю лопасть. Вода ручьями стекала по складкам фартука.

Маленькое суденышко стремительно мчалось в белых бурунах навстречу второму колоссу, угрюмо насупившемуся в ожидании отчаянной пары. Все шло хорошо...

Лодка находилась на полпути между камнями. Счет шел на секунды. Анатолий работал изо всех сил, и, хотя он был готов к любой неожиданности, произошло то, чего он больше всего опасался. Свет погас снова. Звякнули скрестившиеся весла.

Гремел порог. Холодные брызги заливали лицо. Внезапная ярость охватила Анатолия.

— Ах ты сволочь! — выругался он, орудуя впотьмах левой лопастью.

Ему теперь было не до страхов. Он должен был вывести лодку из каньона, а для этого надо было грести и грести не переставая, чтобы не потерять управление.

— Сволочь! Сволочь! — задыхаясь, повторял он, ведя лодку наугад к проходу.

— Сволочь! — закричал он в грохот порога. И, словно пораженная неожиданным бунтом доброго человека, тьма побледнела, отступила и пропала. Поздно, поздно! Голова как будто ухмыльнулась, поджидая добычу. Анатолий выставил вперед весло, чтобы смягчить удар.

Развернув лагом, байдарку с размаху бросило на камень. Затрещал каркас. Вода залила гребцов по пояс. Скрытая под водой пасть разверзлась, втягивая жертву. Байдарка сильно накренилась и застряла широким брюхом в каменной глотке.

Откуда берутся у человека силы в такие минуты? Мертвой хваткой вцепился Анатолий в шершавый бугор, не давая лодке опрокинуться. Рядом за вторую «ноздрю» держалась Лена.

— Все в порядке, не бойся! — прокричал Анатолий, откренивая байдарку.

Уловив момент, когда борт оторвался от карниза, он с силой уперся ладонями в уступ и продвинул байдарку вперед. Так, толчками, сантиметр за сантиметром они ползли к проходу, прижав подбородки к груди, чтобы не захлебнуться в падающей сверху воде, и, когда лодка на полкорпуса вышла из-за камня, Анатолий понял, что главная опасность миновала.

Тугая волна ударила в днище. Корму задрало, и байдарка, тяжело ввинчиваясь носом в воду, опрокинулась.

— Держись за лодку! — успел крикнуть Анатолий, с головой погружаясь в пену.

Вынырнув, он ухватился за перо руля и, осмотревшись, увидел впереди, за горбом форштевня, белое лицо жены, наполовину залепленное волосами. Жива! Он ободряюще улыбнулся, махнув рукой. Теперь нельзя терять ни минуты. Байдарку могло заклинить в узком проходе. Ворочая кормой на поворотах, Анатолий старался держать байдарку вдоль струи, не давая развернуться.

Поток бесновался, плясал, хрипел, подпрыгивал, судорожно бился среди камней. Считанные секунды потребовались для того, чтобы пройти стометровый хвост каньона. По

длинному языку водослива они благополучно соскользнули в глубокую воду...

Некоторое время они плыли по неспокойной воде среди шипящих пузырей и воронок. Но река сделала поворот, и бег воды уменьшился. Река остывала от возбуждения. Берега раздвинулись. Справа, в тьме хвойного леса, открылся зеленый косогор, усыпанный цветами. Медным огнем горели стволы корабельных сосен. Вдоль берега тянулась полоса желтого песка.

— А вот и наша стоянка, — сказал Анатолий, направляя лодку к берегу.

3

Им повезло. Повреждения оказались несерьезными, а вещи, увязанные в клеенчатые мешки, не пострадали.

Упущенные весла каньон с негодованием выплюнул вслед за лодкой, не желая связываться с мелочью...

— Знаешь, я даже не успела по-настоящему испугаться, — говорила Лена, держа на сдвинутых коленях кружку дымящегося чая. — Я просто не могла так сразу принять, что мы можем погибнуть. Эти Лбы я теперь запомню на всю жизнь.

— Я тоже их запомню, — мрачно сказал Анатолий, отодвигая палкой огонь из-под чайника.

Солнце давно пропало за стеной леса, и вечер, обворожительный таежный вечер в плаще, сотканном из холодной синевы востока и красных подпалин запада, молча стоял у одинокого костра.

Уже была поставлена палатка и закончен ужин. Лена, все время возбужденно говорившая, ни разу не заикнулась о причине аварии. Анатолий был благодарен ей за это.

Он наблюдал, как золотятся в свете костра ее волосы и качаются в вечернем сумраке громоздкие тени, и старался отогнать беспокойное чувство, что все это он уже когда-то видел. Теперь оно возникало короткими импульсами. Отпускало и приходило опять, и требовалось усилие воли, чтобы избавиться от него...

— Странно, что нет комаров, — сказала Лена, вставая.

— Ветер с реки, — сказал Анатолий и тоже поднялся.

Привстав на цыпочки, она легонько поцеловала его в уголок рта.

— Иди ложись, а я пока вымою посуду.

В палатке он вдруг почувствовал себя плохо. Закружилась голова. Тело стало как вата. Он хотел позвать жену, но горло сдавили спазмы. Последнее, что он увидел, — она уходила вниз к реке, покачивая рукой, тонкая, легкая. Серебрилась лунная дорожка. Анатолий глубоко вздохнул и потерял сознание...

4

Мозг пылает, словно утыканный тысячью раскаленных иголок. Вьются огненные нити. Они переплетаются, образуя странные фигуры: волнистые линии, какие-то дьявольские профили, вьющиеся спирали, кольца, змеи.

Фигуры горят ярким рубиновым светом в глухой тьме, и тьма тоже наливается темно-красным свечением. Телю становится невесомым. Оно плывет, качаясь на черных волнах. Оно растворено в пустоте, и только слабый уголок сознания напоминает о том, что оно еще существует. Это длится бесконечно долго, потом тьма начинает рассеиваться, и созна-

ние медленно возвращается к Анатолию...

То, что он увидел, ошеломило его. Он лежал в светлой просторной комнате, залитой солнечным светом. Кроме него, в комнате находился еще человек. Этот человек, одетый в белый врачебный халат, сидел за столиком, боком к нему и, тихо насвистывая, орудовал паяльником. Пахло горячей канифолью, от стола поднимался дымок.

В углу у окна стоял громоздкий агрегат, похожий на холодильник. Его верхняя часть была усыпана разноцветными лампочками, кнопками, циферблатами. Несколько секунд Анатолий оцепенело рассматривал эту дикую картину, ничего не понимая. Память молчала. Он хотел подняться, но не смог шевельнуть ни единым мускулом. Тело было налито свинцовой неподвижностью.

— Что со мной? — проговорил он и не узнал своего голоса. Голос был хриплым и надтреснутым.

Человек поднял голову. Удивленно блеснули стекла очков.

— Эй, сестра, — крикнул он, откидываясь на спинку стула, — скорее сюда. Больной проснулся.

В дверях появилось испуганное женское лицо и тут же исчезло. Стук каблуков по коридору. Крик.

— Дежурного врача!

В палату вошел молодой человек в белом халате. Закинув за спину руки, он наклонился над Анатолием и, обернувшись, бросил через плечо:

— Скорее за профессором!

Анатолий закрыл глаза. Как в детстве, когда снился страшный сон, он сделал внутреннее усилие, чтобы отогнать кошмар. Но спасительного пробуждения не последовало.

Послышались шаги, скрипнула дверь. Строгий, удивительно знакомый голос сказал:

— Надо было звонить ночью, нечего стесняться. Я же предупреждал.

Легкая сухая ладонь легла на лоб Анатолия. Он открыл глаза.

У кровати стоял пожилой седоватый мужчина в халате и белой профессорской шапочке.

Словно тяжелым молотом ударило в грудь. Это был Шварц! Друг детства, Миша Шварц. Но неузнаваемо изменившийся Шварц.

Тот Шварц, которого Анатолий и Лена встретили на улице за неделю до отпуска, был молодым начинающим врачом! Что произошло со временем?

— Вы... Михаил... Шварц? — хрипло спросил Анатолий.

Шварц медленно кивнул и повернулся к человеку, работавшему за столиком.

— Скоро там у вас?

— Еще минут десять, Михаил Семенович.

Профессор покачал головой и, положив ладонь на глаза Анатолию, сказал:

— Потерпи, дорогой. Это досадная оплошность. Сейчас все станет на свои места.

И потом другим тоном:

— Как же это вас угораздило?

— Ночная сестра забыла закрыть шпингалет. Грозой растворило окно и разбило панель, — сказал дежурный врач. — Мы временно ликвидировали повреждения, а с утра вызвали специалиста.

— Такая нелепая случайность, кто же мог ожидать! — оправдывался женский голос.

— Миша... что... со мной? — прохрипел Анатолий, с трудом ворочая языком.

Шварц не ответил.

— Миша... я ничего не помню, где Лена?

Он почувствовал, как глаза его наполняются слезами. Шварц убрал руку.

— Миша... — дрогнувшим голосом повторил Анатолий. — Я не могу... Скажи...

Глубокая складка собралась на лбу Шварца. Он повернулся всем корпусом к стоявшему рядом врачу и глухо сказал:

— Включите МЕМОСТИМУЛЯТОР.

Врач повернул рычажок на панели, и мертвая память вздрогнула.

...Вечер. Река. Лена, уходящая вниз по косогору. Картина эта, еще секунду назад заполнявшая сознание, вдруг стала ослабевать, удаляться, терять краски и детали. Она уходила все дальше в прошлое, становясь зыбким воспоминанием, и вскоре только теплое, чуть щемящее чувство осталось от нее.

Анатолий обвел взглядом молчаливо стоявших людей, остановился на аппарате и все вспомнил.

Он вспомнил, что жизнь уже давно прожита, долгая, богатая событиями жизнь, и что теперь, вот уже больше года, он лежит в отделении нейрохирургии клиники Шварца.

В памяти всплывают события недавнего прошлого. Перевал Яман-Тау. Снежный карниз. Цепочка людей на склоне. Снег сверкает опасным влажным блеском. Крик за спиной. Трещина черной молнией прорезает основание карниза. Горы медленно и тяжело поворачиваются, уходя вершинами вниз. Под ногами расплескивается густая синь неба. Снежная крупа обсыпает лицо, и ущелье, оказавшееся вдруг высоко вверху, начинает стремительно падать вниз...

Он пришел в сознание спустя месяц в реанимационном отделении и узнал, что Лены больше нет.

Через год Шварц, уступив его настойчивым требованиям, вынужден был признаться, что пока не сможет вернуть ему подвижность. Анатолий спокойно принял правду. Он понял, что круг завершен.

Все последующие дни он находился в каком-то странном полусне. Картины прошлого толпились перед глазами. Он с любовью ласкал их, как старые, любимые игрушки, и думал о том, каким прекрасным и мучительным даром является человеческая память.

Однажды Шварц опустился на край кровати.

— У нас есть выход. Я ничего тебе не говорил, потому что не был уверен в успехе. А теперь уверен.

Этот разговор состоялся позавчера, а вчера Анатолия перевели в эту палату.

Шварц стоял, положив ладони на ящик, и объяснял:

— Эта штука называется НЕЙРОГЕНЕРАТОРОМ. Ты, наверное, слышал о нем. За него наш институт получил Государственную премию. Он позволяет восстанавливать в памяти человека события прожитой жизни в точнейшей последовательности, прокручивая память, как магнитофонную ленту. Он делает их настолько яркими, что человек как бы заново переживает то, что с ним когда-то было. Ты сможешь ждать, пока мы научимся лечить тебя. Подумай, с какого момента ты хотел бы начать жить снова...

И тогда он вспомнил далекие, ушедшие годы, их первое совместное путешествие по реке...

— Готово, — сказал человек в очках, вставая из-за стола.

— Выключайте мемостимулятор и сотрите сцену пробуждения, — говорит Шварц, присаживаясь на табурет рядом с кроватью. — Теперь все в порядке, Анатолий. Больше перебоев не будет. Настрой воображение на исходную картину... Отвлекись от всего. Начали...

...Приятное оцепенение охватывает тело. Белые халаты плывут перед глазами. Тяжесть в теле исчезает. Оно становится невесомым. Краски смешиваются в бесформенное пятно, память застывает, и возникает яркий многоцветный мир...

— Какая красота! — улыбнулся Анатолий, откидываясь на спинку сиденья.

— Великолепно! — отозвалась из-за спины Лена.

Анатолий глубоко и с наслаждением вдохнул влажный речной воздух. Ощущение здоровья и силы наполняло его.

— Хорошо! — сказал он, продолжая улыбаться вечернему солнцу.

Байдарка тихо скользила по черному зеркалу плеса...

ИГОРЬ ДРУЧИН

Тени лунных кратеров

Психобионик Эрих Тронхейм отодвинул графики и устало откинулся на спинку кресла, уныло поглядывая на пластиковые коробочки с карточками бывших обитателей научной станции Коперник. Неужели этот орешек ему не по зубам? Шеф, давая ему задание разобраться в истоках психических отклонений, не очень надеялся на успех: за два года институт психотерапии вылечил более сотни больных, но причины, вызывающие расстройство психики, оставались неясными.

Запел зуммер. Эрих включил видеофон. Это был Мануэль Корренс, начальник отдела.

— Заснули, что ли? — Седые брови шефа сердито шевельнулись.

Эрих промолчал. Его предупредили с самого начала, что Корренсу лучше не возражать.

— Новенького привезли. Вам не мешало бы встретить. Потолкуйте с водителем. Может, выудите свеженькую идею. Ну, ступайте. Вездеход в южном шлюзе.

Тронхейм еще не успел ознакомиться со всеми закоулками подземного городка и, миновав отсеки института, часто посматривал на надписи и стрелки переходов. Выйдя к эскалатору, он увидел санитаров с носилками. Больной, пристегнутый специальными ремнями, порывался встать. Молодое смуглое лицо безобразила злобная гримаса.

— Дьябло! Тащите на воздух! — кричал он, мешая французские и английские слова. — Душно! Дайте запасной баллон! Тараканы! Уберите! Они меня облепили. Я живой! Слышите?! Я еще живой! Разве вы не видите?!

Вспышка ярости утомила его. Больной невнятно забормотал. Тронхейм пошел рядом с носилками.

И снова больной исступленно закричал.

— С Коперника? — спросил Эрих в промежутке между криками.

— Да, сэр.

— Кто он?

— Анри Фальк. Канадский француз. Работал вулканологом.

— Все время кричит?

— Нет, больше рвется. Водитель говорил, поймали в шлюзе станции. Хотел убежать без скафандра.

— Мания преследования?

— Нет, сэр! С этой станции больные не такие. Им мерещится Земля или родные...

— Острая форма ностальгии?

— Вроде этого.

— Шофер где?

— Наверное, в гараже. И не называйте его шофером, сэр. Обижается. Лучше водителем.

Эрих кивнул и зашагал обратно к эскалатору.

В гараже, сияя чистотой, стояло около десятка легких и тяжелых планетоходов. Непохоже, что один из них вернулся из длительного путешествия. Заметив в курилке группу техников, Тронхейм подошел к ним.

— Не скажете, где машина с Коперника?

— На мойке. Сейчас прикатит.

Эрих закурил сигарету и прислушался к разговору.

— Верно, Рей любит приукрасить. Как тут удержишься? Не первый случай. Не зря там тройной оклад платят. Но в чем-то он прав. Болеют не все. Некоторые по два, три раза заключают контракт. А сам шеф? Он работает почти с основания станции.

— Что мы знаем? Сколько лет пишут о светлых лучах Кеплера, а толку? Вот на Копернике тоже...

С тихим шорохом раскрылись створки. Огромная машина, мягко шлепая пропиленовыми траками, выползла из моечной камеры, развернулась и легко вкатилась на проверочный стенд. Из верхнего люка появилась крупная рыжая голова.

— Ну, здорово, технари!

— Привет, Рей! Ты еще живой?

— А что мне сделается?

— Говорят, Лумер собирается тебя вздуть и даже приготовил увесистую дубинку.

— Ну, ну. Полегче. Мы с ним поддерживаем нейтралитет.

Балагуря, техники подключали датчики к измерительным системам, осматривали ходовую часть, проверяли герметичность.

Рей О'Брайен глянул мельком на показания приборов и подошел к Тронхейму.

— Вы ждете меня?

— Мне бы хотелось узнать, мистер О'Брайен...

— Зовите меня просто Рей.

Эрих кивнул.

— Больной не очень беспокоил дорогой?

— Не больше, чем всегда. Немного пошумел, но мисс Лумер справилась с ним превосходно.

— Мисс Лумер?

— Да, дочь директора станции, Элси. Она вроде экспедитора. Сам-то не любит путешествовать.

— Часто приходится бывать там?

— У нас предпочитают туда не ездить, хотя за рейс платят вдвое. Но я ничего. Лумер ко мне привык. Элси он доверяет только мне.

— Вы знали Анри Фалька?

— Само собой. Отличный был парень. С ним любая дорога короче. Как начнет анекдоты и всякие

истории... Бедняга не поладил с Лумером. Начал ухлестывать за Элси. Француз, что с него возьмешь? Это у них в крови.

— Погодите, Рей. Что-то я не пойму, при чем здесь Лумер?

— Может быть, и ни при чем. Этого никто не знает. Болеют и просто так, но уж если не поладил с Лумером, лучше сразу уехать. Говорил я Анри. Он не захотел. И вот, пожалуйста.

— А вы не боитесь, Рей, что Лумер узнает, как вы о нем отзываетесь?

— Ну и что? Туда так боятся ездить, а я не суюсь в его владения. Сплю в машине, ем свое. Так, разве когда Элси едет со мной и угостит. Фрукты у него отличные. Нигде таких нет.

— Думаете, подсыпает что-нибудь?

— Кто его знает. Лучше поостеречься.

— Но это нетрудно проверить.

О'Брайен усмехнулся.

— Проверяли. Две комиссии. Врачи и химики. Трое вернулись больными.

— Да, любопытно, — сказал Эрих как можно искренней. Нагромождение небылиц начало его раздражать. Он знал о станции достаточно много, но еще больше знал о больных. Среди них были геологи, химики, биологи — люди знающие и способные, умеющие обращаться не только с анализаторами, и, конечно, кто-нибудь определил бы введение сильнодействующих активаторов или наркотиков. Он читал и выводы комиссий, где прямо указывалось на необоснованность таких обвинений. Поэтому он не поверил О'Брайену, поспешил перевести разговор в другое русло.

— Когда вы снова поедете туда?

— Денька через три. Как Элси подберет все для станции. И потом, сами понимаете, молодая. Дома не разгуляешься! Отец за ней в четыре глаза следит. Здесь — другое дело.

— Три дня... Вот что, Рей. Сообщите мне, когда соберетесь. Может быть, я с вами поеду. Спасибо за беседу.

Тронхейм поднялся в свою лабораторию и вызвал начальника отдела.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Корренс.

— Больной Анри Фальк, канадский француз. Похоже, острая форма ностальгии. По словам Рея О'Брайена — оптимист, общителен. Вулканолог. Часто бывал на поверхности, вне станции.

— Все?

— О'Брайен связывает заболевание Анри Фалька с отношением между ним и директором станции.

— Плюньте. Навязчивая идея. Думайте, ищите! Психограмму Фалька вам пришлют. Что еще?

— Шеф, мне хотелось съездить, хотя бы ненадолго, на станцию. Попробовать разобраться на месте.

— Запрещаю. Закажите материалы обследований. Ознакомьтесь и до конца лечения Фалька даже не заикайтесь.

Экран погас. Тронхейм полистал каталог и, найдя шифр личных дел Лумеров, сделал заказ в Центральный архив. Шеф ошибся. Элси Лумер привлекла его внимание не как женщина, а как здоровый человек, долго проживший на этой ненормальной станции.

Вспыхнула контрольная лампоч-

ка. Эрих нажал кнопку и вытащил из ниши два пухлых дела. Он внимательно рассматривал стереофотографии Роберта Лумера. Ничего особенного. Бритая голова, узкое сухое лицо, холодные глаза... Полистав досье, Тронхейм уяснил, что Лумер — крупный биолог и селекционер, последователь доктора Вейнберга, впервые установившего стимулирующее действие звуковых волн на жизнедеятельность растений. Дальше следовал длинный перечень научных работ, посвященных селекции, резонансу звуковых волн в клетках, биохимии нуклеиновых кислот. И ни слова о вкусах, привычках, психологии...

Эрих недовольно хмыкнул и придвинул дело Элси Лумер. С фотографии глянуло милое личико. Худенькая, угловатая. В двадцать лет закончила медицинский колледж. Ого! Прибыла вместе с отцом. Назначена врачом на станцию Коперник.

Тронхейм посмотрел на дату и скривился. Хороши работнички! За семь лет не удосужились внести новые сведения. Впрочем, понятно. Не болеют, не жалуются. Интересно, а когда это началось? Эрих выдвинул ящик с карточками, разложенными по годам. Первое заболевание — через полтора года с начала работы станции. Через два года — четыре заболевания. И дальше болезнь нарастала лавиной... Понятно. Тронхейм отодвинул карточки и вызвал Корренса.

— Шеф, я тут набрел на одну мысль. Если составить график по годам и попробовать выделить среднестатистическую форму болезни и ее вероятностную редукцию по...

— Хотите выделить чистую болезнь и ее психологическое воздействие? Опоздали, коллега. Ведь и нам не зря деньги платят. — Корренс вытащил из-под стекла лист бумаги. — Вот график.

На графике нижняя кривая после резкого скачка поднималась медленно, верхняя нарастала катастрофически. Тронхейм вздохнул.

— Я вам не нужен, шеф?

Корренс махнул рукой. Эрих отключился. Сколько раз он обещал себе не поддаваться порывам, а сначала проверять, и вот опять нарвался.

В справочном жилого комплекса ему сообщили, что Элси Лумер занимает номер 301, недалеко от его комнаты. Дверь оказалась незаблокированной. Он постучал.

— Войдите!

Тронхейм нажал кнопку. Дверь бесшумно уползла в стенку. Девушка стояла на коленках и аккуратно укладывала в пластиковый ящик крупные яблоки, заворачивая каждое в отдельную бумажку. Она ничем не напоминала ту Элси, которую Эрих рассматривал на стереофото. Фигура ее округлилась, ноги пополнели, и даже поза ее, казалось, дышала женственностью. При виде гостя она поднялась с коленей и отбросила рукой прядь темных волос, опустившихся на лоб.

— Элси Лумер?

— У вас есть сомнения на этот счет?

— Нет, — ответил с улыбкой Эрих. — Но как-то надо обратиться. Я из института психотерапии. Надеюсь, не оторвал вас от работы?

— Оторвали, — девушка тоже улыбнулась. — Видите, посылку укладываю.

— Хм. Я думал, этот дедовский

архаизм существует только на Земле.

— Луна не исключение, но эта как раз на Землю.

— Ну, знаете... Если бы я был помоложе лет на десять, сказал бы, что у вас не все дома!

Элси рассмеялась. Смех ее оказался приятным, откровенным.

— Что делать! Прихоть отца. Никогда не упустит случая переслать яблоки Фреди, моему кузену. Вы не спешите?

— Я, собственно, просто пришел, из чистого любопытства. Хотелось взглянуть на здоровых обитателей станции.

— И убедились, что здоровые тоже с причудами?

— Причуды — как раз привилегия здоровых. За ними скрывается смысл, который разгадать людям ординарным не по силам. Вот они и придумали такое заковыристое слово!

— Себя-то вы, конечно, относите к неординарным?

— Я в некотором роде профессионал. Знание человеческой психологии входит в мои обязанности.

— Ваша аргументация выше похвал, — произнесла Элси насмешливо. — Но дело прежде всего. Поэтому прошу великодушно... — Она снова опустилась на колени и, ловко сортируя яблоки, скоро наполнила ими пластиковый ящик. Захлопнув крышку, включила линию связи и набрала шифр. Открылась ниша транспортера. Элси поставила ящик, достала бланк адреса и наклеила на верхнюю крышку. Затем прикрыла створки ниши. Раздался тихий щелчок, и за створками зашуршала лента транспортера.

— Вот я и освободилась. Хотите яблок? Из нашей оранжереи. Отец выращивает.

Пока Эрих грыз большое яблоко, по вкусу — шафран, Элси прибирала комнату.

— Вкусно? Вот и Альфред говорил, что лучше этих яблок он в жизни не пробовал. Сообщил, что ест их только перед экзаменами. Отцу это ужасно льстит. Но я Фреди не очень доверяю. Он отчаянный шалопай и лгунишка. Школу закончил кое-как, чудом поступил в университет, и вдруг у него открылись математические способности. А был тупица тупицей. Странно, правда? Ешьте, не стесняйтесь. Вдруг и у вас откроются какие-нибудь способности! — Элси засмеялась, и он снова отметил, что смех ее располагает к откровенности.

— Кстати, вы мне даже не сказали, как вас зовут?

Эрих назвал себя и церемонно поклонился.

— Вы немец?

— По происхождению — да, но родился в Штатах.

— А я в Берлине, но плохо его помню. Отца пригласил Гарвардский университет, и мы переехали... Вы давно в городке?

— С месяц.

— То-то я вас не видела. До этого здесь работал Дик Мегл. Часто бывал у нас. Такой напыщенный, самоуверенный. Никто его не любил.

— Ну и куда он делся? — поинтересовался Тронхейм.

По лицу Элси пробежала тень. Она упрямо тряхнула головой и сразу стала серьезной.

— Списали на Землю. Вы ведь знаете, у нас не все благополучно.

Эрих поежился. Ему ничего не говорили о предшественнике.

— Я вас расстроила, да?

— Пустяки. А вы сами не боитесь там жить?

— Мне что? Я там с самого основания. Болеют обычно новички.

Она мельком взглянула на часы.

— Что будем делать? Я собираюсь в иллюзион, если хотите...

— Почему бы и нет. Тем более я здесь фактически еще нигде не был.

— Тогда я переоденусь.

Эрих вышел из номера и в ожидании закурил.

Шеф все-таки прав. Она производит впечатление. Надо будет познакомиться поближе, а кстати, снять с нее психограмму.

Центральная площадь, на которую их вывел переход, поражала своими масштабами. Тонкие титановые колонны поддерживали высокий свод, темный, несмотря на обилие света. Эффект достигался с помощью поляроидных плафонов, направлявших освещение книзу. Синий фон свода и отдельные светлые точки, мерцающие на его поверхности, создавали эффект ночного неба. Ресторан, иллюзион, ревюхолл и другие увеселительные заведения выходили на площадь рельефно выполненными фасадами, расцвеченными огнями реклам, а сами помещения размещались в глубине базальтового массива, как и весь подземный город. Этот архитектурный ансамбль должен был, по замыслу строителей, воссоздать земную обстановку. Психологическое воздействие на жителей города усиливалось разбитым посреди площади сквером с настоящими деревьями и кустарниками, с аллеями, посыпанными желтым речным песком. Колонны в сквере прятались в резной листве плюща и дикого винограда.

Эрих решил порасспросить Элси о жизни станции.

— Скучно у нас. Молодых нет. Одни старики или женатики. Ходят, глаз не поднимут. Когда был Анри, станция немного ожила. Он веселый, такой подвижный. Кого разыграет, с кем пошутит. Узнал, что отец посторонних не терпит в оранжерее... Он там проводит исследования... Выбрал момент, когда отец обедал, и оборвал огурцы с какого-то опытного куста. Отец рассердился ужасно, а он смеется: «Я, — говорит, — люблю малосольные!» А потом поскучнел, стал заговариваться, ну и... Давайте выпьем!

Больше в течение вечера Эрих не услышал о станции ни одного слова.

Анри сидел на краешке стола и, посмеиваясь, выкладывал свежие анекдоты. Эрих удовлетворенно хмыкал и поглядывал на психограммы. Фальк, без сомнения, не нуждался больше в услугах института. Все пики были на месте. Правда, повышенная восприимчивость оставалась, но со временем, на Земле, стабилизируется и она.

— Вы ведь вулканолог, Анри. Что, по-вашему, представляют светлые лучи Кеплера? Говорят, природа их недостаточно изучена?

— Милый доктор, так могут говорить профаны. Это как раз то немногое на Луне, что хорошо известно. Обыкновенные выбросы взрывных вулканов. Ведь сила тяжести здесь весьма слабая, поэтому вулканический материал — пепел, лапилли и другие обломки, разлетались при извержениях на сотни миль. Образовались довольно рых-

лые породы с более светлой окраской, вроде песчаных валов, — словом, вулканические туфы. На Земле направленные выбросы взрывных вулканов тормозятся атмосферой, происходит сортировка, пепел вообще уносится ветром, а здесь мелкие частицы летят так же далеко, как и крупные, вот и образуется «луч». Многократные извержения создали систему «лучей». Я понятно объясняю?

— Вполне, — засмеялся Эрих. — Вас не удивляют мои вопросы?

— В области психологии я темный человек. Проверяете, не утратил ли я профессиональные знания?

— Что вы, Анри. Для проверок существуют кибернетические системы и тесты. Говорят, эти самые образования влияют на психику... Ну... как бы сказать... являются одной из причин заболеваний.

— Господи, какая чушь! Вы слышали это от профессионалов?

— Нет, просто разговоры.

— Досужие домыслы. Какое влияние могут иметь рыхлые туфы?!

— Может, неизвестный тип радиации?

— Доктор! Я верю вам! Почему вы не верите мне?! Ведь это уже моя область!

— Успокойтесь, Анри. Я верю, но у меня не должно оставаться и тени сомнения в любой, даже абсурдной версии.

— Сдаюсь, доктор, я не понял, что к чему.

Фальк налил в стакан газированной воды и цедил ее мелкими глотками. Тронхейм углубился в графики, чтобы дать возможность вулканологу успокоиться. Он машинально сделал отметку в истории болезни о повышенной возбудимости и закрыл дело.

— Ну вот, Анри. Все в порядке. Куда же вы теперь?

Фальк показал пальцем в пол, потом засмеялся и поднял палец вверх.

— Нет, скорее туда! На Землю! И как можно быстрее!

— А контракт?

— Побоку, само собой! Кроме страховки, компания обязана предоставить мне работу. Станция на особом положении. Иначе не заманишь.

— В таком случае рад за вас, Анри. И если позволите, еще один вопрос на прощание...

— Валяйте, док.

— Что вы не поделили с Лумером? Мне говорили, что отношения у вас, мягко говоря, были натянутыми.

— Пустяки. Эта старая калоша начисто лишена чувства юмора. Зато у него прелестная дочь. Я за ней немножко ухаживал. — Анри весело улыбнулся. — А в общем, он вполне порядочный человек, и никаких эксцессов между нами не было. Вся эта чертовщина, док, от обстановки. Первое, что мне начало надоедать, косые тени. Рельеф Коперника довольно извилистый. Три зубчатые гряды. Идешь — и в глазах мельтешит: то тень, то солнце, то холод, то жара. Экватор, черт бы его побрал! А тут еще Земля висит над головой. Кажется, рукой достанешь. Здесь она поближе к горизонту и поэтому выглядит иначе. Нет, док, это не каждый выдержит. Лумер здесь ни при чем. Заметьте. Там большинство немцев, и они ничего. Их спасает педантизм. Программа расписана по пунктам, только выполняй. А я так

не могу. Вот и свихнулся. Что-нибудь еще, док?

— Благодарю, Анри. Больше ничего.

Вулканолог попрощался и ушел. Тронхейм задумался. Итак, снова рухнули все версии. Впрочем, эта идея Анри в отношении немцев любопытна. Эрих включил видеофон и вызвал Центральный архив.

— Сообщите, сколько работало на станции Коперник немцев и сколько из них было подвержено психическим расстройствам. Срочно.

Сотрудница повернулась к пульту, и ему было видно, как она задавала программу. Заметались огоньки сигнальных ламп. Ожидая ответа, Эрих вытащил из картотеки статистическую сводку. Каждый третий со станции попадал к ним на лечение, больше тридцати процентов. Занятые на поверхности, вне станции, составляли двадцать восемь процентов. Значит, версия Анри в отношении света и тени тоже отпадает. Самый высокий процент у обслуживающего персонала теплицы. Забавно! Казалось, должно быть наоборот. Работа в огородном хозяйстве наиболее приближена к земным условиям. Впрочем, наверное, огородникам и садоводам не хватает чисто земного простора или какого-то другого ощущения. Нет, видимо, надо ехать на эту проклятую станцию и попробовать разобраться на месте хотя бы вот в таких специфических деталях.

Зуммер отвлек его от размышлений. Сотрудница архива улыбалась с экрана.

— Готово?

— Да. Я думала, вы убрали звук. Говорю, а вы не слышите. Запишите. Всего немцев работало пятьдесят семь. Болело девятнадцать.

— Благодарю. Сделайте расчет для всех национальностей и пришлите мне.

Эрих переключился на канал руководителя отдела. Прошло не меньше минуты, прежде чем на экране появился Корренс.

— Шеф, я снова на мели. Ни одной плодотворной идеи. Я настаиваю на поездке.

— Не дурите, Тронхейм. Тридцать семь процентов вероятности, что вы вернетесь идиотом.

— Вы уверены, шеф?

— То есть?

— С учетом национальной дифференциации. Я по происхождению все-таки немец, а немцы, по любезному сообщению Фалька, не так подвержены этой болезни.

— А что архив?

— К сожалению, он не подтверждает версии Фалька... Тридцать три и три в периоде. Так как же, шеф?

— Ну и настырный ты! — Корренс впервые посмотрел на него с нескрываемым любопытством. — Ладно, поезжай. Сверни себе шею. Думаешь, до тебя не было таких умников?

— Я знаю о предшественниках, шеф. И все-таки мне хочется попытать счастья. Кстати, шеф, похлопочите у высшего начальства о разрешении на неограниченные полномочия.

— Это еще зачем?

— На всякий случай.

В конце туннеля забрезжил свет. Рей О'Брайен опустил солнечную защиту. Планетоход выскочил из туннеля на обширную каменистую

равнину. Эрих прикрыл глаза: солнечный свет был непривычно яркий, несмотря на специальные фильтры. Машина постепенно набирала скорость. Бетонная дорога, изгибаясь плавной дугой, уходила за горизонт, туда, где поднималась острозубая гряда. С густо-фиолетового неба, не мигая, смотрели звезды, и казалось, дорога — лишь трамплин в бездну... Когда Рей, потянув на себя рычаг, выпустил из недр планетохода две пары огромных перепончатых крыльев, ощущение полета усилилось. Тронхейму стало не по себе, хотя он догадался, что это всего лишь солнечные батареи.

— Питаетесь даровой энергией?

— Не слишком много от них толку, — пробурчал Рей. — Корпус дает больше. Он обшит термопарами, — пояснил О'Брайен, заметив недоумение Тронхейма. — Сверху жарко, снизу холодно. Разность температур больше ста градусов.

— И хватает?

— Еще остается. Идет на зарядку аккумуляторов. Тут ведь как? Разгонишь миль до пятидесяти — выключаешь. Катишься по инерции. На гусеницах подобраны материалы с низким коэффициентом диффузии, чтобы не сваривались при трении. Сопротивления воздуха нет. Вот сейчас выключу, и дотянем до космопорта.

— Это сколько?

— Миль восемь. Вон, видите, шпиль появился на горизонте.

Эрих заметил небольшую серебристую пирамиду, которая медленно всплывала из-за горизонта, вспарывая фиолетовую тьму неба. Он опустил затемняющую шторку на боковом окне и замер от неожиданности: прямо на него, занимая полокна, глянул огромный голубой шар. Сквозь белесоватый облачный покров просматривались знакомые с детских лет очертания материков.

— Не тянет на Землю, когда она вот так, перед глазами? — налюбовавшись, спросил Тронхейм.

— Сперва очень, потом ничего, привык. Это еще что! Она сейчас сбоку, а повернем к Копернику, она будет по курсу, над головой. Так и маячит!

— А там что за зубцы?

— Гора Питон. Хороший ориентир. Мимо будем ехать. Дорога только до космопорта, а дальше как знаешь.

— Далеко до нее?

— Около сорока миль.

— Сорок миль! А кажется, совсем рядом!

— Видимость такая на Луне, привыкнуть надо.

Когда показались строения космопорта, О'Брайен снова включил двигатель.

— Рейсовая, — кивнул он на ракету. — А это спасательные. Мы их этажерками зовем.

Эрих кивнул. Дорожное возбуждение начало спадать. Он уже с меньшим любопытством посматривал по сторонам. Насыженная, в красноватом грунте дорога петляла по испещренной мелкими и крупными оспинами кратеров равнине среди зеленоватых скал, иногда пересекала трещины. У подножия горы Питон встала стена фиолетового мрака. Рей включил фары и въехал в тень. Розоватым светом струилась под фарами дорога, загадочно вспыхивали камни на обочине. Не было привычного на Земле светового коридора: в боковом окне висел такой густой мрак,

как будто его заклеили черной бумагой.

— Жутковато, да? — с усмешкой спросил О'Брайен.

— Черт знает что такое! — пробормотал Тронхейм. — Случись что, тут ни один спасатель не отыщет.

— Сказать по правде, я сколько езжу, всегда стараюсь проскочить это место быстрее. А объезжать далеко: тень длинная. Солнце на этой неделе пошло на закат.

Из темноты выскочили так же неожиданно, как и въехали. Однообразная равнина кончилась. Местность стала холмистой, но планетоход, мягко покачиваясь, мчался, не сбавляя скорости. Чаще стали появляться крупные кратеры или живописные группы скал. Миновал уже четвертый час пути, когда по курсу на горизонте замаячили зубчатые гряды.

— Архимед. Тут русская станция. Надо передохнуть. Кстати, у них приличная кухня. Можно пообедать. Я всегда у них беру овощной суп. Как это называется... Ага! — О'Брайен прищелкнул языком и с усилием произнес: — Борч! Очень вкусная штука!

В просторном зале столовой Рея О'Брайена встретили как старого знакомого. Объяснение шло на смешанном русско-английском. К их столу подсел молодой русоволосый парень.

— Ну как, Рей, борч?

— Борч! — довольно улыбнулся водитель. — Садитесь, доктор. Покушай немножко!

— Спасибо. Уже. Все воюешь с Лумером?

— Зачем? У нас мирное сосуществование.

— Моя бы воля, давно его на чистую воду вывел.

— Кто это? — спросил Эрих, когда русский отошел от стола.

— Здешний биолог.

— Что он сказал?

— Говорит... как это перевести? Ну, вывести мистера Лумера в море и бросить в воду.

Тронхейм покрутил головой: то ли русский говорит загадками, то ли О'Брайен намудрил с переводом. Ясно одно, что и этот парень, видимо, разделяет подозрения Рея.

Обед привел О'Брайена в доброе расположение духа. Его огромные руки легко справлялись с планетоходом. Планетоход лихо огибал очередную воронку или уклонялся от встречи со скалами, а Рей неторопливо рассказывал о своей невесте.

Монотонный голос О'Брайена действовал на Эриха усыпляюще. Он извинился и перешел в соседний отсек подремать. Проснулся он от грохота: въезжали в какой-то туннель. Тронхейм вернулся в кабину.

— Что, уже приехали?

— Нет, это Эратосфен. Отсюда еще миль двести. Пятьсот миль отмахали. Пора и отдохнуть.

В номере О'Брайен сразу завалился спать, а Эрих, взбудораженный дорожными впечатлениями, долго ворочался и, чтобы отвлечься, решил обдумать план предстоящей работы. Прежде всего надо снять психограммы всех сотрудников. Установить в своем номере анализаторы, в кабинете — автоматическую запись, чтобы не отвлекаться. Невольно его мысли переключились на Элси. Ему все-таки удалось снять с нее психограмму. Он не нашел особых отклонений. Только пики волевых центров показались по-

дозрительными: необычно сглаженные трапеции, на фоне которых прорывались отдельные острые вершины. Что-то надрывное было и в ее поведении. Эрих вздохнул. Нет, сейчас во всей этой кутерьме не разобраться. Надо попробовать на месте. Тронхейм закрыл глаза и приказал себе спать.

Утром наскоро подкрепились. О'Брайен торопился. Лунный день близился к концу, и надо было успеть обратно, пока солнце стояло достаточно высоко. Дорога прихотливо петляла среди пологих горных вершин, иногда на пути вставали острозубые скалы. Все чаще на красноватом фоне возникали зеленые полосы, глыбы, и, когда планетоход вырвался на равнину, серовато-зеленый цвет начал преобладать. От многочисленных кратеров, воронок, каменных осколков рябило в глазах. Наконец появилась зубчатая гряда Коперника. Начался медленный подъем. Но даже здесь Рей умудрялся использовать инерцию. Разгоняя машину вниз по склону, он включал двигатель только вблизи следующей вершины. Низкие гряды он проскакивал с ходу. Планетоход как будто дрейфовал на огромнейших волнах, и качка при этом была не хуже океанической. Совершенно неожиданно дорога ушла в туннель.

— Ну, док, станция, — заговорил Рей, молчавший все четыре часа сложного пути. — Зря вы это... сюда... Но раз уж вы приехали, мой вам совет: питайтесь своими продуктами.

Тронхейм пожал плечами. Едва удалось разместить ящики с аппаратурой, да и смешно ехать в гости с собственной ложкой.

— Спасибо, Рей, но вы меня поздновато предупредили, а сам я не догадался.

— У меня есть двухнедельный запас.

— Не стоит, Рей. Я везу достаточно приборов и индикаторов, чтобы определить полноценность продуктов.

— Эх, доктор, доктор... — огорчился О'Брайен. — Небось думаете: что он понимает, этот необразованный чудак...

Тронхейм промолчал. Не обижать же, в самом деле, хорошего парня только потому, что ему втемяшилась нелепая идея.

Замигали огни шлюзовой камеры.

Эрих шел по коридору. Его слегка покачивало, двигался он неуверенно, как в первые дни на Луне. Тогда было понятно: он еще не привык к ферромагнитным вкладкам в подошвах обуви, нейтрализующим с помощью магнитного поля потери земного тяготения.

— Послушайте! — окликнул он невозмутимо шагавшего впереди молодого парня, служащего станции. — Объясните мне, что происходит!

— Вы напрасно волнуетесь... э... мистер Тронхейм. Все новички на нашей станции проходят через это.

— Через что, черт возьми?! — не выдержал Эрих. — Объясните толком, почему меня дергает, как марионетку на веревочках!

— У нас маленькая станция, мистер Тронхейм. Слабое магнитное поле... Вы быстро привыкнете.

— Хорошенькое дело, — проворчал психобионик. — Не могут обеспечить человеческие условия.

Они прошли по жилому отсеку

шагов тридцать. Провожатый остановился.

— Ваши комнаты, мистер Тронхейм. Я помогу вам устроиться.

— Спасибо, я отлично управлюсь сам. Передайте профессору Лумеру, что через полчаса я буду в состоянии навестить его.

— Извините, сэр. Вынужден вас огорчить. Директор станции во второй половине дня не принимает. Я смогу вас представить ему только завтра утром.

Служащий набрал разблокирующий код, и дверь ушла в стену. Номер, как и просил Эрих, оказался трехкомнатным. В передней лежало оборудование. Тронхейм прошел по комнатам и остался доволен.

— Черт с ним, с Лумером, — решил он. — Надо распаковать и установить аппаратуру.

— Вам помочь, сэр?

Эрих оглянулся. Служащий все еще стоял у дверей в почтительной позе.

— Ну давай, — неожиданно согласился Тронхейм. — Как тебя зовут?

— Джон Кэлкатт, сэр.

— Так вот, Джонни. Волоки всю эту музыку поближе к столу, и начнем.

С монтажом приборов они провозились до конца дня. Для пробы Эрих снял психограмму Кэлкатта. Удивило сходство срезанных волевых пиков графика с психограммой Элси Лумер, хотя здесь они выражены значительно слабее. Сделать вывод об одном и том же источнике было нетрудно.

— Если я вам больше не нужен, мистер Тронхейм, разрешите вас покинуть.

— Да, пожалуйста, — кивнул Эрих. — Действительно пора и отдохнуть. Кстати, где вы собираетесь?

— Мы не собираемся, сэр.

— Но развлечения какие-нибудь есть?

— Пивной бар с бильярдной, два раза в неделю кино.

Кэлкатт откланялся, а Эрих с полчаса мерил шагами комнату. Не отличаясь особой общительностью, он тем не менее хотел познакомиться с обитателями станции в непринужденной обстановке. Похоже, мест для таких контактов на станции практически не осталось. Полистав кодовый справочник, он заказал ужин. Мигнула сигнальная лампочка. Эрих открыл дверцу приемника и присвистнул: ужин оказался роскошным, как в порядочном ресторане. Дымящийся бифштекс с жареным картофелем, черный кофе с домашней сдобной булочкой и парочка свежих, в пупырышках огурчиков настраивали на оптимистический лад. После еды потянуло в сон, и Эрих решил немного вздремнуть, но дорожная усталость взяла свое: он проспал до утра.

Директор станции принял его в назначенные часы. Он внимательно выслушал намеченную Тронхеймом программу исследований и попросил по возможности не отрывать сотрудников от работы.

— Мне необходимо получить психограммы всех работающих здесь, в том числе и вашу, мистер Лумер. В дальнейшем постараюсь все исследования проводить на месте или выбирать для этого нерабочие часы.

Эрих положил на стол директора график обследования работников станции. Лумер пожевал губа-

ми, погладил лысину, потом, бегло просмотрев, решительно подписал его.

— У вас еще есть ко мне вопросы?

— Личного характера. Как вам удается выращивать такие огурцы?

Лумер улыбнулся.

— Одна из задач станции — селекция лунных сортов. Мы питаемся, по существу, опытными образцами... Если понравились, могу присылать почаще.

— Сделайте одолжение.

Профессор кивнул. Эрих, весьма довольный результатами первого визита, вышел из кабинета. Не освоив координации движений в слабом магнитном поле, он шел медленно. Сосредоточив на этом все свое внимание, он едва не столкнулся с девушкой. Она безразлично взглянула на него и посторонилась.

— Элси? — удивился психобионик. — Вы меня не узнаете?

Мисс Лумер потерла рукой висок.

— Как будто мистер э...

— Тронхейм.

— Извините, мистер Тронхейм. Я сразу не узнала вас, задумалась.

Она улыбнулась. Улыбка вышла жалкой, вымученной.

— Вы нездоровы?

— Что вы, вполне. Просто устала... И потом никак не ожидала встретить вас здесь.

— Ну, извините, что задержал. В два часа жду вас в лаборатории на обследование.

Элси покраснела и засмеялась.

— Постойте, вы Эрих, психобионик?

Тронхейм развел руками. Теперь он окончательно убедился, что Элси сначала его не узнала, и подумал, что следовало снять психограмму мисс Лумер именно сейчас.

— Как глупо! У меня иногда бывают провалы памяти. Ничего серьезного, насколько я понимаю, но... мало приятного попадать вот в такие истории.

— И часто с вами такое?

— Не сказала бы.

— Слушайте, Элси, давайте я вас посмотрю.

— Но...

— Никаких «но». Кстати, — глаза Эриха весело блеснули, — мне совершенно необходим якорь, иначе я при одном неосторожном движении упорхну в космос!

— Вы обладаете даром убеждения, — засмеялась мисс Лумер и взяла его под руку.

Разговаривая о пустяках, Эрих манипулировал вереньерами прибора и поглядывал на выползающий из отверстия график. Так и есть. Общее понижение тонуса, отрицательные значения отдельных центров памяти, подавление воли. Элси уловила перемену настроения Тронхейма.

— Плохо? — спросила она с затаенной тревогой.

Тронхейм положил руку ей на плечо и заглянул в глаза.

— Я говорю правду, Элси. Меня беспокоят не сами отклонения, а их темпы. В твоем возрасте характер обычно уже устанавливается в определенных рамках. Если и меняются отдельные черты, то медленно, со временем. Как правило, этому предшествует перемена образа жизни или обстановки. А у тебя, извини за сравнение, психика тринадцатилетней девчонки. Неуравновешенная, неустойчивая...

— Только-то! — с явным облегчением сказала мисс Лумер. — Значит, еще не доросла!

Пиво было прохладное и слегка терпкое. Эрих пристроился в дальнем углу бара, откуда хорошо обозревался весь зал. Посетителей оказалось немного, преимущественно пожилые люди. Они чинно восседали за своими столиками, перебрасываясь редкими фразами. Временами в зале нависала тишина, и тогда Тронхейму казалось, что он смотрит иллюзион, у которого почему-то отключился звук.

Эрих потянулся за кружкой и потому не заметил появления в зале мисс Лумер. Она на секунду задержалась у стойки и направилась к столику Тронхейма.

— Как тебе наше пиво? — спросила она, усаживаясь.

— Лучше, чем можно было ожидать, но... У вас всегда так тихо?

— Ты об этих? — небрежно кивнула Элси в сторону посетителей. — Я тебе говорила, у нас самая скучная станция.

— И тебя как врача это не беспокоит?

— Бесполезно. Я испробовала все методы. До сухого закона теплилось некоторое общество, как-то шевелились. Потом случилось несколько драк, и отец запретил завоз спиртных напитков. Только по праздникам.

Легкий шелест прошел по залу. Элси обернулась. Оживление угасло в ее глазах: на пороге стоял профессор Лумер.

— Молодежь разрешит присесть старику? — сказал он, подойдя к их столику.

— Какие могут быть церемонии, мистер Лумер, тем более что я здесь гость, а вы хозяин.

— Благодарю, — профессор уселся поудобнее в кресло. — Нынешняя молодежь часто забывает, что их собственная старость лишь вопрос времени.

— Скорее она считает, что старость именно тот период жизни, когда можно исправить ошибки, допущенные в молодости!

— Может быть, — согласился Лумер. — Я не силен в софистике. Вы уже знакомы?

— Да, если можно назвать знакомством отношения врача и пациента, — невесело улыбнулась Элси.

— Вам не подошел наш климат? — пошутил профессор, благодушно улыбаясь.

— Пациент — это я, папа! — снова поспешила ответить мисс Лумер. — Меня последнюю неделю мучили головные боли. Мистер Тронхейм взялся меня подлечить.

— Простите, — любезно кивнул Эриху профессор, — я забываю, что теперь у нас на станции два врача. Ну а как вам у нас понравилось? — спросил вдруг директор станции.

— Знаете, меня очень удивила такая... — Эрих замялся, подбирая подходящее слово, — разобщенность, что ли, замкнутость...

— Видите ли, — нахмурился профессор. — Одна из гипотез заболевания объясняет причину психических расстройств вирусологическими элементами или сверхвирусами лунного происхождения, не улавливаемыми обычными методами. Можно понять наших людей...

— Но, простите, отсутствие болезнетворных элементов было до-

казано еще при первом посещении Луны в прошлом веке. Неужели находятся люди, которые могут поверить в подобную нелепость?!

— Мой учитель, доктор Вайнберг, часто предостерегал меня от поспешных выводов. То, что кажется абсурдным с точки зрения человеческой логики, может оказаться в природе одним из проявлений адаптации биологического объекта к новым условиям. Почему не допустить сложную модификацию земного вируса в лунных условиях?

— Насколько мне известно, вирусологи только этим и занимаются.

— Ваша убежденность делает вам честь, — иронически усмехнулся Лумер. — Тогда, может быть, вы назовете причину заболевания?

— Ну зачем же в чисто научном споре делать запрещенные выпады? — спокойно заметил психобионик. — Конечно, я не могу ответить на ваш вопрос, но разве это что-нибудь доказывает? В вирусной гипотезе, кроме предположений, никаких объективных данных нет.

— Категоричность суждений — прерогатива молодости! — отеческим тоном произнес профессор и поднялся. — Извините, нам пора. Пойдем, Элси.

Несколько дней Эрих работал с огромной нагрузкой: спал без сновидений, едва добираясь до кровати, но зато весь штат станции был всесторонне изучен, материалы систематизированы, и можно было делать предварительные выводы. Аномальные отклонения Эрих обнаружил у трех сотрудников: один работал садовником в оранжерее, другой вел астрономические наблюдения, третьей была Элси Лумер. Собственно, старик садовник отличался от других обитателей станции неодолимой страстью к математике. Увлечение, как признался сам Артур Лемберг, пришло на старости лет. Вот это и показалось психобионику странным. Садовник выглядел моложавым, хотя ему не хватало нескольких недель до шестидесяти пяти лет. Тронхейм усмехнулся, вспомнив, как старик испугался, когда он заговорил о пенсии. После семи лет работы на станции Лемберг имел право выйти в отставку на льготных условиях, и вот такая странная реакция! О математике старик распространялся долго и подробно, исчеркал формулами весь стол. Эриху потом пришлось смывать с пластика труднорастворимую пасту. Психобионик так и не мог решить, имел ли он дело с математическим маньяком или с гением на грани сумасшествия: уж очень изящными получались окончательные формулы, хотя принципы решений были необычными и не всегда понятными.

Хуже выглядел Джеймс Келвин, астроном. У него наблюдались все признаки душевной депрессии: общая подавленность, отсутствие всяких интересов. Ему явно надо сменить обстановку, но вряд ли это возможно. Разве что поговорить с директором...

Разговор получился не совсем такой, как хотелось Тронхейму. Лумер внимательно выслушал доклад и уставился на Эриха немигающим взглядом:

— Что вы предлагаете?

— В идеале следовало переместить садовника в обсерваторию, а

астронома в оранжерею, но, увы, при блестящих математических способностях Лемберг не астроном. А вот астроному не вредно было бы поработать в оранжерее если не садовником, то простым рабочим. Главным образом для смены обстановки.

— Здесь не благотворительное общество, — сухо заметил Лумер.— К тому же я сомневаюсь в серьезности увлечения Лемберга. Он работает у меня тридцать лет...

Эрих почувствовал недоверие в словах профессора. Действительно, за тридцать лет можно узнать человека, даже не обладая набором психокибернетических анализаторов.

— Я не могу сказать, насколько это серьезно, но влияние на его психику...

Профессор нажал кнопку вызова, и на экране возникло озабоченное лицо мисс Лумер.

— Элси, посмотри заказы Лемберга.

— Я и так знаю, папа. Введение в теорию квантов, труды Эйнштейна, Фримана, Лобачевского... Ну и другое в этом же роде.

— Он что-нибудь понимает?

Элси пожала плечами.

— Ты мне не говорила.

— Разве это так важно?

— Пожалуй, — хмуро согласился Лумер и выключил видеофон. Он потер руками виски. Психобионик машинально отметил этот жест, который не раз замечал у Элси в минуты затруднений. — Хорошо, я поговорю с Лембергом, что же касается астронома, то решайте сами. У меня нет необходимости ходатайствовать о его замене. Если считаете опасным его дальнейшее пребывание на станции, можете использовать свое право врача.

— Я имел в виду оздоровительное мероприятие.

— Позвольте вам еще раз напомнить, что здесь не курорт, мистер Тронхейм. В этой связи мне хотелось бы заметить, что и моя дочь не нуждается в вашем усиленном внимании.

Эрих пристально посмотрел на профессора, но взгляд Лумера не выражал ничего, кроме усталости и озабоченности.

— Ваша дочь нуждается в моем попечении больше, чем вы предполагаете, — решительно возразил психобионик.

— В самом деле? — В голосе директора сквозили любопытство и ирония.

— У мисс Лумер достаточно четко выраженная инфантильность, что в соединении с подавленной волей может привести к элементарной шизофрении.

У профессора дрогнул подбородок, но он сумел справиться с волнением.

— Никто мне раньше этого не говорил...

— Возможно, раньше этих симптомов не было. В нервной системе, как. впрочем, и в самом организме, изменения накапливаются постепенно, прежде чем они проявятся явственно. Кстати, она жаловалась на провалы памяти...

— Это у нее иногда бывает...

— И вас это не беспокоит?

Лумер промолчал. Эрих удивился его самообладанию и поэтому решился на вопрос, который в данных обстоятельствах задавать не следовало.

— Почему ваша дочь до сих пор не вышла замуж?

— Это тоже имеет прямое отношение к вашим обязанностям?

— Приберегите ваш сарказм для другого случая. Ей нужна нормальная жизнь. Я вам говорю это как психолог.

— Благодарю за совет. Однако моя дочь достаточно взрослая и может решать такие вопросы сама. И еще... Если у вас серьезные намерения, я не возражаю.

Эрих пожал плечами. Логика профессора явно сбивала его с толку, но подсознательно он улавливал какую-то зависимость между словами и поступками Лумера. Эта противоречивость и толкнула Тронхейма на озорную фразу:

— Я подумаю над вашим предложением.

— Однако решающее слово принадлежит Элси, а пока прошу вас держаться в рамках приличия, — жестко закончил директор неприятный разговор.

Эрих шел по коридору, размышляя, чего больше в Лумере: отцовской любви или отцовского эгоизма? Он понимал, что, если человек с такой отличной выдержкой дрогнул, значит, его глубоко затронуло неожиданное сообщение. А чем можно еще объяснить беспокойство, кроме отцовских чувств? С другой стороны, ему крайне неприятна сама мысль о замужестве Элси. Родительская ревность? Похоже. У женщин она проявляется резче и чаще, но в определенной степени свойственна и мужчинам. Можно представить и гипертрофированный случай. При таком отчужденном образе жизни профессор лишен живого общения с окружающими, и дочь скорее всего является единственным близким человеком. И все-таки это странное предложение...

Тронхейм остановился у дверей своего номера, машинально набрал шифр. Створки распахнулись, а он продолжал стоять, углубленный в свои мысли.

— Эрих!

Тронхейм обернулся. Торопливым шагом к нему приближалась Элси.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — Элси запыхалась от быстрой ходьбы, — зайдем, отключи видеофон.

Эрих послушно выдернул штекер, подвинул ближе к столу кресло, усадил Элси и приготовился слушать.

— Можно узнать, о чем вы говорили с отцом? — Щеки Элси слегка зарумянились.

— О разном. В частности, о тебе.

— Именно это меня и интересует

— Ну, например, он предложил мне жениться на тебе.

— Ты отказался?

— Нет. Я сказал, что подумаю.

— Зачем?

— Просто так. Посмотреть, как прореагирует твой отец.

Щеки мисс Лумер пылали, выдавая сильное волнение.

— Это что-то новое по отношению ко мне, — протянула она.

— Прости, пожалуйста, за нескромность... Твой отец всегда так болезненно переносит ухаживания за тобой? Мне Анри Фальк говорил, что у него были нелады с профессором на этой почве.

— Отца можно понять... Он очень любит меня и...

— А правда, что большинство из тех, кто пытался за тобой ухаживать, попадали в наш институт?

Элси испуганно вскинула глаза, и на лице ее отразилось сильное смятение, как будто ее уличили в неблаговидном поступке.

— Не знаю... — неуверенно произнесла она. — Я думала о таком совпадении, но ничем объяснить не могла.

— А если это не совпадение?

— Ты думаешь, что отец... — мисс Лумер горько усмехнулась. — Нет, Эрих, нет. Я проверяла самым тщательным образом, как лицо заинтересованное... Но совпадение ужасное. В нем есть что-то мистическое. Едва я познакомлюсь с хорошим человеком, как начинаю дрожать при мысли, что с ним должно произойти несчастье. Мне было бы намного спокойнее, если бы ты уехал отсюда...

— Уеду, — пообещал Эрих, — как закончу исследования. И хватит об этом. Тебе не следует так волноваться, у тебя и так нервы не в порядке. Надо их беречь.

Элси кончиками пальцев помассировала виски.

— Что-то болит голова. У тебя ничего нет радикального?

— Найдем.

Психобионик усадил ее под установку комбинированного электромагнитного поля, наложил электроды на виски и запястья.

— Минут через десять придешь в норму. Я могу сварить пока кофе. Не такой божественный, как у тебя, но все же...

После процедуры Элси выпила кофе, поболтала о пустяках и ушла, предоставив Тронхейму самому разбираться в психологических мотивах поступков отца и дочери.

В ту ночь Эриху впервые приснился докучливый сон. Как будто над ухом жужжала назойливая муха, которую он никак не мог отогнать. Проснулся он разбитым, наспех проделал утренний комплекс гимнастики при включенном озонаторе и освежился в ванне. Процедуры значительно улучшили его самочувствие, и он, насвистывая, принялся за работу. Просмотрев последние психограммы, Эрих решил первым вызвать на прием астронома. Едва тот вошел в кабинет, психобионик уловил перемену в его состоянии. Молодой здоровый парень выглядел совсем опустившимся: небритый, под глазами набрякли мешки, грязная рубашка, неряшливо застегнутый костюм.

Закончив обычные, укрепляющие психику процедуры, Эрих усадил его в кресло.

— Мистер Келвин, мы, кажется, договорились, что ваше самочувствие зависит от вас самих, однако я не замечаю, чтобы вы особенно старались.

Посмотрите эти рисунки, пока я проверю вашу последнюю психограмму.

Келвин взял тесты, повертел их и, не обнаружив ничего интересного, бросил на стол.

— Вам знакомы эти рисунки?

— Нет. Чепуха какая-то. А что?

— Ничего. Просто хотел развлечь вас, пока сам был занят.

Рисунки были тщательно подобраны из классического наследия художников-юмористов. У здоровых людей они неизменно вызывали усмешку. Плохо. Значит, он уже невосприимчив к юмору.

— Скажите, мистер Келвин, у вас не было никаких трений с директором станции?

Келвин испуганно оглянулся и приложил палец к губам:

— Тс-с!

— Ага, вы, кажется, его боитесь?

— Что вы?! Он же прекрасный человек! — громко воскликнул Келвин и, нагнувшись к уху психобионика, добавил: — Не говорите о нем вслух. Он вездесущ, как бог, и является даже во сне.

Келвин опять осмотрелся по сторонам и, заметив телевизор, включил его. С Земли передавали музыкальный фильм. Герои смеялись и плакали, а астроном, захлебываясь от избытка слов, все говорил и говорил...

Позже, прокручивая пленку, Эрих мог уяснить только одно, что Лумер является к Келвину по ночам и до утра шепчет всякие гадости. Может, властность натуры Лумера влияет на эмоциональную окраску людей со слабой нервной системой и они приписывают ему поступки, к которым он не имеет никакого отношения? Да, с астрономом медлить нельзя. Он явно не в себе. Эрих вызвал директора станции и попросил разрешения на эвакуацию Келвина.

Лумер пожевал губами.

— У вас достаточно оснований?

— Вполне. Случай типичный.

— Хорошо. Я вызову машину. Кто будет оплачивать?

— Что оплачивать?

— Внеочередной вызов планетохода.

— Позвольте, разве не...

Лумер усмехнулся. Кажется, его забавляла неосведомленность Тронхейма.

— Договором предусматривается любая бесплатная помощь в случаях, если возникшие обстоятельства угрожают жизни. Вы беретесь доказать, что это именно такой случай?

— Непосредственной угрозы жизни нет, но налицо все признаки заболевания... Я думал...

— Меня не интересует, что вы думали. Так вызывать машину или подождать рейсовую?

Эрих растерянно смотрел на директора. Такого поворота он не ожидал.

— Поступайте как считаете нужным. Я полагал, что подлечить специалиста дешевле, чем отправлять на Землю, а взамен доставлять другого.

— Очевидно, такое положение дел устраивает компанию.

— Пусть так, по крайней мере, можно предупредить руководство.

— Мне нравится ваша горячность и приверженность делу. При случае я доложу о вас, — директор позволил себе улыбнуться. — Однако это не первый случай, и, надо думать, не последний. У меня есть предписание отправлять больных рейсовыми машинами.

Справочный автомат выдал расписание рейсовых машин на месяц вперед. Выходило, что больного раньше чем через четыре дня эвакуировать нельзя. Тронхейм не был уверен, что Келвин продержится эти дни, и решил предупредить мисс Лумер, чтобы она приготовила отдельную палату.

— Думаешь, Келвин... — озабоченно вздохнула Элси.

— Да... Кстати, ты не скажешь, сколько времени длится скрытый период болезни?

— Видишь ли... — Элси умолк-

ла, сосредоточенно перебирая в памяти известные ей случаи, — у меня нет специальной аппаратуры. Я сталкиваюсь с открытыми проявлениями, поэтому довольно трудно... Я замечала, что заговариваться начинают недели за две до критического состояния, но иногда это проявляется и сразу.

Вечером Эрих включил телевизор и выбрал из программы видовую передачу. На экране проносились каньоны Колорадо, плескала мириадами брызг Ниагара, высились гигантские секвойи, и, странно, он испытывал необычайное наслаждение от знакомых земных пейзажей. Когда загорелась сигнальная лампочка у входа и прожужжал зуммер, Тронхейм с явным неудовольствием разблокировал дверь. У входа стоял садовник Лемберг.

— Простите, доктор, я, кажется, нарушил ваш отдых. Я заплачу за визит...

— Проходите, — оживился психобионик. — Никогда безделье не следует путать с отдыхом. Отдых — это активное переключение на другое занятие. Вот как у вас: немного физического труда, немного математики!

— Не знаю, как по-ученому, но я так считал... Да вот, видно, старость от себя не утаишь... Надо о другом отдыхе думать.

Лемберг сел в кресло, взглянул на экран, где проплывали берега большой реки, и вздохнул.

— Да, пора. Прошлый раз вы говорили о пенсии. Теперь я понимаю, доктор, как вы правы. Память стала отказывать. Сегодня первый раз в жизни забыл ввести подкормку по графику. Шутка сказать, доктор, за тридцать лет безупречной работы вдруг получить замечание от самого директора. Видно, совсем плох стал я, доктор.

— Ну что ж, давайте посмотрим, — предложил Эрих. — Может быть, и не так страшно, как вам кажется. Держитесь вы молодцом.

Не меньше часа психобионик обследовал все нервные центры Лемберга. Они оказались в полном порядке, но графики воли и памяти имели срезанные вершины. Все те же похожие до однообразия симптомы.

— Ничего, папаша Лемберг, это не столько от старости, сколько от усталости, — успокоил его Тронхейм. — Пройдет. Вы, наверное, слишком нажимали на умственные занятия. Придется их временно оставить.

— Что вы, доктор! Занятия математикой просто блажь... Глупая старческая блажь... Да я книги в руки не возьму!

— Я бы не сказал, что просто блажь. В ваших рассуждениях интересные идеи, причем оригинальные, свежие. У вас незаурядные способности.

Старик оживился. Глаза заблестели, но в то же время он боялся поверить словам психобионика.

— Вы серьезно или просто успокаиваете? Вчера доктор Лумер тоже заинтересовался моим хобби, но я ничего не мог вразумительно рассказать... Выскочило из головы. И он сказал, что мне поздно учиться. Лучше знать одно, но как следует...

— Я оцениваю ваши способности иначе. И, поверьте, для этого у меня больше данных и профессиональных знаний, чем у вашего патрона.

— Спасибо, доктор, вы меня так

обнадежили, но простите старика, совсем заболтался. Вам ведь и отдохнуть нужно.

Старик ушел. Эрих выключил телевизор и достал прежнюю психограмму Лемберга. Сдвиг в психике садовника был очевидным: прежние пики памяти имели нормальную острую форму. Не зная, что и подумать, озабоченный Тронхейм переводил взгляд с одной психограммы на другую. Значит, гипотеза сильной личности Лумера, подавляющего всех своей волей и гипнотизмом, несостоятельна, как и все другие. Садовник, тридцать лет проработавший с ним рядом и, безусловно, находящийся под влиянием, до последних дней не имел ни малейшего признака подавления воли. Все произошло вдруг. Но что именно произошло? На этот вопрос у психобионика ответа не оказалось. Решив обследовать Лемберга на рабочем месте, чтобы получить дополнительный материал для сравнения, Тронхейм отправился спать.

Как и прошлую ночь, его мучили кошмары, слышался чей-то назойливый шепот, шорохи, мелькали виденные вечером кинокадры земных пейзажей. Злой, невыспавшийся, Эрих с трудом провел намеченный цикл исследований. Идти в оранжерею к Лембергу не хотелось. Больше часа он неподвижно просидел в кресле, пытаясь связать воедино полученный материал наблюдений.

Засветился экран видеофона. Пристальный взгляд мисс Лумер заставил его оторваться от размышлений.

— У тебя неважный вид. Тебе не мешает развеяться. Сегодня, кстати, кино.

— Болит голова, — пожаловался Эрих. — Ночью снилась всякая белиберда.

Элси беспокойно шевельнула бровями.

— Я сейчас приду. У меня свободных полчаса. Заодно прихвачу что-нибудь от головы.

Тронхейм кивнул и остался сидеть в кресле. Подниматься не было желания. Думать тоже. Он равнодушно отмечал полное безразличие к своей работе, к самому себе.

Элси пришла, накормила Эриха таблетками, напоила кофе. Ленивое оцепенение постепенно спадало.

— Не лучше ли тебе все-таки уехать? Дня через три прибудет Рей. Кто-то должен сопровождать больного...

— Рей? Подожди, это кто?

Элси побледнела. Непроизвольно вырвавшееся восклицание было похоже на стон.

— Рей О'Брайен, водитель планетохода! Неужели не помнишь?

Он сконцентрировал свою волю и внезапно вспомнил рыжего ирландца и его предостережения. Тронхейм резко поднялся с кресла.

— Спасибо, Элси. Теперь все в порядке. Даже головная боль утихла. Извини, мне надо работать.

Элси ушла. Эрих лихорадочно доставал нераспакованные ящики и выкладывал на стол все новое оборудование. Потом запросил диспетчерский пункт.

— Центральная слушает, — миловидная шатенка с приятным голосом внимательно смотрела на психобионика.

— Мне нужен техник-электроник.

Минут через пятнадцать в дверях появился Джон Кэлкатт.

— Мне сказали, что вам нужен техник-электроник, доктор?

— Здравствуй, Джонни. Бери в зубы эту схему и валяй.

Кэлкатт снял лиджак, включил паяльник, и работа закипела. Настроение у Тронхейма поднялось, он непрерывно шутил, слегка подтрунивая над Кэлкаттом, и даже прочел ему лекцию о влиянии женского каблука на формирование мужского характера. Джонни был невозмутим, и только когда Эрих пообещал отбить у него прекрасную даму, Кэлкатт заметил:

— Не забывайте, док, что я родом из Вест-Сайда!

— Это существенный аргумент, Джонни. А тебя не мучат по ночам кошмары?

— Я сплю как убитый.

— А мне вот приходится оборудовать стерегущую систему. Буду ловить свои сны и записывать на видеофон.

— Неужели это возможно?

— При таком развитии науки и техники!

— Мне никогда не снятся сны. Хотелось бы узнать, как они выглядят.

— За этим дело не станет. Приходите завтра, и я вам продемонстрирую самые первоклассные сны, более химерные, чем древние кинобоевики о чудовище Франкенштейне!

— Завтра я занят, у меня дежурство. Вот послезавтра, пожалуй. Да и Кэтти будет свободна.

— Твое дело, Джонни. Как сможете, так и приходите.

Теперь Кэлкатт с любопытством приглядывался к схеме, пытаясь уяснить назначение каждого блока. Разделительный каскад, фильтрующий, преобразователи импульсов... Ого! Не меньше десятка стереофонических микрофонов.

— У вас почище, чем на телестудии. — Джон ткнул в схему пальцем. — И все будете подключать?

— По мере необходимости, — скрыл истину за общими словами психобионик. В его планы не входило выдавать особенности стерегущей системы. — Видишь ли, люди часто во сне разговаривают... Влияют на сны и посторонние звуки, а это важно для расшифровки.

Окончательный монтаж системы, в том числе и подключение специальных датчиков, Тронхейм завершил уже после ухода техника.

Переодевшись, Эрих отправился в бар. Фильм уже начался, и в баре было совсем пусто. Выцедив кружку пива, Тронхейм побрел в свой номер. Сняв с транспортера ужин, он уже собирался основательно подкрепиться, но вдруг вспомнил совет Рея О'Брайена. Эрих включил анализаторы и тщательно проверил каждый кусочек мяса, жареного картофеля и огурца. В продуктах не было никаких наркотиков или других сильнодействующих веществ. Он успокоился, но мысль о каком-то воздействии извне не оставляла его. Поел без всякого аппетита. Просмотрев вечернюю программу по телевидению, Тронхейм настроил стерегущую систему и улегся спать.

Изображение то становилось призрачным, как сквозь кисею, то проступало отчетливо, будто отснятое киноаппаратом, и тогда можно было разобрать и лица прохожих, и марки проплывающих бесшумно автомашин, и даже рекламные вывески на зданиях. Идущий человек остановился. Ближайшая машина

круто повернула на него. Человек отпрыгнул в сторону и скрылся за круглой афишной тумбой, но машина изогнулась, словно каучуковая, и юркнула следом. Взгляд человека упал на пожарную лестницу, и он судорожно принялся карабкаться по ней. Машина фыркнула и, как кошка, прыгнула на отвесную стену. Задыхаясь, человек лезет все выше, и вдруг из окна высунулась огромная черная рука и схватила его за рубашку... Он сорвался с лестницы и начал падать в бесконечную пропасть. Раздался сдавленный, глухой вскрик. Изображение исчезло.

— Ну как?

Кэлкатт покрутил головой.

— Послушайте, док, вы меня не дурачите? Что-то я не слыхал о цветных снах.

— Сам не подозревал у себя таких способностей, а вот, как видишь... Чаще всего цветные сны бывают у людей с очень возбужденной психикой. Иногда они возникают под влиянием наркотиков.

— Ну а крик?

— Кричал я. Во сне. Синхронная запись по звуковому каналу. А вы, Кэтти, тоже спите без сновидений?

— Почему же? У меня бывают почти каждую ночь, только не такие, — девушка зябко повела плечами. — От таких можно умереть со страху.

— Как видите, я живой.

— Так то вы, — Кэтти поднялась. — Пойдем, Джон. Мистеру Тронхейму, наверное, нужно работать

— Сидите. Сейчас приготовлю кофе.

Но гости поспешили уйти, оставив Тронхейма наедине со своими невеселыми мыслями. Стерегущая система превосходно записывала его ночные кошмары, но надежда на то, что она запишет и постороннее вмешательство извне, не оправдалась. Как психолог он знал, что наиболее сильное влияние на нервную систему может оказать гипноз, особенно ночью. Монтируя стерегущую систему, Эрих рассчитывал, что обнаружится именно этот вид воздействия. И вот ничего подобного! Да и комбинация силовых полей, магнитного, электромагнитного и других, оказывала влияние в столь незначительной степени, что ими практически можно было пренебречь. И все-таки Тронхейм чувствовал, что его ночные видения не случайны...

С утра Эрих занялся космобиологической обстановкой станции. Выбрав точки наблюдения внутри помещения, он облачился в скафандр и вышел в сопровождении проводника через выходной шлюз на поверхность. Его поразило буйное нагромождение скал и каменных глыб, резкие грани света и тени.

— Нравится? — спросил проводник, забавляясь обалделым видом Эриха. — Такая дьявольщина только на Копернике. В других местах, даже в кратере Эратосфена, не увидишь ничего похожего.

Передвигаться оказалось гораздо труднее, чем предполагал Эрих. Здесь не было поля, умеряющего силу мышц, и только фал, связывающий его с проводником, спасал от падения в трещины. От частой смены света и темноты в глазах мерцали красные многократно повторенные очертания каменных нагромождений, но Тронхейм упрямо проводил измерения, пока не прошел по диагонали всю поверхность над спрятанной глубоко под землей станцией. Они вы-

шли ко второму шлюзу и спустились вниз на лифте. Когда воздух в шлюзовой камере достиг кондиции, проводник быстро снял с себя скафандр и вытер рукавом струящийся по лицу пот.

— Ну и задали вы мне работенку, док. Сколько раз я думал, что вам каюк. Нет, смотрю — живой, карабкается. Прибор-то хоть цел?

Эрих осмотрел универсальный интегратор. Все датчики были в полном порядке, и, кроме небольших царапин, на приборе он ничего не обнаружил.

— Просто чудо какое-то, — удивился проводник. — Везучий вы человек, доктор!

Самые тщательные обследования космобиологических условий станции проводились и раньше. Тронхейм проверил все показатели снова. Никаких отклонений не оказалось. Эрих поднялся из-за стола. Все. Не осталось ни одной непроверенной версии. Даже Анри Фальк со своей гипотезой света и тени оказался не прав. После такой значительной встряски Эрих почувствовал себя лучше, и снятая им после возвращения с поверхности психограмма подтвердила это. Правда, есть еще версия Роя О'Брайена. А если действительно источник болезни — биолог и директор станции профессор Лумер?

Эрих сжал виски. Последние дни головные боли усилились. Не помогали ни химические, ни физические средства. Тронхейм встал и сварил кофе. Две чашки крепчайшего напитка взбодрили его, и он снова обрел способность критически осмысливать логический ход своих рассуждений. Похоже, Элси сама жертва воздействия, хотя, возможно, и другого плана. И садовник тоже. Эрих положил на стол психограммы мисс Лумер, Лемберга, Кэлкатта, Келвина и свою. Три первые различались в деталях. У Кэлкатта срезанность пиков была наименее выражена, и воздействие могло сказаться на нем даже благоприятно, умерив его темперамент. Хуже обстояло дело с садовником и особенно с Элси, но у них в большей или меньшей степени блокировано по два-три нервных центра, тогда как у Келвина и Тронхейма — семь-восемь! Значит, развитие болезни зависит и от степени торможения нормальной деятельности нервных центров, и от количества блокируемых центров. Но возможен ли такой узкий спектр избирательности воздействия при применении химических веществ? На этот вопрос можно ответить определенно — нет. Наркотические средства воздействуют сразу на все центры нервной системы. Из всех известных методов влияния на психику избирательностью обладает только гипноз, но если это так, почему гипнотическое воздействие Лумера не улавливает сторегуцая система?

Эрих вздохнул. Нет, ведь никто из больных не жаловался на плохое отношение со стороны директора станции. И вдруг его поразила простая мысль: он стирает память! Ведь Келвин боялся! Астронома бросало в дрожь при одном упоминании имени Лумера! И садовник сразу после визита Тронхейма к профессору стал жаловаться на провалы памяти! Так, допустим такую версию: каким-то неизвестным науке способом Лумер расправляется со своими противниками, лишая их рассудка, а чтобы не вздумали жаловаться, стирает их память. С нужными людьми он поступает по-иному. Просто подавляет во-

лю и память. Если это не дикий бред, то такая версия легко объясняет все случаи. Тронхеим поднялся и взволнованно заходил по комнате, анализируя свои отношения с Лумером. С самого начала они складывались неудачно. Лумер был корректен, вежлив, но старательно избегал с ним общения. Только один раз он сорвался, когда Эрих обследовал садовника в оранжерее, но это как раз легко объяснить: оранжерея — любимое детище профессора, а какой научный работник будет показывать свою кухню прежде, чем опубликует результаты исследований и закрепит таким образом свой приоритет! С какого же момента начался разлад? Наверное, с разговора о Келвине и садовнике. Эрих полистал записи, все сходилось: первая ночь с неприятными снами, потом эта внезапная потеря памяти садовником и дальше хуже с каждым днем. Эрих тряхнул головой, стараясь дать своим мыслям другое направление.

Второй день не показывалась Элси. Не отвечала она и на вызовы. Правда, у нее сейчас работы по горло: Джеймс Келвин так и не дождался приезда планетохода. Буйное помешательство. Все получилось так, как и предполагал Тронхейм. Впрочем, и сам он недалек от этого. Хотя его последняя психограмма не зафиксировала угрожающих отклонений, но кто знает, сколько он сумеет продержаться... Эрих усмехнулся, вспомнив о жетоне, который давал ему право неограниченной власти на станции. Что он сможет сделать без доказательств? Надо держаться, держаться любой ценой, пока не будет неопровержимых улик преступления. Психобионик остановился. Стоп. Следует переключиться. Нервы явно шалят, если он начал думать о мифических действиях Лумера как о преступлении. А вдруг это один из симптомов болезни! Ведь Келвин неприязненно отзывался о директоре, а потом вообще понес о нем ахинею. Получить хотя бы крошечную зацепку, услышать хотя бы намек от самого Лумера.

— Хм! — Тронхейм загадочно улыбнулся новой, пришедшей ему мысли и сказал вслух: — А почему бы и нет!

Он включил и настроил стерегущую систему, заглянул в картотеку и, сняв параметры, сделал подстройку. После этого он сел в кресло к видеофону. Набрав номер кабинета директора станции, он принял деловой, озабоченный вид. Но экран видеофона был темен и пуст. Эрих вызвал центральный пост.

— Кэтти, детка, соедини меня с профессором. На мои сигналы никакого ответа.

— Вы не знаете ли, мистер Тронхеим, директор просил его не беспокоить. Завтра он уезжает, и ему надо привести в порядок отчет.

— Как уезжает? Он же должен пройти профилактический осмотр.

— Не в моих силах нарушить приказ директора станции.

— Ах, черт возьми...

Эрих был раздосадован, что его план рухнул. Что это? Передышка в бою, или Лумер хочет иметь алиби, если психобионик скоропостижно отправится в больницу?

— Мистер Тронхейм, вы еще что-нибудь хотели узнать?

Эрих поднял голову. Он забыл выключить видеофон.

— Нет, Кэтти. Хотя, если не секрет, профессор едет в Луна-город?

— Да, конечно.

— Каким способом?

— Рейсовой машиной, мистер Тронхейм.

— А разве она пришла?

Кэтти сдержанно улыбнулась его удивлению.

— Об этом, наверное, не знаете только вы. Мы давно изучили расписание. Вам прислать?

— Не нужно, Кэтти. У меня где-то было. А кто приехал?

— Никого. Оборудование, почта.

— Я имею в виду водителя.

— Рей О'Брайен.

— Рей? — Эрих подпрыгнул в кресле. — Вот олух! Как же я об этом забыл?

— Вы ждете писем? Для вас нет.

— Спасибо, девочка. Я побежал. Рей обещал подвезти кое-что из оборудования.

Тронхейм выключил видеофон и чуть не бегом отправился в гараж.

Махина рейсового планетохода высилась, как скала, среди легких приземистых экспедиционных машин ближнего радиуса. Нигде ни души. Видимо, никто сегодня не выезжал, и техники, закончив осмотр рейсовой машины, разбрелись по номерам. Стоя среди безмолвных механизмов, Эрих пытался сообразить, куда мог задеваться О'Брайен.

— Здорово, док! Вы еще не свихнулись?

Тронхейм обернулся. Ну конечно. Рей выглядывал из люка своего планетохода.

— Начинаю. А что?

— Вы серьезно? — О'Брайен выпрыгнул из люка и, подойдя, обеспокоенно оглядел Эриха с ног до головы. — Шутите, док?

— Увы, — психобионик грустно усмехнулся. — Первые симптомы налицо. Поэтому я и хотел поговорить с тобой.

— Слушаю, док.

— Мне кажется, я мог бы разобраться, в чем дело, но не успею. Ты говорил, что всегда возишь запас провизии.

— Есть, док, понимаю.

— Я тебе заплачу.

— Что вы?! Я не наживаюсь на беде. Нас обеспечивают бесплатно. Дня на три оставлю себе, остальное могу выгрузить. Неделю продержитесь.

— Спасибо, Рей, я только на тебя и надеялся.

— Я сразу понял, док, что у вас будут неприятности. Мне никто не верит. Ешьте только фрукты. Все остальное ненадежно.

— Боюсь, Рей, что ты в чем-то действительно прав. Во всяком случае, следует попробовать.

Вечером Эрих перетаскал продукты в жилую комнату номера. Рей рассчитывал на свой аппетит. Потребности Эриха не шли в сравнение с ним, и психобионик при необходимости мог продержаться до завершения своих исследований. Настроение улучшилось настолько, что он позволил себе плотный ужин: полбанки тушенки с сухими хлебцами и пару свежих огурцов из запасов Лумера, которые предварительно осмотрел с помощью лупы.

Ночью Эриху снился Йеллоустонский парк, где он побывал однажды. Во сне он бродил по парку, и рядом с ним была его Лерлин. Тронхейм ощущал мягкость травы, вдыхал запах секвойи, слышал горячее бульканье гейзера и чувствовал прохладу руки Лерлин. Он проснулся и включил ночник. Его комната казалась нереальной в полумраке по сравнению с необычайно отчетливым, с полной гаммой ощущений, сном. Эрих поднялся и зажег верхний свет. Тоска по Земле становилась невыно-

симой. Похоже, что дело все-таки не в еде. Тронхейм достал записи и снова внимательно просмотрел свой рацион за последние две недели. Никакой закономерности не улавливалось. Закрепив датчики, снял с себя свежую психограмму. Да, тревожные симптомы усилились, блокада нервных центров расширялась. А если все-таки еда? Надо решительно исключить из рациона все, даже фрукты и овощи, иначе чистоты опыта не добьешься. Он прилег несколько успокоенный, но снова ему отчетливо грезились зеленые поляны, синее небо и пестрое платье невесты...

Утром Тронхейм доел тушенку, а заказанный завтрак снял с транспортера, записал рацион, в котором были два сочных красных помидора, и выбросил в мусоропровод. После бредовой ночи его шатало, но Эрих пошел в служебные комнаты. Работа не клеилась.

Эрих достал несколько таблеток от головной боли и запил их холодным черным кофе. Какая-то назойливая мысль мешала сосредоточиться, но он никак не мог ее уловить. Настроив стерегущую систему на восприятие бодрствующего состояния, Тронхейм расслабился, надеясь потом уловить проскользнувшую мысль по записи. Взгляд упал на карточку Лумера, которую он забыл убрать со вчерашнего дня. Повинуясь непроизвольно возникшему желанию, он машинально перестроил систему по его индексам. Неожиданно мигнула индикаторная лампочка. Психобионик затрепетал, как охотник, заметивший редкую дичь, и повернул верньер подстройки. Зашелестели створки дверей. В комнату вошел профессор Лумер. Взгляд его скользнул по новой аппаратуре и остановился на Тронхейме. Эрих поежился, почувствовав себя на минуту подопытным животным, состояние которого профессор зашел проверить перед отъездом.

— Вы неважно выглядите. Плохо спали?

— Да. Начинают пошаливать нервы.

— Вам следует уехать с нами. Я могу задержаться на полчаса. Соберите основные материалы, а аппаратуру вам доставят потом.

— Я еще не закончил работу.

— У вас есть вполне благопристойный предлог. Надо кому-то сопровождать Келвина.

— С этим справится Элси. Тем более у нее опыт.

— Она, к сожалению, занята.

— Благодарю за предложение. Я все-таки постараюсь закончить работу, — он нарочито подчеркнул слово «постараюсь», но Лумер никак не прореагировал на вызов.

— Ну как знаете, — пожевал губами профессор. — Не смею настаивать. Что-нибудь передать вашему шефу?

— Нет, ничего. Разве что, — Эрих прямо посмотрел в глаза Лумеру, — у меня есть твердая уверенность: причина болезни не имеет ничего общего с условиями жизни на станции Коперник.

Но и на такой прямой выпад Лумер не прореагировал. Он обещал передать сообщение дословно и ушел спокойной, неторопливой походкой. Мигнула и погасла лампочка индикатора. Эрих устало поднялся и заблокировал двери. С трудом преодолев желание немедленно прослушать невысказанные мысли профессора, он немного послонялся по номеру и решил до отъезда Лумера выспаться.

Сон принес некоторое облегчение. Хотелось есть. Тронхейм открыл банку колбасы и съел ее всю без остатка. Выпив горячего кофе, он снова ощутил способность мыслить логически. Удобно устроившись в кресле, Эрих пустил запись.

— *...Военное ведомство ухватится обеими руками. Воспитанный, лояльный солдат — мечта любой армии. Ну-ка, как наш кролик?..*

В динамике послышалось шуршание дверных створок. Тронхейм отключил воспроизведение записи посторонних шумов звуковыми каналами, и в тишине отчетливо послышались хрипловатые металлические слова — модулированный стерегущей системой перевод воспринятых биотоков:

— *Ого, что-то новое. Надо будет посмотреть, когда он...* Вы неважно выглядите. Плохо спали?

Эрих вздрогнул от неожиданности, но быстро сообразил, в чем дело. Конечно, человек думает и произносит слова одновременно.

— *Ага, я думал, ты посильней... Может, согласится?.. Лучше спровадить... надежнее...* Вам следует уехать с нами. Я могу задержаться на полчаса. *За полчаса такую махину не демонтируешь...* Соберите основные материалы, а аппаратуру вам доставят потом... *Когда мы разберемся, чем она грозит...*

Запись прерывалась небольшими паузами, вызванными, очевидно, ответами Эриха. Психобионика несколько смущало это обстоятельство. Он, как и многие другие исследователи, считал, что мышление — процесс непрерывный. Эрих включил синхронизированную запись звукового канала.

— Я еще не закончил работу, — услышал он свой ответ. Пауза точно соответствовала по времени произнесенной фразе. Психобионик решил, что пауза в мышлении связана с переключением внимания на содержание ответной фразы, особенно если требуется расшифровать ее подтекст.

— *Смотри ты... Топорщится еще...* У вас есть вполне благопристойный предлог. Надо кому-то сопровождать Келвина. *Кажется, сболтнул лишнее. Не стоило настораживать...*

— *Ну да... Оставь здесь тебя без присмотра...* Она, к сожалению, занята. *Вряд ли успеешь, любитель огурцов... Забавно, надо же так...* Ну, как знаете, не могу настаивать. *Хороший ход... Чтобы не подумал...* Что-нибудь передать вашему шефу? (Пауза.) *Неужели подозревает? Не он первый... Интересно, до возвращения продержится?* Хорошо, я передам все дословно. *Ну что же, здесь все в порядке. Скажу Коррену, чтобы не торопился отзывать.. Интересно, что он... Нет, чепуха... Элси.*

Эриха трясло, как от сильного озноба. Значит, все-таки он правильно угадал, что Лумер зашел взглянуть на него, чтобы определить степень расшатанности нервной системы. Насколько должен быть уверен человек в своей безнаказанности, если он специалиста-психолога, прибывшего выяснить причину психических заболеваний, делает объектом своих экспериментов, превращает его в подопытного кролика. Но как он достигает результатов? Какими средствами? Ясно, что это не наркотики и не гипноз... Что-то абсолютно новое. Изменение органических веществ на уровне ядра клетки? Бред собачий! С изменением ядра изменяются и сами клетки. Тогда это будут уже не те вещества и организмы... Напряжение спадало, что-то начало оттаи-

вать в изнуренной психике Тронхейма. Ночь он впервые спал без сновидений.

Весь день Эрих пребывал в хорошем расположении духа, несмотря на некоторую слабость и головную боль. Вечером, просмотрев одну из телевизионных программ с Земли, он расстелил постель и принял ванну. Перед сном Тронхейм внимательно проштудировал свой рацион питания с самого приезда и еще раз прослушал последнюю запись стерегущей системы. Анализируя каждую недосказанную фразу, он пытался вникнуть в ее сокровенный смысл и определить, в чем кроется угроза. Не сомневаясь теперь, что система воздействия на организм работает и в отсутствие Лумера, психобионик интуитивно угадывал какую-то связь с рационом питания, но никакой догадки о методе воздействия скрытые мысли Лумера не вызывали. Его размышления прервал зуммер. Тронхейм встал и пошел открывать двери. У входа стояла раскрасневшаяся Элси.

— Коньячку хочешь?

Она переступила порог. Тронхейм поспешно закрыл за ней дверь.

— Ты уже хватила?

— А... — махнула она рукой. — Воспользуемся предоставленной свободой.

На столе появилась бутылка.

— Не много ли? — с сомнением взглянул на нее Тронхейм.

— Сегодня увеличенная доза, завтра половинная, и курс лечения будет завершен. Лекарство горькое, мистер, но дает положительные результаты.

— Хм... Тогда надо делать по науке. Перед приемом лекарства прошу в лабораторию, снимем с больных психограммы.

Элси не очень охотно, но пошла вслед за ним. Настроив аппаратуру, Тронхейм нетерпеливо посматривал на медленно выползающий график. В нем явно пробивались новые ростки — небольшие пики на сглаженных вершинах.

— Почему ты не уедешь отсюда? — спросил вдруг Эрих.

— Не хочется оставлять отца одного.

— Да, все это достаточно сложно, — в раздумье проговорил Эрих. — Ну так приступим к лечению по рецепту многоуважаемой мисс Лумер.

Они прошли в спальню, где не было никакого оборудования, если не считать микрофонов и датчиков стерегущей системы. Тронхейм распечатал банку бобов со свининой, подогрел их в калорифере, открыл компот.

Элси пренебрежительно хмыкнула.

— Коньяк надо пить по старинному способу — с лимоном. В крайнем случае, сгодятся яблоки.

— Сойдет, — пробурчал Эрих, дожевывая консервированные бобы.

— Ну уж нет! Я все-таки здесь хозяйка. — Элси порылась в сумке и извлекла связку ключей. — Вот, пошли.

— Куда?

— Выберем по собственному вкусу.

— Элси! Ты с ума сошла! — трезвея, всполошился Эрих. — В таком виде. А если кто-нибудь встретится?

— Не беспокойся. — Она сунула ему в руки ключи. — Дрыхнут в в своих норах, как суслики. А если и увидят — не пикнут. Отец не жалует доносчиков!

Уговоры не помогли. Элси настой-

чиво тянула его в оранжерею, и Эрих сдался. Не очень твердо ступая по полу и посмеиваясь над собственной неловкостью, они прошли по пустынному коридору и оказались в тупике. Привычно набрав шифр, Элси шагнула в открывающиеся двери.

В просторной, ухоженной оранжерее все было разделено на секции. Каждая секция, отделенная светонепроницаемой перегородкой, жила своей жизнью. В секции цитрусовых было влажно и жарко. Невысокие мандариновые деревья натруженно пригнули ветви, увешанные крупными, но зелеными плодами. Зелеными оказались и лимоны. С трудом отыскав полузрелый грейпфрут, они двинулись дальше. В одной секции яблони только цвели, в другой зеленела завязь, в третьей деревья стояли голые: у них едва начали набухать почки. Элси потерла рукой висок.

— Забыла. Яблок уже нет. Давай прихватим помидор.

— И свежих огурчиков, — высказал свое желание Тронхейм.

Нагруженные красными плодами, они тыкались из одной секции в другую, но в одних огуречные стебли имели по три-четыре листика, в других они были уже сухие.

— Подожди, — вспомнив, остановилась Элси. — Ведь у отца есть опытные гибридные формы. Мы осторожно сорвем несколько. Все равно у него их много.

Они прошли в самый дальний конец оранжереи. Элси остановилась у наглухо изолированной секции и потребовала ключи. Открыв дверь, они оказались в яблоневом саду. Здесь зрели отличные отборные плоды.

— Ну вот, это подходит.

Яблоки пришлось рассовывать по карманам, так как руки Эриха были заняты помидорами.

— Хватит, не увлекайся, — сказал он, прикинув, что Элси в своем усердии может сорвать больше, чем они смогут унести. — Надо оставить место для огурцов.

— Трусишка ты, — по-своему поняла его мисс Лумер. — Стоишь у раскрытых дверей... Не бойся, сейчас я здесь хозяйка!

— Ладно, хозяйка, — насмешливо протянул Эрих. — Нести сама будешь. Я загружен под завязку.

Нужную секцию они нашли по соседству. Здесь было царство переплетенных стеблей с яркими желтыми цветами и гроздьями нежных пупырчатых огурцов.

— За этими секциями папа ухаживает сам, — сказала Элси, осторожно срывая с плетей огурцы.

— Ну, — удивился психобионик и, пошатнувшись, ухватился за ручку двери. Раздался щелчок. Дверь захлопнулась. И стало чуть темнее, чем при закате солнца. Явственно послышался шепот:

«...И ПРЕКРАСНА ЗЕМЛЯ, ГДЕ НЕТ ПОДЗЕМНЫХ ПЕРЕХОДОВ, ГДЕ ВОЗДУХ ЧИСТ И ПРОЗРАЧЕН, А В СОСНОВОМ ЛЕСУ НАПОЕН АРОМАТОМ СМОЛ И ХВОИ. МОЖНО ЛЕЧЬ В ТРАВУ И СЛУШАТЬ ПЕНИЕ ПТИЦ. МОЖНО ДЫШАТЬ ПОЛНОЙ ГРУДЬЮ, НЕ БОЯСЬ, ЧТО ИСПОРТЯТСЯ КОНДИЦИОНЕРЫ И ТЫ БУДЕШЬ УМИРАТЬ МЕДЛЕННОЙ СМЕРТЬЮ ОТ УДУШЬЯ. СНАЧАЛА ПОЧУВСТВУЕШЬ, КАК ВОЗДУХ СТАНЕТ ТЯЖЕЛЫМ, ПОТОМ БУДЕШЬ ЖАДНО ХВАТАТЬ РТОМ ОСТАТКИ КИСЛОРОДА, РВАТЬ ОДЕЖДУ И МЕДЛЕННО ТЕРЯТЬ СОЗНАНИЕ...»

— Что за чушь! — воскликнул Эрих. — Говорящие огурцы!

Его возглас как будто разбудил Элси. Она рванула платье на груди.

— Спасите! Я задыхаюсь! — закричала она диким голосом и упала на колени. Сорванные огурцы выскользнули из рук и покатились под стеллажами. Тронхейм судорожно нажал на ручку и распахнул дверь. Схватив Элси под мышки, он выволок ее в коридор. Чувствуя себя как нашкодивший школяр, Эрих быстро собрал раскатившиеся огурцы и огляделся. Несмотря на опьянение, он понимал, что посещение опытных секций, святая святых мистера Лумера, может ему дорого обойтись. Все оставалось в прежнем порядке, не выдавая их кратковременного набега. И тут его поразила мертвая тишина. Он захлопнул дверь. В секции снова потемнело и раздался тот же приглушенный гипнотический шепот... На этот раз монотонные слова о смерти, ужасе одиночества в замкнутом пространстве станции вызвали совсем иную реакцию, и он поспешно выскочил из секции.

Элси постепенно оправлялась от психического шока. Он помог ей подняться.

— Что со мной случилось? — глухо спросила она, отдышавшись.

— Не знаю, — хмуро произнес Эрих. — Какой-то шепот, а потом...

— Шепот? Ах, шепот... тот самый шепот по ночам, — она содрогнулась. — Пойдем отсюда, мне страшно.

Так никого и не встретив по дороге, они вернулись в номер.

— Хороший ты человек, Элси, — сказал Тронхейм, разливая коньяк, — но мне кажется, твоей нервной системы не хватит надолго при таком образе жизни. Какой-то старческий шепот вызвал у тебя шок, а что будет дальше?

— Эрих, не шути, пожалуйста. Этот старческий, как ты говоришь, шепот — голос отца. Не знаю, какие он там производит эксперименты, но мне почему-то стало плохо... Давай выпьем и не будем больше об этом.

— Пожалуй. Так ты говоришь, это голос отца?

— Мы, кажется, договорились...

— Да, да... Но все-таки странно...

Утром Эрих еле поднялся. Головную боль не сняли ни процедуры, ни горячий кофе. Овощи и фрукты остались нетронутыми: слишком сильное впечатление произвели ночные события. Тронхейм расхаживал по комнате, стараясь сосредоточиться и осмыслить вчерашние факты. Наконец из клубка событий и фактов потянулась тонкая нить. При всем разнообразии свежих овощей в его рационе были одни огурцы. А ведь вчера он убедился, что в основной теплице цикл плодоношения их кончился. Значит, они попадали к нему из той, опытной, секции. Говорящие огурцы! Скажи кому-то — сочтут сумасшедшим. Но возможен ли этот бред в принципе? Прежде всего надо уточнить причастность Лумера. Эрих подошел к видеофону и набрал шифр кухни. На экране возник пожилой полноватый мужчина с усталыми, припухшими глазами.

— Вам индивидуальный заказ, мистер Тронхейм?

— Простите, нет. Мне хотелось бы узнать, как составляется рацион питания сотрудников станции.

— Это целая наука, мистер Тронхейм, но в практике подбираем тридцать-сорок блюд на месяц. Последовательность их рассчитывает кибермашина. Она же ведает потом

распределением по номерам готовой продукции.

— Значит, повторяемость блюд, насколько я понял, контролируется кибераватоматом? Значит, и овощи тоже...

— О нет! С овощами несколько сложнее. Те из них, которые не употребляются в сыром виде: картофель, свекла и прочие, — поступают на кухню, остальные, в том числе и фрукты, распределяются непосредственно из оранжерей.

— Значит, прямо с грядки к столу потребителя? — пошутил Эрих.

— Зачем же? Там есть накопители, в которых соблюдаются оптимальные условия хранения.

— И, простите, последний вопрос. Распределением овощей и фруктов тоже ведает наш кухонный кибер?

— Нет, в оранжерее есть свой. Он рассчитывает и программу работ: поливки, подкормки. Если потребуется, в программу вносит свои коррективы профессор Лумер.

— Очень признателен вам за разъяснения.

Выключив видеофон, Тронхейм прикрыл рукой глаза. Раньше свечение экрана не вызывало такого раздражения. Ослабление нервной системы налицо. И причастность Лумера подтверждается. Психобионик чувствовал, что не хватает главного в этих предположениях — реальной научной основы. Предъявлять обвинения Лумеру на основе такой фантастической гипотезы, как говорящие огурцы, несерьезно. А что делать? Как проверить?

Разговор с поваром напомнил ему, что пришло время подкрепиться. Эрих пошел в жилую комнату. На столе все еще лежали горкой вчерашние овощи и фрукты. Неужели именно в них заключен гипнотический яд, который не улавливается никакими анализами? Почему бы нет? Ведь Лумер занимался подобными проблемами и до прибытия на Луну. Если допустить, что клетки растения усваивают информацию, а такая возможность не лишена смысла: ведь и клетки нашего мозга организованы подобным же образом, то... При таком допущении все разрозненные события и факты соединялись в единую цепь. Да, Лумер — автор нашумевших в свое время открытий о воздействии звуковых волн на жизнедеятельность растений и талантливый селекционер— мог в значительной степени улучшить восприимчивость растений к звуковым колебаниям и даже воспитать у них способность к аккумуляции их. Нет, такой вариант не лишен логики. Труднее с доказательствами. Многочисленные психические заболевания на станции? Слишком щекотливый вопрос и потому будет выглядеть неубедительно. Можно провести эксперимент в присутствии компетентной комиссии, но прежде эту комиссию надо заинтересовать, убедить. Для этого нужны противоположные факты. Стоп! А яблоки? Те самые яблоки, которые аккуратно отправляла с Луны на Землю мисс Лумер своему кузену, и у того прорезались математические способности? А садовник? Еще один пример положительного воздействия, причем под руками. Тронхейм забыл о головной боли. Ага! Яблоки оказывают стимулирующее действие на аналитические способности! Эрих схватил со стола самое крупное и надкусил. То самое, с шафранным привкусом! Он съел несколько штук, прибрал комнату и заказал обед. Впервые с легким сердцем Эрих съел горячий суп, уничтожил сочную

отбивную и только пару свежих огурцов сунул в пластиковый пакет вместе с сорванными вчера в опытной секции и убрал в термостат. Они могли сгодиться для эксперимента перед комиссией, если Лумеру удастся уничтожить урожай в опытной секции до ее приезда.

Вздремнув после обеда, Тронхейм снова был полон сил и энергии. Согнав душем остатки сонливости, он вызвал мисс Лумер.

— Как ты себя чувствуешь, Элси? — спросил он, вглядываясь в изображение на экране.

— Болит голова, и вообще все отвратительно...

— Зайди, у меня завалялось патентованное лекарство от головной боли.

— Серьезно? И помогает?

— Вполне. Можешь судить по мне.

— И ты до сих пор не предложил?

— Я даже не догадывался, что оно у меня есть.

— О господи! Что ты за человек! Ну я сейчас.

В ожидании Элси Тронхейм снял с себя психограмму. График оказался вполне удовлетворительным, и психобионик потер даже руки от удовольствия. Похоже, что он прав. Но главное — факты и факты. Эрих вызвал наугад нескольких своих пациентов и попросил прийти на прием. Потом договорился с Лембергом и Кэлкаттом о встрече после работы. Теперь надо было продумать возникшую идею в деталях, но в это время распахнулись двери и вошла Элси.

— Болит? — сочувственно оглядев ее, спросил Эрих.

— Ужасно. Просто раскалывается.

— Ничего, сейчас подлечим.

Тронхейм ушел в жилую комнату и принес пару яблок.

— Ешь яблоки, Элси, это полезно для твоего организма.

— Дай сначала таблетки, — простонала она. — Да я и не люблю их.

— Придется полюбить. Яблоки и есть твое лекарство.

Мисс Лумер вспыхнула и поднялась с кресла.

— Ты позвал меня поиздеваться?

— Ну, ну, Элси, — Тронхейм ласково усадил ее. — Я слишком хорошо знаю твое состояние, чтобы допустить глупую шутку. Поверь мне, после этих двух яблок тебе станет намного легче. Конечно, не сразу. Через час, два...

— Не понимаю.

— Все очень просто. Яд и противоядие. Как в старинной сказке про маленького Мука. Что ты обычно ешь из овощей? Огурцы?

— Нет, я люблю помидоры.

— Да, прости, конечно, не огурцы. Он не мог кормить тебя огурцами. Ты и сегодня ела помидоры?

— Допустим, но в чем дело? Ты говоришь загадками.

— Помидоры, которые ты ешь, подавляют твою волю и память.

Мисс Лумер закрыла лицо руками.

— Я ничего не понимаю. Зачем ты меня пугаешь? — В ее голосе явственно послышались слезы.

— Элси, успокойся, пожалуйста. Возможно, я не прав. Помидоры попадают к тебе, вероятно, не часто. И съешь эти превосходные, великолепнейшие яблоки, которые так обожает твой кузен Альфред. Я правильно назвал его имя?

Она вздохнула, вытерла глаза платком и принялась за яблоки.

— А теперь, дорогая, — сказал он, когда с фруктами было покончено, — мы снимем психограмму. Ладно?

Осторожно, как на капризном ребенке, Эрих установил датчики и включил прибор.

— Доктор, вы умеете читать эти закорючки? — спросил он, положив перед ней только что полученный график.

— Немного могу, но у меня болит голова.

— Прости, я совсем забыл. Знаешь, пойди приляг немного. Может, тебе удастся вздремнуть, а потом поговорим.

Устроив Элси, Эрих вернулся к своим записям, но поработать ему не удалось: зуммер возвестил о приходе первого пациента.

— Проходите, мистер Парсон. Как вы себя чувствуете?

— Представьте, неплохо, доктор. Даже превосходно, если хотите.

— Вот и отлично. Не ощущаете ли недостатка в питании, скажем, в каких-нибудь особых, любимых блюдах?

— Помилуйте, доктор. Здесь превосходно кормят!

— Скажите, мистер Парсон, а вы не могли бы припомнить свой рацион за последнюю неделю?

— Довольно трудно ответить... Каждый раз что-нибудь новое... К тому же всегда свежие овощи...

— Свежие овощи? Какие именно?

— А почему вас это удивляет? Разве вам не...

— Нет, — пустился на маленькую хитрость Эрих. — Мне, по-видимому, не положено.

— Возможно, возможно, — смутился Парсон, — хотя, сами понимаете, довольно странно...

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Тронхейм.

— Ну, разные. Редиска, лук зеленый, огурцы, помидоры...

— Каждый день такое разнообразие?

— Простите, конечно, нет. Огурцы кончились недели две назад. Редиска еще раньше. Сейчас в основном помидоры.

— Спасибо, понятно.

Эрих задал несколько вопросов о работе и режиме, о сновидениях. Выяснив, что психика мистера Парсона не имеет отклонений, он отпустил его. После опроса намеченных пациентов Тронхейм убедился, что привилегией на огурцы пользовался он один. В конце дня в номер заглянул Джонни.

— Вызывали меня, док?

— Да, дружище. У меня к тебе маленькая просьба. Посмотри этот хлам в ящиках и, если можно, собери из этих блоков портативный магнитофон.

Кэлкатт порылся в ящике.

— Я взял что нужно. Через пару часов будет готово. Только я лучше буду работать в своем номере.

— Как хочешь, Джонни. Только чтобы сегодня он был готов.

— Сделаю, мистер Тронхейм.

Кэлкатт ушел. Эрих встал, потянулся. Он был доволен прошедшим днем. Отступили ночные кошмары. Появилась вполне естественная рабочая гипотеза, которая в общем граничила с истиной. Он решил взглянуть, как чувствует себя мисс Лумер. Элси сидела за столом и с аппетитом ужинала. На отдельной тарелке лежала пара огурцов.

— Ты знаешь, я превосходно выспалась, и так мне захотелось поесть, — она потянулась к огурцу. — Смотри, какие свеженькие.

Эрих вырвал у нее огурец из рук в то самое мгновение, когда она поднесла его ко рту.

— Ты с ума сошла! Это же говорящие! Они предназначались мне.

— Послушай, — вскочила из-за стола мисс Лумер. — Мне надоело! Что за бред ты несешь?!

— Как твоя голова? — не обращая внимания на ее горячность, ласково спросил Тронхейм.

— Прошла... — недоуменно проговорила Элси, обескураженная его тоном. — Но ты мне объясни наконец толком. Все-таки я врач и...

— Объясню, дорогая, немного позже. Ты поужинала? Тогда пойдем.

— Опять психограмму?

— Да. И ты напрасно улыбаешься. У меня это единственный способ убеждения, и прежде всего тебя самой.

Сделав запись, он положил на стол две психограммы.

— Итак, милый доктор, кто-то говорил мне, что разбирается в психограммах... Первая была снята четыре часа назад. Посмотри, как сглажены пики вот здесь... Видишь? И здесь... Что это значит?

— Ну, подавление некоторых нервных центров.

— Не некоторых, Элси, а вполне определенных — памяти и воли. Теперь как врач скажи: какие заболевания могут вызвать такие отклонения?

— Непосредственные травмы этих участков мозга, злоупотребление алкоголем, наркотики. И, конечно, общие психические расстройства.

— Хорошо, а как скоро можно восстановить их?

— При правильном диагнозе две-три недели.

— Тогда смотри вторую психограмму. Она снята сейчас, только что.

— Не может быть! Значит, я абсолютно здорова!

— Нет, не совсем. Пики, хотя и выражены достаточно четко, сидят на срезанных трапециях. Ешь яблоки, Элси!

— Очень странно, — задумалась Элси. — И чем ты все это объясняешь?

— Ты хорошо знаешь, какие эксперименты проводит твой отец?

— Примерно знаю. Воздействие звуковых колебаний на растения.

— И занимается селекцией сортов, наиболее восприимчивых к ним, — добавил Эрих. — Так?

— Пусть так, — согласилась Элси.

— А к каким последствиям может привести подобное воспитание растений?

— Улучшится урожайность, вкусовые качества... Не знаю, может быть, еще что-то...

— Вот именно — что-то еще! А это что-то всего-навсего усвоение растениями различной информации и концентрация ее в плодах.

— Ты считаешь, что отец мог вывести такие сорта, которые... — Элси запнулась, боясь высказать вслух мысль, показавшуюся ей слишком дикой.

— Да, — жестко ответил Тронхейм.

— Но это невозможно!

— А твой кузен Альфред, неожиданно обнаруживший математические способности? Не правда ли, странная прихоть — посылать яблоки с Луны на Землю? Вся соль в том, что на Земле таких нет. Своим излечением ты тоже обязана им!

Элси задумалась. Психобионик не мешал ей. У мисс Лумер бы-

ло значительно больше материала для размышлений. Она лучше знала и обстановку на станции, и истории болезней, развивавшихся на ее глазах, и многое другое, что следовало теперь пересмотреть. Эрих понимал, что его единственный шанс убедить комиссию поставить эксперимент — ее поддержка, но пойдет ли она против отца?

— Это ужасно, что ты говоришь, — прервала молчание Элси. — Но настолько же и фантастично.

У дверей замигала лампочка, и загудел зуммер.

— Наверное, садовник, — прошептал Эрих. — Уйдешь в другую комнату?

— Да, пожалуй, от лишних разговоров.

Она тихо скользнула за дверь. Тронхейм разблокировал вход.

— Проходите, мистер Лемберг. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю, преотлично!

— Очень рад. А как насчет провалов памяти?

— После того случая не было. Я вам, доктор, премного благодарен за процедуры.

— Думаю, моя помощь была не главной, — усмехнулся Тронхейм. — Все зависит от пищи и здорового образа жизни.

— Справедливо заметили, доктор! Возьмите меня. Питаюсь я умеренно, работаю среди растений, а они, как известно, выделяют кислород. Значит, я и чувствую себя лучше, чем другие.

— А простите за любопытство, какие овощи вы предпочитаете?

— Фрукты, молодой человек, фрукты, а не овощи. Я предпочитаю яблочки, и не любой сорт, а шафранные. Я вот вам принес. Побалуйтесь.

Лемберг выложил пакет с шафранными яблоками.

— Спасибо, — искренне обрадовался Эрих. — Весьма кстати! Извините за назойливость, а вот тогда, когда это у вас случилось... вы не ели овощей?

— Да, знаете, я съел пару помидоров. Наверное, мне прислали по ошибке. Мистеру Лумеру известно, что я не любитель овощей.

— Вы точно помните?

— Помилуйте, как же не запомнить! Я же говорю: произошла ошибка. Если мне что требуется, я выбираю сам.

— Ну а как ваша математика?

— Как ни странно, доктор, вы и здесь правы. Я буду просить мистера Лумера, чтобы он отпустил меня на пенсию. Денег я заработал достаточно. Вернусь на Землю и займусь решением мю-алгоритмов. Знаете, очень интересные задачи!

— Поздняя любовь самая сильная. А вы не пытались разобраться, откуда у вас возникли математические способности?

Старик задумался, покрутил головой.

— Не сочтите меня сумасшедшим, но я бы сказал, отчасти здесь виноваты опыты мистера Лумера.

— Каким образом?

— Понимаете, в секциях, где растут эти яблоки, у мистера Лумера установлены магнитофоны, которые передают записи уроков математики. Очень толково объясняют. Это, знаете, вроде гипноза. Я ведь много лет работаю. Хочешь, не хочешь — слушаешь. Наверное, повлияло. Правда, мистер Лумер всегда советует выключать их. В остальных секциях я так и делаю, там другая программа. Иногда послушаешь — жутко становится. Там

про Землю как начнет рассказывать, всю душу разбередит, хоть беги отсюда.

Эрих слушал, не перебивая. К торжеству примешивалось ощущение удачи. Рассказ садовника — просто клад. Если бы еще заручиться его помощью!

— Значит, у вас во всех секциях эти магнитофоны?

— Почему во всех? Только в опытных. Они у нас отдельно, особняком расположены. Мистер Лумер не любит, когда кто-нибудь там бывает. Так что, доктор, вы уж не выдавайте старика, не говорите никому про опыты.

Эрих кивнул. Садовник попрощался и ушел. Эрих заблокировал за ним дверь и выпустил Элси из убежища. Она выглядела расстроенной и задумчивой.

— Ну что? — спросил Тронхейм. — Нравятся тебе высказывания вполне объективного и достаточно осведомленного человека?

— Его слова ничего не доказывают, — тихо, но упрямо сказала Элси. — Ведь он воспринимал информацию непосредственно.

— Просто он не догадался, что получил информацию не только извне, но и, так сказать, изнутри. Сам факт, что во всех опытных секциях установлены магнитофоны, говорит о многом.

— Ни о чем не говорит. Допустим, для опытов потребовались низкие частоты и использованы лекции по математике, записанные специально по программе для обучения во сне. Ну и что же?

— Только то, что информация усваивается растениями и передается каким-то образом человеку, например тому же Альфреду.

— А если просто совпадение?

— Хорошо бы. Но, к сожалению, у нас масса отрицательных примеров воздействия на психику. Те же говорящие огурцы! Им подготовлена такая программа, которая своей информационной нагрузкой травмирует и подавляет нервную систему.

— Нет, немыслимо, бред какой-то.

— Бред? Но в нем нетрудно убедиться, по крайней мере, в отсутствие твоего отца. Если там действительно магнитофоны, то...

— А если нет?

— Тогда мне здесь больше делать нечего, я немедленно собираюсь восвояси...

Элси заколебалась. С одной стороны, ей не хотелось больше идти в оранжерею, с другой — она жаждала правды, хотя и боялась ее.

— Хорошо, — неуверенно сказала она, — давай проверим.

— Сейчас?

— Нет, — в раздумье сказала Элси. — Давай попозже, когда все утихнет.

Джон Кэлкатт выполнил свое обещание. Магнитофон оказался достаточно миниатюрным, чтобы поместиться в кармане. Тронхейм проверил его возможности на различных расстояниях от источников звука. Запись получалась вполне удовлетворительной.

— Зачем вам такой маг, доктор? — спросил Кэлкатт, любуясь делом своих рук.

— Видишь ли, Джонни, у меня могут быть неприятности по службе, если я не буду предусмотрителен. Пожалуй, мне не избежать столкновения с директором станции, и лучше, если такой разговор будет записан.

— Охота вам связываться, док?

Эрих хитро прищурился.

— Что поделаешь? Как говорили древние греки: «Платон мне друг, но истина дороже!»

Мисс Лумер уже ждала в его комнате.

— Где ты пропадаешь? — спросила она, нервно поглаживая висок.

Эрих пристально посмотрел ей в лицо.

— Судя по твоему виду, ты провела не лучший вечер в своей жизни.

— Какое это имеет значение...

— Боюсь, что имеет. Нам надо быть в лучшей форме. Давай-ка съедим по паре яблок, посмотрим какую-нибудь отвлеченную программу...

Элси задумчиво оглядела выбранное яблоко, как будто мысленно пыталась проникнуть в его клетки, наполненные, кроме приятного сока, не свойственной им информацией.

— Неужели это все-таки возможно?

Они прошли по коридору и, минуя основные порядки оранжереи, остановились у первой секции. Эрих незаметно пустил свой карманный магнитофон, подготовленный к записи. Звякнули ключи, дверь распахнулась. Здесь мирно росли сотни помидоров. Зрелых было немного. Элси облегченно вздохнула: тишина в секции была полной и глубокой.

— Где же ваши магнитофоны, мистер фантазер? — спросила она насмешливо.

— Пока дверь открыта, они выключены. Прикрой дверь до щелчка. Вот посмотри.

Эрих закрыл дверь, и сразу стало слышно монотонное бормотание:

«...НЕ УПРЯМЬТЕСЬ, ЭТО ГЛУПО. ЕСТЬ ВЫСШИЙ СМЫСЛ В ПОДЧИНЕНИИ ВОЛЕ СТАРШИХ. ОНА ОСВОБОЖДАЕТ ВАС ОТ МУЧИТЕЛЬНЫХ РАЗДУМИЙ И ОБЛЕГЧАЕТ ЖИЗНЬ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ К СВОЕМУ ВНУТРЕННЕМУ ГОЛОСУ, К СВОЕМУ ИНСТИНКТУ. НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ О СВОИХ ПОСТУПКАХ: ЖИЗНЬ ОДНООБРАЗНА, СТОИТ ЛИ ПОМНИТЬ, ЧТО БЫЛО С ВАМИ ВЧЕРА...»

— Это твоя программа, Элси, — хмурясь, сказал Тронхейм и дотронулся до ее плеча.

— Что? Что ты сказал? — встрепенулась она, стряхивая липкую паутину дремоты. — Прости, я, наверное, не выспалась.

— Я говорю, пойдем, — Эрих раскрыл двери секции. — Ты слишком чувствительна к этой программе.

— Думаешь, гипноз?

— Ты все еще сомневаешься? Стоит тебе услышать этот голос, и ты впадаешь в транс. Пожалуй, лучше, если ты не будешь все это слушать.

— Нет, я должна убедиться.

Они переходили из одной секции в другую. Программы не отличались особым разнообразием. В девяти секциях росло только три вида плодов: помидоры, огурцы и яблоки. Каждый из сортов, по-видимому, подвергался предварительному воспитанию последовательно в двух секциях, а в третьей закреплялись его наследственные качества. Это особенно разительно подчеркивалось программами в секциях яблок. В первой яблони усваивали первоначальный школьный курс матема-

тики, во второй — общие положения высшей математики, и последняя завершала подготовку современными методами исчисления. Наиболее тонко в психологическом отношении была составлена программа для огурцов. Бессмыслица, подчеркнутая тревожной игрой света, сменялась теплым лиризмом и задушевностью; тихий шепот — леденящими душу выкриками. Здесь явно чередовались записи наимоднейших вестернов с записями классического наследия, которые, в свою очередь, переходили в гипнотический шепот.

К концу осмотра Элси была совершенно подавлена. Они молча вернулись в номер Тронхейма. На пороге Элси остановилась.

— Я пойду к себе, Эрих. Надо все осмыслить по-новому и что-то решить.

Тронхейм не стал ее удерживать. Теперь, когда он убедился, что гипотеза стала явью, на него навалилась усталость пережитых здесь дней, да и посещение опытных секций не прошло бесследно: подспудно действовал гипноз программ, хотя и в меньшей степени, чем на мисс Лумер. Эрих разделся и лег в постель. Ему прежде всего необходимо было хорошо отоспаться. Он слишком четко представлял сложность своего положения и предстоящей борьбы с директором станции.

Оставался час до прибытия рейсового вездехода, а психобионик Тронхейм не мог прийти ни к какому решению. С одной стороны, открытие Лумера имело огромную ценность для человечества. С помощью биологического стимулирования можно вырастить целую плеяду гениев в науке, технике, искусстве... Все зависело от программы. Если такая бездарность, как Альфред Лумер, проявляет незаурядные способности, то что вышло бы из действительно одаренных юношей? Однако открытие профессора Лумера могло превратиться и в скрытое оружие, которым уже пользовался, кстати, он сам, и в средство воспитания безропотной рабочей силы, тупой, не признающей моральных устоев, а потому безжалостной, но дисциплинированной армии. Эрих сжал голову руками. Что его удерживает от решительных действий? Доказательства. Реальные, весомые. Сам Тронхейм убедился, что все случаи расстройства психики вызваны говорящими огурцами, но у него нет никаких доказательств, что Лумер применял свои страшные стимуляторы. Да, действовать надо незамедлительно: рассчитывать на молчание Элси не приходится, она слишком взволнована раскрывшейся тайной отца. Стоит Лумеру убрать магнитофоны из секций, и ни одна комиссия не придерется. Эрих будет посрамлен как последний идиот. Использовать свои полномочия и арестовать Лумера... Но удастся ли потом убедить комиссию? Если не удастся, такой рискованный шаг будет стоить карьеры! Так и не приняв определенного решения, Тронхейм направился к шлюзовой камере.

Грохот нарастал. Рей был верен себе. Точно по расписанию вездеход остановился в шлюзовой камере. Эрих нетерпеливо ждал, пока он пройдет мойку и сушку. Наконец открылась дверца, и появился профессор Лумер. Он несколько озадаченно посмотрел на психобионика.

— Чем обязан такой честью?

— Как видите, я вполне здоров,

герр профессор, — обратился к нему Эрих по-немецки, — и по этому поводу хотел бы иметь с вами беседу.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Лумер, не обращая внимания на иронию.

— Вы сами понимаете, — Эрих интонацией подчеркнул слово «сами», — что без достаточно серьезных данных я бы к вам не обратился.

— Хорошо, пойдемте.

Дойдя до кабинета, профессор вытащил ключ, повернул его в замке и только после этого набрал разблокирующий шифр.

— Ну-с, что вы собираетесь мне сообщить?

— Прежде всего, что ваша система на мне не сработала, господин Лумер.

— Я вас не понимаю. Говорите по существу.

— Отлично понимаете. Поставка свихнувшихся на центральную базу — дело ваших рук, но Келвин ваша последняя жертва, даю вам слово.

— Послушайте, мистер Тронхейм. Я не первый раз выслушиваю подобные обвинения, но чтобы их высказывали в такой оскорбительной форме...

— Не ломайте комедию, Лумер. Артист вы превосходный, в этом я убедился, но вы же должны осознать: если я абсолютно здоров, значит, вы проиграли!

— Вот в том, что вы абсолютно здоровы, я начинаю сомневаться.

— Ах так! — разозлился Эрих.— Тогда послушайте это.

Он вынул из кармана портативный магнитофон и включил его.

— Ваши записи ничего не доказывают, — невозмутимо парировал Лумер.

— Вы так думаете? Сопоставьте свои занятия в области биологии, программу говорящих огурцов и последствия их применения, наконец, следственный эксперимент, для которого у меня, вашими заботами, имеется приличный запас, и доказательств окажется более чем достаточно.

В этот момент двери неожиданно раскрылись, и в кабинет вошли двое. Превосходно развитый торс и порядочных размеров кулаки выдали в них сотрудников внутренней службы.

— Возьмите его, он помешанный, — обратился Лумер к сотрудникам.

Дюжие парни рванулись к Эриху, но он поспешно выхватил из кармана особый знак, и те остановились, будто натолкнулись на невидимое препятствие.

— Ну, в чем дело? — повысил голос Лумер.

— У него знак особых полномочий, господин директор.

Эрих поднялся с кресла.

— Я отстраняю вас, мистер Лумер. До приезда специальной комиссии вы будете содержаться в изоляторе, на строгом режиме. Разговоры и переписка с кем-либо запрещены. За малейший контакт с кем-либо, даже с дочерью, будете нести ответственность перед особой комиссией. Весь рацион питания должен проходить через мои руки. Ясно?

— Так точно.

— Уведите.

Несколько минут Тронхейм сидел без движения, осознавая совершившееся. И он еще колебался, что делать с Лумером! Профессор с психологией преступника. Такие не

остановятся перед убийством. Пока Эрих терзался, что поступает подло, записывая на магнитофон признание Лумера, тот вызвал этих молодчиков, и только знак особых полномочий спас его от изолятора; что было бы потом, нетрудно представить. Лумер любым способом довел бы его до безумия, и тогда доказывай свою правоту! Эрих встал и прошелся по кабинету. Теперь необходимо вызвать комиссию, но, конечно, нельзя использовать обычные каналы связи.

Он вызвал гараж. На экране возникло лицо дежурного.

— Скажите, рейсовый еще не ушел?

— Нет, сэр, заканчиваем профилактику.

— Попросите механика О'Брайена.

— Слушаюсь, сэр.

Тронхейм нетерпеливо постукивал пальцами, пока на экране не появилось знакомое лицо водителя.

— Рей, дружище, мне нужно отправить одну бумажку в Центр. Ты мог бы отвезти?

— Я вожу даже почту, док, — обиделся О'Брайен.

— Понимаешь, это личная записка. Мне хотелось, чтобы ты передал ее адресату из рук в руки.

— Хорошо, док, сделаю. Только поторопитесь, через час я уезжаю.

Написав официальный рапорт и короткую записку начальнику отдела Корренсу, Эрих запечатал их в отдельные конверты и поспешил в гараж. Рей уже ждал его у готовой в обратный рейс машины.

— Ну, здорово, док. Я вижу, теперь у вас все в порядке.

— Спасибо, Рей, — Тронхейм с добрым чувством пожал ему руку.— Без твоей помощи я бы не выдержал.

— Так вы его прижали, док?

— До этого, дружище, далеко, но кое-что сделано, и это главное. Оба письма передашь в институт психотерапии лично моему шефу Корренсу. Ты его, вероятно, знаешь. Высокий такой, с нездоровой желтизной на лице.

Рей кивнул, заложил письма в комбинезон и полез в кабину. Потом, вспомнив, высунул голову.

— Док, я ведь привез еще продуктов.

— Благодарю, Рей, но ты прав лишь отчасти. Больше мне твои продукты не потребуются.

— Смотрите, док, вам жить.

Тронхейм помахал рукой. Вездеход тронулся с места и вошел в шлюзовую камеру.

НАТАЛЬЯ СОКОЛОВА

Дезидерата

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В СЕМИ ВИЗИТАХ

— Он тут у вас... Вы прячете его, я знаю!

Это сказала красивая стройная женщина, которую Писатель никогда до этого не видел. Она внезапно появилась в комнате, резко подошла к его письменному столу. Дождевые капли сползали вдоль ее ярко-красного непромокаемого плаща, сапоги оставляли отчетливые следы на полу.

Надо сказать, что Писатель привык к странным посетителям. Он жил на окраине города в одноэтажном старом доме, окруженном запущенным садом, где жили еще дед его и прадед, двери в дом никогда не запирались, любой мог войти и начать с ним разговор о чем угодно.

— Он тут у вас. Я знаю точно. Не вздумайте отрицать! — сказала незнакомка властно, откидывая назад капюшон, красный на черной подкладке. Тяжелая масса ее темных волос была небрежно подколота, отдельные пряди змеились, падали на щеки, на шею, да и вообще казалось, что собиралась она наскоро, в большом волнении.

— Если так... Ищите, пожалуйста. — Писатель, который хорошо знал, что он один в старом доме, едва заметно пожал плечами. — Будьте как дома, сударыня. — И, приподнявшись со стула, вежливо поклонился. — Надеюсь, вам не помешает, если я продолжу работу? Не беспокойтесь, я могу работать в любых условиях.

Он всегда был вежлив с красивыми женщинами. Сам некрасивый, с грубо вылепленным носом и лохматыми бровями, он тонко ценил и

понимал красоту, считал, что красота — это тоже своего рода талант, важный вклад в жизнь общества, что красивый человек освещает и украшает землю.

Женщина не ответила на его поклон, не назвала себя, только нетерпеливо и презрительно вздернула голову. И стала рыскать по комнате, беззастенчиво подымая занавеси, заглядывая за книжные шкафы, с каким-то ожесточением толкая попадающиеся на пути стулья. Красная дама. Разгневанная красная дама. Какой ей подошел бы маскарадный костюм? Коломбина?.. Нет, не то. Разглядывая исподволь чеканный профиль незнакомки, Писатель наконец нашел то, что искал: «Медея. Или Медуза-Горгона? Нет, та была страшилом. Именно Медея, служительница черной богини ночи Гекаты». И он невольно задумался над тем, что античная литература, хотя и дошедшая в обрывках, дает нам законченную галерею типов, к которой мы без конца возвращаемся, почти ничего не имея добавить.

...Незваная гостья уже чинила розыск в коридоре, потом в соседней комнате, там что-то трещало, падало. Писатель сидел и спокойно курил трубку, только иногда немного морщился при мысли о том, как грязно у него может быть где-то под диваном или за дверью на кухне. Старушку, которая приходила готовить и убирать, он всегда старался спровадить возможно скорее, ее заботливые хлопоты мешали ему думать. А пыль не мешала, она вела себя очень тихо.

Он наклонился над чистым листом бумаги и написал: «Стояло раннее, очень раннее утро...»

За его спиной скрипнула дверь. Писатель, не докончив фразы, обернулся. Незнакомка разительно изменилась, это было другое лицо. Блистательная улыбка играла на ярких губах, горькая складка на переносице разгладилась, исчезла, сузившиеся глаза смотрели лукаво, кокетливо, они дразнили.

— Ну, кажется, пришла пора покаяться... Я держала пари с приятелем, что войду к вам в дом. «Да как же ты войдешь?» — «О, самым эксцентричным образом». И разве я не сдержала свое слово? Нет, не надо меня провожать, спасибо, я знаю дорогу. Я теперь отлично знаю весь ваш старый смешной дом... от чердака до...

Ушла. В узком коридоре мелькнул на прощанье коротким взмахом ее красный плащ на черной подкладке — дьявольский плащ из средневековой легенды. Хлопнула вдалеке входная дверь. И все стихло. Только за полуоткрытым окном монотонно моросил мелкий дождик, шурша в листве кустов.

Что это было? Что, собственно, произошло? Он сидел и курил трубку, поставив локти на лист бумаги с недописанной, оборвавшейся длинным удивленным росчерком строкой. Разглядывал опрокинутый стул посредине ковра, следы мокрых сапог на паркете. Начало. Да, начало истории — без окончания. Вот и еще одно начало чужой истории, которое для него обрывается многоточием. Узнает ли он когда-нибудь продолжение? Навряд ли.

Поверить ей или не поверить? Трубка погасла, но ему не хотелось ее зажигать. А если поверить, то когда — в первой фразе или второй? Несомненно, она играла, но сначала или потом? Чертовски красивая женщина. Хотя что-то в этом

лице, пожалуй, есть неприятное. Может быть, тонко вырезанные ноздри... или слишком близко посаженные глаза... А что, если она поссорилась с приятелем и отправилась сюда, желая вызвать его ревность? С нее станет. И теперь того и гляди получишь пулю в окно — ни за что ни про что, не согрешив ни делом, ни помыслом. Это было бы обидно.

ЛЮДИ С ЗОНТИКАМИ (Визит второй)

В окно влетела пуля.

Она разбила стекло книжного шкафа, по которому звездообразно разбежались ломаные линии трещин, осыпала ковер брызгами стеклянной пыли, отскочила, по-видимому, от одного из толстых, одетых в кожу, старинных фолиантов, рикошетом попала в край письменного стола, оцарапав его, мягко ударилась о ковер, откатилась куда-то в угол, за мебель. «Лечь на пол? — соображал Писатель. — Или не стоит?» Какое-то внутреннее чутье говорило ему, что больше стрельбы не будет.

Да, день действительно начался странно, удивительно, ни на что не похоже. И продолжался в том же духе. Сюжет развивался стремительно, динамично, пожалуй, даже слишком динамично.

В комнату ворвались люди. Много людей. Ворвались? Нет, скорее вошли быстрым, деловым шагом, гуськом, один за другим. Они действовали удивительно умело, организованно, слаженно. Двое остались у входа — по сторонам от двери. Один задернул занавеси окна — так ловко, без малейшей запинки, как будто эти занавеси были ему знакомы с детства. И сам стал спиной к окну. Никто ни о чем не спрашивал, ничего не приказывал, все совершалось в молчании, без лишних движений и суеты, ни один из них ни разу не посмотрел в сторону Писателя. Писатель отметил про себя высокую степень профессионализма и одобрил мастерство, с которым совершалась операция, — ни в одном деле он не любил доморощенной любительщины...

Люди были какие-то одинаковые, очень приличного вида, с незапоминающимися и ничуть не изуверскими лицами, пристойно и скучно одетые, в темных пальто, шляпах, с черными и серыми зонтиками. Оружия нигде не было видно. Выражение лиц тоже было одинаковое — незаинтересованно-скучающее, такое выражение бывает у человека наедине с самим собой, когда он утром решает, побриться ли ему до кофе или после. Любой из пришедших потерялся бы в толпе города, растворился, как исчезает пятнистый леопард на пятнистой от теней земле джунглей.

«О! Неужели правительство научилось наконец со вкусом подбирать людей для своих надобностей?— подумал Писатель удивленно. — С чего бы это?» На всякий случай он старался не двигаться, сидел, откинувшись на спинку стула, выложив руки перед собой на письменный стол. Пусть видят, что имеют дело с понимающим человеком.

Главарь банды поглядел на искалеченное стекло книжного шкафа, где от маленького круглого отверстия разбегались лучи трещин, сокрушенно покачал головой. Очевидно, он не любил беспорядка.

— Мы вам не причиним зла,

Не бойтесь. — Главарь говорил все с той же подкупающей мягкостью.

— Я не боюсь, — сказал Писатель сердито, по-прежнему не снимая рук со стола, оставляя их на виду.

— Но он у вас. Нам это доподлинно известно... Он нам нужен.

— Что ж, ищите. — Но на этот раз Писатель не привстал и не поклонился. — Рад был бы выставить вас вон, но, по-видимому, не могу сделать это безнаказанно. — Он никогда не упускал случая быть невежливым с полицаями или полицейскими ищейками в штатском. — А дать вам возможность долго и с удовольствием бить меня ботинками по голове — не слишком ли жирно, шеф?

Тот поморщился, явно шокированный.

— Ну что вы. Зачем даже предполагать... — Тронул рукой в перчатке спинку стула, который он только что поставил на место. — Разрешите, я присяду. У меня варикозное расширение вен.

Ах, вот оно что. Вены на ногах. Профессиональное заболевание шпиков, выстаивающих часами под чужими окнами и в чужих парадных, подворотнях, — «мокриц», как их называли в народе.

— Профессиональное заболевание, — вслух констатировал Писатель. — Значит, начинали снизу. Не сразу стали шефом. — И кончил резко: — Садитесь без разрешения. Если вы сумели без него войти...

Главарь усмехнулся. И сел на стул, аккуратно прислонив к нему свой зонтик, серо-черный, в мелкую клеточку. Те остальные трое стояли в свободных позах, глаза у них были отсутствующие. Они ничего не видели и не слышали, не замечали. Отличная выучка. Главарь, тот иногда поворачивал голову, оглядывая комнату. Возможно, она его удивляла. Возможно, он считал, что у известного писателя должны быть модная лакированная мебель с закругленными углами и на тонких гнутых ножках, зеркальные двери, шкура белого медведя на полу.

Комната, в которой сидел Писатель, была обставлена очень просто, стародедовской мебелью. На дубовом одноногом тяжеленном столе, который не так-то легко было сдвинуть с места, стояла пишущая машинка и лежали бумаги, придавленные камнями, гантелями. Углы бумаг немного приподнимались, закручивались — из полуоткрытого окна (несмотря на задернутые гангстерами занавеси) явственно тянуло сквозняком, хозяин это любил. В дальнем углу комнаты стояла деревянная старинная кровать, кое-как застеленная, с низко и неровно свисающим одеялом, — Писатель спал тут же у себя в рабочем кабинете, остальные комнаты в доме были почти что нежилыми, заброшенными.

Иногда в жизни Писателя появлялась какая-нибудь женщина, которая казалась ему менее неприемлемой, чем остальные, она объявляла войну уродливой и неудобной старой мебели, загромождавшей дом, ругала стулья с высокими жесткими резными спинками и протертой, раздерганной на нитки парчой сидений, книжные шкафы из черного дерева, источенного извилистыми ходами червей, узкий гроб стоячих часов в коридоре с давно

уже неподвижным медным диском маятника. Но женщины приходили и уходили, а мебель оставалась. Она неизменно побеждала в этом поединке.

Захотелось курить. Писатель привстал с кресла и привычным жестом потянулся к подоконнику, где стояла коробка с принадлежностями для чистки трубки. Он сделал это машинально, не задумываясь. И в ту же минуту картина изменилась: все четыре фигуры в комнате ожили, переменили положение, и на него теперь были устремлены, нацелены четыре зонтика. И там, где у скромно-клетчатого зонтика главаря должно было быть острие, шишечка, Писатель ясно увидел круглое темное отверстие. Дуло. И тут все стало ясно. Все встало на свои места. Конечно, это не полиция — полицейские извлекли бы в случае нужды пистолеты-автоматы установленного образца. Нет, это были честные гангстеры, свято выполняющие свои обязательства, обслуживающие за мзду какую-нибудь корпорацию или даже отдельного политического деятеля.

Писатель принял прежнюю позу. И сразу нацеленные на него зонтики опустились, опять стали обыкновенными зонтиками, все успокоились.

Неправительственное мероприятие. Сугубо частная акция. Ну что ж, пусть будет так. Но только интересно, для кого ведется игра...

— У вас очень пыльный ковер, — заметил главарь, задумчиво глядя себе под ноги. — Могу посоветовать пылесосы фирмы «Гамлет». Не буду скрывать, что я обслуживаю иногда эту фирму (хотя сегодня работаю не на нее — иначе я не стал бы, разумеется, ее называть). С вас фирма, конечно, не возьмет никаких денег. Еще бы, автор «Смеющейся шепотом листвы»! И «Семи цветов радуги в капле воды»... Они будут счастливы прислать вам безвозмездно опытный экземпляр нового пылесоса «Полоний-6» с двадцать одной переменой наконечников. Мне достаточно им только намекнуть...

Писатель, морщась, вспомнил идиотские дорогие рекламы, которые уже начали появляться в журналах: «Если бы Гамлет проткнул Полония через ковер, вычищенный нашим пылесосом, то рана не была бы смертельной. Полная гарантия — ни грамма пыли, ни одной бактерии или бациллы!»

— А вы читали мои книги? — спросил Писатель у странного посетителя.

— Литература — моя слабость, — ответил честный гангстер, — мое хобби. Мне повезло, я иногда оказываю услуги одному книготорговому дому. И благодаря этому имею все лучшие ваши издания на мелованной бумаге и в роскошных переплетах. Вы так знаете природу... людей...

— Думаю, что вам тоже нельзя отказать в знании людей, — пробурчал Писатель.

— Да, пожалуй. — Главарь скромно наклонил голову. — Люди моей профессии, уйдя на пенсию, могли бы, несомненно, создавать очень интересные книги. Но, во-первых, мы работаем в закрытой области, где многое нельзя предавать гласности. А во-вторых, нас обычно убивают до того, как мы уходим на покой, — добавил он эпически. — Каждая профессия имеет свои плюсы и минусы.

Резко открылась дверь. Присутствующие подняли было зонтики, но тотчас опустили их.

На пороге стоял человек лет пятидесяти, солидной наружности, с красивой сединой в волосах и медлительными, барственно-властными движениями. Он был без шляпы, на его строгом и дорогом серо-стальном пальто не было ни капли дождя, значит, подъехал на машине. Он сказал коротко, небрежно, презрительно:

— Брысь!

На лацкане его пальто был приколот значок: глаз, человеческий удлиненный глаз в древнеегипетском стиле.

Это была эмблема объединенной компании радио и телестереовидения «Око Ра».

ОДИН ИЗ ТРИНАДЦАТИ (Визит третий)

Интеллигентный вождь честных гангстеров встал со стула, брови его страдальчески изогнулись.

Пришедший сказал отчетливо:

— Не по тому следу идешь.

Шеф гангстеров поморщился. И движением бровей отослал всех остальных из комнаты (надо же оберегать авторитет руководителя). Тех как будто ветром сдуло.

Писатель сообразил, что знает пришедшего. Это был один из тринадцати генерал-директоров компании «Око Ра», который выбился из низов благодаря своим незаурядным организаторским способностям и полной неразборчивости в средствах. Он несколько раз уговаривал Писателя принять участие в передачах компании, но тот неизменно отказывался.

Генерал-директор вошел в комнату и, по-хозяйски сдвинув бумаги, присел боком на край письменного стола. Он производил впечатление человека, который не привык спрашивать разрешения даже в чужом доме. Главарь гангстеров остался стоять, опираясь на свой клетчатый зонтик.

— Полуслепой дворник что-то сдуру наболтал, а ты и поверил. Прозевали, упустили! — сказал генерал-директор беспощадно. — Знаешь улицу Девы Марии за старым кладбищем? — Гангстер не переменил положения, но глаза его стали внимательными, настороженными. — Да, вот где тебе надо было быть с твоими людьми, по крайней мере, час назад. Это самая точная информация... и полученная не от тебя, заметь.

— Разрешите идти? Действовать?

— И потом шум. Слишком много шума, — генерал-директор рукой в серой замшевой перчатке, не глядя, указал на разбитое стекло книжного шкафа. — Сколько раз говорилось: только в случае самой крайней необходимости.

— Неквалифицированные кадры, — скучно оправдывался честный гангстер. — Много новичков. Горячатся.

Генерал-директор сидел боком на краю стола, покачивал ногой, небрежно слушая гангстера.

— Ну хорошо, ладно, — он поджал губы. — Отправляйся. Там рядом с моим шофером сидит один... тип, он вас проводит. И все расскажет. — Неодобрительно посмотрел вслед гангстеру, который бесшумно прикрыл за собой дверь. Вздохнул. — А ведь это еще один из лучших.

— Не помню, чтобы я на сего-

дня приглашал гостей, — сказал Писатель.

Сюжет развивается стремительно, но все более непонятно. И, право же, легче вынести загадочный визит красивой женщины, чем шпика, а затем бизнесмена.

Генерал-директор сообразил, что действительно явился к Писателю на дом без приглашения и даже без предупреждения. Его озабоченное лицо стало улыбчатым, любезным, почти льстивым... он начал извиняться, что потревожил, отнял время у такого, э-э, известного... Потом добавил негромко, бархатно:

— Хотелось бы, э-э... с вами поговорить. Так сказать, неофициально, по душам. Лучше всего за коньяком, как мужчина с мужчиной. Если вы позволите, у меня в машине... Французский, настоящий «Фоль бланш».

— Говорите всухую.

Бизнесмен послушно наклонил свою барственную голову с благородной сединой. Он был удивительно послушен, предупредителен. О, он ведь не требует, чтобы Писатель ему отвечал, ему не нужны ответы, ему вообще ничего не нужно, никаких твердых обещаний или гарантий. Ему достаточно, если его просто выслушают. Заметил ли Писатель, что он всех удалил, убрал от его дома, даже сторожевого поста не оставил — так он уважает Писателя, его прекрасные произведения, э-э.... (Бедный бизнесмен, сколько ни тужился, не мог вспомнить ни одного произведения и оставил эту попытку.) Вся шайка направлена в район старого кладбища, там, на улице Девы Марии, видели похожего человека, похоже одетого — черный дождевик, толстый клетчатый шарф, дымчатые очки, приметная большая белая сумка с ремнем через плечо и металлической монограммой. Пусть побегают, помокнут под дождем! Он сделал все, что мог, и, право же, не возражает, чтобы об этом знал Писатель — и другие... друзья Писателя... (Бизнесмен оглянулся на дверь и немного повысил голос.) Конечно, это пустяки, более чем скромная услуга, но все-таки, э-э... словом, он рад быть полезным. Если когда-нибудь, со временем Писатель и его друзья... будут иметь большой вес в стране, станут силой (бизнесмен опять оглянулся на дверь и стал еще доверчивее и любезнее), то тогда... один из них, возможно, вспомнит этот небольшой эпизод... крошечную помощь доброжелателя...

Писатель выслушал бизнесмена. Ответа не требовалось. Он и не стал отвечать.

— Хорошо бы все-таки что-нибудь написать за сегодняшнее утро, — пробурчал он хмуро себе под нос, вертя в пальцах ручку.

Чужие дела в их непонятной запутанности стали уже утомлять Писателя. Хотелось полностью отключиться, начать работать. Уйти с головой в работу! Замысел новой повести не так уж плох, хотя контуры еще только вырисовываются... герой небанален, в нем есть...

Бизнесмен, все такой же покорный, ушел. За ним гулко захлопнулась входная дверь. Писатель встал, с облегчением раздвинул занавеси, пошире распахнул окно (он не терпел сумрака, духоты, любил яркий свет, свежий воздух, сквозняки). Дохнуло сыростью, на столе сильнее зашевелились бумаги, углы которых отгибал и закручивал ве-

тер. Сразу стало хорошо, привычно.

Писатель сел поудобнее, расправил плечи. Пододвинул к себе лист бумаги, перечел написанное: «Стояло раннее, совсем раннее утро, такое бескрасочное, каким бывает только что родившийся ребенок, которому...»

За его спиной густой мужской голос тихо сказал:

— Не пугайтесь. Я вам ничем не угрожаю. Я безоружен. Только не оборачивайтесь.

ТОТ, КОГО ИСКАЛИ
(Визит четвертый)

Что-то ему сегодня очень часто говорили: «Не угрожаю», «Вам ничто не грозит», «Не пугайтесь». Не слишком ли часто? Когда человеку сотый раз скажут «Не бойтесь», может быть, пора начать бояться?

Он сидел, не оборачиваясь, и ждал. Голос как будто шел из-под кровати.

— Только не оборачивайтесь. И пока не разговаривайте со мной, не отвечайте. Закройте окно, если вам не трудно. И задерните занавеси. Так. Спасибо. Я не боюсь. Но просто хочется довести дело до конца. А нам могут помешать.

Когда Писатель, покончив с окном, повернулся, человек уже вылез из-под кровати и теперь отряхивал пыль с колен.

Он не знал этого человека. Никогда в жизни его не видел.

А если бы видел — вероятно, не забыл. Наружность была запоминающаяся.

Незнакомец был великолепный мужчина в расцвете сил, с широкой грудной клеткой и свободным размахом плеч, голубыми наивно-серьезными глазами и темно-русыми кудрявыми волосами, которые падали кольцами на его круглый выпуклый лоб. Он был в какой-то будничной шерстяной рубашке, с платком, повязанным у шеи, и держался совершенно по-домашнему, непринужденно Взгляд у него был добрый, немного отрешенный, но что-то в очертаниях рта, в повороте крепкой шеи говорило о силе, упорстве, даже, может быть, упрямстве, которое трудно преодолеть.

— Не запереть ли входную дверь? — предложил Писатель. — Я, правда, никогда этого не делаю. Но при таких обстоятельствах...

— Пожалуй, разумно.

Писатель пошел и запер дверь, с трудом дотянув изрядно проржавевший крюк до покосившейся петли. Потом вернулся в комнату.

Незнакомец стоял у полки, просматривал названия на корешках книг.

Когда вошел Писатель, он повернулся. Сказал приветливо:

— Вы Писатель? Рад познакомиться.

— Я тоже, — ответил Писатель, невольно поддаваясь обаянию незнакомца и сам удивляясь этому.

И пожал протянутую руку.

— Перехожу прямо к делу. Нас могут, к сожалению, прервать. — Незнакомец сел на кровать, пружины под ним жалобно застонали, прогибаясь. — Я изобретатель.

Изобретатель? Вот как? Писатель разочарованно откинулся на спинку кресла. Надо же, чтобы так банально кончилась эта необыкновенно яркая и занятная история... Время от времени в его дом открытых дверей проникали непризнан-

ные, неприкаянные изобретатели. По большей части это были издерганные люди с высоким баллом рассеянности, они обвиняли в слепоте и неблагодарности весь род людской, портили в доме электричество, тыча в розетки вилки каких-то странных приборов и устройств, прожигали пол кислотами, забывали в передней и на кухне небольшие пакеты в газетной бумаге, которые потом неожиданно взрывались, приводя в трепет старушку уборщицу. Один изобретатель предлагал удвоить продолжительность жизни человека с помощью микродоз мышьяка, принимать которые надо было с раннего детства. У другого была идея, что электроподогрев Саргассова моря, осуществляемый сверхмощными плавучими установками, должен вызвать невиданный рост водорослей, их миграцию и совершенно изменить флору Мирового океана, а следовательно, и кормовую базу животных, людей. Третий искал состав, который, если смазать им человеческую кожу, создаст невидимую непроницаемую пленку, делающую человека практически неуязвимым для холодного и огнестрельного оружия. Четвертый хотел повысить процент рождающихся гениальных детей путем облучения всех молодоженов по разработанной им специальной методике...

Но этот изобретатель не был ни желчным, ни раздражительным, он был нетороплив, задумчив, погружен в себя. Он внушал доверие. Может быть, все-таки стоило его послушать, прежде чем делать окончательные выводы.

— Видите ли, я физиолог. И могу воздействовать найденным мною способом на определенные клетки головного мозга. Могу возбуждать их деятельность или, наоборот, угнетать, не копаясь в мозгу, не вживляя туда электроды, вообще не прикасаясь... Впрочем, специальные подробности вам ни к чему, — прервал он сам себя. — Достаточно будет сказать, что после долголетних поисков я нашел «лучи воздействия», стабилизировал и зафиксировал их, научился их получать, научился ими владеть. Очень трудно было увеличить радиус действия, сначала они с трудом срабатывали из одного угла лаборатории в другой, а потом я научился из сарая, где была моя лаборатория, направлять пучок лучей на дом и отчаянно радовался. Но скоро это расстояние показалось мне детским... Встали инженерные задачи, мне пришлось отвлечься, кое-что изучить. При проектировании и конструировании «аппарата воздействия» — а я его делал и собирал сам, вот этими руками, с малой помощью жены и тестя, ну, отдельные, особо сложные и сверхточные детали, правда, заказывал по своим чертежам на стороне... так вот, особое внимание пришлось уделить размеру и весу аппарата. Первоначальный вариант — шкаф, затем габариты небольшого чемодана, в дальнейшем — ящика из-под сигар...

Писатель слушал — и нехитрое деловое повествование понемногу захватывало его. Годы труда. Долгие годы поиска. Были неудачи, ошибки, иногда казалось — все, тупик, конец, потом опять впереди загорался заманчивый огонек надежды, который ведет искателей. Незнакомец рассказывал об этом скупо, с достоинством, сидя на небрежно застеленной чужой постели,

поставив локти на колени и подперев кулаками голову. Хорошо, что он имел возможность смолоду бросить преподавание, уйти из провинциального института, где ему собирались присуждать какие-то степени, заставляли делать обязательные темы. Бог с ними! В течение пятнадцати лет он имел в своем распоряжении помещение для экспериментов, куда никто не совал носа, имел средства для закупки или заказа лабораторного оборудования... и работал, работал сколько душе хотелось — и днем, и по ночам.

— Частная благотворительность? — попытался выяснить Писатель.

Но тот только отмахнулся. Он не хотел, чтобы его отвлекали от главного.

— Аппарат действует безотказно. Да вот вы сейчас сами увидите.

Встал, прошагал по коридору, исчез за поворотом — и тут же вернулся с сумкой в руках. Сумка была из белой кожи, с ремнем, чтоб носить через плечо, на ней поблескивала медная вязь замысловатых инициалов. Кто-то уже говорил сегодня Писателю о белой сумке с медными инициалами... Но сейчас припоминать не стоило, было не до того.

Изобретатель со всевозможными предосторожностями достал из сумки сверток каких-то мягких тряпок, а из свертка — коробку размером немного больше портсигара, из обычной пористой пластмассы скучного серовато-мышиного цвета (на улицах города стояли ящики для мусора из такой пластмассы). Открыл, показал смонтированное на крышке с внутренней стороны что-то вроде пульта управления — набор крошечных кнопок, рычажков, клавиш. Поиграл клавишами, потрогал кнопки. Опять закрыл коробку, поднял до уровня глаз Писателя, повернул к нему ребром. Там обнаружилось отверстие, очень узкая, удлиненная прорезь — как будто просто рассекли ножом пористый серый материал, и края чуть разошлись. Прорезь чернела тонкой чертой, похожей на случайную трещину, царапину.

...Кто-то ведет за руку — это отец — какой он большой, как высоко его шапка, плечи, надо сильно закинуть голову, чтобы это разглядеть, — там, наверху, другой ветер и вообще все, конечно, другое; отец видит совсем другое, чем я, дальние-дальние дали, а может быть, даже те страны, где львы и пески, как нарисовано в книжках (хотя это я думаю, конечно, не всерьез, вроде как посмеиваясь — ведь я уже умею читать и знаю, что пальмы и пустыни от нас очень далеко, туда надо ехать). Зато, если смотреть вниз, как близко асфальт, растоптанный мокрый снег и как крупно видны башмаки прохожих, уверенно шагающие, приминающие снег, — и рядом все время мои детские ботинки, коричневые, круглоносые, мокрые, кое-где поцарапанные. Ботинки торопливо, учащенно ступают по черному мокрому асфальту, по остаткам серого снега, на себя непохожего, растекающегося водой, — моя короткая рука, сильно вздернувшись вверх, старательно держит палец отца с жестким желтым кольцом — а еще я вижу свои лохматые рейтузы, край меховой куртки... А отчего это в книжках не бывает таких карти-

нок, чтобы была улица, дома и еще было видно плечо художника или живот, бок, кусок его пальто, или нога, колено — ведь всегда видишь кусок себя самого, хоть немного от себя, хоть что-то, без этого нельзя, не получается.

Губы у меня улыбаются сами собой, все время улыбаются. От счастья. Я иду и чувствую — сегодня день счастья. Отец купил мне только что в магазине игрушек великолепный большой самолет, о котором я давно мечтал, ярко-синий, с вертящимся прозрачным пропеллером, похожим на крылья живой стрекозы, с убирающимися шасси и отворачивающимися рулями высоты. Я долго выбирал (самолеты были всех цветов: красные, голубые, зеленые, серые, фиолетовые, черные, оранжевые) и выбрал все-таки синий цвет, цвет неба.

Я иду торопливой, подпрыгивающей походкой, стараясь поспевать за отцом, который несет под мышкой коробку с моим самолетом, — а тем временем понемногу меня одолевают сомнения. Я все вспоминаю ослепительный оранжевый самолет, который отверг ради синего... и мне уже начинает казаться, что синий цвет гадкий, неприятный, тусклый, что на мой самолет скучно смотреть, что каждый мальчишка должен завидовать хозяину того ярко-оранжевого, огненного, ослепительного самолета, который остался в магазине на полке.

И я уже знаю (мы приближаемся к повороту), что вот сейчас на углу возьму и скажу отцу про оранжевый самолет. И в то же время понимаю, что не нужно это говорить, что отец терпеливо ждал в магазине, не торопил меня, дал выбрать... И что, как только я скажу эти слова, произойдет что-то ужасное, страшное для меня, непоправимое! И все-таки я знаю, чувствую, что обязательно скажу, не сумею не сказать, не смогу удержаться, как нельзя удержаться на скользкой, крутой ледяной горке... что уже начал сползать, медленно ползу к неизбежному — по мере того как неотвратимо приближается угол дома, за который нам надо сейчас заворачивать.

— Пап, — говорю я быстро, набравшись отчаянной решимости, — а рыжий был лучше. Я больше хочу рыжий.

Я говорю это, торопясь и задыхаясь, проглатывая концы слов, как раз на углу. На том самом углу, за которым (я это твердо знаю) меня ожидает беда. Ожидает возмездие.

Я говорю — и отец, нагнувшись ко мне со своей высоты, останавливается. Как раз на углу. Его большая теплая рука с жестким тяжелым кольцом делает какое-то нерешительное движение в моей руке.

— Ты знаешь... — Отец как будто что-то взвешивает, соображает. — Дело в том... Я как раз забыл купить сигареты. — Он принимает решение. — Ну что ж, так и быть, давай вернемся. Ты получишь свою рыжую машину, а я сигареты. — Покашливает. И делает маленькую педагогическую добавку: — Только следующий раз будь умнее. — Смеется. — Особенно когда будешь выбирать жену.

Мы поворачиваем обратно. Я так и не обогнул грозный угол дома, так и не узнал, что же мне, собственно, угрожало. Отец и я — мы идем обратно, дружно и весело спешим навстречу радости, навстречу огненному новому самолету, которо-

му завтра будут завидовать мальчишки с нашей...

Все вернулось на свое место. Вернулись стены рабочей комнаты, окно, слабо просвечивающее сквозь плотные занавеси, вернулась кое-как застеленная кровать и человек с голубыми глазами любопытного ребенка и выпуклым лбом мыслителя. В руках он держал пластмассовый ящик.

Вернулся ровный, монотонный ропот дождя за окном, приглушенное сонное шуршание капель в листьях.

Писатель сидел, откинувшись на спинку кресла, пытаясь собраться с мыслями. Кто мог знать обо мне такое — подсмотреть, подслушать — я никогда этого никому не рассказывал, вообще, разве такое рассказывают, разве можно такое рассказать, со всеми подробностями этой существующей только в прошлом улицы, с уходящими узко вверх стенами ее коричневых домов и коричневым, немного клубящимся воздухом прошлого, с теплом руки покойного отца — это ведь неповторимо, невоспроизводимо, вся эта сумма ощущений, запахов, привкусов, мимолетных душевных движений, почти не выразимых словами, — да я и сам не помнил этого, не знал, что помню, несу в себе...

Писатель крепко протер ладонями лицо. И начал не так уверенно, как обычно, немного бессвязно:

— Но вы знаете... В жизни было иначе, а тут... — он затруднился, как это назвать, — в вашей... передаче...

Изобретатель, смущенно-гордый, улыбался доброй улыбкой победителя.

— Я ведь не знаю, что вы видели. Это чисто личное, субъективное, у каждого свое. Вы должны были увидеть желаемое, исполнение желаний... даже если они в действительности когда-то не исполнились. — Объяснил: — Так я настроил аппарат. А на каком материале — ну это уже от меня не зависит. Материал подсказывает ваша жизнь, ваш опыт. — Он щелкнул крышкой коробки, опять открылись рычажки и кнопки микропульта. — Но можно ведь дать и совсем другую настройку. Ну например... — Стал трогать клавиши, осторожно перемещать рычаги. — Воздействие может быть, наоборот, раздражающим. Может не устранять, а, скажем, обнажать и обострять противоречия, конфликты. — Он сказал негромко, задумчиво: — Иногда это важно для лучшего познания жизни. Для активизации человека на борьбу со злом. — И, обронив мимоходом эту мысль, с минуту молча смотрел на серенькую коробку, которая обещала так много, так много в себе заключала неизвестного, еще не раскрытого. Потом решительно хлопнул крышкой, отложил аппарат в сторону. — Ладно, не надо больше демонстраций, успеется. — Отмахнулся. — Не в этом сейчас дело. Важно изучить новый процесс, выявить природу и закономерности воздействия. Огромное поле научной деятельности... встают очень интересные теоретические вопросы...

Но Писатель не спешил углубиться в чистую теорию.

— А как вы ставили опыты? Выходит, только на себе самом?

— В основном на себе, — подтвердил изобретатель. — А если на моей жене, на ее отце — тогда про-

сил рассказать... возможно подробнее, точнее. Но это уже потом, к концу. А первое время только на себе — я ведь не знал, чем рискую, и не мог, не имел права втягивать других. — Об опасности он говорил просто, спокойно, без рисовки. — Я бродил вслепую. Действие на меня лучей было сильным, но самым неожиданным. То полнейшая потеря памяти, классическая форма амнезии — от перегрузки мозга, возможно. То совсем ранние, чуть ли не младенческие воспоминания — неестественно яркие, четкие, с подробностями вплоть до завитка какой-то дурацкой погремушки. Избавиться от них я не мог, было очень утомительно. А однажды я целый месяц был в странном состоянии... в духовном анабиозе, что ли, на грани бодрствования и сна, жизни и смерти. Ел, если меня кормили, гулял, если прогуливали, но, кажется, не мыслил, не сознавал своего существования. Страшная штука! — Лицо его потемнело, он сжал кулаки и упрямо нагнул лоб. — Знаете, сам себя ввел в такое состояние, а вот вывести...

Хорошо, что он всегда на всякий случай рассказывал жене все основное о своей работе. И вел подробные записи. Она, в конце концов, вывела его из анабиоза, хотя и с большим трудом. Искала, пробовала, ошибалась, уже совсем отчаялась вернуть его в нормальное состояние. И вдруг кончились его блуждания в мире неизвестного, он вернулся к людям, стал самим собой. Теперь это уже пройденный этап — он знает, как вводить в анабиоз и как выводить.

— Тише! — резко сказал Писатель — Кто-то, по-моему, ходит под окнами. Ведь любой из этой шайки может вернуться. Надо быть настороже.

Оба замолчали, прислушиваясь. Но не было слышно никаких посторонних звуков — только равномерное доверчивое бормотание дождя, успокаивающее, усыпляющее.

Неприятно резко прозвучал звонок телефона. Писатель снял трубку. Серебристый женский голос сказал с мягкой, вкрадчивой настойчивостью:

— Говорит ваша читательница. Поклонница вашего таланта. Мне так хотелось бы увидеть вас...

— Я занят.

— ...увидеть вас. Сегодня, сейчас. Вы верите в предчувствия? Мое чутье мне говорит...

— Извините, у меня люди. Как-нибудь в другой раз. — Писатель, не вслушиваясь в серебристое назойливое щебетанье, положил трубку на рычаг.

Только дуры-поклонницы ему сейчас не хватало!

ВСЕВИДЯЩЕЕ «ОКО РА» (Визит четвертый, продолжение)

— А как же вы все-таки сумели поссориться с телекомпанией? Что между вами общего? Не хотел бы я иметь такого врага, — серьезно сказал Писатель, — а я вроде не из самых трусливых.

Изобретатель стал рассказывать. Он человек непрактичный, далекий от реальной жизни, неумелый. Когда настало время действовать, решил обратиться в какую-нибудь газету, которая могла бы сразу дать изобретению огласку, разрекламировать его. Но потом вспомнил про

компанию «Око Ра» — у них был дома старенький телестереоприемник, на нем стояла эта марка. И вот однажды он поехал в столицу (а ему не так-то легко выбраться, это бывает очень редко), узнал в справочном киоске адрес и разыскал многоэтажный дом... ну, такую башню в египетском стиле, с фигурами. (Писатель зябко передернул плечами. Он знал этот уродливый, безвкусный небоскреб, с претензией на оригинальность, где сквозь пышный нелепый декор из обелисков, рабов, скарабеев, лотосов, пилонов, фараонов стоячих и фараонов сидячих жестко проглядывал костяк беспощадно-современного делового здания, здания-дельца.) Поднялся на лифте на двадцать четвертый этаж, там кабинет, сидит женщина. Говорят, один из директоров, может решать вопросы... как ее, такое имя из мира природы... Его не хотели пускать, он пошумел, вышла эта женщина, посмотрела на него и сказала: «Пусть войдет».

— Красавица Флора? — догадался Писатель.

— Вот, вот. Именно она.

Много лет назад молоденькая дебютантка с безукоризненной фигурой в одной из передач компании, сделанной по мотивам картин Боттичелли и других художников итальянского Ренессанса, сыграла роль прекрасной Флоры, богини цветов и юности. Она имела большой успех. Телезвезда, которая в память своей первой роли продолжала выступать под именем Красавицы Флоры, сделала грандиозную карьеру. Играла из года в год Клеопатру, царицу Савскую, Мессалину, Леду с лебедями, владычицу планеты Венера, дитя джунглей, воспитанное гориллами, и многие другие роли, для которых не требовалось одежды. Выступала в варьете, снималась в кино. Со временем она стала одним из тринадцати генерал-директоров компании, почти совсем не выступала, показала себя весьма деловым человеком, составила немалое состояние. У нее было чутье, она безошибочно предугадывала, что будет иметь успех, славилась своим пониманием «среднего человека». Она и себя с гордостью называла «средним человеком, взлетевшим на двадцать четвертый этаж», говорила репортерам, что не знает ничего сверх того, что печатают вечерние газеты, иллюстрированные журналы, и за всю жизнь не прочла ни одной «умной книги».

Здесь рассказ изобретателя стал менее связным. Писатель понял — Флора, заперев дверь своего кабинета, не захотела даже слушать об изобретении. Однако она была очень мила с посетителем и предложила ему поужинать с ней в ночном закрытом клубе «Око Ра», который считался в городе весьма фешенебельным и куда многие стремились попасть. Когда он отказался, наивно заметив: «Я, знаете ли, женат. Зачем же я с вами пойду?», в ее настроении произошел заметный перелом. Она сказала довольно грубо, что он, очевидно, авантюрист, шантажист, что стоило бы рассказать о его штучках на совете директоров и тогда его, наверное, засадят в тюрьму или в дом умалишенных. Тут он не вытерпел, схватил ее покрепче за руки, бросил на кушетку, достал аппарат, настроил его определенным образом, направил на нее луч... Он не знает, не может знать, что она видела, это ведь сугубо индивидуальное, но,

так или иначе, она была очень потрясена, подавлена, так и осталась лежать с закрытыми глазами. А он быстро ушел — во-первых, надоела вся эта канитель, во-вторых, надо было успеть на поезд, он обещал быть дома к определенному часу, а кто же любит нарушать свое слово, это неприятно.

— Дома сразу паника, тревога. Знаете, женщина, даже лучшая из женщин, святая, преданная...

По-видимому, Красавица Флора все-таки привела в исполнение свою угрозу — рассказала об изобретателе на Совете Тринадцати, знаменитом совете генерал-директоров компании «Око Ра», который всегда заседал на двадцать четвертом этаже «египетского небоскреба». Так или иначе, когда он сегодня рано утром приехал в столицу и узнал в киоске адрес Писателя, то за ним стали следить, обстреляли... он попытался уйти дворами, полез по пожарной лестнице, на балконе его ждали в засаде какие-то люди, очень хилые, хлипкие... облепили его, как тесто, он не виноват, но, кажется, кто-то из них полетел через перила, он совсем этого не хотел, хорошо, что там невысоко. Удивительно неприятное утро, столько ерунды.

— А вы все время так и прятались под кроватью?

Изобретатель ответил безмятежно:

— Нет, сначала в ваших часах... там стоят, у входа. Знаете, чем проще, тем труднее увидеть. — Он неожиданно улыбнулся озорной, почти мальчишеской улыбкой. — Это не мое открытие, об этом есть отличный рассказ у Эдгара По.

— И как же вы представляете себе дальнейшее? — спросил Писатель.

— Первый этап пройден. Теперь нужна широкая гласность, открытое обсуждение. И чтобы многие этим занимались. Нужны серьезные экспериментальные работы, сравнение результатов, анализ. Нужно сотрудничество психологов, физиков, физиологов, создание специальных лабораторий, институтов, международные связи.

Вы неспециалист, я понимаю... Но мне требуется совет независимого, абсолютно порядочного человека. И я выбрал вас, — уважительно, с какой-то детской доверчивостью сказал изобретатель. — Я сделаю то, что вы посоветуете. В вашем «Дневнике интеллигента» я прочел: «Давно пора авторитет власти заменить властью авторитета». Тот, кто это написал, не может обмануть дове... — И вдруг остановился на полуслове, прислушался. — Как хотите, но, по-моему, стучат.

Да, стучали. Кто-то стучал во входную дверь. Теперь Писатель и сам слышал.

— Ничего не сделаешь, придется открывать, — Писатель встал. — Надеюсь, это моя стряпуха. Хотелось бы думать, что авантюрная часть истории уже позади.

Изобретатель сказал серьезно, тяжеловесно:

— Вы извините... нужна разумная осторожность. — И привычно полез под кровать.

Уже исчезла его голова, торчали только ноги, забавно извиваясь. Вдруг ноги стали неподвижными. Изобретатель под кроватью что-то говорил — трудно было разобрать что. Доносилось только: «...а...а...» Потом ноги опять зашевелились, за-

дергались (все это было бы смешно, если бы не общая напряженная ситуация), изобретатель пополз обратно.

Вот показалась его кудрявая голова, ясные ребяческие глаза.

— Давайте сумку сюда. Быстрее! Она заметная... может выдать.

Прижав к животу белую сумку с монограммой, он опять нырнул под косо свесившееся одеяло и на этот раз исчез совсем.

Писатель, насвистывая сквозь зубы, пошел открывать.

ОПЯТЬ ОНА
(Визит пятый)

Это была опять она. Дама в красном плаще. Рассерженная Медея со змеящимися, как будто одушевленными волосами, которые сейчас, когда она стояла на ступенях крыльца, ветер выдувал из-под капюшона, красного с черной оторочкой. Право, ей следовало бы ездить на колдовской колеснице, запряженной драконами. Но, судя по сапогам, густо залепленным грязью, она немало походила сегодня пешком. Что ж, у драконов, наверное, тоже бывают выходные дни.

— Однако вы довольно долго продержали меня под самым стоком воды. У вас льет именно над входом. — Она отодвинула Писателя в сторону (толчок был чувствительный, совсем не женский) и решительно прошла в коридор. Надменная, очень прямая, прислонилась спиной к деревянному ящику часов. — Стали запирать дом? Очаровательно. — Ее яркая улыбка была полна яда. — Вероятно, после моего утреннего визита. Ну, ведите меня в комнату, что же вы? — прикрикнула она на Писателя. — Живее!

Пожав плечами, Писатель повел ее в комнату. Скинув с плеч мокрый красный плащ, Медея на ходу пренебрежительно бросила его на письменный стол, осталась в узких брюках, заправленных в сапоги, и в темном глухом свитере без всякой отделки или украшений. Беспощадно пятная ковер грязными сапогами, прошла к окну и села в кресло. Писатель отметил про себя, что даже в продавленном кресле гостья сидела с очень прямой спиной, вся собранная, напряженная, — видимо, она вообще не умела расслабляться.

— Скажите мне спасибо. Все сделано, все улажено. Я все уладила, — сказала она резко, подчеркивая слово «я». — Специально прогулялась раз и другой по улице Девы Марии, что за старым кладбищем... Эти дураки-агенты немедленно клюнули и пошли по следу! — Она, видимо, все еще переживала упоение борьбы, глаза ее сверкали, щеки окрашивал нервный румянец. — Я была в черном плаще, как он, рост у меня приличный, почти мужской. Волос не видно, если капюшон застегнуть наглухо, лицо прикрывала шарфом и темными очками. Ну и сумка, конечно... точно такая же, как у него, почти те же буквы. С плащом — вы понимаете, конечно, что я сделала...

Нет, Писатель не понимал.

— О господи! Так просто, — сказала она с отчетливым презрением. — Все мужчины тяжелодумы... Они должны искусственно развивать в себе наблюдательность к мелочам, тогда как мы, женщины, мелочны от природы. Любая дере-

венская девчонка, ревнуя, такое разглядит в своей сопернице, что не снилось никаким сыщикам мира!

Она потянулась за своим плащом, который красным пятном лежал поверх разложенных бумаг Писателя.

— Вот так... — И жестом фокусника вывернула плащ наизнанку, на его черную оборотную сторону. — Это же само напрашивается.

Теперь на письменном столе лежал брошенный густо-черный плащ, только где-то за обшлагом рукава чуть сквозила узкая красная полоска.

— Да, проще простого, — сказал Писатель задумчиво, поднимая рукав и для чего-то заглядывая в его красные недра.

Ай да баба! Обманула честных гангстеров, запутала их, закружила. У них еще будут, чего доброго, серьезные неприятности по службе! А потом, когда надобность миновала, она, вероятно, выбросила сумку в канал, наложив в нее камней, перевернула в подворотне плащ на красную сторону. И оборвался, исчез след мужчины в черном плаще, который разгуливал по улице Девы Марии. Остроумно, ничего не скажешь.

Неожиданно Медея сказала, повысив голос, подчеркнуто громко:

— Выходи, не дури. Ты слышишь? Ведь я прекрасно знаю, что ты тут.

Повисло молчание. Никто не откликался.

Она встала, решительным жестом сунула руки в карманы брюк, надменно вскинула голову.

— Ну? Живее! Слава богу, я не слепая. На самом видном месте лежит... а я-то его вчера искала... рукав от моего вязанья. — На письменном столе Писателя осталось лежать тряпье, в которое был завернут аппарат изобретателя. — Хватит! Довольно игрушек! — В голосе ее послышались резкие ноты. — Иди-ка сюда.

Из-под кровати медленно, как будто нехотя, вылезла на свет голова, показались плечи... Встал широкогрудый мужественный человек, смущенный, как школьник перед учительницей, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, натворил глупостей? За один день столько напортил. Хорошо, что я поспела. Ты как ребенок, ты ведь не знаешь жизни, тебе нельзя действовать самому. Вот что получается, — она показала на разбегающиеся по стеклу книжного шкафа трещины, — когда ты один едешь в город. — Тон у нее был снисходительный, материнский покровительственный. — Теперь ты понял, что это я — и только я — спасаю тебя от забот и неприятностей? Оберегаю тебя от самого себя? Что только со мной ты в безопасности?

Он слушал молча, не протестуя, но и не соглашаясь. Лицо у него было какое-то темное, усталое, в кудрявых волосах запутался пух от перины. Голубые глаза смотрели в сторону, и трудно было понять, чего в них больше — покорности или упорства.

— Ну хорошо, об этом потом. — Она перешла к деловым распоряжениям. — А сейчас возьми плащ...

Он, видимо, привык слушаться этого голоса, подчиняться ей во всех житейских вопросах. Повернулся было, чтобы идти в коридор и разыскать там свой припрятанный плащ, но она остановила его.

— Да нет, не тот. Мой, конеч-

но. Вон лежит. И не на черную сторону... Они же тебя ищут именно в черном. Выверни! — Он вывернул плащ на красную сторону, но она опять осталась недовольна. — Дай сюда! Я дважды входила в дом в красном, может быть, все-таки один из них... Не стоит рисковать!

Взяла и резким движением рванула черную подкладку, черное отделилось от красного (клацнули, открываясь, кнопки, которые их скрепляли). Черное оказалось, в свою очередь, подбито желтым, она вывернула его наизнанку и аккуратно опять застегнула кнопки, только теперь в ее руках был совершенно неузнаваемый, рожденный заново канареечно-желтый плащ.

— Одевайся! Когда пойдешь, сгибай немного колени, будешь казаться ниже ростом. Вон за тем углом, — она подошла к окну и показала рукой, — машина, за рулем отец. Через три часа будешь дома... в полной безопасности!

— Но я хотел еще... — Он двинулся к Писателю. — Мне необходимо...

— Потом. Все потом. В другой раз.

Он колебался.

— Говорю тебе: в следующий раз. Ты приедешь. Я сама тебя привезу. Но только не сейчас... когда опасно. — Он стоял, упрямо нагнув голову. Она выложила последний козырь: — Не только сам попадешь в неприятную историю, но и других подведешь. Эти молодчики не церемонятся. Им поджечь дом, полный рукописей и книг...

Вздохнув, он сунул одну, потом другую руку в рукава желтого плаща. Застегнулся, поднял капюшон.

— Нет, не через дверь... Иначе сделаем. — Она проскользнула за занавес, бесшумно приоткрыла окно. — Прыгай... и напрямик садом. Угол дома, видишь? Ограда сада невысокая, перелезешь. Прохожих там мало.

Она все учла, все предусмотрела. Позаботилась решительно обо всем, оставалось только одно — исполнять. Он подошел к окну. Оперся руками о подоконник, последний раз взглянул на Писателя... глаза их встретились...

«Мы увидимся. Он вернется, — подумал Писатель уверенно. — Если будет жив... Непременно!»

Изобретатель легко перекинул свое сильное тело через подоконник и спрыгнул вниз. Можно было видеть, как мелькало между деревьями яркое пятно его желтого плаща, когда он бежал через сад. Припав лицом к окну, Медея неотрывно смотрела ему вслед.

— Все, добрался. Сел в машину. — Прикрыла на минуту глаза рукой. — Наконец-то! Уехал. И, кажется, никто за ними не следил. — Она обернулась к Писателю. — А теперь... Ну что ж, теперь нам надо поговорить. Вы должны знать всю правду.

НЕНАВИСТЬ ЛЮБЯЩЕЙ
(Визит пятый, продолжение)

— Поговорить? Охотно. — Писатель сосредоточенно набивал трубку табаком. Наконец-то это можно было сделать спокойно, не рискуя получить пулю в лоб. — Если вам не трудно, сударыня, то оставьте, пожалуйста, окно открытым, тут душновато. Надо сказать, что у меня редко бывает такой оживленный утренний прием... Кстати, сударыня,

вы позабыли представиться. Вы так небанальны, так мило пренебрегаете общепринятыми условностями, но все же хотелось бы...

Она не удостоила его ответом. Села на прежнее место, в кресло, постаралась привести в порядок свои растрепавшиеся волосы, сколов их на затылке покрепче большой заколкой. Теперь на ее лице проступило новое насмешливо-торжествующее выражение, вздрагивали углы губ — точно просилась наружу дерзкая беззаконная улыбка, крылья тонко очерченного носа трепетали. Очень красивое лицо. Яркое, смелое, сильное. И все-таки что-то в нем было неприятное — может быть, чуть ближе, чем надо, посаженные глаза? Или надменный излом бровей? Да, опасное лицо.

— Разрешите закурить? — Писатель достал зажигалку.

Она нетерпеливо дернула плечом — курите, какое мне дело. Заговорила медленно, тяжело:

— Ну, так вот. Он не шарлатан, не обманщик... сознательно никогда никого не обманывал. Нет, у него затронута психика. Вы понимаете? — спросила она звенящим голосом. — Он маньяк... ну, просто сумасшедший... Во всяком случае, по временам бывает именно таким. Когда на него находит.

Писатель раскурил трубку и окутался клубами дыма. Он не спешил отвечать. Он явно приготовился слушать дальше.

— У него возникают бредовые, навязчивые идеи: каждый раз какое-нибудь изобретение, открытие мирового значения, которое он якобы сделал. — Она настороженно следила за тем, какое впечатление производят ее слова. — Умеет говорить об этом толково, связно, логично, так что сначала можно подумать... Но вы, писатель, психолог, вы, конечно, сразу поняли, с кем имеете дело, вас нельзя обмануть, я уверена.

Писатель, не выпуская трубки изо рта, спросил:

— Давно вы с ним познакомились?

— Десять лет назад. — По ее лицу прошла какая-то тень воспоминаний, черты немного смягчились. — Я была студентка, совсем девочка. Но уже тогда умела принимать решения. И я сразу же, в тот первый вечер... — Она замолчала. Писатель не торопил ее, терпеливо ждал продолжения. — Он был одинок, несчастен... болен. Я увезла его и спрятала в своем собственном доме, в маленьком захолустном поселке, которого не найти на карте. Я достаточно богата и могу позволить себе роскошь удовлетворять все его прихоти. Оборудование, приборы... Он ни в чем у меня не знал отказа. Пусть это всего-навсего игрушки, но если эти игрушки облегчают ему жизнь, заполняют пустые часы и дни, то не жаль никаких денег. Он верит, что он изобретатель, чувствует себя настоящим человеком, счастлив по-своему...

— Вы запирали его? — спросил в упор Писатель, разгоняя рукой дым и вглядываясь в это красивое непроницаемое лицо. Она уклончиво повела плечами. — Не отпускали в город? Прятали машину, не разрешали пользоваться ею?

Она стала объяснять:

— Он слишком нервный, чтобы сидеть за рулем. А город на него действует возбуждающе, врачи...

— Так. Понятно. Пошли дальше. Богатство, текущий счет, средства на

его прихоти... — Он неожиданно лег грудью на стол, протянул руку и цепко схватил ее длинные, гибкие пальцы, сжал их. Она попыталась вырваться, но не смогла. — Ну, полно, полно, ничего мне от вас не нужно, только маленькое обследованьице.

Она негодующе фыркнула. Преодолевая сопротивление, он разжал ее кулак, потрогал узкую ладонь. Как он и думал, на ладони, там, где начинаются пальцы, легко можно было прощупать затвердения, мозоли, каких не бывает у богатых капризных дамочек.

Он отпустил ее руку, она резко откинулась назад, ушла в кресло, сжалась, как затравленный зверь. И, сверкая глазами, закричала:

— Да, работаю в огороде, в саду... И нисколько не стыжусь! Копаю, не разгибая спины. Вожу и продаю фрукты, торгуюсь за каждый грош. Можно спать и четыре часа в сутки, от этого не умирают, — сказала она с беспощадной усмешкой. Надо отдать ей справедливость — она умела быть жестокой не только по отношению к другим, но и по отношению к себе. — Месяц проработала как проклятая — и пожалуйста, он имеет возможность заказать очередное бессмысленное сплетение трубок, щитков и пробирок, которому будет радоваться, как мальчик. Пусть радуется! А что я жертвую собой, гублю свою жизнь, жизнь отца... Какое это имеет значение?

Фанатики бывают разные. Эта была фанатиком любви — любви, кажется, очень похожей на ненависть, любви страстной, неистовой, мрачно окрашенной, не приносящей радости, приносящей одну только боль. Слепо преданная своему идолу, она ежедневно, ежечасно бичевала себя во имя этого идола, не спрашивая, нужно ему это или нет. И все записывала в счет, за все требовала оплаты — за каждый удар бича, за каждую царапину. Что поделаешь, самый преданный жрец бывает обычно самым деспотичным. Фанатизм и деспотизм так часто соприкасаются.

— Вы учились... — начал было Писатель.

— В Высшей Школе Музыки и Музыковедения, — сказала она с вызовом, — у лучших профессоров страны. Подавала надежды. Стоит ли теперь об этом вспоминать? «Похоронила себя в глуши», как писалось в благопристойных романах девятнадцатого века. — Подражая голосу рыночной торговки, она затянула нараспев с жестоким смехом: — Отличная спаржа, отборные артишоки! Салаты латук, эндивин, эскароль, ромен! Не хотите ли французский сорт сельдерея, красную капусту савой, лук-шарлот с мелкими головками... — Оборвав свою буффонаду, сказала без улыбки, строго: — Вот как оно бывает, дорогой Писатель! Называется: жизнь! В романах девятнадцатого века такого не встретите.

— Ну, у девятнадцатого века были свои противоречия. Хватало, — сказал Писатель. — Не только розы и чувствительные элегии...

Но она не слушала. Она вообще плохо умела слушать других.

— И не жалею. Ни на секунду ни о чем не жалею. — Она нахмурила брови, резко обозначилась горькая складка на переносице. — А всех вас, чистеньких, благополучных, я презираю, слышите, презираю... И ваши мнения о моей жизни мне неинтересны, я их выслу-

шивать не желаю, оставьте их при себе. Так же, как и ваши вздохи, сожаления!

Писатель понял, что она спорит не с ним — через его голову с какими-то бывшими подругами, которые теперь при встрече едва кланяются ей, со старыми знакомыми семьи, которые говорят о ней, горестно покачивая головами, как о «погибшей», «окончательно опустившейся».

Она встала и начала ходить взад-вперед по кабинету, как узник в камере.

— Пусть работает в своей лаборатории! Пусть тешится иллюзиями. Мир не должен его замечать. Какое дело до него миру? Он безвреден. Конечно, только рядом со мной и под моим наблюдением. — Поправилась: — То есть под наблюдением врача. Мы следим за ним, я и отец... стараемся никогда не оставлять его одного. Это случайно вышло — отец работал на дальнем конце участка, а я поехала за ящиками для яблок. Он уже второй раз так удирает в город за последний месяц. Тогда затеял с телекомпанией, а теперь с вами. Эта его болтовня о каком-то аппарате, ну, не аппарате, магической коробке... — Она явно прощупывала, что именно Писателю известно, что успел рассказать изобретатель. — Да ведь это просто мираж... своего рода галлюцинация. Ему это привиделось, померещилось. Навязчивая идея, не имеющая ничего общего с реальностью.

— Он показывал мне коробку, — сказал Писатель между двумя затяжками, не спуская глаз с ее лица.

— Показывал? — Она задохнулась. — Так, значит... О боже! — Тут же спохватилась: — Да это чепуха. Сказки! Я никогда не поверю...

И замолчала. Потому что увидела на письменном столе выглядывающий из-под бумаг угол знакомой серой коробки. Взяла в руки, повертела. Сомнений быть не могло — это был он, «аппарат воздействия».

— Выкрал. Увез...

Опустившись в кресло, она продолжала разглядывать аппарат, который лежал у нее на коленях. Потом подняла глаза на Писателя и сказала, решившись:

— Ну хорошо. Пусть так. Теперь я вам все скажу. Все как есть. Он просто гипнотизер. И гипнотизер действительно блестящий, выдающийся, очень талантливый. Личное дарование... плюс метод, который он разработал. Он и мне передал, я его ученица. Вот вы сейчас убедитесь!

...говорю. Отец, слушая меня, не останавливается, идет дальше, мы огибаем угол дома, заворачиваем за него.

— Ах, вот как. — Отец как будто что-то взвешивает, обдумывает. — Тебе не нравится синий? Больше нравится рыжий? Ты переменил решение? Ну что ж!

Я понимаю, что сейчас произойдет ужасное, хочу помешать отцу, повиснуть на его руках, хочу плакать, просить прощенья, кричать, что я больше не буду, что я доволен синим, очень доволен. Но ничего не успеваю, каменею, не могу пошевельнуться, руки прижаты к бокам, горло сдавлено.

Отец спокойно, неторопливо, не меняясь в лице, открывает коробку. Бросает на тротуар синий красавец

самолет, самолет трещит, отец поднимает ногу, наступает на него... раз и другой... я хочу зажмуриться, не видеть, не знать, но не могу, смотрю, и горячие горькие слезы...

Все вернулось. Стены кабинета, занавеси, лицо чужой женщины.

В чем дело? Ведь первый раз было другое, совсем другое. Ах да, изобретатель изменил настройку аппарата, при мне вертел рычажки. Та настройка была идеализирующая, а эта, очевидно...

Писатель спросил:

— А вы можете повторить это без коробки?

И протянул руку, чтобы взять у нее аппарат.

Но не успел.

Она закричала:

— Назад! Не трогать!

И прямо перед собой Писатель неожиданно увидел нацеленное на него дуло маленького дамского револьвера. Откуда Медея его извлекла — он не успел заметить. Из кармана брюк, что ли?

Не очень-то приятно, когда красивая женщина с решительным лицом держит твердой рукой маленький дамский револьвер, нацеленный тебе прямо в живот.

Тут не до шуток.

— Руки вверх! — скомандовала Медея.

— По-моему, это лишнее, — сказал Писатель, не поднимая рук. — Конечно, если вы будете настаивать, сударыня...

Она не настаивала. Она кусала губы и раздумывала — о чем? Его, естественно, интересовал ход ее мыслей. Мало ли до чего она могла додуматься, не спуская пальца с курка. Он, старый солдат, хорошо знал, что оружие иногда подсказывает человеку самые странные и ненормальные поступки. Оружие ведь сделано для уничтожения и, как всякая вещь, помнит, для чего сделано.

— Знаете, поднимать руки — это как-то глупо, — сказал Писатель, разглядывая на близком расстоянии черное отверстие ствола. — В этом есть что-то театральное. Тут в смешном положении и тот, кто поднимает руки... и тот, кто командует.

Она сказала медленно, как бы раздумывая вслух:

— Об аппарате достоверно знаете вы один. Только вы один держали его в руках... Значит, если я сейчас...

Дуло пистолета, направленное до этого ему в грудь, поднялось до уровня лба. Теперь оно было нацелено между глаз Писателя. Неприятный холодок пополз у него по спине. Рука Медеи помедлила и начала понемногу спускаться вниз, но очень нерешительно. Потом опять поднялась...

Писатель разозлился. Он не привык быть игрушкой в руках других. Привык сам решать свою судьбу.

— Ну, стреляйте, — сказал он сквозь зубы, пристально глядя ей в глаза.

Встал со стула и, огибая письменный стол, держась к нему спиной, медленно двинулся ей навстречу.

Внезапно она уронила револьвер на ковер. Закрыла лицо руками. Плечи ее тряслись от рыданий.

Он спокойно подобрал револьвер с пола, поставил на предохранитель, положил на всякий случай в

карман своей куртки. Такие нервные особы иногда довольно круто меняют решение.

— Успокойтесь. Придите в себя. Хотите, я сварю вам черный кофе? Ничего страшного не произошло. Как вы сейчас себя чувствуете?

Она сидела в кресле, по-прежнему не отнимая рук от лица. Писатель решил, что надо дать ей оправиться, не стал больше задавать никаких вопросов.

Он пошел на кухню, налил стакан воды и принес. Медея сидела, устало уронив руки на колени. Глаза у нее были заплаканные, но, когда он вошел, она нетерпеливо, раздраженно отвернулась к стене. Не стала пить, оттолкнула его руку со стаканом.

— Видите ли, сударыня, что касается вашей версии о сумасшествии... — сказал Писатель, стряхивая капли воды с рукава домашней куртки. — Я бы не советовал вам на ней настаивать. Аппарат явно известен не мне одному. Известен, скажем, сотрудникам компании «Око Ра». Иначе компания не преследовала бы изобретателя так настойчиво. Они там не любят сорить деньгами, а преследование стоит денег — и немалых. Очевидно, совет генерал-директоров считает вашего мужа вполне нормальным, а аппарат — реальностью. Да он мне сам сказал, что Флора, знаете, эта бывшая...

Из всего, что Писатель говорил, она, кажется, услышала только женское имя — Флора. И вскинулась с невероятной яростью, как пантера, которая бросается на добычу. Писатель даже испугался.

— Вот... стоит ему уйти. На него вешаются женщины... Он будет на виду, в почете, у него будет своя жизнь. Я украла его у всех, спрятала... Я никогда не думала, что из этого что-то может выйти. Что он найдет... Я давала деньги, я тянула из себя жилы для того, чтоб он искал, искал хоть всю жизнь, если это доставляет ему удовольствие. Но не для того, чтоб он нашел!

Пятна румянца рдели на ее щеках, волосы растрепались, было даже как-то жутковато на нее смотреть.

Кулаки ее были прижаты к груди, она сжимала пальцы так сильно, что костяшки побелели. И говорила, говорила, точно вознаграждая себя за многолетнее молчание, привычную скрытность:

— Когда мы с ним познакомились... у него была тетрадь, озаглавленная: «Дезидерата». Ну, все знают, что это означает. «Желаемое». Так пишут в библиотеках на списках книг — желаемое, то, чего у нас нет, что мы хотим... А он заносил в эту тетрадь свои идеи, замыслы... то, что он мечтал найти, осуществить. Писал об этих проклятых «лучах воздействия», о будущем аппарате. Помню, я, смеясь, положила ладонь на эту тетрадь. И сказала вроде как шутя: «О, как я хотела бы стать вашей Дезидератой!» Это было так давно. Я была тогда наивна и думала, что жизнь — это исполнение желаний... поиски идеальной гармонии, которая достижима.

Ее темные глаза смотрели мимо Писателя. Помнила ли она, где находится, с кем разговаривает, зачем сюда пришла?

— Так я и не стала его Дезидератой Дезидератой осталось вот это. — Взвесила на ладони аппа-

рат. — Это перетянуло. — Усмехнулась. — Да, он мне не изменял, он ведь порядочный, честный человек, добрый малый. И когда ему было изменять? Он терпел меня рядом с собой, привык, что помогаю ему жить, работать, даже иногда замечал, что я женщина. — Порывисто повернулась к Писателю. — Хотите знать, когда я была по-настоящему счастлива? Месяц. Один месяц за все эти годы. Когда после одного неудачного облучения...

— Он впал в странное состояние полусна?

— Да. — Она не удивилась, что он знает, не задержалась на этом, ей было не до того. — Страшно выговорить, я иногда мечтаю по ночам... а что, если бы он опять стал такой, как в тот месяц... или слепой. Как бы он во мне нуждался, как ждал моих шагов, прислушивался...

Она замолчала. Что-то ее насторожило. Писатель положил ей обе руки на плечи, заставил ее присесть на корточки, спрятаться за стол.

Из-за полуоткрытого окна спрашивали:

— Писатель... тут живет Писатель?

Голос был женский. Серебристый, необыкновенно чистый и обольстительный.

Писатель немного раздвинул занавеси, выглянул в сад. Очаровательное создание, юное и женственное, плутало среди кустов. Зонтик не мог уберечь от дождя ее элегантное белое пальто с черным игольчатым мехом на рукавах и по подолу («Шикарная модель парижской фирмы», — бегло подумал Писатель). Старый дом, словно мстя за вторжение, злорадно извергал на нее бурные потоки грязной воды, фыркая и сердито отплевываясь.

— Я сейчас выйду, — сказал Писатель, — встречу вас. Оставайтесь на месте.

И задернул занавеси.

— Но я не хочу прятаться, — возмущенно шипела Медея, когда он тащил ее за руку по коридору. — Я никого и ничего не боюсь. Что мне...

Писатель без особых церемоний подтолкнул ее к узкому деревянному ящику часов. Открыл дверцу.

— Молчать! Мне надоели ваши штучки... А если эта новая тоже из шайки? Что-то у нее слишком невинный вид. Через вас чересчур легко добраться до вашего мужа, милочка. Извольте думать о муже.

Упоминание о муже сделало ее послушной. Она вошла внутрь часов, закрыла за собой дверцу.

ЗАЛГАВШИЙСЯ АНГЕЛ
(Визит шестой)

Вблизи очаровательница оказалась не такой уж юной. Ей можно было дать около тридцати. «Сорок пять», — спокойно констатировал Писатель, со знанием дела оценив уровень затрат, мастерство обработки материала. Умело загримированная, изысканно и со вкусом одетая, вся она была драгоценным произведением искусства, созданным руками первоклассных портных, парикмахеров, косметологов, массажистов, парфюмеров, ювелиров.

Если приглядеться, нельзя было не узнать эти прищуренные нагловато-невинные глаза с подсиненными блестящими веками и большой, пухлый рот, эту платиновую, почти бесцветную челку, спускающуюся

на самые брови. Все это столько раз мелькало в журналах, на стереотелеэкране, в кино... Красавица Флора! Да, конечно, это была она.

«Сегодня у меня побывают, кажется, все тринадцать вице-директоров компании «Око Ра», — подумал Писатель. — Любопытно».

Она представилась. Стянула перчатку, привычно подала руку, как ее подают для поцелуя — изогнув по-лебединому. Он взял эту руку, немного повернул, поставил вертикально — и не поцеловал, просто пожал.

— Здесь можно курить? — Она достала из сумочки длинный-предлинный мундштук и тонкую-тонкую папироску.

— Пожалуйста. Будьте как дома. — Писатель пододвинул ей пепельницу. — Это лестно для любого: принимать у себя известную актрису, гордость нации... прелестную женщину... а главное — видного деятеля нашего делового мира.

Надо отдать ей справедливость: она была житейски умна. Посмотрела на Писателя продолжительным взглядом прищуренных глаз и сразу отказалась от роли соблазнительницы.

— Извините, что так врываюсь к вам. Ваш талант... — Писатель с трудом изобразил улыбку. Он всегда выглядел глупо в таких случаях, не знал, как себя держать. — Я привезла вам билеты. Хочу вас попросить посмотреть меня в последней роли в спектакле-ревю. Мне так дорого ваше внимание! — Щелкнула замком сумочки, выложила билеты, придавила их одним из камней, которые были разбросаны по всему письменному столу. — Два места в директорской ложе. Вы придете?

— Возможно.

— Конечно, никакой рекламы я от вас не потребую, как другие звезды. Никаких рецензий мне не надо, да ну их! — Когда она увлекалась разговором, у нее прорывались вульгарные фразы, простонародные жесты. — Так, значит, завтра...

— Постараюсь. — Про себя Писатель твердо решил, что отдаст билеты своей старушке уборщице и ее сыну. Пусть посидят в ложе директора.

— Я буду ждать вас, смотреть в щелку занавеса, как маленькая дебютантка. — Она мило улыбнулась Писателю. — У вас всюду камни? Я безумно люблю камни, вообще все простое, твердое, грубое. Я ведь не пучок кисеи, родилась не во дворце. — Вероятно, она считала, что Писателю это должно понравиться. — Да, я простая, и у меня простые, грубые вкусы. Люблю народные гулянья, танцы на улицах... карнавал в моих дорогих Плевках, откуда я родом. — Плевками назывался самый подозрительный район города, район трущоб, притонов, люмпенов. — Знаете, чтобы обливали водой... сыпали из окон опилками, мукой. Очень весело!

Она удобно уселась в кресле, роняла ничего не значащие слова, пустые фразы, явно тянула время, острым взглядом ощупывала комнату, кусок коридора.

Чем дальше, тем сильнее в ней проступало что-то нахально-пробивное, бесцеремонное, уличное, что резко не соответствовало ее парижскому туалету, продуманной прическе и тщательно выполненной маске лица. Невольно он сравнивал эту преуспевающую даму с той, что

сидела в кресле до нее. Та, одержимая страстями, раздираемая ими, не умела и не хотела позаботиться о себе, о своей наружности, месяцами, наверное, не смотрелась в зеркало. Заколки и шпильки не держались, стремительно вылетали из ее упрямых волос, живые капли дождя стекали по живой, неоштукатуренной коже, и она их не стирала с лица, даже, кажется, не замечала...

Обе были опасны. Обе были сосредоточены только на себе, на своем «я», на своих желаниях, обе были эгоистичны, хотя и по-разному, обе не посчитались бы с чужой жизнью, добиваясь своего. В обеих было что-то от зверя-хищника и не хватало человеческого.

Эта, с купленным за деньги молодым лицом и немолодой шеей, хотела удовольствий (вероятно, довольно низменного пошиба), денег, власти. И еще, наверное, хотела борьбы и интриг, сильных ощущений, удовлетворенного самолюбия, хотела острой радости победы над жертвой, той радости, которая так необходима хищнику. А та — что нужно было ей? Чего хотела Медея, затиснутая сейчас в узкий дубовый ящик часов, о чем она думала? Какие планы роились в упрямой голове Медеи? Что будет делать дама в красном на черной подкладке плаще, когда вернется к себе домой? Здесь возможны были полярные варианты, самые неожиданные решения. Будет держать мужа под дулом револьвера? Или, наоборот, сама отвезет через несколько дней в город, принимая меры предосторожности, заботливо оберегая от всяческих опасностей? Кто знает, кто может знать?..

— Вы пришли ради изобретателя, — негромко, без всякого выражения сказал Писатель.

— Что-о? — удивилась Красавица Флора.

Он опять повторил свою фразу — так же неторопливо, так же без всякой интонационной окраски.

— Я не понимаю, о чем вы, — сказала она. На лице ее очень естественно изображалось недоумение.

— Не лгите, ангел мой, — сказал Писатель, получая маленькое удовольствие от того, что когда-то с этими же словами обратился д'Артаньян к Миледи. — И, в конце концов, сколько вы будете так сидеть? Рано или поздно вам все равно пришлось бы сказать...

Она отбивалась.

— Но я не знаю никакого изобретателя... Я из-за билетов. Мне хотелось самой...

— Ложь! — Он повысил голос. — Ни одному слову не верю! Вам прекрасно известно, что я ни за что не пошел бы на это ваше кретинское ревю. — Стукнул кулаком по столу, так что камни подскочили. — Перестаньте меня дурачить, слышите? В чем дело? Ну?

Он нарочно дал себе волю, разрешил кричать. Посмотрим, как такое на нее подействует.

Она встала, уронила длинную перчатку, которую он не поднял. Наступила на нее.

— Я не хочу с вами разговаривать. Вы хам! Я...

— Нет уж, теперь вы не уйдете. — Он загородил ей дорогу. — Извольте объяснить, зачем явились. Мне надоели потемки. Сегодня день загадок, хватит с меня...

Он стоял, расставив ноги, сжав кулаки.

Внезапно Красавица Флора сда-

лась, уступила. Она безвольно опустилась обратно в кресло, откинула на спинку голову.

— Ну что ж... Хорошо. Я скажу. Мне тяжело, но все равно. Наплевать! Так знайте же: я не могу забыть его — с тех пор, как увидела тогда в оффисе. Это как заноза... Будто меня околдовали, сглазили. — Она быстро скрестила пальцы, как делают крестьянки в глухих горных селеньях, отгоняя злого духа, нечистую силу. — И я ведь не сидела у стенки, пока все плясали, о нет! Меня любили, у меня валялись в ногах, из-за меня стрелялись, вешались, травились. — Этот послужной список она припоминала не без удовольствия, как бывалый службист припоминает поощрения и награды. — А тут... Он вошел, и, знаете, мне сразу захотелось все послать к черту, начать жить сначала. Быть ему скромной подругой, стирать его носки, делать для него эти... чертежи. Жить на мансарде. И подумать только, что это я, я, Красавица Флора! О, какие только прозвища мне журналисты не давали: «Флора Великолепная», «Флора Непобедимая»...

Писатель прервал ее.

— Вы что же, собираетесь его найти? И очевидно, с моей помощью?

— Да, — она опустила синие веки. — Я не могу жить без него... не могу дышать.

Она была актриса. Но скверная актриса. И сыграла это плохо, неправдоподобно.

ДЕЛО ЕСТЬ ДЕЛО
(Визит шестой, продолжение)

Писатель сказал жестко:

— Значит, влюбились? Так, так. Чердак, хлеб да вода... Пастораль. Необыкновенно к вам подходит. Парижские духи «Шанель» изволите захватить с собой на чердак, мадам Флора?

Она сделала лицо невинной жертвы.

— Вы мне не верите, не доверяете?

— Нет.

— Но это оскорбительно!

Он всерьез обозлился.

— Поищите других простаков. Я стреляная птица. — Невольно бросил взгляд на пулевое отверстие в стекле книжного шкафа и усмехнулся. — Для меня совершенно ясно...

— Что ясно? — спросила она с тревогой, кажется, неподдельной, приподнимаясь в кресле.

— Ясно, что вы хотите этим спектаклем на дому меня разжалобить, — резко сказал Писатель. — А сами собираетесь выудить любой ценой адрес изобретателя и передать его компании «Око Ра». Что? Раскусил я вас?

Как ни странно, она совершенно успокоилась. Села поудобнее в кресле. Неторопливо открыла сумочку, перед круглым зеркалом большой черепаховой пудреницы старательно поправила белые пряди челки. Провела пуховкой по носу.

— Вы попали впросак, Писатель, — голос ее звучал насмешливо. — Что поделаешь, даже умные люди иногда ошибаются. Нет, пусть компания нанимает себе ищеек и сама с ними разбирается. У меня другое на уме.

Похоже было, что на этот раз она говорит правду.

— Этот тип уже был у вас, — она оглядела паркет, затоптанный, с отчетливыми следами грязных сапог, — и, очевидно, еще появится.

Он хочет доверить свою судьбу порядочному человеку. Он мне сам об этом сказал. — Презрительно оттянула нижнюю губу. — А такие пай-мальчики, как вам известно, в современном обществе...

— Встречаются нечасто.

— Вот именно. Так что никуда он не денется. Все равно припрется сюда, к вам. Искать его больше негде, как только тут, в вашей трухлявой халупе.

Писатель поклонился.

— Из ваших милых слов я, видимо, могу сделать лестный вывод, что вы меня считаете...

Красавица Флора не дала ему договорить. Похоже, привыкла иметь дело с подчиненными, которых можно прерывать безнаказанно.

— Ч-черт! Я тогда погорячилась. Была обижена. Зла на него — и как взвилась! Это глупо — давать волю своим чувствам. Кто из нас может себе позволить такую роскошь? Я не подумала, не рассчитала... Ну а теперь мне надо во что бы то ни стало его заполучить. Это не каприз, а деловая необходимость. — Голос ее стал властным. — И вы должны мне помочь!

Чувствовалось, что отвязаться от нее будет не так-то просто, что она всеми доступными ей способами будет добиваться своего.

Писатель спросил:

— Скажите, это вы мне сегодня звонили? Поклонница — и все прочее.

Она пожала плечами.

— Ну да. Надо же было убедиться, что вы дома. Я пришла сюда пешком, свою машину оставила у шляпного магазина. — Добавила предостерегающе: — О моем приходе никто не должен знать. Это в ваших же интересах.

— Вы мне угрожаете? — спросил Писатель лениво. А интересно, у этой тоже есть в сумочке дамский револьвер?

— Угрожать вам было бы просто неосторожно, — сказала Красавица Флора очень спокойно. — Вы человек смелый, сильный, и угрозы могут только толкнуть вас на сопротивление. Нет, с вами надо договариваться по-хорошему... и без штук, честно.

Писатель усмехнулся.

Казалось, она раздумывала, что-то решала для себя. Наконец, видно, решила. И спросила быстро, коротко:

— Он вам показывал э т о?

Писатель ответил, что да, показывал.

— Вы понимаете, чем это пахнет? — спросила Красавица Флора, перегибаясь к нему через подлокотник кресла и щелкнув пальцами. — Пахнет жареным!

Писатель поморщился.

— Это крупное научное открытие. Еще неясно теоретически даже самому автору, какой характер носит это воздействие и к чему может привести...

Она прервала его.

— Да я не о том! Неужели нужно обязательно иметь деловую хватку, опыт организатора, чтобы сразу представить себе практические последствия?..

Писатель, очевидно, догадывается, что она не так уж слепо предана компании, что у нее есть свои интересы. Да и вообще глупо на что-то идти слепо, закрыв глаза. Так делают только мелкомасштабные, безвольные люди. Она даже ныряет всегда с открытыми глазами... Конечно, несолидно самой себя рекламировать, но у нее вполне установившаяся деловая репутация, она администратор

крупного калибра. И может быть полезна... очень полезна... может сразу поставить дело широко, масштабно, чего там — глобально! Если уж говорить начистоту, она всю жизнь ждала именно такого глобального дела, которое позволило бы ей проявить себя, свой незаурядный деловой темперамент. Нет, она не собирается кончать жизнь одним из тринадцати генерал-директоров, ей давно уже стали узки эти рамки. Она еще покажет миру, на что способна. Она готова рискнуть всем своим наличным капиталом, по первому требованию вложить его в дело. Кто не рискует по-крупному, кто боится рисковать, тот всегда останется одним из тринадцати. Никогда не станет первым!

— Да в какое дело вы собираетесь вкладывать капитал? — спросил Писатель. Она говорила с ним так, точно они были держателями одних акций и отлично понимали друг друга, давно нашли общий язык.

Неужели Писатель до сих пор не понял? Аппарат изобретателя назовут «навевателем грез», «идеализатором»... «утешителем». Да мало ли как его можно назвать? Будет создана международная фирма «Иллюзия». Или межконтинентальный концерн «Идиллия». Это неважно, в конце концов. Важно другое. Каждый человек захочет иметь у себя такой аппарат. И готов будет продать последнее, чтобы его приобрести. Век радиосказок, стереотелекартинок кончится. Компании телебизнеса с треском рухнут, рассыплются обломками, как колоссы на глиняных ногах. Многие громкие имена при этом забудутся, многие крупные состояния погибнут в этой стихийной катастрофе. Горе тому, у кого нет гибкости и дара предвиденья! Горе побежденным... А на деловом небосводе взойдут новые яркие светила. Ни один самый пошлый и роскошный кинобоевик, ни один самый дешевый карманный бестселлер-детектив не смогут выдержать конкуренцию с грезами фирмы «Иллюзия». Сам себе всегда герой! На дому, доступно, дешево, просто! Так потрафлять личному вкусу человека, так работать на индивидуальный заказ до сих пор не имел возможности никто. Грандиозные перспективы. Это будет почище всех патентованных таблеток-транквилизаторов, к которым так пристрастился современный мир, похлестче алкоголя, курева, наркотиков. И куда дешевле! И совершенно безвредно! Самый кассовый предмет спроса, самый необходимый. В стране, где правительство попробует запретить аппараты «Иллюзия», обыватели сменят правительство.

Красавица Флора сыпала готовыми фразами для рекламных проспектов, хлесткими газетными заголовками. Ее фальшивое, неестественно гладкое лицо светилось сейчас искренним и чистым увлечением. «Вот она, ее Дезидерата, — подумал Писатель, — ее желаемое. У каждого свое...»

Он спросил:

— А чего хочет компания? Зачем весь этот шум, гангстеры, погоня?

— Компания в панике, — с недоброй усмешкой сказала Красавица Флора. — Совет Тринадцати смертельно перепуган. Еще бы, такой конкурент. Они люди бизнеса и умеют предвидеть дальнейшее, им не надо ничего объяснять.

— Хотят предложить ему крупную сумму, чтобы он не брал патент? Или рассчитывают запугать?

Она пожала плечами. Возможно, что судьба изобретателя ее просто не интересовала. Ее интересовало другое.

— Они все барахло. Они боятся. Но я-то не боюсь. Они все бабы в брюках, но я-то — мужчина!

Она сказала, что, если надо, завтра же получит частную аудиенцию у премьер-министра. И расскажет ему об этой беззаконной интриге Совета Тринадцати. Он здорово разозлится, когда узнает, какого патента они хотят лишить страну, каких доходов и возможностей. Что ж, кто знает, может быть, это и станет началом конца «Ока Ра». Да будет так! Аминь.

«Кто же кого слопает?» — задавал себе вопрос Писатель. Те ведь тоже не голубиной породы, тоже, конечно, с зубами и когтями. Драка будет изрядная. Однако какой парадокс: получается, что изобретатель, этот непрактичный, далекий от реальной жизни человек, сделал, может быть, самое коммерческое открытие XX века. И вокруг этого высокого достижения человеческого интеллекта уже закипали мелкие и грязные страсти, шла борьба лилипутов, всегда готовых связать невидимыми и прочными путами Гулливера. Неужели все большое, настоящее, трагическое обязательно приводит к низменному, завершается нотой пошлости?

Красавица Флора понизила голос:

— Вы знаете, что я увидела, когда он наставил на меня аппарат? Да нет, откуда вам знать. Увидела своего первого парня. Мне было тогда четырнадцать лет. Он был бандит, «слоновый охотник», как называют тех, кто очищает банки, славился в Плевках своей отчаянной храбростью, а там народ удивить трудно. Через год получил вышку — за ним числились два убийства сторожей, одно кассира и еще много всякого. И вот прошлое вернулось. Да я отдам любые деньги, чтоб еще раз это пережить... опять стать четырнадцатилетней, босоногой, безумно счастливой... — Подняла руку, точно пророчествуя: — Говорю вам, это как опиум. Приползут на коленях и будут просить, умолять. Наркотики всегда давали власть над людьми!

— Но ведь идеализация — это только один из возможных вариантов настройки аппарата, — сказал Писатель. — А можно еще...

— Нет, нет! — энергично запротестовала она. — Только это! Остальное меня не интересует. С остальным изобретатель может сколько угодно возиться у себя в лаборатории — это его дело. Кстати, он получит немалые суммы, чтоб тратить их на научную работу. А если уж говорить о настройке, регулировке аппарата... Как вы думаете, — она стала деловито советоваться, — если попросить изобретателя... Чтобы каждый раз можно было настраиваться на определенный стиль. По желанию! Сегодня греза историческая, в духе Дюма. Завтра вестерн, с мустангами и ковбоями. Восточный стиль, гарем. Или пещерные люди. Или космос, планеты. Средние века, рыцари. Сверхчеловек летает по воздуху, и все ему доступно...

Писатель слушал ее и с горечью думал о том, что индивидуальный мир среднего человека, и без того утесненный за последние сто лет, становится окончательно беззащитным, не огороженным от внешнего вмешательства, от натиска дешевого стандарта. Комиксы, оттиснутые в мозгу, не нуждающиеся ни в типографской

краске, ни в кинопленке и экране, завоюют мир — ведь они будут доступны самому ленивому, самому тупому и неразвитому. Чтобы читать (пускай дрянь, макулатуру), надо все-таки водить глазами по строчкам, чтобы смотреть картинки, надо хотя бы листать страницы; а тут ничего не надо, решительно ничего. Усыпляет мысль, убивает волю!

— Вы извините, — сказал Писатель довольно нетерпеливо (как-никак шестое посещение за один день, шестой непрошеный гость), — но мне действительно надо работать. И уходить! У меня, к сожалению, назначено свидание. Если вы будете так любезны и немного сократите свой сегодняшний визит... то в дальнейшем...

— О, конечно, — она встала. — Но вы поняли? Вы будете помнить? Он мне нужен позарез... А где же моя вторая?

Он поднял с пола перчатку. Белая длинная перчатка была испачкана, затоптана. Она брезгливо взяла ее двумя пальцами.

— Вы должны мне обещать, что ни с кем из тринадцати, кроме меня... ни с одним из них...

Писатель машинально кивал головой, не вслушиваясь в ее слова. Когда же наконец она уберется, когда перестанет ему мешать? Он думал о Медее.

ЭПИЛОГ
(Визит седьмой)

Как только Красавица Флора вышла на мокрые камни крыльца, Писатель заложил на всякий случай крюк в петлю, чтобы больше к нему не вламывались.

Подошел к часам, приоткрыл дверцу.

Внутри никого не было.

Там было пусто.

Спряталась в кухне или в соседней комнате? Но он уже знал в глубине души, что это не так. И что обманывать себя не нужно, не стоит. Ушла. Ушла совсем — и больше не вернется. Сомнений нет. Это точно. Обманула его. Исчезла.

В узком ящике часов пахло чем-то затхлым, неприятным — не то нафталином, не то молью. На дне в углу лежали разбитые, раздавленные очки с темными стеклами (она, вероятно, наступила на них в темноте). Неясный блик мерцал в полутьме на медной тарелке неподвижного маятника, остановившегося много лет назад. Отчего-то смотреть на это было тоскливо.

В дверь постучали. Писатель подошел и с усилием откинул тяжелый ржавый крюк, открыл дверь. Появилась — по корзине на каждой руке — старушка, которая его обслуживала.

— Ах, господи! Уж вы извините, что поздно. — Она быстро и весело вытирала ноги об обрывок коврика. — Задержалась. Надумала поехать на да-альний рынок, тот, что у восточных причалов порта, уж очень мне его нахваливали. — Он пытался избавить ее от тяжелых корзин, но она ловко его отпихивала. — Говорят, от моста всего полтора квартала, а оказалось, конечно, все пять, тащилась я ну просто це-елую ве-ечность, — она попробовала всплеснуть руками, но корзины помешали, — да еще льет как из ведра, и зачем врать, что телятина задаром, когда...

Продолжая говорить, по-прежне-

му не расставаясь с корзинами, она отправилась с ними на кухню.

Писатель еще раз приоткрыл дверцу часов (как будто это могло чем-нибудь помочь). Все тот же затхлый, спертый дух, все те же осколки дымчатого стекла и обломки растоптанной оправы.

И именно в эту минуту ему почему-то стало ясно, что изобретателя он больше не увидит. Что Медея больше никогда не отпустит мужа в город. Ни-ког-да! Она примет свои меры. Нет, это будет не револьвер, не веревки и даже не наручники... Все это устарело, несовременно, примитивно, все это в конце концов так или иначе преодолимо. Нет, Медея двадцатого века пустит в ход аппарат, использует «лучи воздействия» для того, чтобы погасить светлый разум того, кто сумел эти лучи открыть. Она будет держать изобретателя в полубессознательном, сумеречном состоянии, на грани сна и бодрствования, жизни и смерти, будет выводить его гулять, кормить, менять грязные рубашки, заботливо лечить от простуды. Но только не позволит одного — мыслить, творить, быть самим собой. Как жутко! И неужели невозможно помешать? Нет, нельзя угадать, в каком именно из маленьких городков страны, в каком именно из похожих чистеньких домиков с черепичной крышей происходит эта трагедия. Теперь не найти ни ее, ни его — сколько ни ищи. Безнадежно.

А ведь оно может длиться очень-очень долго, это медленное убийство. Ведь он еще молод, у него здоровый организм, отличное сердце, легкие. Это может тянуться годы и годы. Десятилетия. Это может тянуться це-елую вечность...

В. ФИРСОВ

И жизнь, и смерть

Глава 1.
ЗЕЛЕНЫЕ ШАРЫ И НЕРВНАЯ ВНЕЗЕМНАЯ СОБАКА

Когда внизу заблестел ручей, Сергей Лавров еще раз сверился с картой и повел дисколет вниз, нацелившись на свободную от кустов полянку чуть в стороне от ручья. Аппарат уперся выпуклым пузом в мохнатую упругую траву, завибрировал, а потом мягко осел набок: Сергей выключил стабилизирующее поле. Ветви редкого кустарника с трехлучевыми цветами были здесь по пояс, и Сергей решил, что они не помешают перетащить зонд к ручью.

День выдался удивительно тихий, в стоячем жарком воздухе пьяный запах травы хмелем ударял в голову, заставляя думать черт знает о чем — о прогулке в акваланге по Большому Барьерному рифу, об огромных глазах Машеньки, о том, как здорово быть молодым, — только не о надоевшем за последние дни зондировании. Темно-фиолетовое небо к полудню вдруг заголубело и стало нежно-прозрачным, и, если бы не тяжелый лучемет, который надо опять вешать на шею, да неожиданные взвизги огромных, в ладонь, насекомых, снующих в пряной траве, можно было бы подумать, что это вовсе не планета Альфа в системе звезды Барнарда, а своя, родная степь где-нибудь под Белой Церковью. Сергею вдруг представилось, как он швыряет осточертевший лучемет в траву, стаскивает через голову влажную от пота рубашку и плюхается в ручей... Вода холодная, обжигающая, через десять секунд кожа начинает гореть, словно ее ошпарили, а зубы выбивают мелкую дробь. Теперь на песочек — желтый, горя-

чий — вот он, словно специально для меня насыпан в излучине старицы...

Тут Лавров заметил, что стажер Ахмед с нескрываемым интересом смотрит на него и уже, кажется, начинает потихоньку расстегивать пуговицы на рубашке. Сергей внутренне чертыхнулся — этот мальчишка словно читал его мысли — и сказал деловым тоном:

— Выгружаемся...

Ахмед сокрушенно покачал головой.

— Не то ты сказал, дорогой товарищ Сергей! Ты хотел сказать: «искупаемся»...

В его глазах так и прыгали веселые чертики.

— На базе искупаешься, — буркнул Лавров, открывая замки контейнера. — Нальешь воды в надувную ванну и искупаешься.

Ахмед горестно вздохнул и перешагнул через прозрачный бортик дисколета.

— Куда! А лучемет? — окликнул его Сергей.

Ахмед даже застонал.

— Я не думал, что ты такой буквоед. Я таскаю на себе эту дубину уже две недели! У меня от нее мозоли на шее, как у вьючного ишака. А для чего я это делаю? На этой планете еще никто ни разу не стрелял из нее.

— Выполняй инструкцию, Ахмед.

— Инструкцию, инструкцию, — проворчал Ахмед. — Дай мне автора этой инструкции, я скажу ему...

— Ничего ты ему не скажешь, Ахмед.

— Кто? Я? Да я скажу ему: возьми, друг, все наши лучеметы и таскай на здоровье, пока шея не отсохнет. А если этого мало, запросим для тебя с «Ариэля» еще дюжину — для хорошего человека не жалко.

— Ничего ты ему не скажешь, Ахмед, — сухо повторил Сергей. — Автор этой инструкции десять лет назад погиб здесь, на Альфе.

— Как погиб? — растерянно спросил Ахмед. — Почему?

Сергей пожал плечами, вынул лучемет из зажимов и протянул практиканту. Он не знал, почему погиб Бестужев, как не знал этого никто.

— А вот так. Погиб, и все. Пропал. Исчез. Испарился. И пока тайна его гибели не объяснится, ты будешь носить на себе лучемет, рацию, пеленгатор и все, что прикажут, — даже рыцарские латы. Понятно?

Ахмед огорченно кивнул головой и повесил лучемет на шею, потом прицепил за спину тяжелую катушку с кабелем и пошел вниз, к ручью. Сергей шел за ним, придерживая руками тяжелый самоходный электрозонд. Он забыл подложить что-нибудь на плечо, и острая кромка архимедова винта больно врезалась в кожу. Катушка тихо поскрипывала, кабель неторопливо ложился на траву, из которой выскакивали огромные насекомые. Одно из них, величиной с лягушку, прыгнуло на высокий ботинок Сергея, присосалось к пластику и застыло, слегка ворочая многочисленными глазами-бусинками. Сергей знал, что местные насекомые совершенно безвредны, но он с детства не любил пауков, сороконожек и прочую мерзость, поэтому носком ботинка спихнул непрошеного гостя в траву.

Шагах в двадцати от берега они воткнули зонд в песок, Сергей включил ток, архимедов винт с легким гудением завертелся, и зонд начал медленно погружаться. Через несколько минут он целиком ушел в песок, и лишь осыпающаяся ямка да

уползающий в нее кабель указывали теперь, где он находится.

— Посмотри-ка, — вполголоса сказал Ахмед, трогая Сергея за руку.

Сергей оглянулся. Прямо на них от ручья неторопливо катился большой зеленый шар.

Уголком глаза Сергей заметил, что руки Ахмеда легли на приклад лучемета, и улыбнулся. Ахмед перехватил его взгляд, покраснел, насупился, но руки с приклада не убрал — сделал вид, что просто ему так удобнее стоять. Тем временем шар приблизился. Он был вышиной почти в рост человека, его мясистая, шершавая поверхность пульсировала, переливалась. Он был слегка приплюснут, так что напоминал скорее не очень круто сваренное яйцо без скорлупы, которое вздумало по каким-то причинам прогуляться. Двигался шар бесшумно — лишь слегка потрескивали пригибаемые ветки кустарника. Невозможно было понять, что это такое — растение, животное, диковинный вездеход или что-нибудь еще. Шар медленно, величаво, не замедляя и не ускоряя движения, катился вверх по не очень крутому склону, словно закон всемирного тяготения вдруг потерял свою силу.

Когда шар оказался совсем рядом, озадаченный Ахмед попятился, наставив излучатель на неведомого гостя.

— Что же это такое? — пробормотал он, отодвигая предохранитель. — Ведь так и прет на нас. И дороги не разбирает.

Сергей положил руку на ствол лучемета и потихоньку пригнул его вниз.

Шар величественно проследовал мимо них, прокатился через кабель, слегка вмяв его в траву, вскарабкался на бугор, для чего ему пришлось совсем расплющиться.

— Ай да перекати-поле, — восхищенно сказал Ахмед.

— А вот еще одно, — показал Сергей.

Вдоль ручья катился второй шар, гораздо крупнее первого.

— У них сегодня день визитов? — спросил Ахмед.

Сергей посмотрел на часы. Минут через пять зонд достигнет заданной глубины. Он полез в карман шорт и вынул бутерброд в блестящей герметической упаковке. Тут позади него раздался странный звук, и что-то холодное и мокрое мягко ткнуло его под коленку. Он крутанулся, выбрасывая вперед лучемет и внутренне холодея от мгновенного ужаса. Но это был не омерзительный мокролапый осьминог, не бронтозавр, не тигр-вампир или какой-нибудь еще неведомый зверь, а обыкновенный пес — лохматый, веселый, неизвестно какой породы, неизвестно откуда взявшийся на Альфе. Пес весело махал хвостом, в котором застряли какие-то местные репейники, и очень красноречиво улыбался, поглядывая на бутерброд. Пес явно не был представителем бродячего собачьего племени — на его шее виднелся металлический ошейник, а с ошейника свисал обрывок ремешка.

— Явление шестое: те же и внеземная собака, — озадаченно пробормотал Сергей.

На их корабле животных не было, и, стало быть, этот пес местный, чего уж быть совсем не могло, потому что на Альфе, насколько ему было известно, никто не жил. Но пес стоял перед ним, подхалимски колотя хвостом и красноречиво поглядывая на бутерброд, а на его ошейнике виднелась плоская коробочка пеленгатора,

явно снятого с космического скафандра одного из последних выпусков.

— Бобик, Шарик!—позвал Ахмед, опускаясь на корточки. Пес доверчиво подошел и лизнул ему руку шершавым языком. Но, видимо, от практиканта ничем вкусным не пахло, и пес снова уставился на Сергея.

— Чей же ты все-таки? — спросил Сергей.

Тут ему пришло в голову, что информационная служба просто-напросто забыла сообщить о появившихся на планете поселенцах. Такие промахи хотя и редко, но бывали. Корабли теперь снуют по космосу, как пригородные монокары, и за всеми не уследишь, а любителей экзотики и отшельнической жизни во все времена было предостаточно, и они не всегда желают регистрироваться — обязательные в таких случаях длительные и не очень приятные обследования, прививки от сотен существующих, предполагаемых и не существующих вовсе болезней, нудные инструктажи на все возможные случаи жизни, вплоть до правил поведения при встрече с представителями антимира, долгие утомительные тренировки — начиная от ремонта аварийных средств связи и кончая оказанием помощи при открытом переломе бедра, — все это вместе взятое кого хочешь заставит подумать, так ли уж необходима регистрация...

— Наш гость определенно не прочь закусить, — сказал Ахмед. — Угости его, Сергей!

Пес правильно понял эти слова и заколотил хвостом еще сильней, а улыбка его стала просто обаятельной. Сергей не выдержал и рассмеялся.

— Сдаюсь, уговорили! — сказал он и дернул за язычок пакета. Герметическая оболочка бутерброда лопнула с коротким треском. В то же мгновение пес, коротко взвизгнув, огромным прыжком взметнулся в воздух. Сергей невольно вскинул руки, защищая лицо и шею, но пес и не думал нападать. Он прижался к траве и, пятясь, отползал от Сергея. Шерсть на нем встала дыбом, вздрагивающие розово-черные уголки пасти приоткрыли острые клыки.

— Что это с ним? — недоумевающе произнес Сергей и шагнул вперед. Но пес разразился грозным рычанием, давая понять, что отношения у них испорчены всерьез и надолго.

— Нервный ты какой-то, Шарик, — покачал головой Ахмед. — Рычишь на хороших людей... Тебе надо в санаторий, а ты по планетам гуляешь...

Пес отполз на несколько метров, повернулся к людям спиной и затрусил вдоль ручья, оглядываясь и показывая клыки. Сергей задумчиво посмотрел ему вслед и вдруг заметил, что катившийся к ним большой шар куда-то исчез. Долина ручья просматривалась хорошо, и деваться ему было некуда — весь эпизод с собакой продолжался минуту-полторы, а за это время шар не успел бы добраться до гребня. Но раздумывать над этим было некогда, потому что кабель уже перестал уползать в песок — зонд достиг заданной глубины и отключился.

— Пойдем, Ахмед, — Сергей махнул рукой в сторону дисколета. — У нас еще пять точек на сегодня.

Они провозились с измерениями минут пятнадцать, потом ждали, когда зонд выберется обратно, — Ахмед

потихоньку тянул кверху кабель, чтобы его не измололо архимедовым винтом, Сергей сидел рядом, курил и размышлял над странными событиями дня. Потом они укладывали свое хозяйство на дисколет, искали на карте новую точку, летели к ней, и все повторялось опять. С воздуха они заметили три или четыре раза неторопливые зеленые шары. Все они катились в одном направлении — как раз туда, куда вел на карте редкий пунктир кружков, отмечавших точки измерений. Вместо шести измерений они успели сделать восемь — почва стала мягче, и времени на зондирование уходило меньше. На карте, правда не очень подробной, прямо на их пути лежала обширная низменность, куда стекало несколько ручьев. Сергей решил, что там болото, но это не беспокоило его — дисколет мог висеть над любой трясиной. Будет хуже, думал он, если зонд не сможет потом выбраться наверх — болото оно все-таки болото... Он прикинул на глаз ширину болота — пять точек, не меньше — и решил, что потеря двух-трех зондов не такая уж беда. За день уложимся, подумал он, еще не зная, какие события развернутся здесь завтра.

Глава 2.
НОВОСЕЛЬЕ. ЗАЧЕМ ДОН-КИХОТУ ЛУЧЕМЕТ?

Вечером в экспедиции праздновали окончание постройки дома. К семи часам, когда здешнее солнце, красно-желтая звезда Барнарда, стала лиловеть, все собрались перед недавно затвердевшими ступенями из пластикобетона, над которыми висела узкая красная ленточка. Вперед вытолкнули художницу Машеньку, и начальник экспедиции Бартон торжественно вручил ей ее же маникюрные ножницы. Машенька очаровательно смутилась и под аплодисменты разрезала ленточку. Тотчас же раздался залп ракетниц, высоко над крышей лопнули разноцветные огни, и в окнах вспыхнул свет. Все гурьбою двинулись в дом.

— Подождите! — закричал Бартон. — Одну минуту!

Он выхватил откуда-то гарпунное ружье, заряженное тупой стрелой.

— Объявляются стрелковые соревнования на звание чемпиона Альфы! Победитель будет награжден продолжительным шипением!

Раздался дружный хохот. С момента высадки из бота, пока строился дом, участники экспедиции жили в большом надувном жилище. Несмотря на кондиционеры, калориферы и прочую житейскую автоматику, жизнь в нем почему-то никому не нравилась. Ахмед сразу назвал это чудо инженерной мысли «уйди-уйди» и, несмотря на все запреты, ухитрялся время от времени ночевать в спальном мешке на открытом воздухе, за что ему жестоко попадало от Бартона. Теперь надувная громадина только закрывала вид из окон нового дома, и всем пришлась по душе мысль расправиться с ней.

— Сначала девушки! — закричал Ахмед. — Машенька, стреляй!

Машенька, порозовев от смущения, взяла ружье и стала целиться. Спуск у ружья был тугой, и когда она с ним наконец справилась, ствол глядел совсем не туда, куда надо было. Ева Стадник, врач экспедиции, выстрелила лучше — ее стрела попала на полметра выше клапана. Стрелявший третьим Шавров учел, что в воздухе ружье бьет сильней, чем в воде, и прицелился ниже. Его стре-

ла ударила совсем рядом с белым кружком клапана.

После него ружье взял Ахмед. Он церемонно склонился перед девушками и сказал:

— Свою замечательную победу я посвящаю прекрасным девушкам Альфы, — но смотрел при этом только на Машеньку.

Ружье щелкнуло, и вслед за ударом стрелы раздалось громкое шипение — стрела угодила точно в клапан.

— Ура! — закричал Бартон. Все захлопали. Ева подошла к Ахмеду и под аплодисменты остальных, слегка наклонившись, поцеловала победителя в лоб. Покрасневшая Машенька встала на цыпочки и быстро чмокнула Ахмеда в подбородок.

— Прошу к столу! — провозгласил Бартон. — Девушки, сопровождайте победителя!

Все расселись со смехом и шутками. Хлопнула пробка от шампанского.

— С новосельем! Ура! — закричал Бартон. За окном, вздрагивая и переваливаясь, с шипением оседала бесформенная резиновая туша.

Очень скоро общий разговор разбился на тонкие струйки.

— Мы сегодня видели живые шары, — рассказывал Ахмед Машеньке. — Они путешествовали в поисках впечатлений. Потом к нам подошла собака и попросила у товарища Сергея бутерброд.

— Это что! — сказал через стол Кулешов, потирая лысину. — Ко мне как-то подошел бронтозавр и попросил закурить...

Сергей уже три раза слышал историю о курящем бронтозавре, поэтому не стал слушать эту байку. Его больше интересовали увиденные сегодня шары. Вернувшись, он сразу доложил Бартону о странной встрече. У того даже глаза разгорелись, когда он услышал о зеленых шарах. Он внимательно выслушал Лаврова, тщательно записал все и сказал, что завтра немедленно ими займется. Его можно было понять. Работы у биологов было хоть отбавляй, но это была обычная работа — систематизация, описания, гербарии, коллекции. Такая форма жизни, как эти странные шары, им еще не встречалась.

— Как вы думаете, что это за шары? — спросил Сергей у Бартона.

Тот пожал плечами.

— Местная флора. А может быть, фауна. Мы про них ничего еще не знаем. Бестужев, правда, видел такой шар и даже снял на пленку.

— И вы не пытались ничего о них узнать? Что-то не верится.

Бартон только руками развел.

— Да мы готовы были тут же мчаться за шаром, поймать его, обмерить, препарировать... Но Бестужев запретил. Он сказал: «Это их планета, а мы здесь незваные гости. Только наблюдать! Откуда мы знаем, что встреченный мною шар не является редчайшим, даже единственным представителем новой для нас формы жизни?» Но наблюдать было нечего. Мы несколько дней крутились над тем местом, где Бестужев снял фильм. Шар как сквозь землю провалился. А потом Бестужев погиб.

— Расскажите, пожалуйста! — сказал Ахмед. — Я ведь совсем ничего не знаю.

— Это случилось незадолго до отлета. Мы только что получили со спутника фотокарту планеты и выборочно осматривали наиболее интересные районы. Бестужев не вернулся вовремя, и мы забеспокоились. Радиосвязь, как вы знаете, здесь днем

ненадежная, потому что солнце вносит большие помехи. Но нам все же удалось связаться. Бестужев сказал, что он задержится, может быть, до утра, и просил не беспокоиться. По его словам мы поняли, что он встретил что-то очень интересное. После этого связь прервалась. Ночью мы несколько раз вызывали его, но он не отвечал. На рассвете я и Петров отправились к нему. Дисколет мы увидели сразу, но Бестужева нигде не было. Колпак машины был закрыт, приборы работали, радиостанция оказалась в полной исправности. Мы обшарили все вокруг и не нашли ничего — ни следов борьбы, ни обрывков одежды. Решили, что он утонул в болоте. Это было единственное хоть немного правдоподобное объяснение. Болото было довольно обычное, опасных мест в нем мы не заметили, да и трудно предположить, что такой опытный исследователь рискнул ночью ходить по болоту. На всякий случай мы прошли болото с металлоискателем — ведь у Бестужева были с собой нож, часы и фонарь, и прибор обнаружил бы их. Но все было бесполезно...

— Вы сказали, что гибель в болоте — единственное правдоподобное объяснение, — сказал после молчания Сергей. — А были какие-нибудь неправдоподобные объяснения?

— Сколько угодно. Например, говорили, что Бестужева унесла гигантская птица или проглотил болотный змей. Но крупных форм жизни на Альфе нет. С таким же успехом мы могли предположить, что его похитили пришельцы из Туманности Андромеды.

— Или с Беты... — сказал Ахмед. — Это поближе.

— На Бете нет жизни, вы это прекрасно знаете, — возразил Бартон. — А вот почему такой опытный исследователь, как Бестужев, — он как раз собирался отметить шестидесятилетие своего первого полета — почему он купался в нарушение всех инструкций, не знает никто.

— Как — купался? — спросило несколько голосов сразу.

Всем было известно, что ни в воде, ни на суше Альфы нет опасных или вредных растений, животных и микроорганизмов, но это сейчас, а десять лет назад, когда флора и фауна недавно открытой планеты были совершенно неизвестны, купание граничило с безумием — каждый знал это совершенно твердо.

— Как — купался? — повторил Ахмед, оставляя без внимания выразительный взгляд Сергея.

— Невдалеке от дисколета протекала река. И мы нашли на песке следы босых ног.

— Значит, он утонул! Или его схватила акула, — прошептала Машенька, широко раскрыв глаза.

— А потом акула вылезла на берег и съела одежду, ботинки, оружие... — в тон ей докончил Кулешов. — Клянусь моей лысиной, это была очень голодная акула.

— Да, поскольку такое событие маловероятно, мы можем считать, что купание кончилось благополучно. Однако так и осталось тайной, почему Бестужев решился на такой опасный шаг.

— Может быть, он что-то хотел достать из воды?

— Все равно он не стал бы разуваться. Мы тогда все были одеты в комбинезоны биологической защиты. А они непромокаемы. Это сейчас вам раздолье — шорты, купальники...

— Странно все это, — сказал Сергей.

— Очень странно. Десять лет прошло, и ничего не прояснилось.

— Я думаю, товарищи, что его подло похитили межпланетные гангстеры, — сказал Ахмед, поглядывая на Машеньку. — Говорят, что такие существуют. Крадут в основном великих ученых старше восьмидесяти лет и красивых девушек моложе двадцати. Но мы наших девушек не отдадим! Пусть только сунутся!

Он схватил стоявшее неподалеку гарпунное ружье и грозно прицелился в дверь. Машенька засмеялась. Ободренный Ахмед яростно ворочал глазами, делая вид, что отбивает атаку таинственных налетчиков.

В это время раздался громкий стук в дверь.

Это было так неожиданно, что смех и шутки сразу смолкли. Сергей окинул стол взглядом — все члены экспедиции были налицо. Ахмед растерянно опустил ружье и оглянулся на привставшего Бартона.

Стук повторился — громкий, настойчивый.

— Войдите! — крикнул Бартон. Дверь отворилась.

Когда вечером сидишь за столом в кругу товарищей на плохо изученной планете, отделенной от родной земли миллиардами километров и месяцами полета, и знаешь, что ваш небольшой уютный дом — единственный форпост земной жизни в этом секторе вселенной, и вдруг слышишь требовательный стук в дверь, можно ожидать чего угодно — появления зеленокожего трехрукого пришельца, человека-муравья с суставчатыми ногами, паукообразного робота или разумного осьминога с лазером в одном из щупалец. Но никто не ожидал, что в дверь войдет с обнаженной шпагой в руке очень высокий бородатый старик, чем-то напоминающий Дон-Кихота, одетого в костюм своего оруженосца Санчо Пансы. На старике были короткие засаленные шорты, оставляющие открытыми худые мускулистые ноги, непомерно пестрая куртка с широкими рукавами, на голове — широкополая и не менее пестрая шляпа, на талии — полуприкрытый курткой широкий прочный пояс, в котором опытный глаз Бартона сразу узнал принадлежность космического комплекта номер семь — комбинезона биологической защиты для исследователей землеподобных планет, на ногах — прочные ботинки, покрытые засохшей грязью. Но самым удивительным было лицо старика — худое, как у аскета, но почти без морщин, и на этом лице под густыми, сросшимися бровями горели огромные, живые, беспокойные глаза. На вид гостю было лет семьдесят-восемьдесят.

— Здравствуйте! — сказал старик на плохом едином языке. — И опустите, пожалуйста, эту штуку, — он ткнул шпагой в сторону Ахмеда. — Я не хочу, чтобы она выстрелила мне в живот...

Ахмед посмотрел на свои руки и увидел, что ружье, которое он по-прежнему держал в руках, направлено прямо на гостя. Он залился краской и спрятал ружье за спину. Но никто не заметил его смущения — взгляды всех были устремлены только на незнакомца.

— Здравствуйте... — нестройно ответили озадаченные хозяева — кто на русском, кто на едином.

— Проходите, пожалуйста, — сказал Бартон. — Мы будем рады, если вы поужинаете с нами.

Старик для чего-то ткнул острием шпаги в пол, но клинок отскочил от мягкого, теплого пластика. Тогда гость поставил шпагу у стены и не-

торопливо опустился на предложенный ему стул.

— Я начальник второй комплексной экспедиции Бартон. Это наши сотрудники, — Бартон представил незнакомцу всех сидевших за столом.— Наш корабль на орбите, здесь у нас только рейсовый бот.

Старик молча кивнул, отодвинул в сторону поставленный перед ним столовый прибор и бросил беглый взгляд на многочисленные Машенькины эскизы, развешанные по стенам.

— У меня к вам просьба, Бартон, — сказал он наконец. — Дело в том, что у меня... э... пропал друг... моя собака. После смерти жены я одинок, и Цезарь заменяет мне все — друзей, общество, семью... Я буду вам весьма благодарен, если вы возвратите мне его.

— Собака не у нас, — сказал Сергей. — Мы сегодня видели ее километров за сорок отсюда. — Тут он вспомнил ошейник и добавил: — У вас что — вышел из строя пеленгатор?

Старик не удостоил его ответом.

— Если же для вас будет затруднительно возвратить мне моего друга... моего Цезаря, то не соблаговолите ли вы уступить... продать мне вашу экспедиционную собаку? Можете назначить любую цену.

— Мы были бы рады вам помочь, — ответил Бартон. — Но у нас в экспедиции нет собаки.

— Нет собаки? — удивился старик. — И на корабле тоже нет?

— И на корабле.

Старик помолчал. Воспользовавшись паузой, все стали наперебой угощать гостя, но он небрежным движением головы отверг все предложенное.

— Может быть, ваша собака опять встретится нам, — обратился Бартон к странному гостю. — Где мы сможем тогда найти вас?

— Не смею затруднять, — уклонился от ответа гость. — В этом случае я сам навещу вас...

Он отлично знает, где бегает его собака, подумал Сергей. И пеленгатор у старого хрыча в порядке. Но почему-то этот космический Дон-Кихот желает, чтобы его собаку ловили мы... Или у него плохо с транспортом? Кстати, неужели он явился сюда пешком? Ишь как заляпаны ботинки...

— Последняя просьба, — сказал старик, глядя на Бартона в упор.— Не могли бы вы... э... ссудить мне на какое-то время лучемет? Продать его вы, очевидно, не можете?

При этом вопросе Сергей потихоньку покосился на Ахмеда и увидел, как напряглась его рука, сжимавшая гарпунное ружье. Он усмехнулся. Самое обычное дело. Сидишь однажды на безлюдной планете Альфа в системе звезды Барнарда, и вдруг к тебе приходит Дон-Кихот со шпагой в руке и просит дать ему лучемет — грозное оружие, изобретенное совсем недавно. И что здесь особенного? Подумаешь, невидаль... Просто понадобился человеку лучемет. Почему бы не дать? Человек человеку — друг, товарищ и брат...

— Ахмед, принесите, пожалуйста, лучемет, — сказал Бартон. — Может быть, мы сможем помочь чем-нибудь еще?

— Благодарствую, — старик поджал губы и поднялся. — Премного обязан.

Он взял лучемет, повесил его на шею и снова вооружился шпагой.

— Можете пользоваться им сколько заблагорассудится. — ска-

зал Бартон. — Мы будем здесь долго. А если понадобится, оставьте его у себя совсем.

— Желаю вам здравствовать, — произнес старик и вышел.

Все высыпали на крыльцо. Незнакомец, прямой, как жердь, шествовал в сумерках по тропинке, которую уже успели протоптать на Альфе члены экспедиции, тыкая впереди себя шпагой, как слепой тросточкой — справа-слева, справа-слева...

Может, у него куриная слепота, подумал Сергей. Как сумерки, так ничего не видит.

— Эй, товарищ! — крикнул он.— Может быть, вас довезти?

Старик, не отвечая, прошел мимо слабо свистящего бесформенного бугра, который еще недавно был их жилищем, и растаял в темноте.

— Странный старичок, — сказал Ахмед. — Как ты думаешь, зачем ему лучемет?

Сергей пожал плечами.

— Наверно, он тоже решил выполнять инструкцию...

Но Ахмед не унимался.

— А почему он ходит в маскхалате?

— Будет тебе, — пробормотал Сергей. Действительно, пестрый наряд незнакомца мог отлично служить для маскировки. Вот и сейчас — отошел на десять шагов и сразу исчез. Словно его здесь и не было.

Взволнованные странным посещением девушки засыпали Бартона своими предположениями о незнакомце — кто он и откуда, что делает на Альфе...

— Тише! — сказал вдруг Ахмед. — Смотрите!

В нескольких сотнях метров от дома темноту прорезала яркая вспышка, сопровождаемая знакомым резким шипением. Через полминуты вспыхнуло снова — подальше, затем опять...

— Из лучемета бьет...— догадался Сергей.

— Он что — в своем уме? — возмущенно воскликнул Ахмед. — Для чего этому типу дали оружие?

— Нас ждет ужин, друзья, — сказал Бартон. — Правда, он немного остыл...

Шавров придержал Бартона за локоть.

— Вы не обратили внимания, в какой руке наш уважаемый гость держал шпагу? — негромко спросил он.

— По-моему, в правой, — неуверенно ответил тот. — Да, конечно, в правой. А в чем дело?

— Мне кажется, я что-то слышал о нашем госте, — сказал Шавров. — Но мне говорили, что у него нет правой кисти.

Бартон удивленно посмотрел на Шаврова.

— Странная история... — задумчиво произнес он. — Но, может быть, у него протез?

— Непохоже... Уж очень уверенно он орудовал шпагой. Кстати, для чего она ему? И зачем он палит сейчас там?

— Спросите что-нибудь полегче.

Они снова посмотрели в темноту. Шипения лучемета уже не было слышно, но удаляющиеся вспышки хорошо различались — через полминуты каждая.

— Будете говорить с кораблем, Юрий Петрович, расспросите экипаж. Может быть, им что-нибудь известно. А пока идемте ужинать...

Глава 3.
УРАГАН

Наутро все разговоры были только о вчерашнем госте. Ахмед, который сразу невзлюбил его, горячился больше всех.

— Кто мне скажет, почему на нем пояс Бестужева? — не то в шутку, не то всерьез спрашивал он. — Заметили, как он его прикрывал?

— Таких поясов в космосе хоть пруд пруди, — смеялась Машенька. — И чего прицепился к человеку? Боишься, что он меня украдет?

— А почему он не назвался? Хорошие люди не скрывают своего имени, дорогая Машенька. И адрес говорят, когда их спрашивают. И вообще, что он тут делает?

— Нравится ему тут — вот и живет. Тебе понравится — можешь жить и ты. Никто возражать не будет. В космосе всем хватит места.

— Он же говорил — жена у него здесь умерла, — поддержала Машеньку Ева. — Вот и остался тут.

— Будет ее могилу с лучеметом охранять, да? — негодовал Ахмед.

— Ты же ходишь с лучеметом...

— Я из него еще ни разу не стрелял. А этот — только взял в руки, сразу давай палить. Он, наверно, тронутый. Разве нормальный человек будет стрелять по лягушкам?

Ахмед уже успел прогуляться по следам незнакомца и видел длинные полосы выжженной лучеметом травы.

— А что? Они здесь такие противные... Бр-р-р... — Машенька передернула плечами.

После завтрака Сергей и Ахмед погрузили в дисколет запасные зонды и поднялись в воздух.

— Я знаю, где живет этот тип,— сказал Ахмед, когда они набрали высоту. — Вон лесок под скалами — больше негде. Если он, конечно, живет в доме, как человек, а не прячется в норе.

— Можно посмотреть, — сказал Сергей, закладывая вираж в сторону скал. Действительно, под деревьями была видна крыша дома и какая-то изгородь — не то огород, не то загон для скота. Но самого хозяина нигде не было видно.

— Неплохо прячется, — пробурчал Ахмед. — Интересно только, от кого?

— Какое нам дело, — возразил Сергей. — Летим-ка дальше...

Они без приключений обработали две точки и перелетели на новое место. Сергей посадил дисколет среди огромных выветренных валунов, за которыми начинался довольно крутой спад к обширной болотистой равнине. Отсюда, с высоты, равнина просматривалась вся — слегка всхолмленная, поросшая низкими карликовыми зарослями и пучками кустарника, между которыми сквозь дымку теплых испарений поблескивала вода. Равнина располагалась в круглой котловине, имевшей в поперечнике километров пятнадцать.

— Да, болотце что надо, — бодро провозгласил Ахмед, обозрев окрестности в бинокль. — Лягушиный рай...

— Похоже на кратер вулкана. Интересно было бы провести здесь глубокое бурение.

— А вот и перекати-поле, — Ахмед показал вниз, где сквозь кустарник неторопливо катился зеленый шар. — Интересно, это вчераш-

ний или другой? Как ты думаешь, почему эти милые путешественники все гуляют в одном направлении?

— Давай-ка за дело, Ахмед, — сказал Сергей. — Все равно я тебе ничего не отвечу. Пускай с шарами разбираются биологи.

Они выбрали ровный участок, достаточно удаленный от валунов, и включили зонд. Он погружался медленно, с трудом преодолевая сопротивление засоренной камнями почвы. Однако цветные глазки индикаторов на контрольном щитке показывали, что все в порядке. Оставалось только ждать. Ахмед снова пустился в пространные рассуждения о вчерашнем незнакомце.

— Нет, подумай только! Как он сказал: «У меня, э-э, пропал друг, и я, э-э, желаю купить нового...» Где это видано — покупать друзей? Ты когда-нибудь покупал друзей?

— Он просто неудачно выразился. Ему скучно одному, вот он и решил купить у нас собаку. Когда-то это было модно — иметь собаку на каждом корабле. Ты зря взъелся на старика, Ахмед.

— Этот Робинзон Крузо не так прост. Он вовсе не из-за собаки пришел. Ему нужен был лучемет...

— А хотя бы и так. Тебе что — лучемета жалко?

— Да не жалко мне! Просто я хотел бы знать: что это за тип? Откуда он взялся? Что здесь делает? И вообще — зачем ему лучемет? До сих пор без него обходился, а теперь не может... Да я бы...

— Подожди, — встревоженно прервал его Сергей, вскакивая. — Ты видишь?

Огромная черная туча стремительно заволакивала горизонт. Ее клубящиеся крылья захватили уже полнеба — словно две чудовищные руки неведомого гиганта, пришедшего из бездны космоса, чтобы задушить сияние дня. За несколько секунд извивающиеся клубы мрака взметнулись до солнца, и оно мгновенно погасло. Сразу стало темно. И в страшной, неподвижной тишине до оцепеневших людей донесся далекий глухой рев надвигающегося урагана.

— Бежим! — крикнул Сергей, бросаясь к дисколету. Он уже понял, что это такое, и знал, что промедление смерти подобно. Ахмед помедлил секунду, но, видимо, тоже вспомнил строжайшие предписания инструкции. Он кинулся за Сергеем, потом вспомнил про лучеметы и метнулся обратно. Сергей вскочил в дисколет (черная стена урагана уже вставала над головой), включил управление — зеленые глаза приборов ярко засветились в темноте (первые порывы ветра взвихрили пыль, пригнули ветви кустарника), включил стабилизацию (лежавший чуть наискось аппарат сразу всплыл и повис строго горизонтально в полуметре над землей), вспомнил про кабель питания зонда, чертыхнувшись, выдернул его из гнезда и швырнул за борт (рев урагана, полминуты назад совсем далекий, теперь стремглав рушился сверху прямо на дисколет) и заорал Ахмеду, подбегавшему в вихрях пыли с лучеметами в руках, чтобы он бросал их ко всем чертям, но сам не услышал своего голоса (аппарат чуть вздрогнул от первого удара ветра) и стал яростно махать руками — да скорей же ты, скорей! Ахмед, уже понявший, что дело плохо, с разбега кинул лучеметы в кабину — один шлепнулся на сиденье пилота, другой ударился прикладом о штырь антенны и свалился обратно. Ахмед,

уже успевший прыгнуть на лестницу, одной рукой подхватил его. И тут ураган обрушился на них.

Чудовищный удар взбесившейся атмосферы едва не вышвырнул Сергея из кабины. Несмотря на титаническую мощь стабилизирующего поля, дисколет отшвырнуло на десяток метров и почти поставило на ребро, потом бросило вверх, вниз, снова вверх... Ставший непроницаемым мрак на миг разодрало ослепительной вспышкой — Сергей увидел угрожающе близкие вершины скал и опустевшую лесенку, понял, что Ахмед сорвался, может быть, погиб, что через мгновенье может погибнуть и он сам, плюхнулся в кресло (лучемета в нем уже не было — видимо, вышвырнуло при толчке) и повел аппарат круто вверх. Автоматика наглухо задраила защитный прозрачный купол, молнии били сверху, снизу, со всех сторон, потоки ливня окутали дисколет, словно он мчался в глубинах океана, цифры на приборах словно взбесились, дисколет кидало, и раскачивало, и несло в неизвестном направлении с какой-то немыслимой скоростью. Все это продолжалось страшно долго — час, два, три, может быть, больше. Потом удары стали тише, черный мрак посерел, и Сергей понял, что ураган кончается. Это было не так — свирепый черный тайфун по-прежнему мчался над планетой, но дисколет уже вышвырнуло в сторону из основного русла урагана, и вскоре Сергей снова увидел сквозь распахнувшийся черный занавес фиолетовое небо, и солнце, и зеленую равнину внизу. Черная стена втягивала свои клубящиеся отростки, таяла, исчезала за горизонтом. Сергей посадил аппарат на склоне песчаного холма, открыл колпак, с трудом перевалился через борт и лег на горячий песок. Его трясло от усталости и страха. Он посмотрел на часы и решил, что они стоят — часы показывали, что весь этот ужас продолжался меньше пяти минут. Сергей полежал немного, потом забрался в аппарат, поставил в гнездо валявшийся на полу лучемет, проглотил две таблетки антеина — сразу сделалось легче, включил для очистки совести рацию — как всегда, днем связи не было, — затем поднял дисколет в воздух. Он не представлял, куда занес его ураган и где теперь искать Ахмеда, поэтому на полной скорости повел аппарат обратно, надеясь выйти на пеленг базовой радиостанции.

Глава 4.
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОИСКОВ. СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Ураган прошел в стороне от базы, слегка задев ее своим крылом. Но и этого достаточно, чтобы причинить значительный ущерб. Новый дом, правда, выстоял — он был рассчитан и не на такие переделки, но метеостанцию будто корова языком слизнула, огромный трехтонный рулон надувного дома катило метров пятьсот, пока он не застрял в овраге, антенны были сорваны, огород выглядел так, словно на нем плясало стадо взбесившихся слонов.

Шавров, застигнутый ураганом в доме, очень тревожился за космический бот — их средство связи с кораблем, оставшимся на орбите. Он знал, что урагану не под силу перевернуть бот — четыре прочные ноги надежно вцепились в грунт, а при необходимости автоматически сработали бы мощные двигатели стабилизации, и все же за

те пять минут, пока над экспедиционным домом с воем и громом летела черная мгла, он успел много раз выругать себя за беспечность — за оставшийся открытым входной люк и за не убранный после заливки питьевой воды шланг, от которого теперь осталось, наверно, одно воспоминание. Как только ураган стих, он сразу бросился в дисколет, чтобы слетать к боту.

Бартон с крыльца окинул взглядом картину учиненного ураганом разгрома и горестно вздохнул. Хорошо хоть, что успели переселиться в дом, подумал он. Кто знает, выдержал бы такой натиск наш «уйди-уйди»... Он рассеянно взглянул на огорченную Машеньку — та успела обойти разгромленный огород, который сажала с таким старанием, и теперь шла обратно, разглядывая тонкий хвостик морковки.

— Это что — весь урожай? — невесело пошутил Бартон, взял морковку, машинально обтер ее и сунул в рот. — А ничего, сладкая...

Тут на крыльце показался серьезный Шерман.

— Плохо дело, — сказал он. — Пропал Ахмед... Лавров возвращается.

Через час, когда прервавшие свои полеты разведчики вернулись обратно, спасательная экспедиция была готова к вылету. Дисколеты сразу поднялись в воздух. Подробности происшествия Сергей докладывал Бартону уже по дороге, на других дисколетах его слушали по радио.

Лежавшая внизу чуть всхолмленная равнина выглядела так, словно над ней и не проносился чудовищный ураган. Небо, как всегда фиолетово-голубое, начинало дышать зноем, мелькнувший внизу серебряный зигзаг речки был чист и ясен. Сбоку проплыла группа скал, среди которых прятался в роще домик Дон-Кихота. Сергей подумал, что надо было бы заглянуть к старику: вдруг и ему нужна помощь? Тут ему пришло в голову, что старик очень умно выбрал место для жилья — не случайно только там, под прикрытием скал, росли высокие деревья — на равнине при таких ветрах они, конечно, уцелеть не могли.

— Эх мы, горе-исследователи, — сказал он вслух. — Шляпы мы, а не первопроходцы. Это же такая очевидная вещь...

— Ты о чем, Сережа? — спросила сидевшая рядом Ева.

— Да о том, что мы думать разучились. Обрадовались, что нашли уютную планету — дремучих лесов нет, пустынь нет, климат отличный, летай, радуйся! А почему нет лесов? Везде есть, а тут нет? Почему всюду одни ползучие кустарники да карликовые деревья? Вот до этого вопроса никто не додумался. Удобная планета — ну и ладно. А то, что большим деревьям здесь не выжить, в голову нам не пришло. Вот и потеряли человека...

Из динамика раздался голос Кулешова — он управлял соседним дисколетом, и его лысина высвечивала над бортом аппарата.

— Ураган довольно необычный. Метеопикеты сообщили о нем лишь тогда, когда он практически уже начался. Атмосферное давление до последних секунд было в норме. А вот жучки притихли уже за час до урагана. Я все думал: почему они перестали орать?

— Значит, почувствовали, — сказала Ева.

— Мы тоже должны чувствовать. Только как?

Место, где пропал Ахмед, обнаружили довольно быстро — помог хорошо заметный сверху кабель. Было ясно, что искать надо на склоне и дальше на равнине — именно в ту сторону дул ураган. Скалы, валуны, груды камней, раскиданные по склону, могли дать укрытие от ветра. Поэтому люди развернулись цепью и двинулись вниз по склону, тщательно проверяя каждый куст, а Кулешов поднял дисколет метров на пятьдесят и осматривал местность сверху.

Через два часа склон был прочесан вдоль и поперек — до самой кромки болота.

— Может быть, мы не там ищем? — усомнился Шерман, когда все присели возле ручья — передохнуть и обсудить дальнейший ход поисков. — А если он укрылся в скалах наверху?

— Его обязательно должно было сбросить на склон, — возразил Сергей, хорошо помнивший чудовищный удар урагана, бросивший дисколет на скалы. — А там, за гребнем склона, могла быть мертвая зона. Уверен, что внизу ветер был тише.

— Тогда куда же он делся?

— Его могло зашвырнуть в болото... — помедлив, сказал Бартон. — Надо смотреть там.

Двигаться по болоту оказалось не очень легко. Поэтому Бартон распорядился вести поиски с дисколетов. Еще часа три аппараты зигзагами скользили над болотом, цепляясь за кустарники своими полированными днищами. И тут Кулешов заметил следы.

Неглубокая, по пояс, прозрачная речка, почти ручей, неторопливо текла здесь между несколькими группами выветренных валунов. Выше и ниже, где речка скрывалась в пестром кустарнике, ее берега были топки, а здесь, в плавной излучине, золотился крохотный, шагов в пять длиной, песчаный пляж. И на этом песке довольно ясно были видны следы босых человеческих ног.

Люди тревожно переглянулись. Все прекрасно помнили вчерашний рассказ Бартона о таинственном исчезновении Бестужева.

Бартон опустился на колени и осторожно тронул след.

— Свежий...

— Конечно, свежий, — ответила побледневшая Ева. — Старые следы ураган стер.

Следы пересекали узкую полоску песка и уходили в воду. Кулешов проследил взглядом направление и вдруг шагнул в ручей.

— Что ты? — спросил кто-то. Кулешов молча шарил руками по дну. Наконец он выпрямился, держа в руке лучемет.

Сергей взглянул на номер лучемета, и надежда, что следы оставлены не Ахмедом, пропала, потому что номер был тот самый.

— Да что же это? — тихо спросил он, представляя с ужасом, как его товарищ медленно раздевается, собирает одежду, оружие и идет в воду — идет, чтобы навеки пропасть, идет как кролик в пасть удава, словно принуждаемый чьей-то злой волей — чудовищной, непреоборимой...

— А ведь он в кого-то стрелял... — вдруг сказал Кулешов, показывая на полосу выжженной травы на том берегу. — Стрелял и все-таки шел туда...

Сергей перебрался через речку и

проследил направление выстрела. Кое-где обугленные ветви кустарника еще тлели. Но ничего подозрительного обнаружить ему не удалось.

— Он выстрелил, вошел в воду и бросил лучемет... Почему? И куда он делся потом? Для чего он разделся? Хотел плыть? Но здесь очень мелко... Ничего не понимаю, — сказал Бартон.

— В воде его кто-то схватил. Или что-то схватило.

— Но для чего он разделся? И где остальные вещи — ботинки, например? Не могли же они уплыть...

— Да ведь это... — вдруг вскрикнула Машенька, и в ее голосе прозвучал такой неподдельный страх, что все разом обернулись. Машенька сидела на песке возле следов, и ее остановившиеся глаза были огромны и темны. — Да как же вы не видите? Ведь это совсем не его следы! Ведь здесь по шесть пальцев на каждой ноге!

Глава 5.
ВЕЧЕРНИЕ РАЗГОВОРЫ. ДОГАДКИ И ГИПОТЕЗЫ

Ахмеда искали до заката. Все было напрасно. Когда сгустившиеся сумерки сделали поиски бесполезными, Бартон дал приказ возвращаться.

Дисколеты уже подлетали к лагерю, когда Шерман заметил помигивание сигнальной лампочки пеленгатора. Дисколеты на предельной скорости помчались по пеленгу.

Точку, откуда исходили сигналы, они нашли быстро. Длинные черные тени не позволяли ничего рассмотреть на поверхности планеты, и пилоты осторожно опустили свои аппараты немного в стороне.

Через несколько минут поисков Сергей услышал слабый шорох. Обрадовавшись, он с криком кинулся туда. В луче фонаря что-то шевельнулось. Но, увы, это был не Ахмед. Это была их вчерашняя приятельница, сбежавшая собака Дон-Кихота. Ураган неласково обошелся с бедным животным. Собака была грязная, исцарапанная, шерсть ее слиплась от засохшей тины и запекшейся крови, а задние лапы были, очевидно, перебиты. Когда Сергей присел около нее, она попыталась завилять хвостом и слабо заскулила.

— Потерпи немного, голубушка, — сказал Сергей. — Сейчас привезем тебя домой, накормим, напоим, перевяжем...

Он выключил пеленгатор на ошейнике, осторожно поднял собаку на руки и понес к дисколету. Пес доверительно лизнул его в щеку.

Сергей подал собаку через борт дисколета и сам забрался туда.

Утомленные люди молча расселись по местам. До самой базы никто не произнес ни слова.

Против обыкновения, ужинали порознь — Шавров сразу же улетел к экспедиционному боту, чтобы закончить прерванный тревогой осмотр, Ева стала оказывать помощь собаке, Кулешов вызвался ей ассистировать, Шерман занялся восстановлением сорванных антенн. У других тоже нашлись дела, отложить которые до утра было нельзя Все знали, что завтра поиски предстоят с самого рассвета.

Хмурый Базиль Фар, биолог и шеф-повар экспедиции, молча поставил тарелки перед Бартоном,

Сергеем и Машенькой. Все занялись едой. Однако через минуту девушка отодвинула от себя тарелку, и в тишине послышалось сдерживаемое всхлипывание.

— Ну что ты, Машенька, — сказал Бартон, обнимая девушку за плечи. — Завтра мы его найдем.

Машенька прижала к лицу ладони, плечи ее затряслись.

— Меня один раз три дня искали, — продолжал Бартон. — За мной тогда погнался диплодок размером чуть меньше, чем наш бот. Он загнал меня в скалы, и я уже думал, что мне конец, потому что его броню лучемет не брал. В самую последнюю секунду, когда он уже разинул пасть, я выстрелил ему в глотку и попал прямо в мозг. Он свалился на меня и едва не раздавил. К счастью, подо мной оказалось углубление в скале. Я устроился в нем довольно удобно, но выбраться из-под стотонной туши не мог. Наши пролетали надо мной раз пять, но чертов ящер экранировал мои пеленги. На третьи сутки кислород у меня должен был кончиться, и я стал мысленно составлять завещание...

Бартон сделал паузу, надеясь, что Машенька задаст хоть какой-нибудь вопрос, но она молчала. Сергей решил подыграть Бартону. Выдумавший эту историю Кулешов не раз рассказывал ее, и Сергей знал, что надо спрашивать.

— А прожечь туннель в ящере вы не пробовали? — спросил он.

— Я думал об этом. Но от меня до него было сантиметров двадцать, так что я скорее прожег бы дыру в своем скафандре. Вот что мне не грозило совершенно — это смерть от голода. Одного этого ящера мне хватило бы на полгода...

— Как же вы выбрались? — спросил Сергей. — Вас нашли?

— К счастью, у тамошнего зверья очень хороший аппетит. Они так накинулись на мою добычу, что добрались до меня раньше, чем кончился кислород. Мне оставалось только разогнать своих благодетелей лучеметом да вызвать помощь по радио...

В столовую вошел Шавров в мокром комбинезоне.

— Экспедиционный бот в порядке, — сказал он, садясь к столу. — Правда, в шлюз набилось всякой дряни. Пришлось устроить приборку...

Бартон посмотрел на часы.

— На всякий случай подготовьте бот к старту. Через час я буду говорить с «Ариэлем». Сколько человек они смогут нам выделить?

— Боюсь, что они заявятся все семеро, поставив корабль на автоматику, едва вы заикнетесь о том, что здесь нужна их помощь.

— Пусть только попробуют, — пробормотал Бартон. — Я пущу сюда самое большее троих.

— Хотел бы я посмотреть, как это вам удастся, — Шавров иронически взглянул на начальника экспедиции. — Они свяжут вас и меня, захватят бот и высадятся на Альфу нелегально...

Сергей представил, как экипаж «Ариэля» накидывается на Бартона, как дюжие космонавты, тренированные на десять g, связывают начальника экспедиции по рукам и ногам, затыкают кляпом рот и прикручивают к креслу, а потом, надвинув на глаза шляпы, замаскировав лица платками, среди ночи высаживаются на Альфу, озираясь и не снимая пальцев с кнопок лучеметов, и первым делом поднимают

на антеннах бота черный пиратский флаг с черепом и скрещенными костями...

От этой нелепой картины настроение у него стало еще хуже. Он встал и пошел к кофейному автомату, который только что засигналил своими изумрудными глазами, сообщая, что кофе готов. Бартон поднялся тоже, собрал тарелки и кинул их в лючок утилизатора.

В это время вошли Ева и Кулешов

— Как наша пациентка? — спросил Бартон.

— С ней все в порядке. Одна лапа у нее сломана, пришлось наложить шину. Через неделю она будет бегать как ни в чем не бывало.

— Клянусь своей прической, — серьезно сказал Кулешов, — Ева провела операцию безупречно. Собака ее так благодарила...

— Скажите, Ева, каков, по вашему мнению, возраст собаки? — спросил Шавров.

— Наверное, лет пять или шесть. Зубы у нее еще не стерты. А в чем дело?

Шавров на минуту задумался.

— Понимаете, слышал я раз историю об одной собаке и ее странном хозяине. Он всюду, куда бы ни летел, возил с собой шпаги — они так и висели на стене его каюты. А сам он был без правой кисти и очень походил на нашего вчерашнего гостя... Но рассказали мне это очень давно — та собака, наверно, уже сдохла от старости. Собаки ведь дольше пятнадцати лет не живут.

Бартон, который был уже в дверях, вернулся и сел верхом на стул напротив Шаврова.

— Вы все-таки думаете, что это был он?

— Просто ничего другого не приходит мне в голову. Конечно, возможны самые невероятные совпадения. Скажем, братья-близнецы, оба космические анахореты, любители собак и холодного оружия, поселившиеся на разных планетах...

В столовой появился Шерман, который только что с помощью ремонтных автоматов закончил установку новых антенн. Он сел к столу, взял дымящуюся чашечку, которую Сергей поставил перед собой, и проглотил кофе, обжигаясь, чуть ли не одним глотком.

— Большое спасибо, — проникновенно сказал Сергей, заглядывая в опустевшую чашку. — Соизволите заказать еще? Или усладить ваш взор плясками?

— Да ну тебя, — буркнул Шерман. — Я продрог на мачте как собака.

За окнами было уже совсем темно. Климат Альфы метеорологи не то в шутку, не то всерьез называли «мерзко континентальным». Морей на Альфе не было, она представляла собою один континент, на котором обширные засушливые районы перемежались с заболоченными, имевшими, как предполагали гидрологи, сообщение с подземным океаном. Причину таких перепадов температуры установить еще не удалось, но факт был налицо — даже в самое теплое время года, когда днем все изнывали от жары, ночью температура могла опуститься чуть не до нуля.

Тревожные события минувшего дня заставили Бартона серьезно призадуматься. На Земле жило двадцать миллиардов людей, и каждая планета земного типа ценилась на вес золота, а Альфа была одной из немногих планет, где все благопри-

ятствовало человеку — гравитация, состав атмосферы, спектр звезды, микрофлора и микрофауна, длительность суток, годовые и суточные колебания температуры. К тому же из-за отсутствия океанов площадь Альфы в шесть раз превышала ту, которую освоил человек на своей родной планете. На Альфе было все, чтобы расселить сто миллиардов людей, — великолепные почвы, обещавшие невиданные урожаи, огромные запасы полезных ископаемых, наконец, вода — обнаруженный приборами экспедиции подпочвенный океан, лежавший на глубине всего двух километров. До этого океана еще предстояло добраться, когда «Циолковский», уже стартовавший с Земли, доставит на Альфу буровое оборудование. Только одно препятствие могло возникнуть перед колонизаторами планеты — наличие на ней разумной жизни...

До сих пор планета считалась безлюдной, но Бартон понимал, что это могло быть ошибкой. Он то и дело обращался мыслью к тем неясным отпечаткам, которые заметил на речном песке Кулешов.

След был оставлен двуногим существом — никаких сомнений здесь не возникало. Положа руку на сердце, Бартон не взял бы на себя смелость утверждать, что на ноге неизвестного было именно шесть пальцев. След измерили со всей возможной точностью и сфотографировали со всех сторон. Размер ступни совпадал с Ахмедовой, но это еще ничего не значило. Что же касается фотографий, то получились они плоскими и неясными, потому что ослепительное солнце убило все тени, и Бартон сознавал, что служить аргументом, свидетельствующим о существовании на Альфе разумной жизни, они вряд ли смогут. Что Ахмед не разгуливал после урагана босиком, Бартон знал совершенно точно, если, конечно, тот не снял свои ботинки, скажем, для просушки, а кто-то — только кто и зачем? — эти ботинки украл. Бартон, пожалуй, не раздумывал бы над тем, откуда взялся след, если бы не то, что таинственная гибель Бестужева произошла при таких же обстоятельствах. С другой стороны, экспедиции, побывавшие на Альфе, ни разу не натолкнулись на признаки разумной жизни. Бартон был убежден, что разум, в какой бы примитивной форме он ни проявлялся, обязательно оставит следы на тысячелетия. Остатки костров, обработанные камни, черепки посуды на Земле дождались своих исследователей через множество веков, а обнаружить костры или постройки ныне живущих племен не представляло труда. Бартон знал, что фотокамеры спутников, которые каждая экспедиция запускала вокруг Альфы, способны были обнаружить не только костер, а даже огонек сигареты. Конечно, Бартон понимал, что наивно распространять свой гордый антропоцентризм на всю бесконечную вселенную, но тем не менее законы разума едины для любой галактики, и обязательным условием возникновения разума является переделка природы, то есть труд, а это не по силам отдельному индивидууму. Поэтому Бартон не верил в возможность существования разумного океана или разумных моллюсков. Знал он также, что переделывать мир можно не только при помощи механизмов, что могут быть и другие пути.

Занятый своими мыслями, Бартон не заметил, как в комнате собрались все члены экспедиции. Казалось, поздний час и усталость после треволнений дня еще больше сплотили людей. Верхний свет кто-то погасил, и комната освещалась лишь трепещущими языками огня, который Базиль Фар разжег в камине. Ева Стаднюк сидела возле камина на полу и задумчиво шевелила щипцами охваченные пламенем сучья, отчего из камина вырывались снопы искр, и запах древесного дыма вдруг заставлял вспомнить о невероятно далекой родине, о ночном шорохе листьев, о лунном серебре на медленной воде, о колючей ароматной подушке опавшей хвои, о треньканье насекомых в мокрой от росы траве...

Заметив взгляд Бартона, Сергей подвинул к нему чашечку с кофе и подсел поближе.

— А если наш гость, вчерашний Дон-Кихот, все-таки тот самый? — спросил он.

— Однорукий? Я ведь ничего о нем не знаю.

— Если это он, — сказал Кулешов, — значит, мы на пороге величайшего открытия. Если, конечно, у него не биопротез какой-нибудь новейшей конструкции.

— Надо с ним побеседовать, — сказал Бартон. — Только где его отыскать?

— Я знаю, где он живет. — Сергей вспомнил домик среди скал и прикинул расстояние до него. — Отвезу ему завтра собаку и приглашу в гости.

— Очень хорошо, — обрадовался Бартон. — Слетайте к нему завтра вечером и привезите его сюда.

— И попросите захватить с собой шпагу, — вдруг подала голос все время молчавшая Машенька.

— А зачем тебе шпага? — спросил Сергей.

— Мне хочется посмотреть ее поближе. Я ведь пишу диплом о холодном оружии. По-моему, это старинная шпага работы знаменитых толедских мастеров начала XV века.

— Неплохая тросточка у нашего гостя! — вздохнул Базиль Фар. — Я сам люблю старинные вещи, но разгуливать так с музейным экспонатом...

— Я не знаю, в каком музее есть подобная вещь, — сказала Машенька. — В Лувре, во всяком случае, я таких не видела.

— У меня предложение, — сказал вдруг Кулешов. — Так как все равно никто спать не идет, я расскажу вам историю космического Агасфера. Хотите? Тогда садитесь поближе. Итак...

Глава 6. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ КОСМИЧЕСКОГО АГАСФЕРА, РАСКРЫВАЮЩЕЕ МНОГИЕ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Мне, очевидно, нет надобности напоминать, кто такой Агасфер. Что? Не все знают? Странно... Когда я был мальчишкой, мы всем классом взахлеб читали роман Эжена Сю «Агасфер», написанный еще в XIX веке. Так вот, Агасфер, он же Вечный Жид, — это тот человек, который, если верить преданиям, прогнал Иисуса Христа, когда тот шествовал на Голгофу к месту своей казни и тащил на себе

крест, и остановился передохнуть возле жилища Агасфера. Разгневанный Иисус проклял Агасфера и обрек его вечно скитаться по земле. Это, так сказать, религиозная версия. Так как бога нет, проклясть Агасфера было некому. Тем не менее Агасфер существует, и вот о нем-то я сейчас расскажу.

Первые официальные сведения об этом человеке относятся к эпохе крушения Римской империи. Именно тогда он по недоразумению впутался в какую-то некрасивую историю, был схвачен и по приказу римского наместника посажен пожизненно в тюрьму. Это случилось в начале второго века нашей эры. Примерно через сто пятьдесят лет, когда в Риме правил император Валент, ему доложили об удивительном узнике, который никак не желает умирать и, судя по всему, намерен и дальше объедать императорскую казну, доведя ее тем до полного оскудения. Император решил проверить правдивость этой истории и приказал перевести узника в одну из римских тюрем, но вскоре погиб в битве, не успев оставить никаких распоряжений относительно узника. Наш герой мог просидеть в тюрьме до нынешних дней, если бы не нашествие готов. В 410 году Аларих осадил Рим и потребовал выдать ему все золото и серебро Рима, все до единой ценности, освободить всех рабов. «Что же ты намерен оставить нам?» — в ужасе спросили послы. «Вашу жизнь!» — со смехом отвечал бессовестный захватчик. Что было делать римлянам? Перепуганный император Гонорий сидел в Равенне тише воды, ниже травы и не помышлял о помощи Риму. Скрепя сердце сенат согласился. Аларих получил 5000 фунтов золота, вшестеро больше серебра, тысячи кусков алого сукна, шелковые одежды, множество мешков с драгоценным перцем. По его требованию были освобождены сорок тысяч рабов, но среди них не оказалось героя нашего рассказа — ведь Аларих потребовал освободить рабов только «варварского происхождения», а наш пленник не был варваром. Его освободили через два года, когда тот же Аларих штурмом взял Рим и отдал его своим войскам на поток и разграбление.

Двести лет, проведенные в тюрьме, послужили для Агасфера суровым уроком. Ему стало ясно, что пребывать в пассивном ожидании больше нельзя. Родина Агасфера была невероятно далеко, помощи оттуда ждать не приходилось, следовательно, оставалось надеяться только на себя.

Агасфер был родом из далекой галактики в созвездии Гончих Псов, которая в старинном каталоге Мессье числилась под номером 51. Его корабль при выходе из нульпространства оказался в опасной близости от Земли, сорвал с орбиты Луну и перекинул ее на более близкую современную орбиту, вызвал чудовищные катаклизмы, изменившие уровень океана и погубившие Атлантиду, и причинил много других неприятностей. Пилот выбросился из поврежденного корабля в спасательной шлюпке, а потерявший управление гигантский звездолет взорвался, столкнувшись с планетой Фаэтон. Планету разорвало на мелкие части, которые мы сейчас называем астероидами.

Очутившись на незнакомой планете, Агасфер не пал духом. Он знал, что не пройдет и тысячи лет, как

его разыщут. Однако по каким-то причинам помощь задерживалась. Прошло десять тысяч лет, но корабли из М-51 все не появлялись в окрестностях Земли. А тут еще досадная история с тюрьмой...

В ожидании помощи с родины любознательный космонавт предавался своему любимому занятию — путешествиям. Он обошел Европу, Азию и Африку, оставив в пещерах Тассили свой не очень удачный «Автопортрет в скафандре», обнаруженный Анри Лотом через несколько тысяч лет, пересек по льдам Берингов пролив, несколько столетий провел в Америке, где, кстати, оставил ацтекам календарь своей родной планеты — тот самый, который позднее был принят за венерианский.

Необыкновенное долголетие Агасфера не могло остаться незамеченным. В многочисленных письменных документах разных эпох встречаются упоминания о чудесном долгожителе. Демосфен описал его под именем Литориуса, Аль Бируни — как Элиаса, Роджер Бэкон называл его Папалице, в Индии он был известен как Мунисадх. Во время своих посещений России он принимал имя то графа Калиостро, то Сен-Жермена. Во многих странах его называли Агасфером, и это приносило ему множество неудобств, потому что легенда о причине его бессмертия уже гуляла по свету. А быть в шкуре человека, проклятого самим Христом, оказалось совсем несладко. Не помогло и сознание, что тобой интересуются могущественные короли и великие писатели — наш герой не был честолюбив.

Наблюдая за жизнью планеты, Агасфер удивлялся тому, как быстро прогрессирует человечество. В М-51, обитатели которой живут неизмеримо больше, чем мы, смена общественных формаций происходила через миллионы лет, на Земле же для этого требовались тысячи, а то и сотни лет. Агасфер понял, что вскоре человечество достигнет того уровня развития, при котором контакт с землянами мог считаться целесообразным. И он решил послать весточку на родину. Но передатчик следовало вынести за пределы атмосферы. Поднимать на орбиту свою спасательную шлюпку Агасфер не решился. Оставалось изготовить и запустить на околоземную орбиту спутник с передатчиком. Сразу же возник целый ряд трудностей — с материалами, инструментами, приборами. Только в середине XIX века настал день, когда спутник поднялся в небо и послал призыв о помощи в галактику М-51.

Связной спутник Агасфера был сложным самопрограммирующимся устройством, способным функционировать в самых различных условиях. Он мог уходить далеко за атмосферу и возвращаться обратно к Земле для осмотра, ремонта и смены программы. Чуткие датчики спутника всегда определяли, где находится Агасфер, и приводили спутник прямо к нему. Во время подобных полетов спутник был не раз замечен и получил название «летающего блюдца», на которое он действительно был похож.

Следует думать, что призыв о помощи все же дошел куда надо, так как в начале XX века приборы спутника записали передачу с приближавшегося корабля. Однако Агасфер так и не дождался прилета своих соплеменников. В июне 1908 года их корабль при выходе из

нуль-пространства потерял ориентировку в мощной ионосфере планеты, врезался в атмосферу Земли и взорвался над сибирской тайгой.

Эта катастрофа была тяжелым ударом для Агасфера. Гибель корабля лежала на его совести.

Законы далекой родины Агасфера не отличались суровостью, и несколько тысяч лет изгнания, грозившие ему дома, он воспринял бы как весьма умеренную кару. Но Агасфер был существом с высокоразвитым чувством ответственности, и ощущение собственной вины было для него сильнее любого наказания. Он сам вынес себе приговор, осудив себя на пожизненное одиночество.

Местом своей добровольной ссылки он выбрал Альфу, которую открыл перед тем, как потерпел аварию в солнечной системе.

Спасательная шлюпка Агасфера не могла уходить в нуль-пространство, но что значила для Агасфера какая-нибудь сотня лет полета! В первый и последний раз он поднял шлюпку в космос и на остатках горючего направил ее в сторону Альфы, надеясь дожить здесь жизнь в одиночестве. По его расчетам, люди должны были появиться на Альфе лишь через сотни тысяч лет. Но он снова ошибся в сроках, и мы нарушили его покой гораздо скорей.

Я хочу вам напомнить, что Агасфер, несмотря на некоторые мелкие недостатки — любовь к приключениям, позерство, оригинальничанье, вполне объяснимые у такого космополита, всегда был человеком слова. Осудив себя, он не искал смягчающих обстоятельств, не позволял себе никаких послаблений. Когда на Альфе появились люди, ему оставалось только одно — покинуть планету. Но его шлюпка при посадке на Альфу истратила последние граммы антиматерии и больше не годилась для межзвездных полетов. Ему оставалось одно — раздобыть лучемет, проникнуть с его помощью в наш рейсовый бот и отправиться на нем куда глаза глядят, через звездные просторы. И если вы сейчас внимательно посмотрите в ту сторону, где стоит наш бот, то увидите вспышки лучемета, которыми наш давешний гость пытается проложить дорогу в шлюзовую камеру бота... Прошу! — И рассказчик эффектным жестом указал на окно, за которым царила непроницаемая темнота.

Некоторые из слушавших его людей невольно взглянули в окно, а Машенька даже прижалась к стеклу лицом, пытаясь рассмотреть что-нибудь. Довольный Кулешов засмеялся.

— Да ну вас! — сверкнула глазами Машенька. — Я чуть было не поверила.

— Мое дело предупредить, — Кулешов кивнул на командира бота Шаврова, который задумчиво вертел на блюдце пустую чашечку из-под кофе. — Утром встанете, а наш бот тю-тю...

Бартон посмотрел на часы.

— Завтра подъем в пять. С рассветом вылетаем. Советую всем отдохнуть как следует.

Глава 7.
ВИЗИТ К ДОН-КИХОТУ. ГИБЕЛЬ ЦЕЗАРЯ

Второй день поисков не дал ничего нового. Никаких следов Ахмеда обнаружить не удалось.

Рассматривая с высоты болото, на границе которого их застиг ураган, Сергей все больше убеждался в том, что именно здесь исследователей ожидают любопытные открытия. Слишком необычной для этой гладкой, чистенькой, словно ухоженной хорошим садовником, планеты была огромная котловина, усеянная пятнами кустарника, изрезанная зигзагами медленных речек. Именно сюда, в этот лягушачий рай, катились и катились зеленые шары, которых стало гораздо больше вчерашнего. Только на подлете к месту поисков Сергей заметил их около десятка, да еще несколько попалось им во время прочесывания местности. У биологов глаза так и загорались при виде новой для них формы жизни, о которой они даже не могли сказать, что это такое — животные, растения или какой-то симбиоз. Но надо было искать Ахмеда, а с шарами можно было и повременить — раз уж они появились, то никуда не денутся. Однако вечером шары как сквозь землю провалились — на обратном пути ни одного не встретилось. Напрасно Базиль Фар шарил биноклем по окрестностям — загадочные шары все до единого куда-то попрятались.

Люди были подавлены неудачей поисков. Было непонятно, куда делся Ахмед. Ураган не мог унести бесчувственное гело через болота и кустарники, и тем не менее найти Ахмеда не удалось. Невольно людям приходила на ум всякая небывальщина — гигантские хищные птицы, утащившие добычу за многие километры; таинственный болотный змей, способный проглотить человека целиком; кровожадные пираньи или необыкновенные муравьи, съедающие даже кости своей жертвы; карстовые пещеры, куда провалился Ахмед, — хотя ничего подобного не могло быть в здешней болотистой почве.. Люди терялись в догадках. Ничего не объяснял и найденный в воде лучемет, из которого Ахмед — или не Ахмед? — стрелял куда-то, и загадочный шестипалый след, который, пожалуй, и не был шестипалым. Словом, странное исчезновение Ахмеда (или гибель, думал про себя каждый) не находило никакого объяснения, и это было хуже всего, потому что за одним исчезновением могло последовать второе, третье... И прежде инструкция предписывала любую работу, любую прогулку совершать не меньше чем вдвоем. Теперь же Бартон строго-настрого запретил отлучаться куда-либо без его разрешения. Когда Машенька решила заняться разгромленным огородом, в нескольких шагах за ней последовал Шерман с лучеметом на груди. База превратилась в вооруженный лагерь. Грозные раструбы лучеметов торчали чуть ли не из каждого окна. Бартон понимал, насколько глупо расхаживать по спокойной Альфе вот так, с пальцами на спусковых кнопках, потому что против подступавшего к ним Неведомого требовалось не оружие, а знание, но знания-то у них и не было. Все, что он мог сделать, — это приказать ходить парами, след в след, как ходят альпинисты на лавиноопасных склонах.

Деятельный ум Бартона искал, сопоставлял, нащупывал пути к решению тайны. Бартон не знал, жив Ахмед или нет, и стремился сделать все, чтобы не допустить новой потери в своем малочисленном отряде. Если исчезнет еще один чело-

век, экспедицию придется срочно эвакуировать, расписавшись в собственном бессилии. И тем не менее мысль его то и дело возвращалась к событиям десятилетней давности. Казалось, в них нащупывается какое-то общее с нынешними событиями звено. Шары. Странные обитатели Альфы, появление которых совпало с гибелью Бестужева. Теперь они появились опять... Связано ли их появление с исчезновением Ахмеда? Или причина — свирепый черный ураган? С замирающим сердцем Бартон смотрел из низко летящего дисколета на неторопливо катящиеся шары, проклиная судьбу за невозможность немедленно заняться их всесторонним исследованием. Но все люди были брошены на поиски Ахмеда, и заниматься чем-либо иным никому даже не приходило в голову.

Незадолго до заката Сергей зашел в изолятор, где на теплом коврике лежал перебинтованный пес. Увидев Сергея, он застучал хвостом и заулыбался, однако приподнялся с трудом. Ева сказала, что собаку можно вернуть хозяину.

— Вот и хорошо. Слетаем к нему и пригласим его сюда, — обрадовался Сергей.

Минут через пятнадцать они уже подлетали к скалам, в которых пряталось жилище Дон-Кихота. Сергей заложил несколько крутых виражей над домом, пытаясь привлечь внимание хозяина. Однако все было неподвижно внизу — в окнах не было света, антенна пеленгатора на крыше не шевелилась. Немного подумав, Сергей посадил дисколет возле скал и пошел к дому по тропинке, неся на руках пса. Сзади шла Ева, тоже с лучеметом на груди и медицинской сумкой, — она хотела оставить старику кое-какие медикаменты для собаки.

Сергей обратил внимание на то, что тропинка утоптана основательно. Давненько он здесь живет, этот Дон-Кихот, подумал он. Действительно у него нет одной руки или это досужие выдумки?

Тропинка привела к изгороди, преградившей подступы к дому.

Сергей остановился.

— Эге-гей, хозяин! — крикнул он. — Принимайте гостей!

Ему никто не ответил. Сергей покричал еще, потом посмотрел на Еву.

— Нет его, что ли... Или прячется? Что будем делать?

— Эй, товарищ! Мы нашли вашу собаку! — закричала Ева, но тоже не получила ответа. — Надо занести собаку в дом.

— Как ты думаешь, для чего он сделал изгородь? — вдруг спросил Сергей.

Ева озадаченно посмотрела вокруг. Изгородь была странная. Сделанная из толстых, в руку толщиной, кольев, переплетенных тросом, она имела в высоту метра полтора. По самому верху ограды были привязаны ветки колючего кустарника — иглы длиной в ладонь ощетинились по всему периметру изгороди.

— Словно колючая проволока, — прошептала Ева, с возрастающим удивлением рассматривая необыкновенное сооружение. — Против кого же это?

— Это не против кого-то, а для кого-то, — задумчиво произнес Сергей.

Ева удивленно вскинула голову.

— Что ты хочешь сказать?

— Посмотри внимательно — все шипы смотрят не наружу, а внутрь.

Это какой-то загон для скота. Кстати, по-моему, здесь для нас записка.

Он подошел к калитке, дверка которой была подперта снаружи тяжелым бруском, и снял с шипа наколотый на него листок.

— «Прошу калитку не открывать и внутрь не заходить», — вслух прочитала Ева через плечо Сергея.

— Сказано предельно ясно, — сказал Сергей. — Не любит хозяин гостей...

— Что же нам делать? — спросила Ева. — Не оставлять же собаку тут.

— И все-таки для кого этот загон? Не коров же он собрался разводить, — сказал Сергей, осматриваясь.

Лиловая звезда Барнарда уже скатывалась за горизонт там, за скалами, и фиолетовые сумерки стремительно сгущались. Пора было возвращаться.

Сергей высмотрел за изгородью место, где трава была повыше и погуще, отдал собаку Еве и засунул носок ботинка между кольями в полуметре от земли.

— Не будем нарушать суверенитет нейтральной державы, — сказал он весело. — Как ты думаешь, пес не ушибется?

Он принял собаку из рук Евы, свесился через изгородь, стараясь держаться подальше от устрашающих колючек, и осторожно опустил пса пониже. Очевидно, он причинил животному боль — тот вдруг забился, завизжал, но Сергей уже выпустил его из рук над мягким бугром травы.

Все дальнейшие события произошли самое большее за секунду. Словно черные крылья взметнулись из травы, целясь в лицо Сергею, он отшатнулся и потерял равновесие, дико. в смертной невыразимой тоске взвизгнул пес и захлебнулся, с коротким треском страшные крылья сомкнулись в нечто округлое, руку Сергея пронзила острая боль — он укололся все же о здоровенный шип. Носок ботинка намертво застрял в изгороди, и Сергей упал на спину, в падении вскинув оружие. Но еще до того, как спина Сергея коснулась травы, он понял, что́ перед ним, и знал, что не выстрелит. Секундой позже, когда он вскакивал на ноги, не сводя на всякий случай лучемета с колыхающегося существа за забором, он услышал вскрик Евы — короткий, оборвавшийся так быстро, что он потом даже не был уверен, что слышал его, и увидел, что она готова выстрелить. Но Сергей уже опускал лучемет, и вслед за ним опустила лучемет Ева. За оградой медленно катился живой шар, казавшийся черным в стремительно налетевшей закатной тьме.

— Какой ужас.. — еле слышно выдавила из себя девушка, прижимая ладони к щекам. Ее глаза умоляюще посмотрели на Сергея. — Может быть, еще можно спасти ее?

Сергей взялся за нож и тут же отнял руку. Было ясно, что собака погибла. Нож тут не поможет, как и лучемет, — впрочем, Сергей и не пустил бы их в дело. Это была чужая планета, со своей жизнью, своими законами, со своей смертью. Нелепо мстить животному за то, что оно должно есть. Тут Сергея всего передернуло от ужаса — он вспомнил бесследно исчезнувших Ахмеда и Бестужева. Мысли его неслись стремительно и сумбурно. Он понял теперь, почему старик стрелял себе под ноги, —

раньше его выручала собака, она, конечно, узнавала шары по запаху... А Бестужев не стрелял себе под ноги, и у Ахмеда не было шпаги, и вот... А собака прекрасно знала, что с шарами шутки плохи — недаром она так шарахнулась тогда, услышав треск обертки бутерброда. Да, плохо теперь старику без собаки...

— Идем! — приказал он коротко и зашагал по еще светлевшей в фиолетовой мгле тропинке. Дорожка была высвечена желтым песком, и дисколет стоял прямо на ней, так что в сторону не пришлось сделать ни шага, и все же только в пилотском кресле Сергей перевел дух. Ему хотелось немедленно рвануть аппарат вверх, и он с трудом заставил себя успокоиться. Он включил рацию — Шерман отозвался мгновенно — и сказал, чтобы немедленно и категорически было запрещено всем выходить из дома — невзирая ни на какие самые уважительные причины. «В чем дело?» — встревожился Шерман. «Прилечу — объясню», — буркнул Сергей и отключился. Он достал сигарету и закурил. Ева сидела рядом, прямая и неподвижная, и по этой неподвижности Сергей сразу понял, что ей страшно. Он повел аппарат круто вверх и вдруг увидел, что на приборной доске запульсировал огонек пеленгатора, сообщая о том, что где-то заработала неизвестная радиостанция.

Глава 8.
ЗАПЕЧЕННАЯ В ГЛИНЕ УТКА. БЕГСТВО ПО БОЛОТУ

Примерно в то время, когда Сергей и Ева несли собаку к дисколету, Ахмед пришел в себя после долгого забытья. Первое время он лежал неподвижно, словно просыпаясь от дурного сна и стараясь понять, где он и что с ним. Как обрывки кошмаров вспоминались ему отчаянный крик Сергея, черная стена урагана, хруст костей и боль в руке, когда дисколет вздыбился от удара, а затем ужас долгого, бесконечного падения на скалы. Что было дальше, он не помнил, но откуда-то всплывали клочки воспоминаний о пронизывающей боли, когда его тело кто-то тянул, скручивал, давил, словно пропуская через чудовищную мясорубку, плыли какие-то ослепительные огни, рушились дожди, было очень тоскливо и очень больно, и слышался писк несмазанных колес арбы, на которой его, умирающего, везли по разбитой горной дороге, а потом на узком дрожащем мосту колесо сорвалось с края... «Держите же, держите!» — кричал он, силясь спрыгнуть с угрожающе кренящейся арбы, но все уже бросились врассыпную, а соскочить не удавалось, потому что он был прикручен к арбе тяжелыми цепями, и вот повозка перевернулась, земля и небо поменялись местами, и речное ложе, по которому бешеные струи с рокотом катили мокрые валуны, стремглав кинулось на него сверху, и он пытался уцепиться свободной рукой за край моста, и это почти удалось, но рука не выдержала рывка... и что-то кричал Сергей, а мама говорила «береги себя» и все поправляла на нем парадную форму стажера Космической школы, но это была не мама, а Машенька, но рассмотреть ее не удалось, потому что чудовищная мясорубка снова закрутилась, и кто-то опять долго и упорно выкручивал тело Ахмеда, но потом по-

шел прохладный дождь, и он проснулся окончательно.

Теперь голова работала совершенно ясно, и он знал, что сорвался с дисколета и разбился о скалы. Боли не было совершенно, но он знал, что это временно, что при малейшем движении она обрушится на него. Удивило его странное ощущение скованности, сдавленности — он был словно погружен в глубину грязевой ванны весь, с головой, и из-за этого дышалось с трудом. Некоторое время спустя он рискнул пошевелить левой рукой — правая, он знал это, была сломана. Его удивление все возрастало, потому что мышцы послушно выполняли приказы мозга. Тогда он понял, что цел, что скалы пощадили его, наказав только обмороком и кошмарами, и захотел встать, но по-прежнему не мог шевельнуться, потому что был связан.

Очевидно, те, которые связывали его, делали это не очень умело, и через некоторое время ему удалось высвободить руки. Он был даже не связан, а скорее спеленат наподобие мумии. Его тело было обернуто во что-то, напоминающее большой пласт дерна, и уже сверху скручено веревками, как кокон шелковинкой. О мумии и коконе Ахмед, правда, не подумал — его желудок внезапно напомнил о своем существовании, и поэтому, выдираясь из кокона, Ахмед вспомнил о запеченной в глине утке. Аналогия с уткой потрясла его. Только в этот момент он подумал о тех, которые для каких-то неведомых целей — может быть, даже гастрономических, спеленали его и которые, возможно, находятся где-то рядом и не захотят, чтобы добыча ускользнула от них.

Эта мысль мгновенно превратила его в собранного, волевого, мужественного бойца. Тело его, всего минуту назад вялое, напряглось и изготовилось для боя, великолепно тренированные мускулы сделались стальными. Двумя рывками он разорвал остатки веревок и выскользнул из влажного кокона. На его теле не было никакой одежды, но он даже не обратил на это внимания, потому что увидел картину, какая еще никогда не представала взору землянина.

Совсем рядом, за кустами, лежала небольшая котловина с плоским дном и покатыми стенками. В самом ее центре, на желтом круге песка неподвижно лежало несколько больших зеленых шаров — гораздо более крупных, чем те, которые повстречались ему и Сергею три дня назад. А вокруг них в каком-то медленном, ритмическом первобытном танце двигались люди, облаченные в незнакомые, неземные одежды.

В том, что это были люди, Ахмед не усомнился ни на мгновенье, как и в том, что это были не земные люди. По верхнему краю земляной чаши, в которой происходило невиданное действо, слегка курились дымком какие-то беспламенные костры. Этот не то дымок, не то туман, густея, сползал вниз, в котловину, и бесшумно двигающиеся в нем существа казались бесплотными и словно прозрачными. Явственно ощущалось концентрическое движение этой группы призраков, которые то замирали все вдруг, то начинали скользить куда-то, словно сдуваемые тихим ветром блуждающие огоньки. Все это происходило в полной тишине, и только через какое-то время Ахмед по-

чувствовал, как в такт движениям танцоров возникает беспокоящее давление на барабанные перепонки, но где работает неведомый инфразвуковой метроном, угадать не смог.

Ахмед понимал, что следует позаботиться о собственной безопасности. Сквозь сизый дым он уже заметил вдалеке несколько продолговатых предметов, очень напоминающих тот кокон, из которого только что выбрался, и это насторожило его. Но Ахмед был исследователем, он избрал своим миром вселенную для того, чтобы открыть ее людям, и ему выпала невероятная удача — первым за сотни веков существования человечества встретить существа иного мира — не землян, но братьев по разуму, не людей, но подобных им. Он не знал, друзья это или враги, но хотел, чтобы они стали друзьями — младшими братьями, что ли. Но то, что происходило перед ним, нравилось ему все меньше и меньше.

Там, внизу, строй танцующих нарушился. С пучками светящихся трав в руках спустились вниз несколько смуглых фигур. Образовав узкий круг, они побросали принесенный ими свет на что-то лежащее на земле — что это было, Ахмед не мог рассмотреть. Затем круг разомкнулся, и словно вздох пронесся в тишине. Из-за кустов выступила медленная процессия, неся над головами плотно спеленатый кокон.

Пальцы Ахмеда вцепились в землю с такой силой, что он чуть не сорвал ногти. Но он не замечал этого. Не отрываясь, он смотрел туда, где проворные руки извлекли из кокона обнаженного человека и поставили перед фосфоресцирующим кругом, который вдруг начал шевелиться, изгибаться. Боль в ушах зачастила, в мерцающем тумане стройные, эластичные тела вдруг двинулись к центру. Спины людей заслонили от Ахмеда неподвижную фигуру, и, чтобы видеть происходящее, он встал во весь рост, забыв об опасности. И он увидел, как под натиском толпы обнаженный человек дрогнул и вдруг шагнул в светящийся круг, и тотчас вокруг него словно взметнулись черные крылья, обволакивая его. Раздался короткий отрывистый треск. Толпа отшатнулась, открывая глазам Ахмеда большой шар, возникший на месте светящегося круга. Замолкший на миг метроном снова начал свой неслышимый отсчет, прерванный танец возобновился, и вот уже снова поплыли сверху пучки холодного света, образуя еще один светящийся круг...

Будь у Ахмеда лучемет, никто из участников этого ритуала не ушел бы отсюда живым, и история планеты могла пойти иным путем. Оружие обороны превратилось бы в карающий огненный меч, первый контакт — в истребляющий бой, братья по разуму — в смертельных врагов. Ахмед был молодой, пылкий парень, которого научили любить добро и ненавидеть зло, но его никто не готовил для встречи с иным разумом. Ахмеду было только двадцать лет, и он находился в совершенно незнакомом мире, познавать законы которого нельзя с лучеметом в руках. Сейчас у него не было лучемета, и Ахмеду оставалось только смотреть. Потом он понял, что пора уходить, если он хочет рассказать друзьям обо всем

увиденном. К тому же его давно трясло от холода — приближалась ночь, и температура падала. Он долго бежал по руслу какой-то речонки, надеясь, что в воде его вряд ли могут подстерегать смертоносные шары. Бег почти не согрел его — холодный ветер уносил остатки тепла из обнаженного мокрого тела. Но потом вода стала теплей — где-то бил горячий ключ, он отыскал его и долго стоял по горло в воде, постепенно согреваясь. Он понимал, что надо идти, так как приближалась ночь, но чувствовал полный упадок сил — он не подозревал, что потерял много крови. Ему очень хотелось есть. Слабость все усиливалась, он стал засыпать и едва не захлебнулся. Тогда он вышел на отмель, но его сразу охватил пронизывающий холод. Он захотел вернуться обратно к горячему ключу, но не нашел его и вдруг подумал, что, наверно, не переживет этой ночи. Эта мысль на какое-то время придала ему силы, и он опять побежал, держась мелководья. Он потерял представление о времени и расстоянии и не знал, что давно уже движется по кругу, снова приближаясь к тому месту, от которого старался уйти. С наступлением темноты силы его иссякли. Он уже не мог идти и упал на четвереньки, но и тогда продолжал ползти, хотя от озноба подламывались руки и он ударялся лицом о песок. Потом ему сделалось тепло и спокойно, и он вытянулся на прибрежном песке во весь рост. Взошло солнце, и Машенька шла к нему по васильковому лугу с букетом в руках, и все стало очень хорошо, и под одеялом было так тепло, и никуда уже не хотелось идти, даже навстречу Машеньке... Над ним холодной рекой текла чернильная ночь Альфы, и он лежал по грудь в воде, ничего не сознавая и не слыша, как кто-то осторожно подкрадывается из-за кустов, держа его под прицелом лучемета.

Глава 9.
АХМЕД НАШЕЛСЯ
ОЧЕНЬ БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Сигнал тревоги застиг Машеньку в тот момент, когда она, измученная треволнениями напрасных поисков, собиралась отдохнуть. Девушка замешкалась, одеваясь, и выскочила на крыльцо, когда в дисколеты уже садились люди. «Электроодеяло взяли?» — раздалось над самым ее ухом. Тут появился Бартон и крикнул девушке:

— Садись, Ахмед нашелся!

Мощные прожектора дисколетов распороли черную простыню ночи. Сильные руки втянули девушку в аппарат, прозрачный купол с мягким вздохом захлопнулся, и тотчас перегрузка придавила людей. На максимальной скорости дисколеты набирали высоту.

Ночь была черна, как чернила, и свет прожекторов только усиливал ощущение беспросветной темноты. Бартон дал приказ выключить их. И тогда они заметили далекие яркие вспышки, при виде которых сердца людей сжались в тревоге, потому что эти вспышки были отлично знакомы им — там, впереди, кто-то бил и бил из лучемета.

Со всех аппаратов пилоты вызывали по радио Лаврова и Еву. Мигание лампочки на пульте показывало, что мощный пеленгатор их

дисколета исправно работает, но на вызовы никто не отвечал. Вспышки были уже близко. Разворачиваясь в дугу, дисколеты стремительно понеслись вниз, ощетинившись смертоносными излучателями, лучи прожекторов разрубили ночь и слились в ослепительный круг. И тогда взорам людей представилась удивительная картина. На высоком пригорке, у берега речки, стоял Сергей Лавров и стрелял в реку из лучемета. Атомные молнии распарывали тьму, взрывали воду, превращая ее в пар, туман, кипяток, обнажая на миг раскаленное дно, затем вода смыкалась с шипением и свистом до следующего удара молнии, а немного ниже по течению, почти невидимые в облаках горячего пара, по пояс в воде стояли двое, удерживая в руках обнаженное безжизненное тело.

Уже потом Ева рассказала, что наткнувшийся на Ахмеда Дон-Кихот сделал для него все, что мог, — он завернул его в свою куртку и начал растирать. Спасти Ахмеда это не могло, но, к счастью, старик догадался включить пеленгатор на своем поясе. Конечно, Ахмед родился в сорочке — случайности, которые так любят вмешиваться в течение событий, разрушая идеально продуманные планы, на этот раз благоприятствовали ему. Дон-Кихот, который неизвестно зачем оказался в столь поздний час на болоте, мог разминуться с Ахмедом, а Сергей мог вернуться на базу получасом раньше и не заметить слабых сигналов пеленгатора. Но, как бы то ни было, Ахмеда нашли, и он был жив. Однако, осмотрев Ахмеда, Ева сразу поняла, что до базы его не довезти. Она немедленно сделала Ахмеду инъекцию антеина, хотя и понимала всю бесполезность этого. «Его спасет только горячая ванна», — сказала она. «А костер?» — спросил Дон-Кихот. «Бесполезно, но надо попробовать». «Тогда будет горячая ванна», — заявил вдруг Сергей, снимая лучемет.

Когда подоспела помощь и тщательно укутанного Ахмеда уложили в дисколет, Сергей вспомнил о старике. Но тот исчез, не захотев даже проститься. Поскольку его пеленгатор уже не работал, стало ясно, что старик желает, чтобы его не беспокоили.

В дисколете Машенька скорчилась на полу возле неподвижного Ахмеда и держала его безжизненную руку, высунувшуюся из-под одеяла. Рядом с нею колдовала Ева, манипулируя над телом непонятными приборами. Машенька знала, что перед ней медицинский робот — не то для диагностики, не то для лечения, — и тут же забыла о нем и только гладила потихоньку загорелую руку, на которой багровел свежий шрам.

Дисколеты еще не долетели до базы, а Бартон уже успел отдать все необходимые распоряжения. На «Ариэле» приготовился к отлету второй врач экспедиции Лагутин, и за ним отправился рейсовый бот. Ахмеда перенесли в изолятор, откуда Ева безжалостно выгнала Машеньку и всех остальных, оставив только своего постоянного помощника Кулешова. Сергей в это время рассказывал Бартону о гибели несчастной собаки.

— Значит, все-таки шары... — произнес Бартон, выслушав Сергея. — Вот как оно...

Они понимали друг друга без

слов. Десять лет планета считалась безопасной и пригодной для колонизации. Теперь все шло прахом. Работу экспедиции следует прекратить, во всяком случае, до тех пор, пока людям не будет гарантирована полная безопасность. Не палить же из лучеметов себе под ноги, как Дон-Кихот...

Тут в голову Бартону пришла одна странная мысль. Почему Дон-Кихот не предупредил их?

— А ведь старик знал об опасности, — прошептал он. — Знал, но не сказал. А лучемет у нас попросил... — Бартон вспомнил удаляющиеся вспышки выстрелов, которыми Дон-Кихот расчищал себе дорогу в темноте.

— Загон возле дома у него тоже для шаров. Но для чего он их ловит? И как? Что он делал на болоте ночью?

— Смотрите, Сергей Игоревич, какая складывается картина. Старик знает о том, что шары смертельно опасны. Пока собака служила ему поводырем, он мог разгуливать по Альфе без всяких опасений. Когда она сбежала, старик даже не попытался ее поймать, хотя наверняка запеленговал ее. Он боялся шаров. И он пришел к нам за лучеметом, потому что тыкать в траву шпагой — занятие весьма утомительное. И вот, зная об опасности, которая грозит каждому из нас, он ни единым словом не обмолвился о ней. По всем человеческим законам, писаным и неписаным, он совершил преступление. Что он — хотел нашей гибели? Но не мог же он не понимать, что погибнуть могут один, два, ну трое, а остальные насторожатся, примут меры...

— Может быть, он этого и хотел — чтобы мы испугались? Вдруг мы ему чем-то мешаем...

— Такое тоже не исключается. Ведь для чего-то он живет здесь — живет, видимо, уже давно. Возможно, он изучает зеленые шары — для этого и загон возле дома, из-за этого он оказался ночью на болоте, в самом опасном месте. И тут он, желающий нашей гибели, делает все для того, чтобы спасти Ахмеда. И вызывает нас на болото, куда забрался среди ночи вовсе не ради удовольствия увидеть нас. Хоть убейте, я не вижу во всем этом логики. Чего-то мы не знаем...

— О старике надо запросить Землю. Раз о нем слышал Шавров, значит, знает и еще кто-нибудь, — сказал Сергей. — Ведь не Агасфер же он на самом деле.

— Ясно только одно, — подытожил Бартон. — Надо немедленно заняться шарами. Пока мы не узнаем о них все, ни о каких других исследованиях не может быть и речи. Я попрошу вас, Сергей Игоревич, взять с собой кого-нибудь и сделать небольшую разведку — прямо сейчас. Попробуйте проследить, откуда и куда катятся шары — в болото, из болота? Передвигаются ли они ночью? Много ли их? Возьмите всю ночную технику — бинокли, кинокамеры, фотоаппараты. Садиться и тем более выходить из дисколетов категорически запрещаю. Все наблюдения — только сверху, даже если... — тут Бартон запнулся, и Сергей понял, о чем он подумал. — Впрочем, можно без «даже» — Бестужева вы не встретите. Связь — каждые тридцать минут. Пеленгатор не выключать. И если увидите старика, по-

старайтесь ему не мешать. Но и не скрывайтесь тоже.

После ухода Сергея Бартон составил текст телеграммы для отправки на Землю.

Неизвестный старик, которого с легкой руки выдумщика Кулешова все стали называть Агасфером, интересовал его все больше и больше. Старик явно избегал людей, и заявиться к нему непрошеными, чтобы задать вопросы, на которые тот, возможно, не желает отвечать, было бы по меньшей мере невежливым. А Бартону хотелось знать все — имя старика, его историю... Свои соображения Бартон изложил в телеграмме и передал ее Шерману для срочной отправки на Землю. В это время к нему пришла Ева и рассказала, что Ахмед бредит и в бреду говорит о каких-то туземцах, шарах и человеческих жертвоприношениях и что она поставила возле Ахмеда магнитофон. Кроме того, она рассказала о странных шрамах на теле Ахмеда — словно от только что зажив-ших ран, и о том, что рентген показал наличие сросшегося перелома локтевой кости. Я понимаю, что шрамы — ерунда, сказала она, что они могут быть просто следами ожогов от какой-нибудь местной крапивы, а сломать руку Ахмед мог еще на Земле и скрыть от медиков, но тем не менее все это весьма странно. Конечно, она проведет тщательное обследование, да и сам Ахмед что-то расскажет, если только сможет что-нибудь рассказать, потому что сейчас у него температура сорок и она не ручается, что хуже не будет.

Ева ушла к больному, а Бартон собрал биологов и долго с ними совещался. Они еще не успели разойтись, как в дверь ворвались Сергей и Базиль Фар, очень взволнованные, и попросили всех посмотреть фильм, снятый ими двадцать минут назад. Все перешли в гостиную, Сергей вставил кассету с видеопленкой в телекомбайн.

На экране появилась знакомая всем котловина, снятая с высоты пятнадцати-двадцати метров. Через оптику инфракрасной камеры унылое болото представляло собой фантастическое зрелище. Не остывшая с вечера вода ручьем лилась живыми светящимися потоками среди черно-серых холодных берегов. Туманными, мерцающими облаками лежали внизу озера, в которых кое-где горели яркие шевелящиеся пятна горячих ключей — словно расплавленное серебро извергалось со дна и таяло, гасло, расплываясь по озеру фосфоресцирующим туманом. Чернота суши была испещрена тонкими огненными стрелами каких-то камышеобразных растений, а в почти невидимых сплетениях кустарника призывно светились ночные цветы, приманивая своим теплом ночных насекомых.

Картину ночного болота приходилось видеть почти каждому, она никого не удивляла, и кое-кто уже открыл рот, чтобы задать недоуменный вопрос, но Сергей только поднял руку, призывая к вниманию, и тут на экране появилось нечто, заставившее всех мгновенно умолкнуть.

Инфракрасное изображение на видеопленке было, конечно, далеко от совершенства, и хотя очертания предметов просматривались совершенно отчетливо, многие детали отсутствовали или только угадывались, и полностью терялось ощущение глубины. Вся картина сильно

напоминала старинный китайский театр теней в негативном изображении.

То, что люди увидели на экране, было, очевидно, охотой — коротким эпизодом охоты, где дичью были зеленые живые шары, а охотниками... Шаров было несколько, они катились в одном направлении, а вокруг них двигались белые грациозные человеческие фигурки с копьями в руках. Сергей дал полное увеличение — силуэты выросли во весь экран, и все могли убедиться в огромном сходстве неведомых аборигенов с жителями Земли. Цепь охотников короткими уколами копий отогнала один шар в сторону от остальных. Шар катился довольно долго, потом раскрылся, и тогда охотники одновременным ударом копий пригвоздили его к земле, а затем разом кинулись на него. Белые плоские фигуры слились на экране в одно пятно, и совершенно нельзя было понять, что же происходит. Тут пленка кончилась, и в гостиной зажегся свет.

— Покажите, пожалуйста, еще раз, — попросил Бартон после паузы. Снова на экране задвигались белые фигуры с копьями в руках — грациозные хозяева Альфы, долгие годы скрывавшиеся неизвестно где. Пленку прокрутили в третий раз, в четвертый... Загорелся жестокий спор. Но Бартон посмотрел на часы — время было за полночь, и сказал слово в слово, как сутки назад:

— Завтра подъем в пять. С рассветом вылетаем.

Биологи поднялись. И тут Бартон скучным, будничным голосом сказал:

— Лаврову приготовить экспедицию к возможной эвакуации...

Глава 10.
ДОМ НА БОЛОТЕ. СПИРТОВОЙ РАСТВОР ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Несколько суток жизнь Ахмеда висела на волоске. Ева Стаднюк и Лагутин делали все возможное, но улучшения не наступало. Оставалось только надеяться, что сильный организм Ахмеда, вынесший опаснейшее переохлаждение, справится и с воспалением легких. Врачам помогали все — от желающих отбоя не было. Но главной и бессменной помощницей врачей была Машенька. Она почти не покидала комнаты, в которой лежал Ахмед, здесь ела, здесь же и спала урывками.

Все эти дни биологи пропадали на болоте. Они улетали туда чуть свет, а возвращались за полночь, еле волоча ноги от усталости, молча ели и заваливались спать, чтобы еще до рассвета снова отправиться на болото.

На третью ночь, заявившись чуть не на рассвете, Бартон разбудил Шермана и потребовал немедленно соединить его с командиром «Ариэля». «Мне нужна прямая связь с корабельным мозгом», — заявил он, когда на экране появился не совсем еще проснувшийся Южин. «Сколько часов в сутки?» — спросил тот. «Двадцать четыре», — хладнокровно сказал Бартон. После этих слов остатки сна мгновенно слетели с Южина, уже слышавшего кое-что о событиях на Альфе. «Для этого мне надо перевести корабль на стационарную орбиту», — сказал он. «Считайте, что вы уже получили мой письменный приказ». — «Фотографирование планеты придется прекратить», — «Прекращай-

те». — «Когда вам понадобится мозг?» — «Через три часа сможете? Мы хотим немного поспать». — «Через три часа связь будет». — «Счастливой плазмы...»

За те короткие часы, которые Бартон отвел себе для отдыха, Сергей перевез на болото надувной дом — не тот большой «уйди-уйди», который до сих пор валялся в овраге, а маленький, без всяких удобств, в котором можно было только спать. Помня о черном урагане, Сергей долго ломал голову, как обезопасить от него жилище биологов, и наконец нашел решение. Он прикрепил по периметру дома шесть тросовых растяжек, прицепил их к самоходным зондам, благо те лежали в бездействии, и загнал их так глубоко в грунт, что выдернуть их наружу не смог бы, наверно, и «Ариэль». Пока Лавров возился с установкой дома, автоматы Шермана воздвигли рядом остронаправленную антенну, нацеленную в ту точку небосвода, где, судя по времени, уже должен был появиться «Ариэль».

Все это время Сергей нет-нет да вспоминал о шарах и с опаской поглядывал себе под ноги. Вчера еще уютная, безопасная планета превратилась в подобие минного поля, на котором каждый неосторожный шаг мог стать последним. Зеленые шары время от времени появлялись неподалеку — Сергей насчитал их более десятка, потом сбился. Все они катились с юга, и чем выше поднималось солнце, тем больше их становилось. Раза два Сергей замечал, как спокойно катившийся шар вдруг раскрывался и сразу словно исчезал, сливаясь с травой.

Бартон прилетел минута в минуту и привез с собой биологов и программистов. Они извлекли из контейнеров множество приборов, в одном из которых Сергей с удивлением узнал автомат универсального программирования. Этим хитроумным прибором в обязательном порядке снабжались все экспедиции, и еще не было случая, чтобы он кому-нибудь понадобился.

Посмотрев на дом и мачты, Бартон остался доволен.

— Надоело мотаться туда-сюда, — сказал он Сергею. — Тут каждый час дорог... А не унесет нас ураганом?

Сергей с гордостью продемонстрировал Бартону свое изобретение.

— А в случае надобности дом будет убран за полчаса...

— У вас все готово к эвакуации? — спросил Бартон.

Сергей огорченно вздохнул.

— Готово... — и добавил: — Значит, мы все-таки... Значит, это разумные существа?

Он вспомнил, какое волнение охватило его, когда там, на болоте, Базиль Фар вдруг дернул его за рукав и показал на экран своего прибора, по которому бесшумно двигались белые грациозные силуэты.

— Подождите немного, — усмехнулся Бартон. — Я пока знаю столько же, сколько и вы.

Он попросил Сергея развернуть свою карту и сказал:

— Для вас и Кулешова есть задание. Вот отсюда пришел ураган. И отсюда же катятся к нам шары. Возможно, это случайное совпадение. Но мне почему-то кажется, что

здесь есть связь. Постарайтесь подобраться как можно ближе к экватору — сколько успеете за сутки, и через каждые пятьсот километров ставьте метеопикеты. Кулешов их уже приготовил. Очевидно, вам встретятся шары. Постарайтесь дать оценку — сколько их, куда движутся, с какой скоростью, группами или поодиночке. Все интересное снимайте. Соблюдайте максимальную осторожность... ну, вы понимаете. Из аппаратов постарайтесь не выходить, спите по очереди прямо в дисколете. Через двое суток жду вас с докладом.

Бартон сделал паузу, но Сергей видел, что он хотел сказать что-то еще.

— И последнее. Вы понимаете, Сергей Игоревич, что дальнейшее наше пребывание здесь находится под большим вопросом. Если планета заселена разумными обитателями — нам придется уходить. Если у Альфы есть хозяева, ни о каком освоении не может быть и речи. А вступать в контакт я, честно говоря, не готов. Нас всех готовили и посылали не для этого. Но я все думаю: а не состоялся ли уже этот долгожданный контакт?

— Вы говорите о старике?

— Да, о нем. И об Ахмеде тоже. Подумайте сами. Где он был почти двое суток? Кто его раздел? Старик — вряд ли, он, наоборот, старался согреть Ахмеда. Почему Ахмеда нашли так далеко от места, где вас застал ураган? Откуда на его теле следы зажывших ран и переломов? А может быть, кто-то позаботился о нем? Какими-то неведомыми нам средствами поддержал его жизнь, залечил раны и вернул его нам? Не мог человек в беспамятстве пролежать столько времени в ледяной воде и остаться живым... И еще. То, что вы сняли тогда ночью, — будем называть это охотой — позволяет предположить, что между аборигенами и шарами есть какая-то связь. Какая? Может быть, шары используются в пищу, или являются предметом культа, или выделяют какой-то наркотик, привлекающий туземцев, — да мало ли что можно предположить? Так или иначе, но и те, и другие являются элементами единой экологической системы. И у меня есть основания предполагать, что эта система разладилась. Шары гибнут. Мы немного покрутились над окрестностями и заметили... Они все стремятся к воде. А ее на Альфе не так уж много. Конечно, планету не назовешь засушливой, но это на наш взгляд. А для коренных обитателей Альфы нынешнее жаркое лето может оказаться губительным. Сейчас днем температура поднимается до 25—30 градусов. Когда я был здесь первый раз, такой жары мы не видели, хотя работали ближе к экватору. Климатологи тоже подтверждают — климат в этой части планеты был тогда гораздо мягче. Мы еще не знаем, что послужило причиной этого. Возможно, виною этому продолжающееся последние годы приближение планеты к своему солнцу — вы же знаете, что орбита Альфы очень вытянута. Изменение климата — точно установленный факт. И я давно задаю себе вопрос: это упорное движение шаров только на север — обычная миграция или... бегство? И если это так, то имеем ли мы право уйти отсюда, не оказав этой планете, ее природе, ее жителям максимальной помощи?

Часа через два после этого разговора Сергей и Кулешов уложили в контейнеры дисколета недельный запас продуктов, и Кулешов пошел к Еве за аптечкой. Пошел и пропал. Минут пятнадцать Сергей возился, проверяя видеокамеры и фотоаппараты, недоумевая, куда запропастился товарищ, и хотел уже отправиться на поиски, когда тот вернулся в сопровождении Евы Стаднюк.

— Что случилось? — спросил Сергей, едва увидев их возбужденные лица.

— Покажи-ка ладонь, — сказала Ева. — Ага, еще болит... Можно поставить на тебе медицинский эксперимент?

Сергей пожал плечами.

— Сделай одолжение...

Ева смазала незажившую ранку от шипа жидкостью из какого-то пузырька.

— Если к вечеру у тебя все заживет, немедленно сообщи...

— Что это такое? — поинтересовался Сергей.

— Ты сейчас будешь громко смеяться, — сказал Кулешов. — Это спиртовой раствор философского камня, он же эликсир бессмертия, только что подаренный нам Дон-Кихотом.

— Значит, моя ладонь стала бессмертной, — удовлетворенно заметил Сергей. — А если всерьез? Ева, что он плетет про Дон-Кихота?

— Он только что был здесь.

И Ева рассказала о новом посещении старика.

Полчаса назад пришедший неизвестно откуда Дон-Кихот поставил на крыльцо шпагу и лучемет, постучал в дверь, попросил позвать врача, справился о здоровье Ахмеда (здоровье было хуже некуда, Ева так ему и сказала) и изъявил желание осмотреть больного без свидетелей. «Я врач, как и вы, — сказал он, — но я знаю об Альфе то, чего вы не знаете. Думаю, что я... э... могу быть полезен вашему юноше...» Удивленная Ева нехотя согласилась. Она вовсе не боялась старика — ведь именно он нашел Ахмеда и позвал на помощь, но она опасалась не его злой воли, а его благих намерений. К тому же ей, как и любому врачу, было чуждо стремление хранить от других какие-то секреты своей профессии. Скрепя сердце она отвела старика к Ахмеду, выдворив оттуда Машеньку.

Старик вышел через пять минут. «Я думаю, он поправится, — буркнул он и протянул Еве полупустой пузырек. — Было бы желательно натереть его завтра — всего, лицо и голову тоже». — «Что это такое?» — спросила Ева. «Это местное... Великолепное тонизирующее средство», — он сделал глоток из пузырька, чем окончательно успокоил Еву. Однако отвечать на ее вопросы он не стал. «Прошу принять мои извинения. Я очень тороплюсь», — сказал он. Ева вспомнила про собаку и стала рассказывать о ней старику, но он прервал ее на полуслове. «Благодарю вас. Печальная судьба Цезаря мне известна». Тут из-за спины Евы выскочила Машенька и набросилась на старика. «Как вам не стыдно! — крикнула она. — Вы же все-все знали про эти шары и не сказали нам! Вы пришли к нам за помощью, и вам дали лучемет, а вы... вы даже не намекнули на опасность. А ведь

каждый из нас мог погибнуть! Не ходите больше сюда! И не станем мы мазать Ахмеда этой вашей пакостью...» Тут она разрыдалась. Старик, молча выслушав все обвинения, процедил сквозь зубы: «Я очень сожалею», — и удалился, не забыв прихватить шпагу и лучемет.

Сергей спокойно выслушал рассказ Евы — он за последние дни уже отвык удивляться.

— Думаешь, старик натер Ахмеда этим?

Он взял пузырек, посмотрел на свет, понюхал.

— Какой же это спиртовой раствор... Дрянь какая-то. — Тут он заинтересованно посмотрел на лысину Кулешова. — Слушай, Ева, а почему только я должен быть подопытным кроликом? Если это эликсир бессмертия, то он оживит и его волосы... — и Сергей, намочив кончик пальца, провел им по блестящему черепу Кулешова.

— Скажите, вы когда-нибудь перестанете дурачиться? — накинулась на них Ева. — Сергей, отдай пузырек! Бартон ждет от вас сообщений, а вы прохлаждаетесь...

Когда Сергей и Кулешов улетели, Ева решила поспать — она почти всю ночь продежурила возле Ахмеда. Но не прошло и часа, как ее разбудили. Ева испуганно вскочила — она решила, что плохо Ахмеду. Но оказалось, что ее вызывают в радиорубку.

— Ева, это ты? — раздался в динамике голос Сергея. — Слушай, с Кулешовым беда. Он все время хватается за голову и уверяет, что у него растут волосы. Скажи, нельзя ли срочно прислать нам электробритву?

Глава 11.
ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ. «БАРТОН ПОШЕЛ ТУДА...»

На следующее утро Ахмеду стало гораздо лучше. Он еще не приходил в сознание, но было видно, что дело пошло на поправку. Отбросив все сомнения, Ева натерла Ахмеда эликсиром Дон-Кихота, хотя ей очень хотелось отдать его биохимикам на анализ. После этого она безжалостно выгнала Машеньку вместе с ее матрасиком из комнаты больного и заявила, что если та сама не позаботится о собственном здоровье, то она данной ей властью прикажет уложить Машеньку в изолятор и назначит принудительное питание. Огорченная Машенька вынуждена была подчиниться, однако при малейшей возможности снова пробиралась к Ахмеду, присаживалась рядом с кроватью и сидела, не сводя с него своих огромных глаз, пока Ева или Лагутин не прогоняли ее.

Между тем Бартон развил бурную деятельность. Лагутин, который принял на себя кухонные обязанности безвылазно сидевшего на болоте Базиля Фара, рассказывал удивительные вещи, которые видел, когда возил в «болотный филиал» горячие блюда — завтракали и ужинали ученые неизвестно когда, но обедать по-человечески их заставила Ева, пригрозившая Бартону, что в случае непослушания объявит им блокаду и обречет ослушников на голодную смерть. Так, Лагутин рассказал, что линия связи с «Ариэлем» работает непрерывно, что программисты ходят с шальными глазами и бормочут неизвестные слова, что Бартон поймал несколько зеленых шаров и просвечивает их

рентгеном, радиоволнами и ультразвуком, что шары едва не съели зазевавшегося программиста, и пришлось срочно отрядить охотников отлавливать представителей местной фауны, потому что от консервов шары категорически отказались. Все эти рассказы были только цветочки. Следующим сообщениям Лагутина позавидовал бы, наверно, сам Кулешов, фантазия которого была неистощима на всяческие россказни, многие из которых годами блуждали по космосу и порой возвращались к автору, обросшие новыми подробностями. А сообщения были действительно невероятные. По словам Лагутина, биологи поймали огромный шар, внутри у которого при просвечивании обнаружили что-то похожее на человеческий скелет... Находка эта вызвала у ученых тихую панику, потому что теперь бред Ахмеда, в котором он все время повторял о человеческих жертвоприношениях, уже нельзя было считать бредом. Вероятно, Ахмед что-то видел, может быть, даже был в плену у туземцев — они-то его, наверно, и раздели, — и если это так, то Альфу придется немедленно оставить. Далее Лагутин рассказал, что найдено средство против шаров-ловушек — их заставляют свертываться и развертываться при помощи ультразвука, и теперь можно будет безопасно ходить по Альфе, прицепив на пояс маленький генератор ультразвука. Правда, Бартон не очень доволен, потому что больше всего интересующий их шар, тот, что со скелетом внутри, никак не желает развертываться. Многочисленные же предложения препарировать шар Бартон упорно отвергает.

А дальше пошли совсем турусы на колесах — якобы среди ночи «болотный филиал» подвергся нападению большой толпы вооруженных туземцев, которые прежде всего прокололи копьями надувной дом, и пока ученые барахтались в его тяжелых складках, стали все ломать. Лагутин сообщил, что Бартон прежде всего закричал, чтобы никто не смел стрелять, и включил наружное освещение, после чего нападающие разбежались. В ночные приборы было видно, что они не ушли, а окружили лагерь со всех сторон — организовали правильную осаду. Тогда Бартон приказал тут же, среди ночи, отпустить все шары и всех пойманных животных. Выслушав рассказ, все подняли Лагутина на смех, однако он привез распоряжение начальника экспедиции срочно изготовить два десятка миниатюрных генераторов ультразвука для ношения на поясе. Вечером, когда наладилась устойчивая радиосвязь, Ева вызвала Бартона, чтобы доложить о самочувствии Ахмеда, и спросила мимоходом, правда ли, что обнаружены аборигены Альфы. «Правда, — сказал Бартон, — но мне очень некогда». И он отключился, предоставив Еве сгорать от любопытства. Вскоре поступило сообщение и от Лаврова. Он сказал, что задание выполнено и они возвращаются, что Кулешов в отчаянии и умоляет отыскать Дон-Кихота и на любых условиях выпросить у него крохотный пузырек волшебного эликсира. «Хватит морочить мне голову», — раздосадованно сказала Ева, которой сейчас было не до розыгрышей, и тут же услышала негодующий голос Кулешова: «Никто тебе голову не морочит. Это моя голова сейчас похожа на гибрид голландского сыра и швабры».

Еще Лавров сказал, что экваториальные области планеты охвачены засухой, что шары тысячами движутся на север и многие по дороге гибнут. Он просил передать Бартону, что, по их мнению, создавать искусственное море следует совсем не там, где было намечено, а гораздо ближе к экватору, — они уже высмотрели отличное место для него, и надо только успеть до прибытия «Циолковского» провести здесь разведочное бурение.

Ева стала вызывать Бартона, но «болотный филиал» молчал, словно вымер. Она начала тревожиться и вызвала звездолет. «Ариэль» отозвался сразу. На экране появилось озабоченное лицо Южина, а позади него в посту управления Ева увидела остальных членов экипажа. «У вас что-нибудь очень срочное?» — спросил Южин, глядя куда-то вбок. Ева сказала, что не может связаться с «филиалом». «Им очень некогда. Бартон пошел туда...» — «К этим?» — прошептала девушка, но тут кто-то громко закричал за спиной у Южина: «Восемнадцатый регистр! Скорее! И дельта-ряд!» — «Извините, нам очень некогда», — сказал Южин, по-прежнему глядя вбок, и отключился.

Ева вышла из радиорубки, отыскала Шаврова и попросила его посидеть с ней на крыльце. Шавров надел куртку, повесил на шею лучемет, и они вышли наружу. Ночь была хоть глаз выколи — обычная ночь Альфы, но Ева не ощутила того пронизывающего холода, который был обычен здесь по ночам. Наоборот, дующий с юга ветер показался ей теплым.

— Засуха идет, Юрий Петрович, — сказала она, садясь на ступеньки. — Лавров сообщает — на юге плохо...

Шавров стоял в двух шагах от девушки, положив руки на лучемет, и смотрел вверх. Там среди обрывков туч светилась слабая звездочка, которой еще недавно не знало небо Альфы. Это сверкал под лучами звезды Барнарда гигантский металлический корпус «Ариэля», неподвижно висящего на высоте почти сорока тысяч километров над экватором планеты.

Невдалеке послышался треск кустарника. Ева взглянула туда и даже не увидела, а скорее угадала, как на них надвигается что-то черное. Девушка испуганно вскочила и отступила ближе к дверям, под защиту лучемета. Шавров включил фонарь, и в его луче они увидели зеленый шар, который неторопливо катился мимо крыльца. Вскоре показался еще один, и еще, и еще... Таинственные обитатели Альфы катились во мраке мимо одинокого жилища людей, спасаясь от настигающей их засухи.

Глава 12.
И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА

На пятые сутки Ахмед впервые открыл глаза. Некоторое время он неподвижно лежал, глядя на белый квадрат потолка и радуясь свету и теплу. Он был жив, он был здоров или почти здоров — Ахмед почему-то сразу понял, что это так. Он не знал, сколько времени провел в беспамятстве, и не хотел задумываться над этим. Ему было легко и радостно, и лишь где-то в глуби-

не памяти прятались обрывки воспоминаний о боли, страхе, отчаянии.

Комната была залита солнечными лучами. За окном по-земному голубело полуденное небо, где-то за стеной тихо мурлыкал голос певца. Ахмед повернул голову. Рядом с ним сидела Ева Стаднюк и с улыбкой смотрела на него.

— Здравствуй, дорогой товарищ Ева, — попытался сказать Ахмед, но голос еще не слушался его, и он пробормотал что-то невнятное. Но девушка поняла его и с улыбкой прикоснулась пальцем к его губам.

— Больной, вам нельзя разговаривать! — сказала она басом и рассмеялась — уже обычным голосом. — Здравствуй, Ахмед! Поздравляю тебя с выздоровлением. Только пока не говори ничего...

Легким движением она поправила одеяло, потом взъерошила волосы Ахмеда.

— Денек тебе придется полежать. А завтра я тебя выпущу на прогулку — если будешь слушаться доктора и есть манную кашку... — Она снова рассмеялась. — Пойду обрадую Бартона и позову Машеньку — она собирает для тебя букет.

Ахмед посмотрел на девушку с улыбкой. Как хорошо сознавать, что ты жив, что за окном горячее солнце и под этим солнцем Машенька рвет для тебя цветы. Он чувствовал, что его тело пробуждается от долгого сна, что он молод, силен, ловок. Правда, горло было не совсем в порядке, но горло ерунда! Он подмигнул Еве, обещая вести себя примерно, но, когда она вышла, сразу откинул одеяло и сел. В голове немного зашумело, но легкое головокружение быстро прошло, и он попытался встать на ноги. Первые шаги дались ему с трудом, однако он благополучно добрался до окна, шлепая босыми ногами по теплому пластику. За окном было жаркое лето Альфы, тянулись к солнцу трехлучевые фиолетовые цветы, а невдалеке шла между кустами Машенька с охапкой полевых цветов и, видимо, что-то пела. Ахмед постучал по стеклу, но девушка не услышала. Сбоку что-то зашевелилось, Ахмед глянул туда и оцепенел. Из-за кустов выкатился большой зеленый шар и вдруг раскрылся и исчез, словно его и не было, мгновенно слившись с травой.

И тут Ахмед вспомнил все. Он закричал и заколотил кулаками по стеклу, но стекло, выдержавшее удар черного урагана, даже не вздрогнуло. Тогда он на подгибающихся ногах кинулся к двери. Коридор был пуст, и никто не отозвался на его сиплый, еле слышный крик, только где-то звучала тихая мелодия и нежно мурлыкал баритон. Стойка с лучеметами была вся заполнена, но Ахмеду некогда было думать, что это значит. Он схватил оружие и выскочил на крыльцо. В лицо ему пахнуло полуденным жаром, от яркого света он на мгновение ослеп. Но где-то рядом шла с букетом Машенька, не зная о страшной ловушке, и он кинулся ей навстречу, чувствуя, что с каждым мгновением силы возвращаются к нему. Место, где затаился шар, он запомнил лишь приблизительно — местность выглядела несколько иначе, чем из окна, и за углом дома он остановился в растерянности. Под

каждым кустом ему мерещилась опасность, и, видимо, это так и было, потому что еще один шар катился в какой-то сотне шагов, а сбоку из-за дома показался новый, а Машенька все пела, не замечая скрытого кустами Ахмеда. Под кустами была густая трава, тени облаков неслышно шевелились в ней, и ждать было уже нельзя, потому что каждая секунда грозила девушке смертью. Ахмед поднял лучемет и выстрелил. Пламя атомной молнии словно пригасило солнце, от горящих кустов поднялся черный дым. Ахмед не понял, поразил он шар или нет, но успел заметить, как отшатнулась Машенька, рассыпая цветы. Вдруг чуть в стороне от дымного следа, проложенного лучом, с треском свернулся шар и покатился прочь. Ахмед тут же поймал его в прицел, но мгновением раньше, чем он выстрелил, ствол лучемета дернулся вверх от удара, и атомная молния ушла в небо. Какой-то незнакомый человек вырывал у Ахмеда лучемет. Ахмед попытался удержать оружие, но вдруг узнал незнакомца и от удивления разжал пальцы. Это был Кулешов, только странно изменившийся. Его голову, всегда напоминавшую бильярдный шар, теперь украшала густая шевелюра, и от этого сразу стало видно, что он гораздо моложе, чем казался прежде. Машенька уже бежала к ним, бледная от испуга, и Кулешов что-то говорил о шарах, обняв Ахмеда за плечи, Машенька с плачем кинулась к нему на грудь, и бежала встревоженная Ева, и все успокаивали Ахмеда, перебивая друг друга, и никто не обращал внимания на катящиеся мимо шары, словно это действительно обычные перекати-поле. Ахмед вдруг почувствовал, что ног у него словно не стало, и повис на руках друзей, едва успевших подхватить его. Очевидно, мгновенный прилив энергии уже прошел, и Ахмед стал тем, кем ему надлежало быть, — обессиленным человеком, который только начал оправляться от тяжелой болезни. Он все порывался что-то рассказать, о чем-то предупредить, но мысли уже спутались, потому что Ева успела незаметно приложить к его руке что-то похожее на авторучку, и теперь снотворное циркулировало в его артериях, обволакивая мозг. Последнее, что успел он заметить, он принял за повторившийся бред, и сам закрыл глаза. Но это вовсе не было бредом, потому что на крыльцо в сопровождении Бартона действительно вышел один из тех, кого Ахмед видел в ту ночь на болоте...

Позднее, когда Ахмед окреп окончательно, ему рассказали все. С волнением он слушал о событиях той ночи, когда Бартон шел среди непроглядной тьмы по болоту в поисках жителей Альфы, а друзья наблюдали за ним с дисколета через инфракрасные приборы, указывая, куда идти. За огромным шаром, который упорно не желал раскрываться, уже сутки следили с большой высоты через мощные телеобъективы, и Бартон знал, где его искать. На видеопленке, которую в течение всего дня дисколеты доставляли ему регулярно через каждый час, видны были и шар, и сопровождающие его туземцы, гнавшие шар в определенном направлении, покалывая копьями. Бартон видел, как они заботливо расчищали ему дорогу, помогали преодолевать рытвины. Заметил он также.

что туземцы совершенно не опасаются шаров, которых собралось на болоте великое множество. Он был почти уверен, что один из туземцев пробежал даже второпях по развернувшемуся шару, и это навело Бартона на новые мысли, которыми он ни с кем делиться пока не стал — уж очень фантастическими они показались даже ему. Однако два как будто взаимно исключающих друг друга факта — что туземцы убивают шары и что они же их тщательно оберегают, перестали ему казаться взаимно исключающими. Ближе к вечеру, когда у него созрел план контакта, он отправил Базиля Фара к Дон-Кихоту. Вскоре тот вернулся и привез то, что просил Бартон, — великолепный клинок дамасской стали, способный рубить железо. Наступила ночь, помехи в связи, вносимые звездой Барнарда, прекратились. Бартон надел ночные очки, вооружился клинком Дон-Кихота и пошел. На его поясе были прицеплены преобразователи ультразвука и инфразвука, к воротнику куртки приколоты микрофоны от рации и лежащего в кармане магнитофона. Тщательно отлаженная линия связи Бартон — дисколет — «болотный филиал» — «Ариэль» работала безукоризненно, программисты уже не раз опробовали свой автомат, заставив его найти алгоритм решения известной задачи об осле Буридана и перевести «Гайавату» на язык народа майя. Шерман зарядил все магнитофоны и видеокамеры, на «Ариэле» был проверен и изготовлен к работе большой мозг корабля — удивительное устройство, хранящее в своей памяти все достижения человеческого гения за десятки веков и способное не только решать самые невероятные задачи, но и ставить их.

Сердце Ахмеда колотилось от волнения, он слушал рассказ, как удивительную сказку, стараясь представить себе, как Бартон догоняет медленно катящийся шар, проходит мимо нацеленных на него копий, поворачивается к ним спиной и начинает хладнокровно рубить кусты, мешающие движению шара, как потом, какое-то время спустя, передает клинок одному из аборигенов, и тот вначале неумело, но с каждой минутой приспосабливаясь, расчищает дорогу шару — а с дисколета все это снимается на пленку, и микрофоны ловят каждый звук, чтобы передать его на «Ариэль», где за долю секунды электронный мозг корабля перебирает миллионы вариантов, предлагает сам себе сотни тысяч решений, нащупывая ключ к языку неземлян. Он словно видел все это — медленный, величавый шар, охраняемый со всех сторон, и люди двух миров, бок о бок прокладывающие ему дорогу — ему, несущему в себе будущего жителя Альфы, ему, принявшему в свое лоно того, кто уже прожил свой цикл и своей смертью положил начало жизни другого существа...

Ахмеду рассказали, как Бартону пришла в голову удивительная догадка о том, что за скелет обнаружен при просвечивании шара. Все были убеждены, что не желающий развертываться шар занят пищеварением. А Бартон заметил, что сопровождавшие шар туземцы очень уж заботятся о нем. Он прекрасно помнил снятую Лавровым сцену ночной охоты и все ломал голову, почему поведение туземцев так непохоже на прежнее. Строй-

ные ночные охотники были прямо нежны с угнанным шаром. Так нежны, как может быть нежна мать со своим потомством. Чем дольше он наблюдал за загадочным шаром, тем сильнее верил в невероятную догадку, оказавшуюся единственно верной. Шар не раскрывался потому, что в нем созревала новая жизнь и этой жизни еще не настала пора появиться на свет...

Ахмед не мог не верить своим друзьям, но его ум не хотел смириться с крушением привычных представлений. Он спорил, доказывал, опровергал, задавал каверзные вопросы. Его друзья многого еще не знали, но уже известное было достаточно убедительным.

Ахмеду рассказали, как шары охотятся на мелких животных, как питаются шарами сами аборигены, предпочитая их всякой другой пище из-за удивительных свойств тканей и лимфы шаров, как они лечат самые тяжелые раны, обертывая пострадавшего кусками убитого шара, как вливают силы в тех, кого природа позвала окончить свой жизненный цикл. Кулешов с гордостью продемонстрировал ему свою кудрявую голову и сказал, что теперь можно вырастить даже ногу или руку, как это, очевидно, сделал Дон-Кихот.

Про Дон-Кихота на базе вспоминали часто. Ультразвуковые Хранители действовали безотказно, заставляя свертываться шары, но уже стало известно, что они не нужны, потому что ни для людей, ни для аборигенов шары не представляют опасности. По ним можно было спокойно ходить — они словно знали, что человек для них священен. Может быть, играла свою роль биологическая близость Хомо Сапиенса и «Хомо Ахмедуса» — такое название предложил насмешник Кулешов. И только во время странной «брачной церемонии», в тонкостях которой биологи еще не сумели разобраться, шары свертывались не только на добычу... Очевидно, старик все это знал — и все же расставался с лучеметом и шпагой. Несколько раз его замечали с воздуха. Сам он после скандала, устроенного влюбленной Машенькой, на базе не появлялся.

Бартон решил навестить старика, чтобы возвратить взятое у него оружие. Не очень охотно тот пригласил гостя в дом, и Бартон получил наконец возможность познакомиться с жилищем странного отшельника. Это был удивительный дом. Шпаги, рапиры, мачете, алебарды висели на стенах вперемежку с охотничьими трофеями — головой тигра, челюстью акулы, оленьими рогами. Одну стену целиком занимали книги — Бартон сразу узнал многие из справочников, которыми пользовался сам. На столе, на полках стояли реторты, колбы, робот-анализатор, известные и неизвестные Бартону приборы. Везде царил легкий беспорядок, словно ничья заботливая рука давно не касалась вещей. Лишь приборы и колбы были расставлены так, словно ими пользовались ежедневно.

Старик пригласил Бартона сесть и сам опустился в кресло. Бартон с любопытством глядел на хозяина — на свежую кожу его лица, секрет которой он уже знал, на кисть правой руки. Старик молча ждал, не изъявляя желания вступать в разговор. Бартон вернул ему клинок, поблагодарил, сообщил, что Ахмед уже совсем здоров, и коротко рассказал обо всем, что успели узнать

ученые о шарах. Он видел, как мрачнеет лицо старика. Ему понемногу становился ясен этот одинокий несчастный старик, бог знает какими судьбами попавший на Альфу.

Бартону было жалко старика. Конечно, тот сделал великое открытие — настолько великое, что оно должно было произвести переворот в медицине. Но старик жил на Альфе давно и, судя по всему, не собирался расставаться с этой планетой. Бартон догадывался, что старик не закончил своих исследований, но они могли длиться еще долгие годы, и не было гарантии, что старый ученый соберется когда-нибудь сделать свое открытие достоянием человечества. То, что участники второй комплексной экспедиции проникли в его тайну, ровно ничего не значило. Произошло это случайно — выбери они другой район для высадки, и они ничего бы не узнали о чудесных свойствах зеленых шаров. Только Дон-Кихот, и никто другой, имел право принести людям Земли удивительный эликсир жизни — это было его открытие. Но захочет ли он отдать его людям? Этого Бартон не знал, Все, что он мог сейчас сделать, — это рассказать старику о том, что им удалось узнать, чтобы предостеречь его от напрасной работы в том направлении, где ученые второй комплексной экспедиции ушли дальше старика.

Бартон еще раз поблагодарил хозяина за спасение Ахмеда и на прощание предложил ему ультразвуковой Хранитель. К удивлению гостя, старик взял прибор.

— А вам. Бартон, он пока не нужен... — вдруг сказал он. Это были его первые слова, если не считать фразы «прошу садиться».

— Почему? — быстро спросил Бартон. Он и сам знал, что Хранители ни к чему, но приказал людям не расставаться с ними, потому что загадка исчезновения Бестужева еще не была решена.

— Вы, Бартон, молоды, — грустно сказал старик. — А здесь уходят только те, кто готов к этому... Как я, например. Вас шары не примут. Вы все еще молоды для них...

И тут Бартон понял.

Глава 13, В КОТОРОЙ ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО АГАСФЕР ВОВСЕ НЕ АГАСФЕР

НАЧАЛЬНИКУ ВТОРОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «АЛЬФА БАРНАРДА» БАРТОНУ

на запрос по ВП-связи № 12-А87

По вашей просьбе сообщаем сведения об интересующем вас лице. Как мы предполагаем, поселившийся на Альфе Барнарда человек — это Джон Уильямс Ридж, 84 лет, звездный пилот I класса (с правом одиночных полетов), магистр медицины, доктор биологии.

Джон Уильямс Ридж родился в Кейптауне в семье известных мультимиллиардеров Риджей, в конце прошлого века бывших некоронованными властителями африканского урана, алмазов и нефти. После окончания колледжа Ридж поступил в Государственную школу медиков, из которой вышел с дипломом магистра медицины. Это собы-

тие совпало по времени с первыми звездными экспедициями, и молодой врач, как и многие его сверстники, увлекся перспективой исследования иных миров. Он поступил в космическую школу Мичигана, которую блестяще закончил, получив (единственный из всего выпуска) диплом планетолетчика II класса.

В течение нескольких лет Ридж летал на международных линиях ООН Марс — Венера — Плутон, показав себя грамотным, дисциплинированным и решительным пилотом. Ему был присвоен I класс, что открыло Риджу дорогу в Звездную школу ООН. Одновременно он вел научную работу на кафедре биологии Московского государственного университета. Вскоре он защитил диссертацию «Регенерация костной ткани у высших позвоночных». Мнения специалистов об этой работе резко разошлись. Некоторые утверждали, что теория Риджа о едином механизме регенерации необоснованна, авантюрна и просто вздорна. Его обвиняли в спекуляции на интересе научной общественности к недавно открытым внеземным формам жизни и других смертных грехах. Однако большинство ученых увидело в работе Риджа перспективные идеи. Риджу была присвоена степень кандидата биологических наук.

Дальнейшую научную работу Ридж проводил в лондонском Королевском центре, где через несколько лет защитил докторскую диссертацию. Одновременно он проходил обучение в Звездной школе ООН. По окончании курса ему было присвоено звание звездного пилота III класса. Вскоре он принял участие в нескольких звездных экспедициях и получил II класс.

В перерывах между полетами, а также во время рейсов Ридж продолжал свои эксперименты в области регенерации тканей. Он проявляет усиленный интерес к биохимии внеземных форм жизни, очевидно, надеясь найти в ней новое решение проблемы. Его крупной научной работой того периода была монография «К вопросу о возбуждении механизма регенерации органов и тканей у высших позвоночных». Книга эта наделала много шума. Основные ее положения подверглись резкой критике со стороны ряда крупнейших биологов и биохимиков. Тогда произошло неожиданное. Ридж уволился из Мичиганского университета, где руководил кафедрой биологии, и оповестил Звездный центр ООН, что больше не имеет возможности предлагать свои услуги в качестве пилота какой бы то ни было государственной или международной организации. После этого Ридж создает собственную лабораторию, скорее даже небольшой исследовательский центр, куда приглашает на работу нескольких крупных ученых.

Чтобы мотивы поступков Риджа были более понятны, следует сделать небольшое отступление и возвратиться к его юношеским годам.

Детство и юность Риджа совпали с тем периодом, когда в ряде государств начала осуществляться национализация наиболее крупных частных владений. Как известно, в этот период процессы общественного развития особенно сильно отразились на настроениях студенческой молодежи этих стран. Те годы ознаменовались студенческими волнениями, призывами к отказу от всякой государственной власти. Ридж был активным участником этих вы-

ступлений. Он выступал за полную отмену всякой собственности, за ликвидацию революционным путем всех форм государственной власти и государственного аппарата, пытался создавать самоуправляемые, а по существу, анархические студенческие коммуны. Одновременно он проповедовал идеи добра, человеколюбия, всеобщего равенства. Его политическая позиция в эти годы была очень нечеткой, его философские взгляды — весьма путаными. Одно время Ридж стал видным лидером молодежи и, судя по всему, всерьез думал о политической карьере. Однако очень скоро его последователи охладели к нему. Падение авторитета Риджа как идейного вождя ускорилось тем обстоятельством, что он, резко выступая против частного капитала и всех видов собственности, не порвал связи со своей семьей, сохранившей и после национализации огромные богатства. Как раз в это время умер его дед, завещав юноше весь свой капитал. Многие ожидали, что Ридж откажется от наследства или пожертвует его какой-нибудь организации. Однако этого не случилось. Ридж аккуратно выполнил все формальности, необходимые для введения в наследство, и стал владельцем огромного состояния. Справедливости ради следует отметить, что на протяжении долгих лет Ридж не прикасался к этим деньгам, а средства, и довольно значительные, которыми он располагал, были заработаны им самостоятельно. Однако подавляющее большинство сторонников порвало с ним. Вскоре разочарованный Ридж, получив диплом, покинул свою родину.

Бурный период создания Всемирного Союза Коммунистических республик почти не затронул Риджа. На протяжении десятилетия он вел исследования в своей лаборатории, однако никаких публикаций о результатах работы не делал. Несколько раз его приглашали принять участие в космических экспедициях, но Ридж каждый раз отказывался.

Женился Ридж еще в студенческие годы. У него было двое детей — дочь Анна и сын Леопольд, по образованию астрофизик. Первая же экспедиция, в которой Леопольд Ридж принял участие, потерпела катастрофу в системе ER Лисички. Узнав об этом, Ридж настоял на включении его в состав спасательной экспедиции. Спасательные работы увенчались успехом во многом благодаря бесстрашию, хладнокровию и огромному опыту Риджа. В немыслимо тяжелых условиях он блестяще посадил корабль на планету, деятельно участвовал в поисках и спасении людей, а затем произвел неповторимый по трудности взлет, во время которого у экипажа, по выражению одного из участников, буквально дыбом вставали волосы от ужаса. После этого полета Риджу было присвоено звание звездного пилота I класса. Но ничто не радовало Риджа. Его сын вернулся на Землю в очень тяжелом состоянии. Для спасения его жизни пришлось еще в полете ампутировать ему ноги. А на Земле Риджа ожидал новый удар — в автомобильной катастрофе погибла его дочь.

До сих пор Риджа можно было считать баловнем судьбы. Красивый, разносторонне одаренный человек, в молодости любимец женщин, талантливый ученый, он почти

ни в чем не знал неудач. Первый в колледже, первый в школе космонавтов, первый в многочисленных спортивных состязаниях (чемпион Мельбурна в гонках яхт, трехкратный чемпион Универсиад по фехтованию), блестящий исследователь, каждая работа которого вызывала горячие споры, опытный пилот-космонавт, не раз восхищавший своим мастерством коллег... Все давалось ему легко. Обладая огромным состоянием, он, не прикасаясь к нему, добился полной экономической независимости и никогда не нуждался в средствах. Единственная крупная неудача, о которой он предпочитал не вспоминать, была связана с политическими устремлениями его молодости. Пожалуй, Ридж был по натуре авантюристом. Он мог легко пойти на риск, причем на риск не всегда оправданный, и ему всегда везло. Постоянное везение приучило Риджа к мысли о собственной исключительности. Те немногие разочарования и неудачи, которые ему доводилось испытать, он переносил тяжело. Ридж не был готов к неудачам. Возможно, именно поэтому он сразу отказался от политической деятельности, а после резкой критики много лет вынашиваемой им теории предпочел уйти с научной арены и продолжать исследования в полной изоляции от ученого мира. Теперь, спустя много лет, мы понимаем, что Ридж никогда не изменял своим идеалам. Потерпев неудачу в создании студенческой коммуны, он создал не подчиненную никому самоуправляемую группу в своей лаборатории. Не встретив поддержки своим научным идеям, он продолжал развивать их наперекор мнению крупнейших авторитетов. Встретившись с непониманием или противодействием, Ридж испытывал разочарование, но продолжал верить в свою правоту. С годами его уверенность все больше превращалась в самоуверенность, росло его самомнение, вера в собственную непогрешимость. Только этим можно объяснить последовавшие трагические события.

Состояние Леопольда продолжало оставаться тяжелым. Искалеченный юноша был для отца живым свидетельством бессилия медицины. Все эти годы Ридж разрабатывал методы регенерации утраченных органов и считал, что находится накануне успеха. И он решился на недопустимый опыт — он применил свой метод на сыне. Это был единственный случай в его жизни, когда здравый смысл начисто отказал ученому. Отчаянный эксперимент окончился трагически — Леопольд умер.

О последующем периоде жизни Риджа известно очень мало. Он совершенно забросил научную работу и несколько лет путешествовал по самым недоступным районам планеты — по Африке, Южной Америке, Гималаям. В одном из этих путешествий он при неизвестных обстоятельствах потерял кисть правой руки. Несколько романтических историй об этом случае, ни одна из которых, очевидно, не соответствует истине, все же характеризуют Риджа как фигуру необыкновенную и оригинальную. В одной из этих историй Ридж сам торжественно отрубил себе руку перед толпой жителей затерянной в сельве деревушки, где его избрали вождем, заявив, что не может принять знаки власти рукой, которой погубил собственного сына. В другой истории

он потерял кисть в кровавом поединке на саблях. Далее рассказывают, что руку Риджу откусил крокодил, от которого тот спасал купавшегося в реке мальчика. Говорили еще, что он ампутировал кисть, чтобы проверить на себе методы регенерации утраченных органов... Сам Ридж об этом всегда хранил молчание. Он и раньше не отличался общительностью, а в последние годы стал совсем нелюдимым.

Через несколько лет в Ридже вновь проснулся интерес к внеземной биологии. Но он понимал, что безрукий пилот или безрукий врач никого не устраивает. И тогда Ридж впервые вспомнил о наследстве. Кстати, это произошло незадолго до отмены денежной системы в странах Всемирного Союза Коммунистических республик... Ридж использовал свое огромное состояние, утроившееся после смерти отца, для постройки звездолета «Леопольд». Пятнадцать лет назад Ридж с женой и небольшим экипажем покинули Землю — покинули навсегда. По возвращении «Леопольда» его капитан заявил, что Ридж пожелал, чтобы место, где он решил провести остаток своей жизни, оставалось неизвестным. Однако отмечено, что за последние десять лет «Леопольд» дважды уходил в свободный поиск. Возможно, во время этих полетов он посетил Альфу. Если это так, то есть надежда, что Ридж еще пожелает вернуться на Землю, чтобы доказать свою правоту тем, кто много лет назад высмеял его идею о возможности восстанавливать утерянные органы. Помогите ему принять верное решение. Судя по вашим сообщениям, открытия Риджа на Альфе представляют огромный интерес для науки. Да и сам Ридж заслуживает лучшей судьбы.

Мы надеемся, что это пространное сообщение поможет вам выбрать правильную линию поведения в отношении Риджа. Старайтесь поддерживать с ним ненавязчивый контакт. Ридж сам должен принести свое открытие людям...

Эпилог.
АЛЬФА БУДЕТ ЖИТЬ!

«Циолковский» прилетел через две недели. Гигантский корабль вышел на круговую орбиту, и от него отделился десантный бот. С безопасного расстояния встречавшие с волнением наблюдали, как на столбе ревущего пламени медленно опускается сверкающая металлическая туша, раскинувшая посадочные лапы. Бот садился на мягкий грунт, который мог не выдержать давления, и Спенсер опускал его медленно-медленно, готовый в любой момент снова включить полную тягу. Всем показалось, что прошла вечность, прежде чем ревущее пламя стало гаснуть и наконец исчезло. Тогда в воздух взвились дисколеты и закружились над ботом.

В полукилометре от места посадки, на возвышенности, которой предстояло стать берегом первого моря Альфы, три альфийца рассматривали через бинокли десантный бот. Бартон давал пояснения. Он еще не научился местному языку и поэтому пользовался услугами автопереводчика. Тут же стояли Сергей, Ахмед с Машенькой и Кулешов, к которому на «Циолковском» прилетела жена — специалист по скоростному бурению. Кулешов

очень волновался, не зная, как она отнесется к изменившейся внешности мужа — он немного перестарался, смазывая себя эликсиром, и теперь не знал, что делать с бурно растущими бородой и усами.

Сергей вполуха слушал Бартона и думал о своем. Все последние дни он провел здесь, изучая геологическое строение дна будущего моря. Альфа изнемогала от зноя, каждый день нес гибель сотням беспомощных шаров, привыкших к прохладе и влаге. На этой планете техники не существовало. У альфийцев не было письменности, школ и ремесел. Они питались шарами, лечились шарами, рождались в шарах и в них же умирали. Им были известны простейшие инструменты, они научились делать копья и ножи, они строили в непроходимых кустарниках примитивные жилища, спасающие их от непогоды. Но они были беспомощны перед страшной засухой, и только люди могли им помочь.

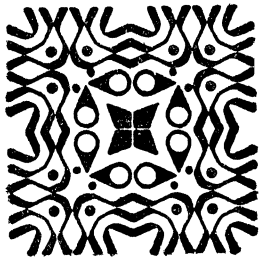
Сергей представил, как лазерные буры врежутся в пересохший грунт и через несколько дней шумный, сверкающий поток вырвется из скважины и начнет разливаться по поверхности, постепенно заполняя низину. Вышка переедет на новое место, потом еще дальше, оставляя после себя спасительные озера, которые потом сольются в первое на Альфе море...

Время от времени он оглядывал небо: не появится ли дисколет Риджа? Несколько дней назад по приказу Бартона Ахмед оставил один из дисколетов экспедиции перед жилищем старика. На закате Ридж прилетел к экспедиционному дому, сухо поздоровался со встретившим его Шерманом, поставил в стойку лучемет и протянул Шерману небольшую папку. «Попрошу передать это Бартону, — сказал он. — Это... э... для всех...» Тут он повернулся, прямой и длинный, словно аршин проглотил, и вышел, не сказав больше ни слова. Когда Бартон прочитал лежавшую в папке рукопись, он сказал, что ей цены нет, и распорядился немедленно передать весь текст по внепространственной связи на Землю. «А рукопись отошлем на «Циолковском», — сказал он. — За нее человечество должно поставить Риджу памятники на всех материках».

Там, где стоял окутанный облаком пыли бот, прогремели взрывы. Это сработали взрывные болты, отделяя ферму самоходной буровой вышки от бота. Затем мощные домкраты плавно отодвинули ее в сторону и опустили на грунт. Только после этого открылся люк шлюзовой камеры, и Спенсер помахал оттуда рукой.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Вместо предисловия

Перед всяким, кто хоть немного интересовался жизнью и творчеством Валерия Яковлевича Брюсова, неизбежно встает один и тот же вопрос: «Как он успевал?»

Брюсову было сорок лет, когда издательство «Сирин» приступило к выпуску 25-томного Собрания его сочинений. В него входили стихи и драмы, рассказы и романы, литературно-критические статьи и переводы. И хотя собрание называлось полным, фактически оно таким не являлось. Автор удержался от публикации множества своих творений, о существовании которых не хотел вспоминать сам и тем более напоминать о них своим читателям.

Казалось бы, такой титанический труд для писателя, а тем более для поэта возможен только в том случае, когда человек полностью переключен на самоотдачу. Прикованный к письменному столу, как раб к галере, он должен строчить и строчить, выводя «вереницей заветные мысли души». Но это не так.

Дефицит «заветных мыслей» обнаружился бы слишком рано, если бы Валерий Брюсов наряду с огромной работоспособностью не обладал еще более удивительной, просто всепоглощающей жаждой знания. Примерно в этом же возрасте он записал в дневнике:

«В чем я специалист? 1. Современная русская поэзия. 2. Пушкин и его эпоха. Тютчев. 3. Отчасти вся история русской литературы. 4. Современная французская поэзия. 5. Отчасти французский романтизм. 6. XVI век. 7. Данте, его время. 8. Позднейшая эпоха римской литературы. 9. Эстетика и философия искусства».

В наш узкоспециализированный век этого перечня с лихвой хватило

бы на десяток интеллектуалов. Но ведь Валерий Брюсов перечислил только те области, где он стал общепризнанным знатоком. А сколько еще осталось вне списка вопросов, которыми он занимался, не углубляясь до профессионализма. И все же недовольный собой Валерий Брюсов с горечью восклицает:

«Но боже мой! Как жалок этот горделивый перечень сравнительно с тем, чего я не знаю. Весь мир политических наук, все очарование наук естественных, физика и химия с их новыми поразительными горизонтами, все изучение жизни на земле, зоология, ботаника, соблазны прикладной механики, истинное знание истории искусств, целые миры, о которых я едва наслышан, древности Египта, Индии, государство майя, мифическая Атлантида, современный Восток с его удивительной жизнью, медицина, познание самого себя и умозрения новых философов, о которых я узнаю из вторых, из третьих рук...

Боже мой! боже мой! Если бы мне жить сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня».

А судьба отмерила ему сравнительно недолгий срок. Брюсов скончался 50 лет назад, прожив полвека, и с тех пор почти каждый год публикуются совершенно законченные и незавершенные творения замечательного поэта, свидетельствуя о том, как много он хотел еще сделать.

Однажды Брюсов написал: «Значение писателя определяется количеством его произведений, оставшихся в рукописи. Посредственности успевают все закончить, все напечатать. Гений жаждет сделать слишком многое...» Наверное, сам автор несколько иронически относился к этому критерию гениальности. И все же, чтобы оценить значение сделанного Брюсовым вклада в русскую культуру, необходимо учесть все им сотворенное, в том числе и оставшееся в архивных папках. Есть поэты, величие которых четче определяется из томика избранных стихов. Титаническая фигура Брюсова обрисовывается только после осознания всей грандиозности проделанной им работы.

Среди произведений Валерия Брюсова «Гора Звезды» занимает особое место. По современной терминологии вещь эта должна бы называться приключенческой повестью. Но поскольку сам автор окрестил ее романом, оставим ей этот титул. В чем же особенности романа?

Во-первых, в самом жанре. Как известно, в романах «Огненный ангел» и «Алтарь победы» присутствует приключенческий ход, способствующий занимательности сюжета. Однако в таком чистом виде этот жанр больше у Брюсова не встречается.

Может быть, тогда «Гора Звезды» вещь для автора случайная? Шалость пера? Ни в коем случае. Достаточно сказать, что работа над ней заняла около четырех лет. Первые страницы датированы августом 1895 года, когда Брюсов, студент исторического факультета, автор нашумевших выпусков «Русских символистов», отдыхал в Хорошеве. А последний вариант романа был закончен 18 августа 1899 года, уже после выхода сборников «Шедевры» и «Это — я».

Вообще следует удивляться не тому, что молодой символист взялся за приключенческий роман с элементами научной фантастики, а тому, что он оказался единственным в его творческом наследии. С семи лет Валерий

Брюсов зачитывался Жюлем Верном, Майн Ридом, Фенимором Купером, Густавом Эмаром, отвергая казавшиеся ему пресными журналы «Родник», «Игрушечка», «Детский отдых».

Вместе с братьями Брюсов изо дня в день продолжал «многосерийную» игру в индейцев, воображая «себя дикарем Тса-Ут-Вэ». А потом, уже в гимназии, он снискал уважение однокашников, пересказывая приключенческие книги.

В это время Брюсов впервые в жизни становится редактором. В рукописном журнале «Начало», выходившем в третьем классе гимназии Креймана, Валерий, кроме стихов, помещает рассказ «из индейского быта» под названием «Орлиное перо», повесть в духе Жюля Верна «На Венеру» и другие пробы пера. Часть «произведений» появляется под первыми брюсовскими псевдонимами — Пятнистый ягуар и Спиппер.

С годами страсть к «легкому жанру» не ослабела. Летом 1895 года, то есть как раз когда писались первые эпизоды «Горы Звезды», Валерий Яковлевич заносит в дневник: «С влажными глазами кончил читать «Монте-Кристо»; и с влажными не потому, что этот роман напоминал мне бывшие годы, когда я читал его в первый раз, но просто из сочувствия к судьбе героев. Глупая чувствительность к романам, когда ее вовсе нет к событиям в жизни».

Интерес к приключенческой и научно-фантастической литературе сохранился и у седого профессора, ректора Литературно-художественного института. Уже в последние годы в не опубликованном при жизни стихотворении поэт с благодарностью вспоминает милые сердцу книжки:

На дальней полке, мирным строем стоя,
Спят с ранних лет любимые тома;
В них дремлет луч тропического зноя,
Глядит из них полярной ночи тьма...

Возвращаясь к роману, следует отметить еще одну его особенность. В нем сошлись многие темы будущего «большого Брюсова». Это тема «раб и царица», межпланетная экспедиция, проблески «семи земных соблазнов», мотив «хранителя тайны — жреца». В сюжет, словно списанный у Райдера Хаггарда, вплелись чисто брюсовские повторы. Часть из них уже была воплощена в первых сборниках, а другие темы ждали своей очереди долгие годы.

В 1920 году, примерно в то же время, когда инженер Лось, герой «Аэлиты» А. Толстого, искал спутника для полета, Брюсов начинает рассказ «Экспедиция на Марс». Наверно, шквал революции чем-то сродни штурму неба. Иначе чем объяснить такой повышенный интерес к космическим темам именно в это время? Конечно, в названном рассказе уже другой почерк: исчезла заемная экзотика, строже стал стиль, глубже мысли. Трудно удержаться, чтобы не привести пророческий отрывок из брюсовского «Предисловия редакторов» к рассказу.

«Известно, что принципиальная проблема межпланетных сообщений была разрешена еще в начале XX века, причем первые межпланетные корабли, сконструированные в то время, получили название «ракетных» по характеру тех двигателей, которыми они были снабжены. Однако на твердую почву конструкция подобных кораблей стала лишь с того времени, когда удалось найти практическое применение внутриатомной энергии и использовать ее в качестве моторной силы».

И все же, несмотря на двадцати-

летний разрыв во времени, неоконченный рассказ «Экспедиция на Марс» и роман «Гора Звезды» объединены не только звездной темой. В старой клеенчатой тетради молодой поэт набросал конус фантастической горы, вычислил ее объем, высоту ярусов, размеры залов. Все должно выглядеть точно. И потом столь же тщательно прикидывал на четвертушке писчего листа расстояние до Марса, скорость ракеты, сроки полета. Та же четкая брюсовская продуманность. Неудивительно, что именно Брюсов стал пионером нашей научной поэзии.

Возникает естественный вопрос: почему же автор, затратив столько трудов на «Гору Звезды», не захотел ее куда-нибудь пристроить? Материальные дела его, как известно, в этот период были далеко не блестящи. Вероятно, объясняется это тем, что «неизвестный, осмеянный, странный» поэт не был тогда, мягко говоря, приманкой для толстых журналов. Но возможна и иная причина.

Дело в том, что сам Валерий Брюсов расценивал роман «Гора Звезды» как учебный. Именно на нем он вырабатывал свой прозаический стиль. 29 июня 1896 года Брюсов писал другу своей юности А. А. Курсинскому, служившему в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого репетитором его детей:

«Приступаю (о, очень торжественно) к роману. Ты пишешь, что вполне выработал план своего романа. Увы! Увы! Сколько раз вырабатывал я планы своих. Еще незадолго до отъезда разработал я план исторического романа... с такими подробностями, что мог рассказать последовательно каждую главу... и между тем ни этого романа я не написал, ни другого не напишу — долго, быть может, никогда. И вот почему: у меня нет формы. Я не могу писать так, как писали Тургенев, Мопассан, Толстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разрозненных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток... Нет, таких вещей, где каждое слово ложь, а каждое выражение трафарет, я писать не могу. Подождем, пока создастся новая форма».

И последнее. Стоило ли извлекать из архивных глубин несколько наивный труд, от которого отказался автор? Есть ли в этой публикации иная ценность, кроме литературоведческого интереса? Рискуя заслужить упрек в субъективности, я все же утверждаю, что «Гора Звезды» хранит аромат эпохи того недолгого промежутка, когда стычка с ягуаром в фантастико-приключенческой повести выглядела уже старомодной, а диалог с марсианином казался чуть-чуть преждевременным. И это дает роману право на существование.

А кроме того, читая давно написанные строки, вы, может быть, представите скуластого черноглазого мальчика, упивающегося в старом доме на Трубной подвигами морских бродяг и отважных землепроходцев. И это позволит лучше понять его уже повзрослевшего, ломающего все каноны с не меньшим упорством и смелостью, чем герои детских книжек. Кто знает, возможно, между этими фактами «есть тонкие властительные связи». Не зря же в своем последнем сборнике, в стихотворении «Марриэтовы мичманы», поэт оправдывает увлекательную выдумку и приключенческую неправду.

Ту неправду, что измала
Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном.

Р. Щербаков

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Гора Звезды

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вступая десять лет назад в пустыню, я верил, что навсегда расстался с образованным миром. Взяться за перо и писать воспоминания заставили меня события совершенно необыкновенные. То, что я видел, быть может, не видел никто из людей. Но еще больше пережил я в глубине души. Мои убеждения, казавшиеся мне неколебимыми, разрушены или потрясены. С ужасом вижу, как много властной истины в том, что я всегда презирал. У этих записок могла бы быть цель: предостеречь других, подобных мне. Но, вероятно, они никогда не найдут читателя. Пишу их соком на листьях, пишу в дебрях Африки, далеко от последних следов просвещения, под шалашом бечуана, слушая немолчный грохот Мози-оа-Тунья. О великий водопад! Красивейшее, что есть на свете! В этой пустыне один ты, быть может, постигаешь мои волнения. И тебе посвящаю я эти страницы.

Селение. 9 августа 1895 г.

Глава первая

Небосвод был темно-синим, звезды крупными и яркими, когда я открыл глаза. Я не шевельнулся, только рука, и во сне сжимавшая рукоятку кинжала, налегла на нее сильней... Стон повторился. Тогда я приподнялся и сел. Большой костер, с вечера разложенный против диких зверей, потухал, а мой негр Мстегà спал, уткнувшись в землю...

— Вставай, — крикнул я, — бери копье, иди за мной!

Мы пошли по тому направлению, откуда слышны были стоны. Минут

десять мы блуждали наудачу. Наконец я заметил что-то светлое впереди.

— Кто лежит здесь без костра? — окликнул я. — Отвечай, или буду стрелять. — Эти слова я сказал по-английски, а потом повторил на местном кафрском наречии, потом еще раз по-голландски, по-португальски, по-французски. Ответа не было. Я приблизился, держа револьвер наготове.

На песке в луже крови лежал человек, одетый по-европейски. То был старик лет шестидесяти. Все тело его было изранено ударами копий. Кровавый след вел далеко в пустыню; раненый долго полз, прежде чем упал окончательно.

Я приказал Мстеге развести костер и попытался привести старика в чувство. Через полчаса он начал шевелиться, ресницы его приподнялись, и на мне остановился взор, сначала тусклый, потом прояснившийся.

— Понимаете ли вы меня? — спросил я по-английски. Не получив ответа, я повторил вопрос на всех знакомых мне языках, даже по-латыни. Старик долго молчал, потом заговорил по-французски:

— Благодарю вас, друг мой. Все эти языки я знаю, и если я молчал, то по своим причинам. Скажите, где вы меня нашли?

Я объяснил.

— Почему я так слаб? Разве мои раны опасны?

— Вам не пережить дня.

Едва я произнес эти слова, умирающий весь затрепетал, губы его искривились, костлявые пальцы впились в мою руку. Его мерная речь сменилась хриплыми криками.

— Не может быть!.. Не теперь, нет!.. у пристани!.. вы ошиблись.

— Возможно, — холодно сказал я.

— Просто я потерял много крови.

Я улыбнулся:

— Вы продолжаете ее терять; мне не удалось остановить кровотечение.

Старик стал плакать, молил спасти его. Наконец у него горлом пошла кровь, и он опять потерял сознание. Очнувшись во второй раз, он был снова спокоен.

— Да, я умираю, — сказал он, — вы правы. Тяжело это теперь. Но слушайте. Судьба сделала вас моим наследником.

— Я ни в чем не нуждаюсь, — возразил я.

— О, не думайте, — перебил старик, — дело идет не о кладе, не о деньгах. Здесь другое. Я владею тайной.

Он говорил торопливо, сбивчиво; то начинал рассказывать свою жизнь, то перескакивал к последним событиям. Многого я не понял. Вероятно, большинство на моем месте сочло бы старика помешанным. С детства его увлекала мысль о межпланетных сношениях. Он посвятил ей всю жизнь. В разных научных обществах делал он доклады об изобретенных им снарядах для полета с Земли на другую планету. Его везде осмеяли. Но небо, по его выражению, хранило награду его старости. На основании каких-то замечательных документов он убедился, что вопрос о межпланетных сношениях уже был решен именно жителями Марса. В конце XIII столетия нашего летосчисления они послали на Землю корабль. Корабль этот опустился в Центральной Африке. По предположению старика, на этом корабле были не путешественники, а изгнанники, дерзкие беглецы на другую планету. Они не занялись исследованием Земли, а постарались только устроиться поудоб-

нее. Оградив себя от дикарей искусственной пустыней, они жили в ее середине отдельным самостоятельным обществом. Старик был убежден, что потомки этих переселенцев с Марса до сих пор живут в той стране.

— Есть у вас точные указания места? — спросил я.

— Я вычислил приблизительно долготу и широту... ошибка не больше десяти минут... может быть, четверть градуса...

Все случившееся со стариком после и нужно было ожидать. Не желая делиться успехом, он сам отправился на исследования...

— Вам, вам поручаю я мою тайну, — говорил мне умирающий, — возьмитесь за мое дело, окончите его во имя науки и человечества.

Я засмеялся:

— Науку я презираю, человечества не люблю.

— Ну ради славы, — сказал старик с горечью.

— Полноте, — возразил я. — На что мне нужна слава? Но я все равно блуждаю по пустыне и могу из любопытства заглянуть в ту страну.

Старик зашептал обиженно:

— Мне нет выбора... Пусть будет так... Но поклянитесь, что вы сделаете все возможное, чтобы пройти туда... что только смерть вас остановит.

Я опять засмеялся и произнес клятву. Тогда умирающий со слезами на глазах произнес дрожащим голосом несколько цифр — широту и долготу. Я отметил их на прикладе ружья. Вскоре после полудня старик умер. Последней его просьбой было, чтобы я упомянул его имя, когда буду писать о своем путешествии. Исполняю эту просьбу. Его звали Maurice Cardeaux.

Глава вторая

В тот же день к вечеру я начал путешествие, обещанное старику. Карта той части Африки, еще почти не исследованной, была мне известна много лучше, чем любому европейскому географу... Подвигаясь вперед, я все настойчивей собирал сведения о той местности, куда направлялся. Сначала только самые сведущие могли отвечать мне, что там лежит особая Проклятая пустыня. Потом стали встречаться лица, знавшие об этой пустыне разные сказания. Все говорили о ней неохотно. Через [несколько] дней пути мы пришли в страны, соседние с Проклятой пустыней. Здесь ее знали все, все ее видели, но никто не бывал в ней. Прежде выискивались смельчаки, вступавшие в пустыню, но, кажется, из них не возвратился никто.

Мальчик, взятый мною как проводник, довел нас до самой пустыни ближайшими тропинками. За лесом путь шел через роскошную степь. К вечеру мы дошли до временной деревушки бечуанов, раскинутой уже у самого рубежа пустыни. Меня встретили почтительно, отдали мне особую хижину и прислали в подарок телку.

Перед закатом солнца, оставив Мстегу сторожить имущество, я пошел один посмотреть на пустыню. Ничего более странного, чем граница этой пустыни, не видел я за свою скитальческую жизнь. Растительность исчезла не постепенно: не было обычной переходной полосы от зелени лугов к бесплодной степи. Сразу на протяжении двух-трех саженей пастбище обращалось в безжизненную каменистую равнину. На тучную почву, покрытую тропической травой, вдруг налегали углами серые не то

сланцевые, не то солончаковые пласты; громоздясь друг на друга, они образовывали дикую зубчатую плоскость, уходившую вдаль. На этой поверхности змеились и тянулись трещины и расселины, часто очень глубокие и до двух аршин шириною, но сама она была тверда как гранит. Лучи заходящего солнца отражались там и сям от ребер и зазубрин, слепя глаза переливами света. Но все же, внимательно вглядываясь, можно было различить на горизонте бледно-серый конус, вершина которого сверкала, как звезда. Я вернулся в крааль задумчивый. Скоро меня окружила толпа: собрались посмотреть на белого человека, идущего в Проклятую пустыню. В толпе заметил я и местного колдуна. Вдруг, подступив к нему, я направил дуло винчестера в уровень с его грудью. Колдун окаменел от страха; видно, ружье ему было знакомо. А толпа отхлынула в сторону.

— А что, — спросил я медленно, — знает ли отец мой какие-либо молитвы перед смертью?

— Знаю, — нетвердо отвечал колдун.

— Так пусть он их читает, потому что сейчас умрет.

Я щелкнул курком. Негры вдалеке испустили вопль.

— Ты умрешь, — повторил я, — потому что скрываешь от меня, что знаешь о Проклятой пустыне.

Я наблюдал на лице колдуна смену настроений. Его губы кривились, на лбу то сдвигались, то раскрывались морщины. Я положил палец на «собачку». Могло случиться, что колдун действительно не знает ничего, но через мгновение я спустил бы курок. Вдруг колдун повалился наземь.

— Пусть господин погодит, — глухо простонал он, — колдун скажет все, он слышал об этом от отцов еще мальчиком. Там, посреди Проклятой пустыни, стоит Гора Звезды, высокая, до неба. В ней живут демоны. Иногда они выходят из своей страны и пожирают младенцев в краалях. Кто идет в пустыню, тот погибнет. И говорить о ней нельзя...

С меня было довольно. Я опустил винчестер и медленно прошел среди оторопелой толпы в отведенную мне хижину. Оставаться в деревне на ночь казалось мне небезопасным. Кроме того, я понимал, что по Проклятой пустыне можно было идти только ночью. Я приказал Мстеге готовиться в дорогу. Мы взяли с собой запас воды дней на пять, немного провизии и все необходимое для шалаша, чтобы было куда укрываться от зноя. Всю ношу я разделил на два равных вьюка, себе и Мстеге. Затем послал сказать начальнику племени, что мы уходим. Провожать нас вышла вся деревня, но все держались в значительном отдалении. До границы пустыни я шел, весело насвистывая. Взошел месяц. Грани пластов причудливо засветились под лунными лучами. В это время я услыхал чей-то голос. Обернувшись, я увидел, что колдун выступил из толпы вперед и тоже стоял на границе пустыни. Протянув руки в нашу сторону, он отчетливо произносил установленные слова. То было заклятие, обрекавшее нас духам-мстителям за то, что мы тревожим спокойствие пустыни.

Луна стояла еще невысоко, и длинные тени от рук колдуна тянулись за нами в пустыню и долго с упорством цеплялись за наши ноги.

Глава третья

Далеко не все трудности пути предвидел [я], вступая в Проклятую пустыню. С первых же шагов почувствовали мы, как тяжело идти по этой каменистой, растрескавшейся почве. Ногам было больно ступать по зазубринам пластов; игра лунного света обманывала глаз, и ежеминутно мы могли оступиться в расщелину. В воздухе стояла тонкая пыль, резавшая глаза. Однообразие местности было таково, что мы постоянно сбивались с прямого направления и кружили: идти приходилось по звездам, потому что абрис Горы не был виден во мраке. Ночью можно было идти еще бодро, но, как только всходило солнце, нас охватывал нестерпимый зной. Почва быстро раскалялась и жгла ноги сквозь обувь. Воздух становился огненным паром, как над растопленной плитой, — мучительно было дышать. Приходилось наскоро разбивать палатку и под ней лежать до вечера, почти не двигаясь.

Этой Проклятой пустыней мы шли шесть суток. Вода, бывшая у нас в мехах, очень быстро испортилась, пропахла кожей, сделалась отвратительной на вкус. Такая вода почти не удовлетворяла жажды. К третьему утру у нас оставался очень маленький остаток ее, мутные последки на дне меха. Я решил поделить этот остаток между нами до конца, так как днем он испортился бы окончательно. В тот же день начались обычные мучения жажды: заболело горло, язык стал жестким, большим, являлись быстро исчезающие миражи. Но четвертую ночь мы еще шли без остановки. Мне казалось, что Гора Звезды близко, что к ней ближе, чем назад, к границе пустыни. Утром, однако, я увидел, что силуэт Горы почти не вырос, все так же недоступен. В этот четвертый день мной окончательно овладел бред. Мне стали грезиться озера в пальмовых оазисах, стада антилоп на берегу и наши русские речки с заводями, где ивы купают плакучие ветви, мне грезился месяц, отраженный в море, раздробленный в волнах, и отдых в лодке за прибрежной скалой, где вечно волнуется прибой, вал набегает за валом, пенится и высоко встает брызгами. Во сне оставалось смутное сознание, оно говорило, что все эти картины — призрак, что они мне недоступны. Я жаждал не грезить, победить свой бред, но на это сил не хватало. И это было мучительно... Но едва солнце закатилось и настала мгла, я вдруг очнулся, вдруг встал, как лунатик, словно на тайный зов. Мы уже не собрали палатку, так как не могли нести ее. Но мы шли опять вперед, упорно тянулись к Горе Звезды. Она влекла меня как магнит. Мне начинало казаться, что жизнь моя тесно связана с этой Горой, что я должен, должен и против воли идти к ней. И я шел, временами бежал, сбивался с пути, опять находил его, падал, вставал и шел снова. Если Мстега отставал, я кричал на него, грозил ему ружьем. Взошел убывающий месяц и осветил конус Горы. Я приветствовал Гору восторженной речью, протягивал к ней руки, умолял помочь мне, и опять шел, и опять шел, уже без отчета, слепо...

Ночь миновала, справа от нас выкатилось красное солнце, Звезда на вершине Горы загорелась ярко. У нас уже не было палатки, я крикнул Мстеге, чтобы он не останавливался.

Мы продолжали идти. Вероятно,

около полудня я упал, побежденный зноем, но продолжал подвигаться ползком. Я бросил револьвер, охотничьи ножи, заряды, куртку. Долго я тащил за собой мой верный винчестер, но потом бросил и его. Я полз опухшими ногами по раскаленной почве, цепляясь окровавленными руками за острые камни. Перед каждым новым движением мне казалось, что оно будет последним, что еще одного я не буду в состоянии сделать. Но в моем сознании была только одна мысль: надо идти вперед. И я полз даже среди бреда, полз, выкрикивая невнятные слова, разговаривая с кем-то. Однажды я занялся ловлей каких-то жуков и бабочек, которые, как мне казалось, сновали вокруг меня. Приходя в себя, я отыскивал взором силуэт Горы и снова начинал ползти к ней. Настала ночь, но ненадолго принесла успокоение своей свежестью. Силы меня покидали, я изнемогал до конца. Слух был наполнен страшным звоном и ревом, глаза все более густой пеленой застилал кровавый туман. Сознание покидало меня окончательно. Последнее, что я помню, когда я очнулся: солнце стояло невысоко, но уже мучительно палило меня. Мстеги со мной не было. Первое мгновение хотелось мне сделать усилие, чтобы посмотреть, где Гора. Затем в следующее мгновение мне ясно блеснула мысль, заставившая меня вдруг рассмеяться. Я смеялся, хотя из моих растрескавшихся губ текла при этом кровь, сочась по подбородку и каплями падая на грудь. Я смеялся потому, что вдруг понял свое безумие. Зачем я шел вперед? Что могло быть около Горы? Жизнь, вода? А что, если и там все та же мертвая, та же Проклятая пустыня! Да, конечно, оно так и есть. Мстега умнее меня и, конечно, пошел назад. Что ж! Быть может... ноги и донесут его до рубежа! А я заслужил свою участь. И, насмеявшись, я закрыл глаза и остался неподвижным. Но внимание мое было пробуждено чем-то темным, что я почувствовал сквозь опущенные веки. Я взглянул снова. Между мною и небом парил коршун, африканский коршун-стервятник. Он почуял добычу. И, смотря прямо на него, стал я думать, как он спустится ко мне на грудь, выклюет те самые глаза, которыми я смотрю, будет вырывать из меня куски мяса. И я думал, что мне все равно. Но вдруг новая мысль, ослепительно яркая, залила все мое сознание. Откуда здесь коршун? Зачем ему залетать в пустыню? Или Гора Звезды близко, а около нее и жизнь, и леса, и вода!

Сразу же по моим жилам пробежала струя силы. Я вскочил на ноги. Близко-близко чернела высокая Гора, а со стороны ее ко мне бежал верный Мстега. Он искал меня и, увидав, закричал радостно:

— Господин! Пусть господин идет! Вода близко, я видел ее.

Глава четвертая

Я вскочил на ноги. Я бросился вперед дикими скачками. Мстега бежал за мной, что-то громко крича. Скоро мне стало ясно, что посреди Проклятой пустыни была громадная котловина, в которой и стояла Гора. Я остановился только у края обрыва, над этой котловиной.

Удивительная картина открылась перед нами. Пустыня обрывалась отвесом больше чем в сто саженей глубины. Внизу, на этой глубине, расстилалась равнина правильной

эллиптической формы. Меньший поперечник долины был верст десять; противоположный край обрыва, столь же высокий, столь же отвесный, был отчетливо виден за Горой.

Гора стояла в самой середине долины. Высота Горы была втрое больше, чем высота обрыва, может быть, доходила до полуверсты. Форма ее была правильная, конусообразная. В нескольких местах форму эту нарушали небольшие уступы, обходившие вокруг всей Горы и образовавшие террасы. Цвет Горы был темно-серый, несколько с коричневым оттенком. На вершине можно было рассмотреть плоскую площадку, на которой возвышалось что-то ярко сверкавшее, как золотое острие.

Долина вокруг Горы была видна, как на плане. Она вся была покрыта роскошной растительностью. Сначала около самой Горы шли рощи, прорезанные узкими аллеями. Затем шел широкий пояс полей, занимавший большую часть всей долины; поля эти чернели только что вспаханной землей, так как был август месяц; там и сям бороздили их ручейки и канальчики, сходившиеся в нескольких озерках. У самого края обрыва опять начинался пояс пальмового леса, расширявшийся в узких заливах эллипса; лес был разделен на участки широкими просеками и кое-где состоял уже из старых деревьев, а кое-где еще из молодой поросли.

Нам были видны и люди. На полях всюду виднелись кучки негров, работавших мерно, словно по команде.

Вода! Зелень! Люди! Что еще было нам нужно. Конечно, мы не очень долго любовались видом страны, я едва окинул ее взором, даже не понял ясно всех чудес этой картины. Я знал только одно: что мучения кончены и цель достигнута.

Впрочем, предстояло еще одно испытание. Надо было спуститься по отвесному обрыву в сто саженей глубины. Обрыв в верхней своей части состоял из тех же безжизненных сланцевых пластов, как и пустыня. Ниже начиналась более жирная почва, росли кустарники, трава. Мы спускались, цепляясь за выступы пластов, за камни, за колючие ветви. Над нами с криком кружили коршуны и орлы, гнездившиеся поблизости на уступах. Раз у меня из-под ног выскользнул камень, и я повис на одной руке. Помню, меня поразила моя рука, исхудавшая, на которой выступали все мускулы и вены. Саженях в трех от земли я оборвался снова и на этот раз упал. По счастью, трава была высокая, шелковистая. Я не разбился, но все же потерял сознание от удара.

Мстега привел меня в чувство. Поблизости оказался источник, обложенный тесаными камнями, который живым ручейком убегал вдаль, к середине долины. Несколько капель воды возвратили меня к жизни. Вода! Какое блаженство! Я пил воду, я дышал свежим воздухом, валялся по сочной траве и смотрел на небо сквозь веерную зелень пальмы. Я без раздумий, без мысли отдавался радости бытия.

Глава пятая

Шум шагов вернул меня к действительности. Я вскочил на ноги, проклиная себя за то, что мог так забыться. В одно мгновение вихрем пронеслось в моем уме сознание нашего положения. Мы были в стране, населенной неизвестным племенем,

ни языка, ни обычаев которого мы не знали. Мы были обессилены страданиями тяжкого пути и долгим голоданием. Мы были без оружия, потому что в пустыне я побросал все, все — даже ружье, даже свой неразлучный стилет... Но я еще не успел принять никакого решения, как на полянке показалась кучка людей. Один из них был до пят закутан в сероватый плащ, остальные были голые негры бечуанского типа. Видимо, они нас искали. Я двинулся им навстречу.

— Привет владыкам этой страны! — громко и отчетливо произнес я на наречии бечуанов. — Странники просят у вас приюта.

Слова свои, сколько возможно, я пояснял знаками. При моих первых словах негры остановились. Но тотчас же человек в плаще закричал им тоже по-бечуански, хотя и с особым выговором:

— Рабы, повинуйтесь и исполняйте.

Тогда пятеро человек с исступленным ревом кинулись на меня. Я думал, что меня хотят убить, и встретил первого таким ударом кулака, что тот покатился по земле. Но мне было не под силу бороться с несколькими врагами. Меня повалили и крепко связали особыми ремнями. Я видел, что то же сделали и с Мстегой, который не оборонялся. Затем нас подняли и понесли. Я понимал, что кричать и говорить бесполезно, и только замечал дорогу.

Нас долго несли полями, быть может, и час. Везде видны были кучки работающих негров, удивленно останавливавшихся при нашем приближении. Потом пронесли нас через лесок около Горы. В самой Горе стала видна темная арка, ведущая в ее недра. Нас внесли под ее желтые своды, и начался путь по каменным проходам, скудно освещенным редкими факелами.

По узким спиралям спустились мы куда-то вниз, и на меня повеяло сыростью погреба или могилы. Наконец меня бросили на каменный пол во мраке подземной темницы, и я остался один. Мстегу унесли куда-то в другое место.

Сначала я был ошеломлен, но понемногу оправился и стал осматривать свое помещение. То была темница, высеченная в самом сердце Горы; в длину и ширину она была сажени полторы, в высоту немногим выше человеческого роста. Темница была пуста — не было ни ложа, ни соломы, ни кружки с водой. Уходя, бросившие меня негры задвинули вход тяжелым тесаным камнем, который я не мог пошевельнуть. Попытался я было ослабить свои путы, но и это оказалось мне не под силу. Тогда я решил ждать.

Через несколько часов послышался мне гулкий стук шагов по каменному сходу. На серые своды упали красноватые отблески факелов. Отвалили камень у входа. В мою тюрьму вошли двое человек, закутанных в серые плащи, за ними виднелось пятеро голых негров. Один из бывших в плаще направил свет факела мне в лицо и сурово спросил:

— Чужеземец, понимаешь ли ты меня?

Вопрос был предложен по-бечуански, но произношение отличалось особым изящным выговором.

— У всех народов, — отвечал я, — почитают гостя. Я пришел к вам как гость, как друг. За что вы связали и бросили меня, как злодея?

Человек в плаще спросил меня:

— Откуда ты прибыл?

— Я житель Звезды! — бросил я ему.

Двое, бывшие в плащах, переглянулись. Я в это мгновение разглядел их лица: по цвету кожи они приближались к арабам. Говоривший со мной спросил опять:

— С какой Звезды прибыл ты?

Я побоялся назвать Марс.

— С утренней и вечерней, потому что это одна и та же Звезда, только видимая в разное время. Я сын царя этой Звезды. И мой отец сумеет отомстить за меня, если вы сделаете со мной что-нибудь дурное; он сожжет ваши поля, раздавит самую Гору...

— Мы не боимся ничьих угроз, — прервал меня человек в плаще.

— По нашим законам чужеземцы, зашедшие к нам из других стран, становятся рабами, но ты прибыл со Звезды и потому умрешь.

— Вы не посмеете! — вскричал я.

— Я, член верховного совета, Болло, зять царя, ныне собственной властью приговариваю этого человека к смерти. Рабы, повинуйтесь и исполняйте.

Сразу на меня бросились пятеро. Меня быстро развязали. Четверо негров навалились мне на руки и на ноги, пятый сел мне на грудь и приготовил нож. Я видел над собой его отвратительное лицо. Палач ждал знака, я же, задыхаясь, выкрикивал:

— Это стыд, это убийство... Вы нарушаете свои законы, вы нарушаете законы всех людей. Гость священен...

Болло холодно сказал мне:

— Мы законы исполняем. Твой раб будет нашим рабом, а ты умрешь.

И он уже повернулся, видимо, чтобы уйти. В отчаянной тоске я рванулся за ним, я звал его:

— Остановись! Пусть и я буду рабом! Буду служить вам верно, покорно... Какая выгода меня убивать... сжальтесь.

Болло опять обернулся.

— У тебя кожа белая, — проронил он.

— Так что ж, что белая! Разве я не могу работать! Я могу быть рабом. Я силен!

— Но ведь ты житель Звезды?

— Да, я житель Звезды, — с непонятным упорством прохрипел я, уже задыхаясь, — но это ничего! Я солгал, что за меня отомстят. Я не могу подать знака своим. Я бессилен. Я не опасен вам. Сжальтесь, сделайте меня рабом.

Не знаю как, я несколько высвободился, я тащился по каменному полу за своим судьей, ловил край его одежды.

Второй человек в плаще, до сих пор молчавший, что-то сказал Болло на языке, мне непонятном. Болло опять обернулся. Я видел, что он улыбался.

— Хорошо, — медленно сказал он мне, — ты будешь рабом, ты способен быть рабом.

Глава шестая

Меня повели вверх по прежним переходам, ежеминутно толкая вперед, потому что я был очень слаб. После довольно долгого пути открылась громадная [полутемная] зала, под сводами которой лежала вечная мгла. Красное зарево костров смутно озаряло толпу рабов в несколько тысяч человек, дикую, шумную. При нашем появлении все, бывшие поближе, сразу стихли.

— Завтра тебе укажут работу, — сказали мне.

Я остался один в толпе дикарей

и от усталости тут же упал на пол. Вокруг меня тотчас столпились любопытные. Меня рассматривали, трогали мою кожу, надо мной хохотали. Я не сопротивлялся. Наконец протиснулась ко мне древняя старуха, которая пожалела меня.

— Видите, он устал, пусть отдохнет, — сказала она другим.

Я попросил есть. Старуха принесла мне маису. Я накинулся на него с жадностью.

— Ты откуда? — спросила у меня старуха, сидя около меня на корточках.

— Из другой земли, из другого народа.

Старуха меня не поняла, а только покачала головой. Тогда я спросил ее в свой черед:

— А кто люди в плащах?

Старуха удивилась:

— Да лэтеи.

— Что значит лэтеи?

— А господа наши. Мы рабы, а они лэтеи.

— Видишь ли, бабка, — сказал я. — Я пришел очень издалека. За соляной пустыней живут другие люди. О вас мы ничего не знаем. Расскажи мне, как вы здесь живете.

— Как живем? Как все живут. Работаем.

— А что же делают лэтеи?

— Как что? Они наши господа.

— Где же лэтеи?

— А наверху.

Я смутно начинал угадывать истину. Но утомление мешало мне расспрашивать дальше. Я опустился на грязную циновку и под рев многотысячной толпы заснул железным сном.

Утром меня разбудил оглушительный бой барабана. Рабы покорно поднимались и шли к выходу. Я побрел за другими. У дверей особые распорядители [разбивали] нас в отряды и уводили на отдельные участки поля работать. Солнце только что показывалось из-за края обрыва. Мне дали лопату, и вместе с другими я стал вскапывать поле. Надсмотрщики все время бродили около и нещадно били палками по плечам всякого заленившегося. Побои принимались рабами молча и покорно. В полдень был отдых часа на два, нам опять дали маису. Я пытался заговорить со своими сотоварищами, но они не отвечали. После обеда работа возобновилась и продолжалась до захода солнца.

Вечером нас опять загнали в залу нижнего этажа. Женщины, проводившие день за тканьем и другими ручными работами, уже ждали нас. Начался ужин и оргии животного отдыха. Каменное эхо стен гремело от рева и хохота...

Я блуждал по зале среди веселящихся рабов. Любопытные ходили за мной. Я видел стариков, уныло и молчаливо сидящих вокруг костра, видел молодежь, спешившую грубо насладиться часами свободы, видел матерей, как тигрицы ласкавших и кормивших своих детей, с которыми весь день они были разлучены. Я видел везде отупелые лица, слышал бессмысленные восклицания. Даже мне, привыкшему к жизни дикарей, сделалось страшно [от] этого животного состояния целого племени.

В одном из углов я увидел Мстегу. Вокруг него собралось несколько юношей, с любопытством слушавших его рассказы. Увидев меня, Мстега дико обрадовался, бросился ко мне, упал в ноги.

— Господин! — твердил он. — Господин!

— Молчи, — сказал я ему. — Здесь не хотят знать, что я госпо-

дин. Они жестоко поплатятся. Кто знает, может быть, вся Гора будет стерта с земли.

Я заметил, что слова мои произвели впечатление. Когда немного погодя я подошел к кружку стариков, гревшихся у костра, один из них сказал мне:

— Нехорошо, друг, говорить такие слова, как ты сказал.

Я возражал ему почтительно:

— Отец мой! Посуди сам. На родине я царский сын. Сюда пришел по своей воле, а не взят в плен во время войны. Почему же они не приняли меня как гостя, а обходятся со мной жестоко?

— Сын мой, — важно отвечал мне старик, тряся седой головой над пламенем, — не знаю, что говоришь ты о другой стране, я слышал о ней и в юности, но не знаю. Здесь же надлежит повиноваться лэтеям! Много тысяч зим прошло, как стоит эта Гора, и доныне ничем не потревожена власть их. Все другие были рабами, господа только лэтеи. Так идет от начала, сын мой! Поверь старику, который много слышал.

Другие старики, все сморщенные, безобразные, одобрительно закивали головой. Но когда я вернулся в свой угол и наконец остался один, ко мне подошел юноша лет восемнадцати. Он стал передо мной на колени, как перед лэтеем, и сказал мне:

— Меня зовут Итчуу́, я тоже верю, что ты господин...

Я видел, что он хочет еще что-то добавить, и спросил его:

— А ненавидишь ли ты лэтеев?

Очи юноши ясно засверкали во мраке, и он прошептал, глядя прямо на меня:

— Клянусь предками и солнцем ненавидеть их всегда и сделать им столько зла, сколько могу.

Это восклицание заронило в мою душу смутную надежду. Но, засыпая на грязной циновке, как раб среди рабов, готовясь завтра снова начать день мучительного труда, я с отчаянием думал, что Гора так же далека от меня, как и в Проклятой пустыне. Я здесь, в ее стране, но свою жизнь она таит от меня ревниво. Кто эти лэтеи, истинные властители страны? Какая жизнь, какие чудеса свершаются там, в таинственных переходах верхних этажей? И еще сильней, чем в Пустыне, Гора Звезды влекла к себе мои помыслы. Засыпая, я давал себе клятву остаться в этой стране, пока не озарю эту тайну до дна.

Глава седьмая

В несколько дней я совершенно вошел в новую жизнь. Я покорно работал в поле, исполнял повеления надсмотрщиков, но пользовался всяким случаем, чтобы увеличить свое значение среди рабов. Я рассказывал им любопытные истории, рисовал углем их портреты, лечил как умел, во время работы придумывал разные приспособления, чтобы облегчить труд. Так, когда мы поднимали бревна, я устроил блок, вещь, здесь невиданную, смотреть которую приходили и лэтеи.

Среди рабов я пользовался большим почетом. Итчуу и еще двое юношей поклонялись мне. Даже старики стали смотреть на меня менее враждебно. Но все мои попытки ближе взглянуть на жизнь таинственных владык Горы оставались тщетными. Я видел лэтеев лишь как надсмотрщиков, да изредка на террасах, опоясавших Гору, мелькали сероватые силуэты. Но я уже знал, что по но-

чам, когда рабы заперты в своей зале, лэтеи спускаются в долину и гуляют по аллеям между лугов под деревьями. Я уже знал, угадывал, что там, наверху, есть роскошь, есть наука, искусства. Однажды всю ночь простоял я у входа в нашу залу, слушая звуки нежной музыки, долетавшие откуда-то сверху.

На седьмой или восьмой день моей жизни рабом пришел праздник Посева. В этот день сам царь со свитой объезжает поля. С утра нас вывели в поле и построили, как солдат, в ряды у дороги. Насколько хватал глаз, везде на полях видны были такие же правильные группы рабов. Надсмотрщики хлопотали, устанавливая их красивее и втолковывая, как надо приветствовать царя, вельмож и царскую дочь. Лэтеи имели свой особый выход из Горы, с противоположной стороны, чем рабы; поэтому мы не видели, как царский поезд вышел в долину. Только громогласные крики, долетавшие до нас, показали, что объезд начался. Нам, однако, пришлось ждать своей очереди до полудня.

Крики понемногу приближались к нам. Наконец стали видны царские носилки. Их несли шестеро дюжих рабов. Около каждого поля царь останавливался и милостиво беседовал с надсмотрщиками. Когда царские носилки поравнялись с нами, я успел рассмотреть царя. То был уже совершенно седой старик, но с осанкой истинного владыки. Черты лица его были правильны и напоминали тип древних египтян. Одет он был, как все лэтеи, в сероватый плащ, но на голове его было особое украшение, служившее короной, все усыпанное самоцветными камнями.

Мы, как было приказано, упали на колени и прокричали: «Лэ!», царь проговорил несколько слов на особом лэтейском языке, обращаясь к нашему надсмотрщику, потом махнул рукой, и носилки направились дальше. За царем шла длинная процессия лэтеев, женщин справа, мужчин слева. Все были в серых плащах, все с украшениями из драгоценных камней и золота. Ноги были в сандалиях. Волосы у мужчин обрезаны, у женщин собраны в красивые прически. Некоторые держали в руке какой-то музыкальный инструмент в виде лиры и пели. Другие разговаривали между собой и смеялись. Лица их почти все были очень красивы, только бледны слишком.

Мы кричали [«Лэтэтэ!»], пока процессия проходила. За лэтеями, шедшими пешком, рабы опять несли носилки. То была дочь царя, царевна Сеата. Ее носилки были маленькие, изогнутые, тоже убранные блестящими камушками. Царевну не было видно за розовыми пóлами из какой-то тонкой материи. По сторонам носилок шло несколько юных лэтеев, очень хорошеньких.

Когда носилки поравнялись с нами, царевна вдруг открыла розовые полы и сделала знак остановиться. Я увидел бледное красивое лицо, большие черные глаза и прелестную руку. Царевна подозвала знаком надсмотрщика и что-то говорила ему. Но мне показалось, что она смотрела все время на меня. Конечно, она слышала о странном [иностранце], а из числа рабов я выделялся цветом кожи. Вот скрылись и носилки царевны. Весь поезд прошел дальше и скрылся за поворотом. Скоро и нам объявили, что мы свободны, загнали нас в нашу залу и дали бочку хмельного маисового напитка, встреченного рабами с ревом восторга...

Но в моей памяти запечатлелось

глубоко лицо царевны Сеаты. Безумная мечта овладела моей душой, и я не мог с ней бороться. Я почему-то был уверен, что именно она связана с моей жизнью. Так, задумавшись, сидел я в стороне от гогочущей толпы, когда ко мне подошел Итчуу.

— Учитель, — сказал он, — я хочу тебя спросить.

— В чем дело, друг?

— Скажи мне, что лэтеи — люди?

— Как? Люди ли?

— Разве они такие люди, как мы? И они умирают?

Я уже понял.

— Конечно, они люди, такие же, как ты, как все здесь. Конечно, они умирают. Неужели ты никогда не узнавал, что умер царь, или надсмотрщик, или еще кто...

— Нет, не слыхал, — пробормотал юноша.

Он отошел от меня еще в некоторой неуверенности...

Глава восьмая

На ночь все рабы должны были собираться в большой зале нижнего этажа Горы. Зала эта имела в поперечнике не меньше ста саженей и занимала, вероятно, больше трех десятин пространства. В нее вел широкий проход длиною саженей пятьдесят. Ночью проход этот задвигался особыми камнями, и на стражу становился очередной лэтей, который должен был убивать каждого раба, который попытался бы выйти в долину.

Несмотря на то, рабы умели обманывать бдительность сторожа, и нередко смельчаки уходили ночью в Гору искать добычу; особенно ценились оружие и водка. Порция хмельного напитка, розданная на празднике Посева, разлакомила рабов. На другой день вечером пошли толки, что хорошо бы было раздобыть еще водки. Идти на добычу вызвались двое: Ксути, человек бывалый, уже немолодой, и мой знакомец, Итчуу. Я попросил, чтобы взяли и меня. Старики после некоторого колебания согласились.

Первая трудность состояла в том, чтобы проскользнуть мимо сторожа-лэтея у выхода из Горы в долину. Нам это не оказалось трудным. Лэтей дремал, положив около себя свой короткий меч. Мы проползли осторожно через поляну перед самой Горой, так как нас могли заметить с террас. В первом леске мы встали на ноги.

Тишина царила над долиной. Лэтеи утомились вчера в день праздника. Никто не вышел гулять в лунном свете. Пустынны были красивые аллеи среди вечерних пальм. Никого не было видно и на отдаленных террасах. Однако, соблюдая осторожность, мы пробирались от дерева к дереву и так обошли весь полукруг Горы. Там был второй вход в нее, ведший сначала в кладовую, а потом крутой лестницей уходивший в верхние этажи. И у этого входа всю ночь стоял на страже кто-нибудь из лэтеев.

Выйдя опять на поляну, мы поползли снова. Скоро я различил сторожа. Он сидел под сводом входа, голова его свешивалась на грудь, он тоже спал. Сторожить, видимо, стало для лэтеев простой условностью, проформой.

— Мы можем проскользнуть мимо него, он не услышит, — сказал я своим спутникам.

Действительно, я прополз в двух шагах от спящего лэтея, я отчетливо видел его бритое лицо и золотые

кольца на его пальцах, но он даже не пошевелился. Ксути последовал за мной.

— Здесь, — сказал мне Ксути, когда на конце короткого прохода открылась зала, похожая на нашу залу Рабов, но меньшая по размерам. — Здесь и акэ [водка], и хлеб, и топоры.

Я вглядывался во мрак, к которому начинали привыкать мои глаза, как вдруг меня поразил тихий смех сзади. Ксути, весь затрепетав, посмотрел на меня. Смех шел от входа. Мы пошли назад. Под сводом лежал неподвижно лэтей-сторож, а над его телом сидел на корточках наш Итчуу и, покачиваясь из стороны в сторону, неудержимо смеялся.

— Что с тобой, Итчуу? — спросил я.

— Смотри, учитель, смотри... он мертв!.. Лэтеи — люди!.. Они умирают.

Итчуу, ползший сзади нас, задушил сторожа.

Ксути был [смертельно] испуган.

— Быть беде, — твердил он, — ты слишком молод, ты не знаешь, что теперь грозит нам! Горе! Горе!

— Да, ты это сделал напрасно, — сказал я. — Завтра его найдут и догадаются, что мы сюда приходили.

— Нет, учитель, я его унесу в лес и закопаю. А он мертв! Мертв!

Юноша готов был плясать. Но нам нельзя было терять много времени. Мы опять пошли в кладовую. Ксути, бывавший уже здесь, провел нас прямо к бочкам с водкой. Оба негра стали жадно наполнять принесенные с собою сосуды и тут же пробовать дорогой напиток.

— Не пейте много, — строго заметил я, — иначе, опьянев, вы заснете и завтра лэтеи убьют вас.

Но мне не хотелось оставаться с ними. Я различал во тьме лестницу, которая вела в верхние этажи, в это таинственное царство таинственных лэтеев. Я не мог преодолеть искушение, я решился проникнуть туда. Я уже сделал несколько шагов вверх, когда у меня мелькнула новая мысль. Я вернулся назад ко входу, где лежал мертвый лэтей, снял с него плащ и завернулся в него. Это могло спасти меня при какой-нибудь нечаянной встрече.

Так в плаще лэтея поднялся я по лестнице. Она вывела во второй этаж в центральную залу. В этой зале горели два факела. Она была пуста. Никакого убранства в ней не было. От нее радиусами исходило пять коридоров, ведших, вероятно, в жилища лэтеев. Я не решился идти туда, а пошел выше. После трех поворотов я оказался в третьем этаже. На этот раз это была роскошно убранная зала, ярко озаренная факелами и блистающая украшениями из самоцветных камней и блестящих металлов. Потолок ее изображал звездное небо. Созвездия были сделаны из крупных алмазов, а семь планет из рубинов, особенно ослепительным сделан был Марс; вокруг рубина, изображавшего его, шла кайма из мелких бриллиантов. На одной стене было изображено Солнце из золота, а на противоположной — изображение Луны из серебра. Я долго [блуждал?] в этой зале, а после хотел идти через широкую арку в соседнюю, но там я увидел, что перед желтым балдахином, закрывавшим вход в следующую комнату, спали на коврах лэтеи, положив около себя мечи. Я догадался, что это была дверь в комнату царя. При звуках моих шагов один из стражей проснулся, поднял голову и открыл

сонные глаза, но тотчас же опять опустился на ковер, и опять послышалось его ровное дыхание. Однако я пошел назад и попал в узкий проход. Он вывел меня на террасу. Полная луна светила ярко. Широкая терраса была пустынна. Только на противоположном от меня краю стояла одинокая фигура женщины, облокотившейся на парапет. Я приблизился. То была царевна Сеата.

Глава девятая

Несколько мгновений я колебался, потом выступил вперед, стал прямо перед царевной. Она вздрогнула, вскрикнула, что-то спросила на языке лэтеев. Я опустился на колени и сказал:

— Царевна, я царский сын, у вас я раб, я несчастный, который пришел сюда, чтобы посмотреть на тебя.

Лунный свет падал прямо мне в лицо. Сеата не могла меня не узнать.

— Зачем ты пришел? — медленно проговорила она, как бы колеблясь, не зная, как ей поступить.

— Я видел тебя однажды, царевна! Ты показалась мне прекраснее всего, что я видел и на своей Звезде, и на этой. Я пришел еще раз взглянуть на тебя и умереть.

Царевна молчала, глядя мне прямо в глаза. Я трепетал.

В ответ на мои пышные речи она сейчас могла позвать стражу, и я бы погиб... Но опять медленно и раздельно царевна спросила меня:

— Ты прибыл к нам со Звезды?

— Да, с утренней Звезды, с того мира, который бывает виден здесь, как яркая звездочка перед восходом.

— Зачем покинул ты родину?

— Я предугадывал, что увижу тебя, царевна!

Но так как мои льстивые слова прозвучали слишком грубо, я поспешил добавить еще:

— Тягостно жить, царевна, в одних изведанных пределах. Душа жаждет иного, нового, хочет проникнуть в области Тайны. Все неведомое влечет к себе.

Лицо царевны странно оживилось, я видел, как тени забились на ее чертах.

— Ты хорошо говоришь, чужестранец, — промолвила она. — Скажи мне, у вас, на вашей Звезде, все то же, что здесь, или иное? Иное небо? Иные люди? И жизнь?

— Там много, царевна, такого, о чем ты не можешь помыслить, о нашей жизни, не знаю, сумела бы ты мечтать. Ты не должна обижаться, царевна. Я жалкий раб в вашей стране, но я говорю правду. Насколько здесь, в стране Звезды, вы стоите выше рабов, настолько мы в нашей стране выше вас. Наши знания для вас тайна, наше могущество — чудо. Подумай, что я мог прибыть к вам через звездные пространства.

Высказывая эти гордые слова, я встал с колен, я говорил властно, и царевна впивалась в каждое мое слово, упиваясь ими.

Вдруг она отшатнулась.

— Скажи мне, кто там? — воскликнула она.

Я обернулся. Через поляну, ярко озаренную луной, явственно переходили две тени. Это возвращались Ксути и Итчуу. Оба они были пьяны, забыли о необходимых предосторожностях и прямо через поле тянули куда-то труп убитого лэтея.

С горечью отвечал я царевне:

— Это два моих сотоварища. Они показали мне путь сюда. Сами же они ходили воровать водку. Вот я раб, царевна! Вы сделали меня рабом! Прощайте же, я должен вернуться во мрак... Впрочем, вероятно, вы прикажете завтра умертвить... Видишь, они несут тело... Это они убили лэтея... [...] Прощай же навсегда, царевна.

Последние слова я договаривал, сбиваясь. Царевна молчала, и это лишало меня уверенности. Я резко повернулся, чтобы уйти.

Вдруг царевна окликнула меня:

— Чужеземец, постой! Я хочу еще говорить с тобой. Ты не должен умереть. Мне еще надо говорить с тобой.

— Может быть, это в твоей власти, — холодно сказал я.

Царевна задумалась.

— Слушай меня, — сказала она после долгого [нового] молчания, — я не могу нарушить законов страны. Вернись осторожно туда... к рабам... где ты всегда... Завтра я позову тебя.

И вдруг, отшатнувшись, она закрыла лицо руками. Я медленно пошел прочь, прошел через Звездную залу во второй этаж, потом в нижний. Никто меня не видал. Я перешел твердым шагом, не наклоняясь, через поляну и вернулся ко входу в залу Рабов. Сторож-лэтей спал по-прежнему.

Скоро я был снова среди рабов. Толпа дико ликовала вокруг принесенной водки. Увидя на мне плащ лэтея, все пришли в бешеный восторг. Пьяный Итчуу, шатаясь, подошел ко мне.

— Учитель, — сказал он умиленно, — ты прав... ты совсем прав... Лэтеи — люди... Но ведь и ты человек, учитель...

И он начал хохотать бессмысленным смехом.

Глава десятая

На другой день утром, когда я уже работал в кокосовом лесу, к нашему надсмотрщику подошел посланный раб. Он стал на колени и показал ему красиво сработанный браслет.

— Господин, я от царевны, — сказал он, — она хочет, чтобы ты прислал к ней того раба, который у нас недавно, с белой кожей.

Наш надсмотрщик почтительно поцеловал браслет, поманил меня пальцем и грубо приказал мне идти за посланником. Я повиновался молча. Так странно было мне идти свободно по широкой дороге, среди работающих рабов. По той же лестнице, где я прошел вчера, мы поднялись во второй этаж. Если нам встречались лэтеи, проводник мой падал на колени, я делал то же. Из Круглой залы в третий этаж оказалась еще вторая лестница, узкая и темная, совершенная нора, нарочно сделанная для рабов. Она вывела нас в небольшую комнату, служившую царевне как бы прихожей.

— Подождем, — угрюмо сказал мой вожак.

Я спросил его, кто он, раб ли самой царевны, но он не ответил. Скоро из комнаты царевны выбежали две молоденькие рабыни, увидали меня, закачали головами и снова убежали. Вернулись они с тазом из цельной яшмы с теплой водой и, хохоча, начали меня отмывать. Я втайне был очень рад этому. Потом на меня накинули особый короткий «полурабский» плащ, так как я был совершенно без одежды. Эти две девушки тоже не отвечали на мои вопросы, но были очень смешливы и хохотали без умолку.

Наконец, в последний раз осмотрев меня, они порешили, что я до-

стоин предстать пред светлые очи царевны. Меня провели через второй покой в опочивальню.

То была небольшая комната, красиво убранная изумрудом и бирюзинками. Факел, [стоявший] в изящной подставке посередине, освещал ее довольно полно. Царевна полулежала на каменном ложе, покрытом подушками из орлиного пуха. Две другие рабыни держали около нее два маленьких благоуханных факела, не для света, а для аромата. Ручной орленок стоял у ног царевны.

Я вошел и поклонился по-европейски. Царевна наклонила в знак приветствия голову.

— Мы слышали, — сказала она мне, — что ты прибыл к нам с другой Звезды. Я тебя позвала, чтобы ты рассказал мне о своей родине.

Я знал, что от моего рассказа зависит мое будущее, что я должен увлечь царевну, пленить ее, что только это даст мне надежду проникнуть в ревниво хранимую Тайну Горы.

Я начал говорить. В ясных, простых, но ярких словах описывал я чудеса европейской цивилизации, многомиллионные города, железные дороги, переносящие через тысячи верст со скоростью ветра, океан и покорившие его пароходы, телеграф и телефон, переводчики мысли и голоса. От своей родной Звезды перешел я ко вселенной, стал рассказывать о Солнце, о безмерных пучинах пространства, о звездах, свет которых добегает до нас через тысячи лет, о планетах и законах, которые неуклонно стремят их вдоль по их орбитам. Я прибавлял вымыслы к истине, говорил о двойных солнцах, о зеленой заре, созданной лиловым светом второго светила, о живых растениях, ласкающихся друг к другу, о мире ароматов, о мире вечно блаженных бабочек андрогин. Я по пути сообщал неожиданные тайны науки о воздухе и электричестве, намекал на истины математики, сколько мог приводил в переводах наших поэтов... Я замолчал только после того, как мой голос окончательно перестал служить мне, в полном изнеможении...

Я говорил часа три, может быть, больше. Все это время царевна слушала меня с неослабевающим вниманием. Я видел, что она была захвачена рассказом, я победил. Но лучшим торжеством моего рассказа было то, что то у одной, то у другой рабыни вырывались восклицания:

— Как хорошо! Ах, что за чудеса!

Когда я замолчал окончательно, Сеата встала со своего ложа.

— Да, ты умней всех наших мудрецов, — сказала она восторженно, — не рабом тебе здесь быть, а учителем. А как жаль, что ты не говоришь на нашем языке!

Царевна заметила, что я затрудняюсь в выборе выражений; меня стеснял бедный, неразработанный язык бечуанов.

— Дело нетрудно поправить, — заметил я, — поучи меня, царевна.

— Как? Изучить наш язык? — невольно воскликнула царевна. — Да разве ты сможешь?

Я улыбнулся.

— Царевна! Я знаю языки всех народов, живущих и живших на нашей Звезде, языки, звучные, как хрусталь, и гибкие, как стальные полосы. Посмотрим, однако, каков ваш язык.

И я стал задавать грамматические вопросы, приведшие царевну в совершенное изумление своей точностью и методичностью.

— Нет! Я больше не расстанусь с

тобой, — решительно сказала царевна. — Скажи мне, как звали тебя в твоей стране?

— Зачем заходить так далеко, царевна, — возразил я. — Здесь на первых порах меня прозвали Толе, то есть камень. Оставь за мной это имя.

— Хорошо, пусть будет так. Я жалую тебя, Толе, своим учителем и прошу тебя принять эту должность.

Я отвечал, что буду счастлив быть близ царевны.

Сеата ударила в маленький ручной барабан. Вошел тот же раб, который привел меня сюда.

— Ступай отыщи начальника работы, — сказала царевна, — и скажи, что я беру этого чужестранца к себе. После ступай к начальнику зал и прикажи найти свободный покой в третьем этаже. Чужестранец будет жить здесь. Так хочет царевна.

Глава одиннадцатая

С того же дня я поселился в маленькой комнатке третьего этажа. В этом третьем этаже жили лишь знатнейшие лэтеи, потомки трех семейств, которым в разное время принадлежала в стране царская власть. Как слугу я взял к себе Мстегу.

В законах страны было определенно сказано, что все чужестранцы должны становиться рабами; поэтому я считался личным рабом царевны. Такого послабления она добилась не без труда, сама ходила просить отца, и тот наконец уступил. Впрочем, мне приказано было явиться к Болло, чтобы выслушать его предупреждения. Не без неприятного чувства предстал я перед этим вельможей, который видел мои унижения, которого я молил о жизни, хватаясь за край одежды. Болло заставил меня долго прождать себя, наконец появился в сопровождении двух рабов, несших факелы. Я приветствовал его поклоном, и мы несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Он заговорил первый:

— Итак, ты уже не считаешь себя рабом? Не считаешь нужным стать на колени? С каких это пор?

Я отвечал твердо:

— Приходя к вам, я не знал ваших жестоких законов. Гость везде священен, вы же обошлись со мной как со злодеем. Я подчинился силе, мог работать как раб, но сделать рабом меня не может никто. Я по рождению свободный, я царский сын, я оставался им и в рабстве.

Болло смотрел на меня почти с насмешкой.

— Наша царевна, — сказал он с ударением, — хочет, чтобы ты забавлял ее. Мы согласились. Ты можешь жить там, где она тебе укажет. Помни, однако, что такова воля царевны. Если она изменит решение, ты вернешься на свое место к рабам. Ступай.

Я молча повернулся. Но Болло, видимо, не кончил, он опять позвал меня.

— Слушай еще. — Тут лицо его стало мрачным. — Недавно один из наших, стоявших на страже, исчез неизвестно куда. Прежде этого не бывало. Молчи! Не возражай мне! Если еще раз я узнаю, что ты склонял рабов к чему-либо подобному... знай, сумеем найти пытки, о которых ты не слыхивал на своей Звезде. Ступай! Нет, стой еще. Помни, что мы за тобой следим. Царевна может забавляться, мы же обязаны блюсти безопасность страны. Ну, теперь ступай совсем.

Я вышел в бешенстве.

Меня успокаивал, впрочем, истинный восторг царевны. Она упивалась моими уроками. Она готова была учиться с утра до вечера. Я знакомил ее с европейскими методами математики, с физикой, с философией и с историей наших классических народов. Со своей стороны, я жадно учился языку лэтеев и пользовался всяким случаем, чтобы ближе ознакомиться со страной. Мне помогало то, что царевна несколько стыдилась передо мной за свою страну; желая показать мне, что и они стоят не на низкой ступени развития, она показала мне много чудес, скрытых в Горе. Я видел роскошно убранные залы третьего этажа, среди которых, однако, Звездная зала была самой любопытной. Я видел музеи и библиотеки четвертого этажа. У лэтеев была самостоятельная литература; книги писались на тонких листах золота заостренным алмазом.

В музеях были собраны редкие камни, замечательные изделия из металлов и целый ряд прекрасно выполненных статуй. Некоторые были из бронзы, другие из камня, но самые замечательные были те, которые были высечены из самой толщи скалы, образовывали одно целое с полом, на котором стояли.

Но все мои попытки проникнуть выше, в пятый этаж, в Царство Тайны, как его называли, царевна отклоняла. Там жили жрецы, туда собирались на молебствия, и для меня вход туда был решительно закрыт.

Вместе с тем, ближе знакомясь с жизнью лэтеев, я яснее чувствовал, что в ней была какая-то тайна. Лэтеи употребляли некоторые слова в каком-то особом смысле: «звезда», «наши», «глубина» — они разумели под ними что-то особое.

Однажды я решился прямо спросить Сеату:

— Скажи мне, царевна, ваш народ не пришел сюда тоже с другой Звезды?

Сеата явно вздрогнула и после молчания сказала решительно:

— Об этом нельзя говорить. Ты не знаешь, но здесь есть то, о чем нельзя говорить. Не спрашивай меня никогда о наших тайнах.

Я должен был повиноваться.

Через неделю я уже мог объясняться на языке лэтеев. Скоро я начал свои уроки читать на том же языке. Слушать меня, кроме царевны, собирались другие молодые люди и подростки. Я знакомил их с европейскими методами математики, с зачатками физики, излагал им учения наших величайших философов и пересказывал истории классических народов; именно история больше всего увлекала моих слушателей.

Глава двенадцатая

Я не сразу понял, чего искала во мне Сеата, каковы были ее истинные чувства ко мне. Это непонимание привело меня к очень тяжелой сцене еще в первые дни моей жизни среди лэтеев.

Только научился я немного говорить на языке лэтеев, как царевна пригласила меня на большую охоту за орлами; то была самая любимая забава лэтеев. Я согласился, хотя и знал, что присутствие мое будет ненавистно многим из обычных спутников царевны, которые тяготились обществом бывшего раба. Действительно, мне пришлось вынести немало презрительных взглядов и колких замечаний. Особенно враждебно относился ко мне Латомати, изящный

юноша из третьего этажа, значит, из знатнейших лэтеев; так, он, обращаясь ко мне, упорно пользовался наречием бечуанов, [которым] говорят с рабами, и я не мог ничего возразить, потому что действительно по-бечуански объяснялся лучше, чем по-лэтейски.

Охота была устроена ночью, так как днем сходить в долину считалось неприличным. Месяц был на ущербе, но все же светил довольно ясно. Охотников, кроме меня и царевны, было восемь человек, среди них две девушки. Все шли, оживленно болтая, до края котлована, что составляло верст пять. В нескольких местах снизу были устроены всходы к Проклятой пустыне. По одной из этих тропинок мы начали подыматься.

Надо было при лунном свете разыскивать орлиные гнезда, подкрадываться к ним и бить орлов стрелами. Это было довольно занимательно и не совсем безопасно. Охотники рассеялись. За каждой дамой следовали ее кавалеры. За царевной шел Латомати, потом некто Болалэ и я, как ее раб.

Мы увлеклись охотой. Латомати выследил гнездо, но не сумел подкраться. Орлица, заслыша шаги, взлетела, но, оберегая неоперившихся птенцов, начала носиться над нашими головами; со страшным шумом рассекала она воздух в полете. Латомати выстрелил из лука, но промахнулся. В бешенстве он напал на птицу со своим коротким мечом. Болалэ пытался взять из гнезда орленка. Орлица налетела на него.

Царевна же заметила другое гнездо, повыше, и, сделав мне знак следовать за ней, стала подниматься. Мы подкрались довольно удачно, царевна спустила лук, но тоже промахнулась. Орел взлетел ракетой, покружился минуту в воздухе, упал и заковылял по камням дорожки. Мы бросились его преследовать.

Так все охотники потеряли один другого из виду. Я случайно поднял в это время голову и был поражен. Громадная черная туча закрывала небо. Надвигалась страшная тропическая гроза, ураган, который бывает однажды в несколько лет, но остается памятным на целые десятилетия.

— Царевна, — окликнул я, — надо бежать!

Но было уже поздно. В две-три минуты туча закрыла все небо, луну и свет звезд. Наступил непроглядный мрак. Затем завыл ветер, внизу под нашими ногами застонали пальмовые деревья.

Уцепившись за кусты, мы едва могли держаться на узкой тропинке, извивавшейся по отвесу. Хлынул африканский ливень, сразу пронзивший нас, ударявший по телу, как тяжелый град. Земля стала скользкой. Беспрестанные молнии разверзали небо, и грохот грома не прекращался вовсе.

Каждое мгновение мы могли скатиться в пропасть. Я уперся твердо в какой-то камень и поддерживал царевну, которая жалко перепугалась. При блеске молний я видел ее совсем побледневшее лицо и пальцы, конвульсивно сжимавшие ветку кустарника. Вдруг при новом потоке дождя камень под моей ногой дрогнул: вода его подмачивала.

«Все равно, — подумал я, — если я разобью сегодня голову, ничего не будет потеряно; если же мы останемся в живых — это послужит мне на пользу...»

И, наклонясь к Сеате, чтобы она могла расслышать мои слова сквозь грохотание грома, рев ветра и шум дождя, я крикнул ей, стараясь при-

дать своему голосу оттенок отчаяния:

— Царевна! Кажется, наша смерть близка! Но я не хочу умереть, не сказав тебе, что люблю тебя. Полюбил тебя с первого взгляда. Моей единственной мечтой было однажды в жизни поцеловать твою руку. Моя царевна! Прощай навсегда!

Камень под моей ногой действительно быстро пополз вниз. Я покачнулся, выпустил царевну, но удержался еще, поймав какую-то новую ветку. Опять вспыхнула молния, и на одно мгновение я опять увидел лицо Сеаты. Но в нем не было страха, в нем не было и того волнения, какого я ждал; ее лицо выражало одно — тоску, мучительную тоску.

— Ах, Толе! Толе! — ответила она мне, и голос ее все-таки достиг до меня, несмотря на гул стихий. — Зачем ты мне сказал это? А я верила в лучшее! Ах, Толе! Неужели и на твоей Звезде, как и здесь, женятся, выходят замуж и мужчины любят девушек! Неужели это везде так?

Не знаю, каким чудом эти томительные слова проникли в мое сердце. Я потерял власть над собой. Я припал поцелуем к краю ее одежды. Я чувствовал, как слезы давят мне горло.

— Прости меня, царевна, — воскликнул я, — прости! Это было безумие. То была подлость. Клянусь, я никогда не повторю этого. Никогда!— Несколько мгновений тому назад я никогда не поверил бы, что скажу такие слова.

Так стояли мы один против другого, опираясь на случайно выступавшие камни, держась за измокшие ветки. Но буря уже проходила. Блеснула полоса ясного неба, быстро становилось светло.

Через полчаса при помощи Латомати, первым заметившего нас, и подоспевшего на помощь Болалэ мы свели [царевну] по размытой тропинке в долину. Там уже ждали носилки, посланные перепуганными вельможами.

Глава тринадцатая

Царя видел я еще раз на похоронах одного лэтея. Хоронили лэтеев в подземном этаже горы, в том же, где устроена и темница. Там была особая Зала Смерти, с низкими сводами, узкая, но длинная, саженей сорок в длину. Вдоль стен ее были расставлены человеческие черепа, в самом конце стояло высокое изваяние, вероятно, изображавшее смерть. То была фигура человека, плотно завернутого в плащ или в саван, у которого вместо головы был череп; этот череп был сделан пустым внутри, и туда при совершении похорон вставлялся маленький факел, так что из орбит глаз, из отверстия носа и сквозь зубы вырывался свет.

Похороны происходили ночью. На них собрались все взрослые лэтеи, за исключением только тех, которые были назначены на стражу. Вся зала была полна народом. Царь и вельможи третьего этажа стояли отдельно. Из рабов было только четверо, несших носилки царя, да я, на этот раз державший факел сзади царевны. Увидал я и жрецов. Их пятеро. С каждым пришел мальчик, в котором подготовлялся будущий преемник жреческого сана. Жрецы были одеты в плащи красного цвета; на головах у них были короны такой же формы, как царская, лишь поменьше. Весь обряд состоял в том, что жрецы однообразно пели какие-то гимны. Я еще недостаточно знал язык лэтеев, чтобы понять их. Слыш-

но было только часто повторяемое обращение к Звезде, которая была Божеством в стране Горы.

После пения гимнов по знаку жрецов все присутствовавшие, не исключая царя, стали на колени. Один из жрецов отчетливо и многозначительно произнес следующие слова:

— Не будем ни завидовать отошедшему, ни страшиться его примера. Смерть есть тайна, поэтому почтим ее безмолвием.

Молчание продолжалось минуты две. Потом жрец опять возгласил:

— Слава Звезде!

Все встали с колен, повторяя это восклицание. Около ног статуи смерти было широкое отверстие в виде глубокого колодца. В этот колодец опять с пением начали опускать тело на веревках. Потом веревки [приподняли], и тело должно было упасть на дно. Мне послышался словно всплеск воды, но тогда я не был в этом уверен. Все начали расходиться. Лэтеи расступились, чтобы дать дорогу царским носилкам. Но вдруг царь остановил рабов и сделал мне знак подойти. Я повиновался с невольным трепетом.

— Это ты человек, прибывший к нам со Звезды? — спросил он меня на наречии бечуанов.

— Да, государь, это так, — отвечал я почтительно.

— Каким же путем прибыл ты к нам?

Я начал свою заученную басню.

— С нашей Звезды эта земля представляется маленькой голубоватой звездочкой. Наши мудрецы давно разведали, что это особый мир, где живут разумные существа. И вот у нас создали особую ладью, годную для летания между светилами. Нашлось пятеро смельчаков, которые из жажды знания рискнули жизнью и поместились в этой ладье; среди них был и я. Особые приспособления бросили нас вверх со скоростью молнии. Я говорю вверх, государь, потому что для нас эта земля была среди звезд. Мы летели осьмнадцать дней и наконец упали на Землю. Здесь мы разделились. Все мы пошли в разных направлениях. Что до меня, я долго блуждал среди дикарей, живущих около соляной пустыни, там я достал себе раба. Потом, прослышав о Горе, я пустился ее отыскивать.

Царь слушал внимательно, потом сказал мне:

— Однако, как мне сообщили, твой раб ничего не знает об этом, не знает даже, что ты житель Звезды.

— Государь, — возразил я, — неужели же я стал бы откровенничать с рабом!

Царь посмотрел на меня проницательным взором и спросил еще:

— А что, на твоей Звезде все жители такие же, как и ты, значит, такие же существа, как мы и рабы наши?

— Да, государь, — отвечал я, — там тоже живут люди. — Царь еще раз посмотрел на меня, потом сделал мне знак подойти совсем близко и, нарушая весь этикет, нагнулся к моему лицу и сказал мне тихо, так, чтобы никто не мог его слышать, и притом по-лэтейски, чтобы не поняли рабы, держащие носилки:

— Слушай меня, чужеземец! Ты очень заблуждаешься. На звездах живут не такие существа, как здесь. Мне это известно, тебе же нет. Помни ж! Я знаю, что ты не со Звезды к нам прибыл.

И прежде чем я успел опомниться, царь уже отдал приказание рабам. Носилки его закачались, двинулись, и я не мог ответить ему ничего.

Глава четырнадцатая

Жизнь наша текла однообразно. Вставали мы около полудня; утром я читал свои лекции, потом у царевны бывал обед, на который собиралось большое общество. Вечером устраивали обыкновенно прогулку по долине.

Приближался большой праздник Звезды, у рабов называвшийся праздником Очей, потому что он устраивался раз в два года. Накануне этого праздника на обычном обеде у царевны собралось особенно много посетителей. Кроме ее обычных приближенных, было еще два старика мудреца, официально назначенных к тому, чтобы продолжать государственную летопись, а также школьный учитель.

Как и бывало большей частью прежде, завязавшийся спор был направлен против меня. Я должен был защищать европейскую науку. Особенно замечательным казалось мне то, что именно ученые не хотели признавать никакого значения за новыми истинами, которые я им сообщал. Так, однажды один математик Горы смеялся, когда я ему разъяснял начатки аналитической геометрии. На этот раз шла речь о свойствах звука. Перемены блюд следовали одно за другим, подавали то кукурузу, то фасоль, то сладкий батат, то земляные фисташки (так как лэтеи, безусловно, вегетарианцы и скотоводство у них совершенно неизвестно). Присутствующие деятельно запивали земные плоды обычным акэ (водкой), но с живым любопытством принимали участие в ученом споре.

Науке лэтеев были знакомы свойства эха и законы колебания струны, но никто не хотел принять моих объяснений о колебании воздуха. Я приводил в доказательство различные опыты, которые часто тут же и проделывал, но лэтеи не любили опытного метода, не признавали его. Скоро от отвлеченного вопроса перешли на спор о преимуществах европейской науки и науки лэтеев. Еще более обострился этот спор, когда заговорили уже не вообще о звуке, а о музыке, что было понятнее для большинства.

— В сущности, как я вижу, — говорил мне со сверкающими глазами Латомати, — все ваши музыкальные машины та же наша колта (барабан), лэета (дудка) и лоэми (род гитары). Кроме того, что знаем и мы, вы не придумали ничего!

Я указывал на разнообразие наших инструментов, описывал рояли и органы, рассказывал о концертах и операх.

— Каждый умствует по-своему, — упрямо твердил Латомати. — Ты, Толе, говоришь, что у вас там много народов, которые сносятся друг с другом, заимствуют новое один у другого, мы же одни, нам не у кого учиться, и все же мы нашли все три основных способа создавать музыку.

— Латомати, — холодно возразил я, — блуждая по земным степям, я встречал совершенно дикие племена, но и они знали эти три способа — дудку, струну и удар по натянутой коже.

Латомати весь задрожал.

— А кто докажет нам, — начал он прерывающимся от негодования голосом, — кто поручится нам за точность всего, что ты говоришь? Можно многое порассказать о жизни на чужой Звезде, куда мы никогда не попадем.

— Я прощаю тебе твои слова, — спокойно отвечал я. — Жизнь в моей стране настолько выше вашей, что,

конечно, тебе трудно поверить моим рассказам.

Глаза Латомати загорелись очень мрачно, но тут на помощь поспешила царевна, стараясь успокоить моего противника. Ее серебряный голос еще звучал, когда вдруг послышались тяжелые шаги. Портьера у входа откинулась. В арке между двумя рабами, державшими факелы, стоял Болло.

— Лэтеи! — сказал он властным голосом. — Ваш возлюбленный государь внезапно почувствовал себя очень больным. Разойдитесь, лэтеи: всякие сборища теперь неуместны; пусть каждый у себя молит Звезду о выздоровлении царя.

— Ты говоришь, отец очень болен! — воскликнула царевна, порывисто бросаясь к выходу.

— Остановись, царевна! — холодно удержал ее Болло. — У меня есть приказ государя не впускать к нему никого, даже Тебя. Повинуйтесь, лэтеи, потому что вот царский меч.

Болло высоко над головой поднял сверкающий клинок, рукоятка которого горела от самоцветных каменьев. Все, почтительно склоняясь, стали расходиться. Проходя мимо Болло, лэтеи закрывали глаза рукой — честь, которую оказывали только царю во время приемов. Я не смел ослушаться и последовал за другими. Болло остался с царевной.

С горьким предчувствием вошел я в свою комнату, где ждал меня Мстега.

— Господин, — сказал он мне, торопясь и оглядываясь, — я был у рабов, там говорят, что царь уже умер, там хотят, чтобы им дали акэ и чтобы был отдых день, два дня, три дня. Они шумят, господин.

Это было что-то новое. Это было исцеление от моего беспокойства. С волнением начал я расспрашивать Мстегу о подробностях.

Глава пятнадцатая

На другой день был праздник Звезды, но на этот раз никаких торжеств не было. Рабов, правда, освободили от работы, но оставили запертыми в их зале; там они волновались и на все лады перетолковывали события.

Мне принесли обычный завтрак. После него я, как и всегда, пошел к царевне. Но у входа в ее покои стояли на страже два лэтея. Я знал их в лицо, мне случалось даже разговаривать с ними, но они сделали вид, что не узнали меня.

— Царевна не приказала впускать, — сказал мне один.

— Но пошлите сказать, что это я.

— Царевна не приказала.

Я ушел, но все же не поверил. Я бродил по залам, по переходам, по террасам Горы. Они были пустынны. Встречавшиеся изредка лэтеи поспешно и молча проходили мимо. Меня как-то особенно чуждались, хотя еще отвечали на приветствия.

Я вернулся к себе. Обыкновенно, если мне не случалось обедать у царевны, мне приносили обед в мою комнату. В этот день я не дождался обеда. Все отправления Горы нарушились. Вечером я опять вышел с решительным настроением выяснить положение. Первым я встретил старика учителя Сеге. Я загородил ему дорогу.

— Привет, — сказал я. — Занятий сегодня нет, вы свободны. Скажите, как здоровье государя?

Старик страшно смешался.

— Простите, не [обижайтесь], я должен спешить...

Повернувшись, он почти побежал прочь от меня.

Я пошел к Латомати. Рабы сказали мне, что он никого не велел пускать к себе.

Я снова вернулся к себе. Что-то совершалось кругом, а я не знал что. Я послал Мстегу к рабам разузнать, что делается там. Сам я уныло лег на ложе. В моей комнате было узкое окно наружу, и я мог следить, как быстро темнело. Наступала ночь.

Вдруг в проходе, ведшем в мою комнату, показалась черная фигура негритянки, то была рабыня Сеаты.

— К тебе идет царевна, — шепнула она мне и исчезла.

Я вскочил с ложа. Через минуту вошла Сеата, одна, без провожатых.

Я бормотал в смущении какие-то извинения, но царевна прервала меня:

— Нет времени, друг мой, слушай.

Она села на мое ложе и взяла меня за руку.

— Слушай. Отец умер. Это скрывают, но это верно. Последнее время он уклонялся от меня. Теперь я могу сказать, что виною этому ты. Я два раза хотела прийти к нему, он не позволял. С ним все время был Болло. У Болло теперь царский меч. Он будет царем. Его признают.

По законам страны прямой наследницей царского венца была сама Сеата. Я подумал, что именно эта потеря так огорчает ее.

— Полно, царевна, — сказал я. — Еще не все потеряно. Да и стоит ли грустить о царском сане. Я убежден, что с ним соединено больше заботы и горестей, чем радостей.

— Ах, ты ничего не понял, — грустно произнесла царевна. — Слушай, я объясню подробнее. Ты знаешь, что у нас давно борются за власть две стороны: знатнейших вельмож и простых лэтеев. Ведь ты же читал наши летописи. Мой отец был царь из партии вельмож. Одно время думали примирить обе партии и для того выдали мою старшую сестру замуж за Болло. Он из простых лэтеев. Но сестра умерла, а Болло остался верен своей партии. Теперь торжествует не он один, а весь второй этаж. А нам всем суждено падение.

Для меня еще многое было неясно.

— Я все еще не вижу ничего особенно ужасного, царевна.

— Ужасно то, — вскричала царевна, вдруг заломив свои мраморные руки, — то ужасно, что как царица я могла остаться свободной... Но я более не царица! Я простая женщина! Я должна повиноваться законам страны. Я уже прожила мою пятнадцатую весну, уже два года как прожила... Мне прикажут... прикажут иметь мужа....

Она произнесла последние слова глухо, глядя в землю. Но вдруг опять ожила, глаза ее вспыхнули, она сжала мою руку.

— Слушай, Толе! Я этого не хочу! Не хочу! Я считаю это позорным. Спасти меня должен ты. Как? Неужели эта серая земля не истомила тебя в те недолгие дни, какие ты томился здесь... А ведь я! И родилась здесь и прожила долгие годы! Ты мудр, мой добрый Толе! Ты найдешь возможность. Уйдем отсюда, умчимся, улетим, улетим хотя бы на твою Звезду! Я тебя умоляю!

Царевна опустилась передо мной на колени, порывисто обняла меня руками, смотрела мне в глаза.

— Царевна Сеата... — говорил я в безумном замешательстве, — ты знаешь, что жизнь моя принадлежит тебе, но я бессилен. Что могу я сделать один и так скоро... я бессилен, царевна.

Она медленно и молча встала, хотела идти, но потом упала на ложе и зарыдала.

— Значит, все кончено! Все! И я как простая женщина...

— Будь благоразумна, — успокаивал я, — не все потеряно.

Преодолев на миг рыдания, она крикнула мне:

— Тогда оставь меня, Толе, и беги сам... Беги, беги!.. Тебя не пощадят. Болло уже решил о твоей смерти... Прощай навсегда.

— Мы не можем унестись на другую Звезду, но мы можем бороться с врагами.

Сеата подняла голову.

— Но за Болло весь второй этаж, все лэтеи — их тысяча человек! А моих сторонников, быть может, двадцать человек, да и из них большинство старики или трусы.

— На стороне Болло все лэтеи, — сказал я, — а что, если на нашей стороне будут рабы?

— Рабы? — переспросила царевна и долго смотрела на меня, недоумевая.

Глава шестнадцатая

Было уже совершенно темно, ярко сверкали звезды, когда я подошел к выходу. Стоявший на страже загородил мне дорогу.

— Выходить воспрещено.

— Кем?

— По приказанию Болло, в чьих руках царский меч.

Я высвободил под плащом лэтейский короткий меч, но решил употребить силу лишь в крайности.

— Друг мой, — сказал я мягко,— ты исполняешь повеление Болло, но он пока только временный представитель власти. А вот у меня золотое запястье царевны, признаешь ты власть царской дочери?

Лэтей заколебался.

— Мне приказано не пропускать никого, — повторил он неуверенно.

— Послушай, друг, — сказал я шепотом, — убежден ли ты, что Болло будет царем? А что, если власть законно перейдет к царевне? Как отнесется она к тому, кто не исполнил ее повеления? Ведь я знаю тебя: ты Тобой, сын Боколта.

Зная, что сторож смущен окончательно, я отстранил его от входа и быстро вышел в долину. Не прошел я и двадцати шагов, как Тобой опомнился и стал кричать, чтобы я остановился. Я прибавил шаг, готовясь, если надо, побежать. Но страж, видя, что я не отвечаю, покинул свой пост и исчез во мраке прохода: пошел доносить о случившемся.

Я, задыхаясь, добежал до Большого входа. Здесь по обычаю тоже ходил страж.

— По воле царевны!.. — сказал я, показывая запястье.

Сторож не возразил ни слова. Я вошел в залу Рабов. Громадная зала озарена была десятками костров. Пламя взвивалось в черный мрак высоты, дым [валил] густыми облаками. Тысячи оголенных тел, освещенных красным пламенем, плясали и дико вертелись вокруг костров. Неумолчный рев голосов сливался в непрерывный гул.

Меня не сразу заметили; потом не сразу узнали. Но я прошел в знакомый мне угол, где обычно собирались старики. Со всех сторон бежали любопытные, изумленные видом лэтейского плаща среди рабов.

Я стал в кругу стариков, испуганно вставших передо мной.

Я подождал, пока наступила некоторая тишина, и потом начал свою

речь, говоря громко, явственно, просто:

— Рабы! Вы меня узнаете! Я тоже раб и жил с вами, и работал с вами. После я попал к лэтеям. Но, живя у лэтеев, я все время думал о вас, хотел, чтобы вам жилось лучше. Я склонил к тем же думам возлюбленную нашу царевну. Она хотела, как только получит власть, изменить вашу участь. Если она будет царицей, вы будете работать лишь утром да немного вечером. Вы каждый день будете получать акэ (водку). Надсмотрщикам будет запрещено вас бить. Вы знаете, как милостива царевна. Слушайте, рабы: наш царь умер.

Дикий рев пронесся среди моих слушателей. Меня теснили, я почти задыхался.

— Стойте! Слушайте еще! Другие лэтеи не хотят, чтобы вашу участь облегчили. Другие лэтеи хотят попрежнему заставить вас работать с утра до ночи, бить вас и морить голодом. Лэтеи не хотят передать власть царевне Сеате, хотя ей эта власть принадлежит по крови. Вместо царевны они выбрали царем Болло. Вы его знаете. Это самый свирепый из всех лэтеев. Бить рабов ему доставляет наслаждение. Рабы! Не допустим, чтобы царевна была убита или заключена в тюрьму. Не допустим! Мы низвергнем Болло, мы убьем его! Мы сами сделаем царицей Сеату. Идите за мной, рабы! Я покажу вам дорогу к оружию и к запасам — там хватит акэ и маису на всех!

Некоторое время рабы стояли в оцепенении после моей речи. Но вдруг раздались отдельные восклицания. Я различил голос Итчуу. Старики хотели было что-то говорить, но голос их потонул в поднявшемся реве. Женщины вопили, юноши с гиканьем бегали по залу, кто хватал камни как оружие, кто уже устремился в проход к выходу. Я сам не ожидал такого успеха своего призыва. Видимо, волнение подготовлялось давно, и моя речь была только последней искрой.

Толпа ринулась к выходу. В один миг разметали камни, которыми он был закрыт. Лэтей-сторож был убит тут же. Как голодный змей, длинной полосой с воем и гиканьем побежала толпа к лэтейскому входу в Гору. Бежали все — женщины и дети вместе с мужьями и отцами. Очень небольшая кучка, человек сто, осталась в зале, упрямо осуждая все предприятие. Я не поспел за первыми бегущими. Когда я добежал до лэтейского входа, там уже кипел бой. Ряд лэтеев, человек в двадцать, защищал узкую лестницу, отбивая приступы всей тысячной толпы рабов. Другие рабы тем временем грабили запасы, вытаскивали из кладовых оружие, маис, кокосы и бочки с акэ. Около входа на поляне уже начиналась оргия.

Долго я не мог ничего поделать. Я сам был испуган дикой силой толпы, порвавшей цепи. Только после того, как все приступы были отбиты лэтеями, когда трупы рабов заполнили все первые ступени, они отступили.

— Завтра! Завтра мы пройдем к ним, — уговаривал я. — Будет светло, и мы пройдем. Теперь же, пока ночь, отдыхайте, пейте, веселитесь или спите.

Наконец раскинулся под стенами Горы лагерь рабов. Нарубили кокосовых деревьев и сложили костры. Зарево озарило беснующуюся толпу. Я в смущении слушал их исступленный вой.

Глава семнадцатая

Итчуу разложил для меня маленький отдельный костер. Скоро ко мне собрались наиболее влиятельные лица из рабов. Пришло двое стариков, хотя старики вообще не одобряли восстания. Пришел Мстега, который среди рабов пользовался известным почетом. Пришел еще Гуаро, силач, легко ломавший кокосовую пальму в руку толщиной.

Я постарался заранее им объяснить план завтрашней борьбы. Рабов, способных сражаться, было больше полутора тысяч, лэтеи же не могли выставить против нас больше 300—400 человек. Но лэтеи были страшны своей выдержкой и тем нравственным влиянием, которое они приобрели над рабами многовековым господством.

Мы еще беседовали, сидя у костра, когда к моим ногам с тихим свистом упала стрела, пущенная с одного из балконов. К стреле был привязан кусочек кокосовой ткани, заменявший у лэтеев бумагу. То было письмо ко мне на языке лэтеев. «Друзья царевны извещают Толе, что царевна заточена в своих покоях, как в темнице. Пусть Толе спешит спасти ее». Письмо служило для меня доказательством, что царевна Сеата покинута не всеми. Но немедленно я не мог сделать ничего. Было опасно нападать на лэтеев ночью, в их норах, все переходы которых они знали так хорошо. Надо было ждать утра. Я поставил стражу и прилег вздремнуть.

Лэтеи не отважились на внезапное нападение. Может быть, и они собирались с силами. При первом проблеске солнца я приказал будить свое войско. По счастью, в нижней кладовой было сравнительно немного водки, и рабам не было чем напиться до бесчувствия. Они поднимались бодрые, по-прежнему решившиеся на все. Сон нисколько не ослабил их озлобления: они шли мстить за долгие годы, за целые века.

А лэтеи еще занимали лестницу, которая вела во второй этаж. Нападать на них было безумно. В узком проходе несколько человек могли отражать натиск целой рати. Я распорядился нарубить деревьев и сложить у подножия лестницы костер. Кокосовые стволы вспыхнули с треском, зеленые ветви задымились, и клубы дыма потянулись по крутой лестнице, как в трубу. Конечно, лэтеи отступили.

— О-го-го-го! — весело завыли рабы.

Когда костер стал прогорать, я повел свое войско на приступ. Завернув головы, чтобы защититься от редеющего, но еще едкого дыма, мы кинулись на лестницу. Она раздвоилась: одно колено вело в Общую залу второго этажа, другое на террасу. Я направился на террасу. Сопротивления мы не встретили. Один за другим, черные, закоптившиеся, выбирались рабы из черного закопченного отверстия на террасу. Я выпрыгнул одним из первых. Я видел, что неподалеку от выхода стоял строй лэтеев. Они, видимо, думали, что и мы не пойдем в дыму, и ждали, когда он разойдется совершенно. Увидя, что уже поздно, что враги на террасе, они смутились и быстро отступили. Терраса опустела, мы овладели ею.

Здесь я опять созвал военный совет. В центре второго этажа была круглая Общая зала, от нее радиусами шли пять проходов, по сторонам которых были двухэтажные помещения для простых лэтеев. В каждом проходе было сто таких по-

мещений. Но, кроме того, со стороны террасы между этими проходами было пять других, не доходивших до общей комнаты и кончавшихся тупиком; в этих меньших проходах было по пятьдесят двухэтажных помещений в каждом. Замечу, кстати, что далеко не все эти помещения были заняты, очень многие пустовали.

Лэтеи загородили вход во все пять сквозных проходов. Я решил начать атаку сразу против всех пяти строев, ибо большой численный перевес опять-таки не имел значения в узком проходе. Я образовал пять колонн, над одной принял начальство сам, а четыре другие поручил Итчуу, Гуаро, Ксути и Мстеге; все пятеро двинулись одновременно.

Мне пришлось напасть на так называемый Северный проход. Его занимало не больше двадцати человек лэтеев, со мной же было человек сто пятьдесят. Но лэтеи встретили нас искусным строем и уверенно поражали мечами слишком отважных. Рабы далеко не все достали себе мечи, большинство было вооружено дубинами и камнями. Минут пять продолжались наши стремительные натиски, но все они были отбиты. У лэтеев ни один не был даже ранен, а у нас пало человек десятеро. Рабы стали колебаться.

— Мятежники, — закричал тогда один из лэтеев, — неужели вы думаете одолеть лэтеев! Нам помогает Звезда! Ступайте вниз, разойдитесь. Может быть, мы еще помилуем вас.

Слова эти произвели сильнейшее впечатление на рабов. Они совершенно остановились.

— Вперед, друзья! Ударим еще раз! — уговаривал я.

— Назад! — громовым голосом крикнул вдруг Болло, выступая вперед. — Назад, рабы! Вниз! В свою залу! Повинуйтесь и исполняйте.

И вдруг привыкшие повиноваться и с детства подневольные эти жалкие существа, на миг было возгоревшиеся животной жаждой мести, дрогнули, отступили, сначала одни из них повернулись, потом другие, и весь отряд мой обратился в бегство перед грозными очами правителя.

— А этого берите! — приказал Болло, указывая на меня.

Со мной оставалось не то двое, не то трое человек, решивших обороняться. Нас притиснули к парапету. Лэтеи окружили нас со всех сторон, их короткие мечи заблестели кругом меня. Рука моя немела, отбивая удары. Я чувствовал, что через мгновение все будет кончено. Но вдруг сзади лэтеев раздался дикий рев. В проходе, из которого они вышли, показались фигуры рабов. Отряд Гуаро прорвал ряды лэтеев, и теперь рабы зашли в тыл к лэтеям. Нападавшие на нас мгновенно были окружены. Болло что-то кричал, но его голос терялся в реве битвы. Вдруг Гуаро громадным прыжком подскочил к правителю, потрясая над головой стволом кокосового дерева.

— Прочь, раб! — прогремел Болло.

Но Гуаро завертел своей булавой так, что она засвистела, и обрушил ее на Болло. Правитель повалился без стона на землю. Рабы завопили с новым исступлением.

Глава восемнадцатая

На террасе еще оставалось человек пятнадцать лэтеев. Они еще не теряли присутствия духа и, сомкнувшись, еще продолжали отбиваться от двух стен врагов. Снизу продолжали при-

бывать рабы, среди них были и воины моего отряда, опомнившиеся и снова готовые на борьбу. Я оставил схватку и бросился в Общую залу. Там кипело настоящее сражение. Здесь были сосредоточены главные силы лэтеев— человек двести. Итчуу и Мстега вели на них рабов, которых собралось человек пятьсот. Факелы не горели. Сквозь длинный проход проникали самые скудные обрывки света. Бой шел почти в полном мраке. В каменной зале слышался топот тысячи ног, бешеный рев бойцов, хрип и стоны умиравших, которых топтали живые; эхо десять раз повторяло эти звуки. В этом грохоте сражались почти без сознания, в животном исступлении, никакое руководство ходом битвы не было возможно.

Я стоял около входа в Северный проход и обдумывал позицию врагов. Лэтеи тылом были обращены к двум проходам, которые вели в третий этаж. Следовательно, мне не было пути дальше. Я был по-прежнему отрезан от Сеаты. Я должен был ждать решения судьбы. Я проклинал себя, что ушел от нее, что оставил ее одну. Кто знает, что посмели сделать с ней враги.

Новые волны рабов прибывали в Залу. Я приказал принести факелы. Их мерцающий свет сделал картину боя еще более ужасной. Враг увидел врага в лицо. Друзья поняли, что они топчут друзей и братьев.

— Отбивайте их от проходов! — кричал я своим, хотя и знал, что мой голос расслышать невозможно.

Вдруг произошло неожиданное. Сзади лэтеев заблестели еще чьи-то факелы. Явно было, что лэтеи дрогнули. С тыла на них напал новый враг. Это друзья царевны ударили на них из проходов третьего этажа. После этого маневра участь их была решена. Лэтеи могли сопротивляться, но не победить. Их рубили с обеих сторон. То была отвратительная бойня. Лэтеи отступили на середину Залы и отбивались от рабов, наступавших со всех сторон. Один за другим падали ряды лэтеев. Но следующий ряд с прежним мужеством продолжал оборону. Исступленные рабы тоже забыли всякую осторожность, шли прямо на мечи, падали, а сзади набегали новые волны. Я не стал смотреть на довершение этого боя, я торопился к Сеате.

У входа в третий этаж стояла кучка приверженцев царевны Сеаты, человек тридцать, не больше. Среди них был и Латомати.

— Где царевна? — спросил я.

Некоторое время мне не отвечали. Наконец Латомати сказал:

— Идемте все! Нам надо переговорить.

Мы все поднялись на третий этаж.

Ужасную картину представляла собой Звездная зала. В ней были собраны старики, женщины и дети. Старики лэтеи, их дочери, жены, их маленькие дети сидели на полу, жались к стенам, ломали руки, рыдали. При нашем появлении послышались негодующие, подавленные крики:

— Изменники! Вы погубили страну.

— Молчите, лэтеи, — повелительно крикнул Латомати, — изменники вы! Вы посягнули на свою царицу! Ваши предводители хотели убить ее. Мы же повиновались законам. Убиты те, которые стали недостойны имени лэтеев. Нас осталось немного, но мы воссоздадим новое племя.

Кто-то крикнул:

— В союзе с рабами!

Латомати повысил голос:

— Рабов призвали не мы! Будьте спокойны, лэтеи. Когда пройдет пер-

вый взрыв, рабы опять покорятся. Знайте, кроме того, что в этой борьбе их убито больше, чем нас. Нам рабы не опасны. Только повинуйтесь, лэтеи!

Латомати держал себя как государь. Около входа в третий этаж он поставил стражу в восемь человек. Вход был очень узкий, и взять его было нелегко. Мы все остальные прошли в царскую комнату. Латомати не смотрел на меня и не говорил со мной. Царская комната была невелика. Стены ее были обложены малахитовыми плитами, изукрашенными алмазами. В углублении стоял трон из кованого золота. Два факела освещали [покой]. Кроме того, сквозь узкое окно в потолке врывались лучи дневного света. На золотом троне сидела царица Сеата в царском венце и с царским мечом в руках. Все мы пали на колени, закрывая лицо руками, и под сводами восторженно прогремело приветственно: «Лэ!»

Глава девятнадцатая

Царица приветствовала нас наклонением головы. Когда мы встали с колен, Латомати обратился к ней с речью:

— Приказание твое исполнено. Я напал с тылу на лэтеев, не признававших твоей власти. Мятежники получили наказание. Теперь предстоит нам озаботиться, чтобы жизнь приняла обычное течение, чтобы рабы вернулись к работе, а верные получили награду.

— Благодарю тебя, Латомати, — просто сказала царица и, переведя взор на меня, продолжала: — Благодарю и тебя, Толе! Без твоей помощи, без твоей находчивости я была бы теперь среди мертвых и похититель гордился бы моим венцом.

Сеата старалась говорить важно, сообразуясь со своим саном, но после первых же слов не выдержала тона и закончила гневно:

— Я знаю, знаю, что многие из моих приверженцев теперь остались бы в рядах моих врагов, если бы они не догадались, что победа будет за нами!.. Но довольно. Благодарю тебя, Толе.

Латомати, весь дрожа, сделал шаг к трону.

— Не следовало бы тебе, царица, говорить так, не подобает тебе оскорблять немногих своих приверженцев. Я осмелюсь сказать тебе истину. Царица! Не на благо нам привел рабов в глубь Горы этот неведомый чужеземец. Мы знаем из наших летописей, что в прошлом у нас бывали споры за трон, но все они решались борьбой лэтеев между собой. Никогда, о, никогда подлые рабы, жители нижнего этажа не смели вмешиваться в дела лэтеев. Ты скажешь, что у тебя было мало приверженцев и что чужеземец спас тебя. Это заблуждение, царица. Мало было у тебя приверженцев именно потому, что близ тебя видели этого чужестранца, человека без роду и племени, обманщика и мятежника, белого раба нашего...

— Остановись! — властно прервала его Сеата, вся бледная, привстав на троне. — Научись уважать того, кого ценит государь. Твоя сегодняшняя заслуга спасает тебя от моего гнева, но берегись!

Латомати не хотел молчать: весь дрожа, он готовился возразить царице. Еще мгновение, и в спор вступил бы я, но в дверях показался вестник. Он пал на колени и возвестил:

— Царица! Предводители рабов хотят говорить с тобой.

Латомати пожал плечами.

— Гляди сама, до чего дошло. Рабы будут ставить тебе условия.

— Позволь мне, царица, — попросил я, — пойти и объясниться с ними. Я убежден, что здесь недоразумение и все уладится.

— Нет, — дерзко вскричал Латомати, — не тому вести переговоры, кто, быть может, сам изменник. Я пойду, царица.

— Я пойду сама, — сказала Сеата.

Она медленно спустилась с трона. Мы последовали за ней.

В Звездной зале по-прежнему томились сотни стариков, женщин и детей. Все заволновались, увидя царицу. Одни слабо прокричали «Лэ», другие резко отвернулись, слышны были и угрожающие крики: «Убийца! Ты погубила Гору!»

Сеата ни одним движением не показала, что слышит эти крики. Она прошла к входу в третий этаж, по-прежнему охранявшемуся стражей. Стража по просьбе рабов впустила несколько человек из них, чтобы вести переговоры. Эти парламентеры держались гордо и самоуверенно. Их было четверо. Я узнал среди них Итчуу, другие три мне были мало знакомы.

— Я пришла благодарить вас, — начала Сеата на наречии бечуанов, — благодарить вас, верные слуги. Вы исполнили ваш долг. Теперь возвращайтесь к себе в Залу и ждите моих наград. Повинуйтесь.

Самый вид царицы в пышной одежде, с короной произвел на рабов сильнейшее впечатление. Трое из них во время речи Сеаты медленно опустились на колени и коснулись лбом пола. Но Итчуу остался стоять.

— Мы посланы от имени всего народа, — твердо сказал Итчуу, словно царица не говорила ничего, — сказать вам, что мы победили и что теперь Гора принадлежит нам. Но мы не хотим избивать вас до конца. Поэтому откройте нам проход. Наш царь Гуаро возьмет себе в жены царицу, мы все выберем себе жен среди всех этих женщин, и затем начнется на Горе новая жизнь. Так решил народ.

— Итчуу, — воскликнул я, не удержавшись, — ты забыл, на что мы шли? Наша цель была — добыть престол законной царице! Откуда явились у тебя такие замыслы?

— Ты сам высказал их мне, учитель.

Слова Итчуу звучали насмешкой. Другие трое, пришедшие с ним, приподнялись с колен.

— Слушай, Итчуу, — сказал я тихо и убедительно, — ты звал меня учителем, поучись же у меня теперь. Вы, рабы, неспособны управлять страной. Для этого мало победы. Вы погубите Гору, погубите не только науки и искусства, но и самую жизнь ее. И сами погибнете. Я это предвижу. Послушайтесь меня, вернитесь к себе, в свою Залу. Теперь начнется для вас новая жизнь. Верьте в милости царицы.

Итчуу язвительно улыбнулся.

— Я сказал тебе однажды, учитель, что ты тоже смертен. Теперь я скажу тебе, что ты тоже ошибаешься, да и лжешь иногда.

— Это позорная игра! — приказал Латомати. — Надо схватить этого шута и сечь его до смерти.

— Нет, — строго сказала царица, — он пришел добровольно, я его

отпускаю. Ступай, мой друг. Мы не слушали твоих предложений и не можем их слушать. Если вы вернетесь к себе, мы о них забудем и будем помнить только о заслугах ваших. Если же вы действительно станете мятежниками, вы увидите, что с нами не так легко бороться, как с Болло. Ступай.

Четыре посла рабов при мертвом молчании всей Залы вступили в проход и исчезли во мраке лестницы.

Глава двадцатая

Когда мы вернулись в Царскую Комнату, Латомати сжимал себе грудь, чтобы не кричать от негодования.

— Царица! — простонал он наконец. — То, что мы слышали, ужасно. Рабы грозят нам, рабы над нами смеются. Нет, полно. Пора покончить с этим. Нас около пятидесяти мужчин, я знаю точно. Мы последние лэтеи, но мы отстоим свое царство. Сегодня мы сойдем вниз к рабам и будем биться с ними, и, я клянусь, мы победим. Не могут свободные люди не одержать верха над рабами. Я клянусь, царица, ставлю жизнь свою как заклад. Но чтобы я взял на себя такую ответственность, я должен знать, за кого я борюсь. Я не хочу своей кровью добывать трон для неизвестного бродяги, хвастающегося, будто он прибыл со Звезды.

Он перевел дух и потом воскликнул звенящим голосом, так нежно, как я не ожидал от него:

— Сеата, слушай. Разве же не видишь ты, как мечтаю я о тебе, разве не заметила ты давно-давно, что ты для меня все! И жизнь, и блаженство. Для тебя я сражался заодно с рабами, для тебя я рубил своих братьев лэтеев, для тебя я погубил наше священное царство, Сеата! Мои предки тоже занимали трон. Я предлагаю тебе, Сеата, себя как помощника, как друга. Тебя околдовал этот проклятый чужеземец. Поверь мне, близкому тебе, прогони его, прогони его, позволь мне убить его... И я назову тебя своей женой, мы восторжествуем над рабами! Клянусь, мы восстановим Царство, начнем новый великий род среди Царей Горы.

Глубокое молчание наступило за речью Латомати. Слышен был даже отдаленный шум из других зал. И тихо, но ясно и твердо прозвучал ответ Сеаты:

— То, что ты говоришь, невозможно. Минуту назад другой человек предлагал мне быть его женой. Знай, я согласилась бы скорей на предложения царя рабов, чем на твое, Латомати.

Латомати хрипло крикнул, стиснул зубы и одно мгновение смотрел на царицу. Потом он обернулся ко мне своим воспаленным взором.

— Слушай же ты, безвестный бродяга! Я сегодня бранил тебя позорнейшими словами. Я сейчас повторяю тебе, что ты лжец и обманщик. Если есть в тебе капля благородства, ты выйдешь против меня на смертельный бой. Я вызываю тебя, я, Латомати, сын Талаэсто, потомок древних царей.

— Принимаю, — сказал я коротко.

— Толе, Толе, — нерешительно произнесла Сеата.

— Так должно, — холодно сказал я.

Лэтеи, бывшие в комнате, расступились. Сеата в трепете сошла

Фантастические планеты

Обычно у всех, кто смотрит картины художников-фантастов, возникает вопрос: «А как вам удалось это представить?» Действительно, если художник-пейзажист захочет воссоздать, например, картину заходящего солнца, то ему помогут в этом вполне реальные впечатления. Если же такую задачу поставит перед собой художник-фантаст, то ему придется полагаться в основном на свое воображение. Причем — и это немаловажно — мир, рожденный в его фантазии, не должен противоречить данным научных исследований. Этим самым я вовсе не хочу сказать, что произведения художников-фантастов не должны ничем отличаться от фотоснимков, привезенных космическими кораблями. Нет, это живопись, живущая на основе вечных законов искусства, однако выход ее проблематики за земные рамки порождает новые цветовые комплексы, измененные перспективы, необычные формы. В этом убеждают работы сочинского художника-фантаста Георгия Курнина.

Вот они, фантастические планеты: синего солнца, зеленого, желтого, рубиново-красного. Рождаются в вулканических глубинах новые образования, пульсируют, освещая ровными вспышками далекие планеты, таинственные светила...

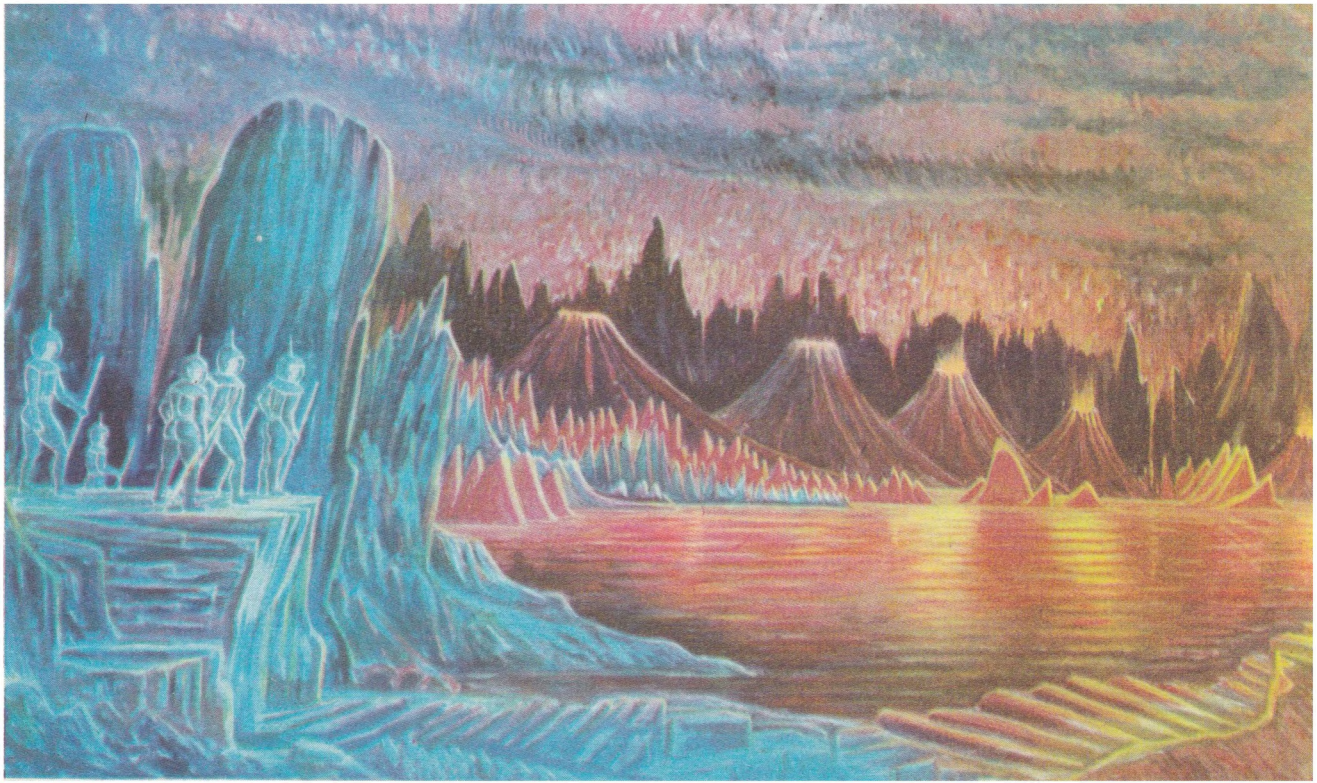
Георгий Курнин очень долго продумывает, «просматривает» и даже «прослушивает» свои картины... Его фантазии, запечатленные на холсте, поражают одновременно и своей невероятностью и реальностью. Космонавт Виталий Севастьянов, оценивая работы Г. Курнина, писал: «Меня поразило то видение, которое есть у художника, столь яркое и реальное». Чтобы развить в себе эту способность, Г. Курнин в течение многих лет писал картины на «земные темы» по памяти. И только после этого стал воссоздавать воображаемые картины иных планет. «Мир, в который я переселяюсь, работая над картиной, — говорит Георгий Курнин, — становится для меня как бы второй реальностью».

Долголетний труд талантливого художника в разработке новых тем и идей научно-фантастической живописи был увенчан заслуженной наградой: на международном конкурсе «Мир 2000 года» Георгий Курнии получил I премию.

Валерий Ганичев

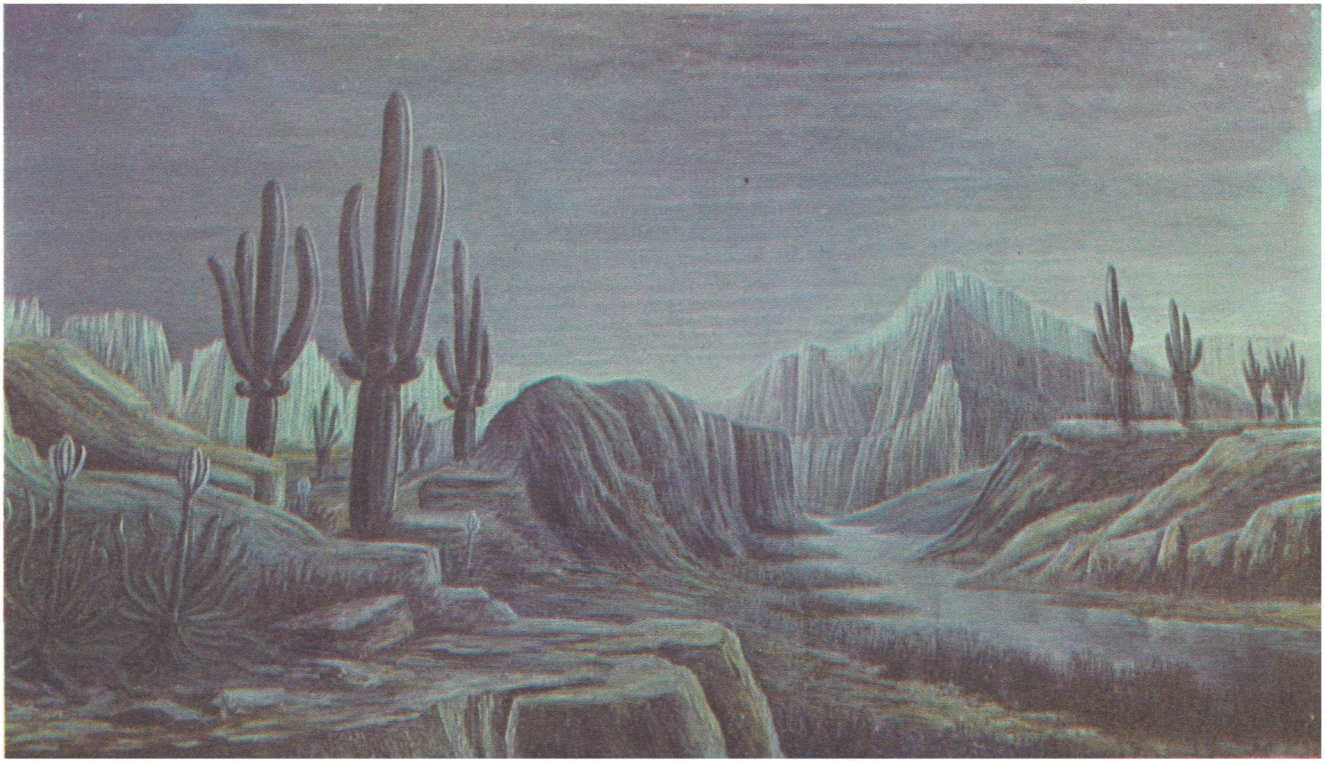

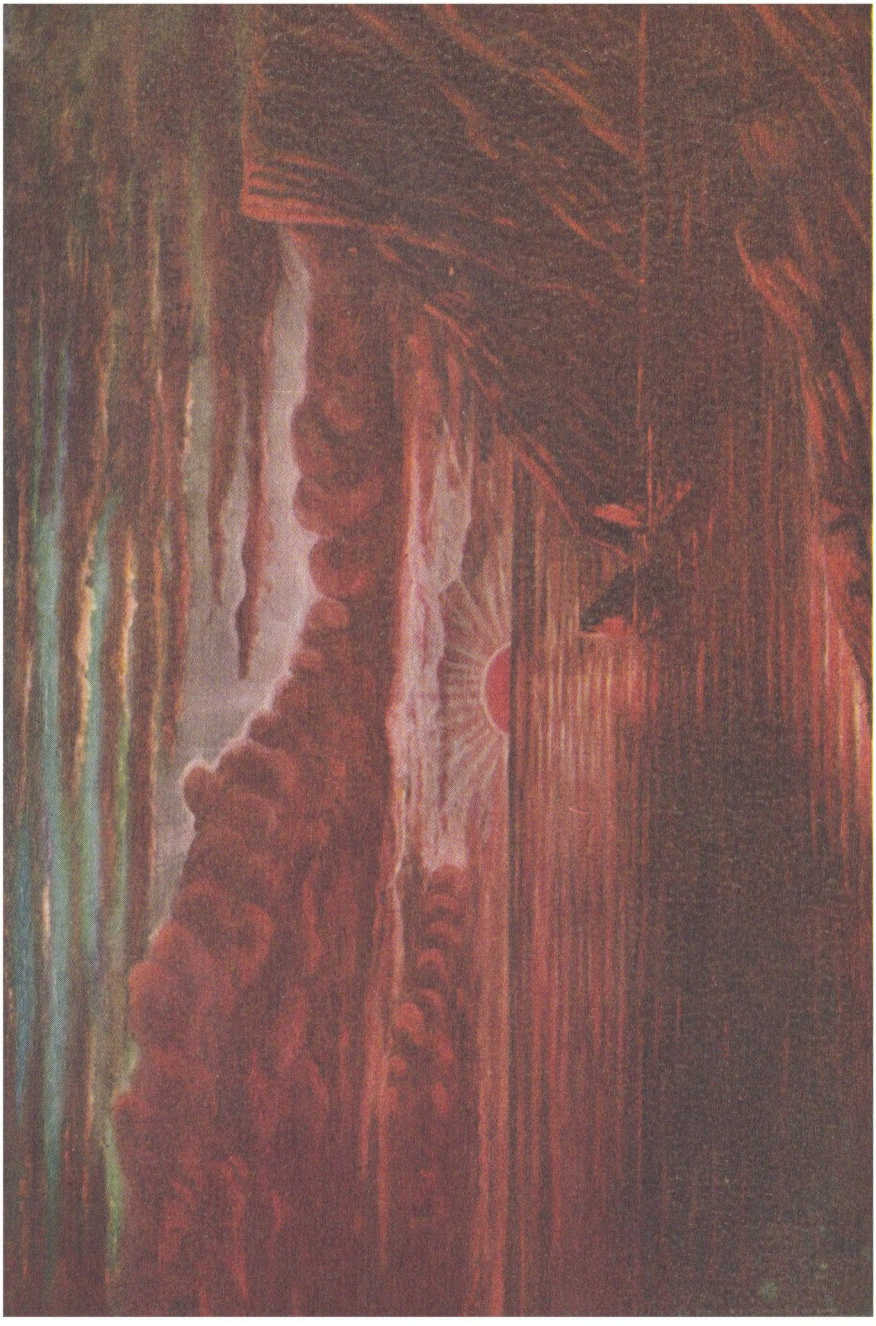

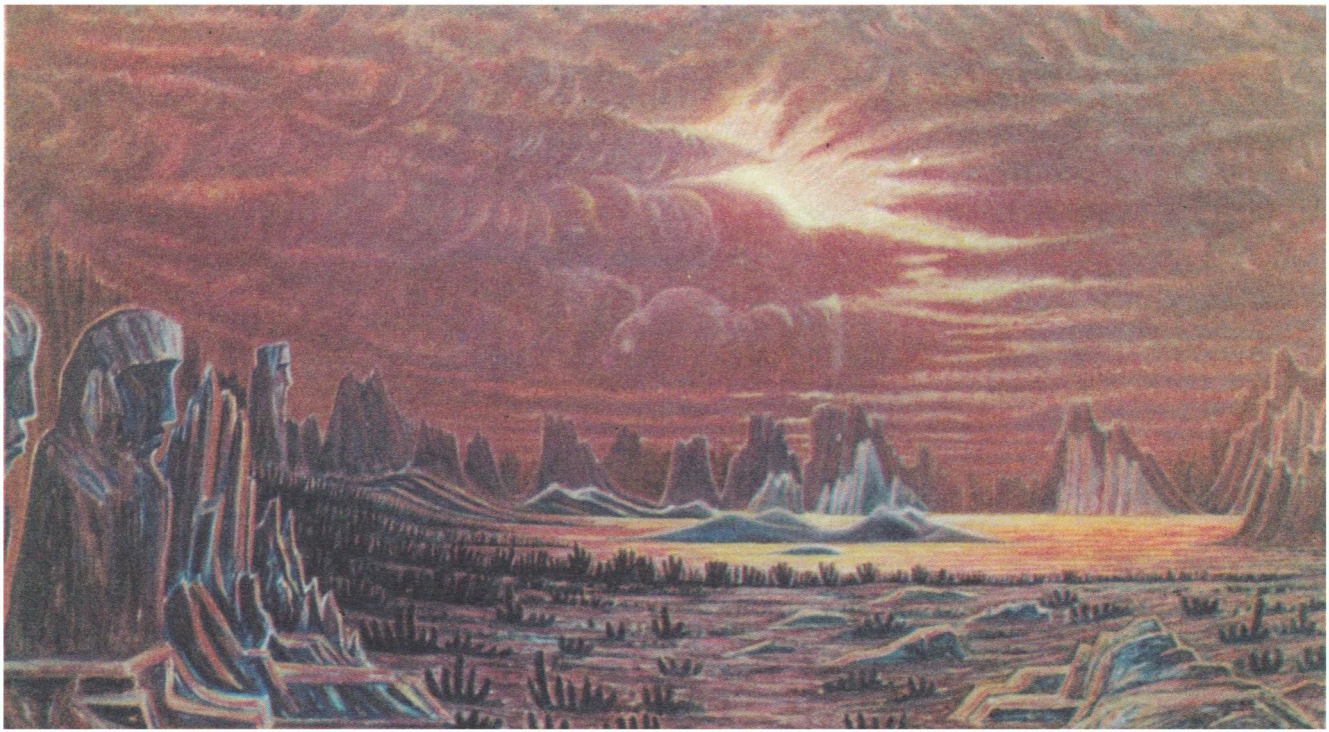

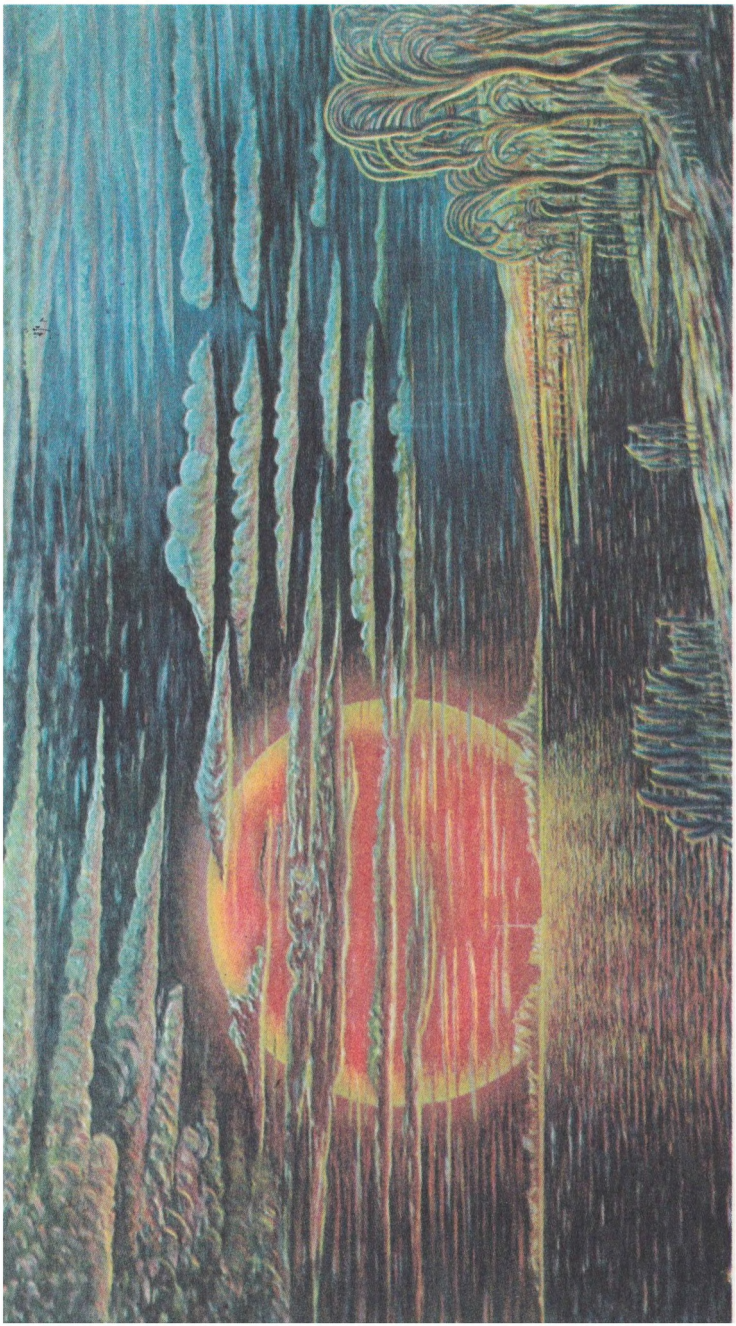

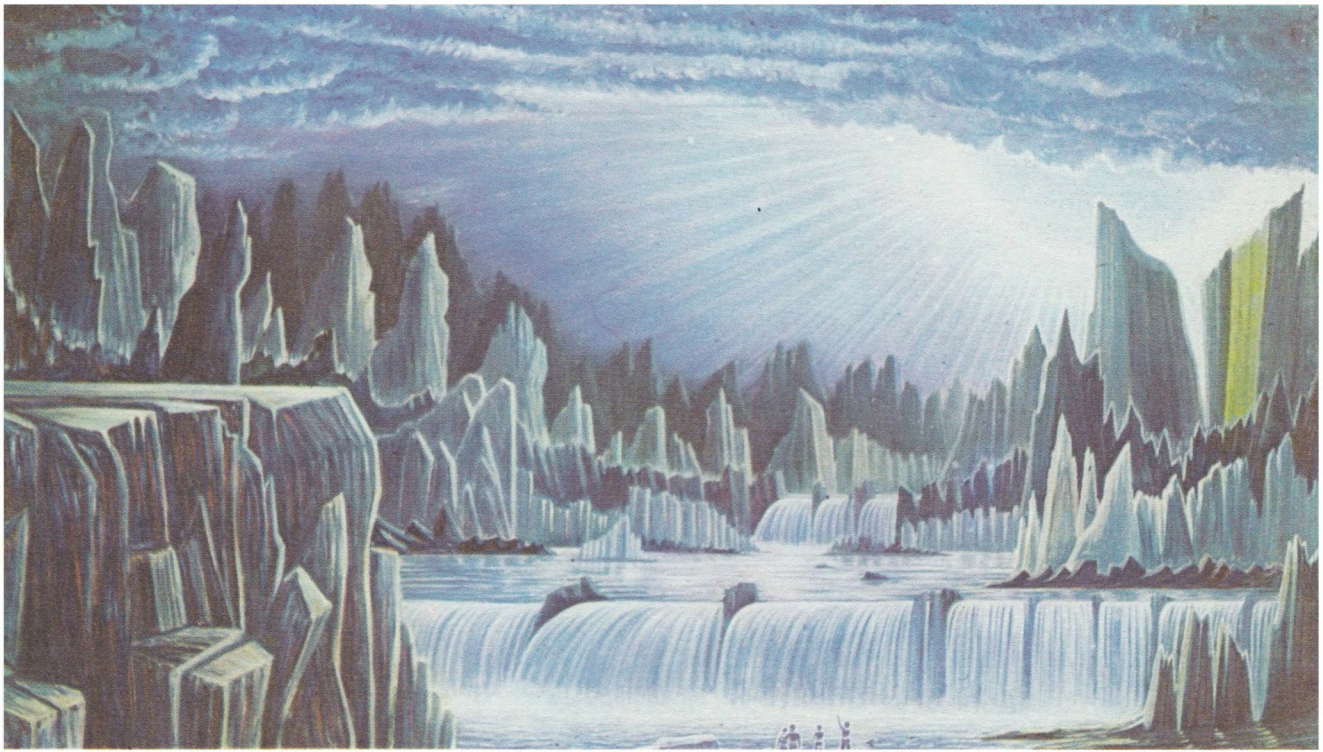

с трона и прижалась к стене. Мы с Латомати остались вдвоем посреди Царской Залы. Мы двинулись друг на друга. У обоих у нас было обычное оружие лэтеев, короткий меч, по форме напоминающий эспадрону. В юности я хорошо владел эспадронами, но приемы фехтования на Горе еще далеко не все были мне известны. Латомати считался искуснейшим бойцом, и я принужден был только защищаться. Латомати яростно наступал на меня. Я отступал и наконец остановился у стены. Легкий стон вырвался у Сеаты. Этот стон заставил меня затрепетать в таком волнении, какого я не знавал уже долгие годы. Сильным ударом я отпарировал удар Латомати и перешел в нападение. За недолгое время нашего боя я уже ознакомился со всеми приемами Латомати, они были оригинальны, но однообразны. Теперь я, в свою очередь, поразил Латомати хитростями европейского искусства. Отступать пришлось уже ему, два раза он споткнулся, и я щадил ему жизнь. Опьяненный бешенством, он ринулся на меня, забыв всю осторожность. Я хотел с размаху выбить у него меч из руки, но он почему-то опустил руку, и мой удар пришелся ему прямо в висок. Черная кровь заклубилась, и юноша пал мертвый. Лэтеи закричали. Сеата кинулась ко мне. Наступило смятение. Кто-то нагнулся к Латомати, чтобы удостовериться, что он убит. Я еще не успел прийти в себя, как вдруг лэтеи, словно по уговору, один за другим стали уходить из комнаты... Один из них остановился в дверях и кинул Сеате:

— Царица! Ты не знаешь еще. В этот час жрецы проклинают тебя в Области Тайн.

Через мгновение мы были одни, шаги уходящих замирали.

— Идите! Ступайте! — крикнула Сеата не помня себя. — Мне вас не нужно. Прочь, венец! Гибни, Гора! Гибни, народ лэтеев!

Она сорвала с себя царский убор, она задыхалась.

— Мне остался ты, Толе, — простонала она уже со слезами. — Уйдем, убежим. Прочь от всего этого позорного и ненавистного. Я не жалею их тысячелетнее царство, оно стоило того, чтобы погибнуть. Не жалею царского сана, ибо царить над таким народом позорно. Я свободна, Толе, уводи меня.

Она не сознавала, что говорила, разум ее мутился. Поддержав ее, потому что она шаталась от утомления, я старался успокоить ее, образумить. Но внимание наше привлечено было странным шумом. Слышалось звяканье мечей и крики рабов. Я бросился туда, но в проходе со мной столкнулся со всего разбега Мстега.

— Господин! — крикнул он. — Беги! Рабы в третьем этаже и идут убить тебя.

Я еще не успел понять, в чем дело, как следом за Мстегой показался великан Гуаро. Он потрясал все той же палицей. Мстега дико взвизгнул и ринулся на него.

— Беги! — крикнул он мне еще раз.

Великан был схвачен Мстегой поперек тела и на мгновение должен был остановиться. Но почти тотчас же он справился. Послышался лязг ломаемых костей. Гуаро поднял Мстегу на воздух и ударил его черепом о гранитный пол.

Этого мгновенного замедления было достаточно, чтобы спасти меня. Я был уже опять около Сеаты.

Комната царицы была одна из немногих, у которых вместо дверей служил тяжелый камень, вращающийся на шарнире. Мы задвинули вход в то самое мгновение, когда Гуаро добежал до него. За камнем послышался злобный вой обманувшихся врагов.

— А! Мы опять спасены! — восторженно крикнула мне Сеата.

— Мы в тюрьме, — отвечал я спокойно, — в тюрьме, где нет ни пищи, ни питья.

Я отвел изнемогающую Сеату к трону. Но вдруг с тихим визгом повернулся другой шарнир в стене около трона, где я и не подозревал двери. В открывшемся проходе стоял верховный жрец.

Глава двадцать первая

Мы были подавлены сменой впечатлений. Мы не имели сил ни трепетать, ни удивляться. Верховный жрец окинул нас спокойным взглядом. Мы смотрели на него тоже безмолвно. За стеной слышалось рычание толпы.

Наконец голосом суровым и властным жрец сказал Сеате:

— Царица! Великий час пришел.

И вдруг Сеата вся задрожала, словно в припадке, словно былинка под сильным ветром. Она вскрикнула:

— Нет, отец мой, нет!

— Царица! Великий час пришел, — повторил верховный жрец.

Столь же внезапно к Сеате вернулась бодрость.

— Ну что ж, — сказала она, как-то странно устремляя глаза ввысь, не глядя ни на кого. — Не сама ли я желала того. Лучше великий час отчаянья и гибели, чем медленные часы томленья. Я готова, отец мой.

— Иди за мной, — сказал жрец и медленно указал ей на узкую лестницу, по которой сам сошел к нам.

Царица пошла к нему, я сделал несколько шагов за ней.

— Пусть чужеземец останется здесь, — сказал жрец. — То, что нам предстоит видеть, не для взоров непосвященных.

— Нет! — твердо возразила Сеата. — Он пойдет со мной. Я единственная из царского рода. Так я могу выполнить волю Звезды. Вам нельзя выбирать. Если пойду я, и он пойдет со мной.

Жрец не возражал больше. По узкой лестнице прямо из Царской Комнаты мы поднялись в четвертый этаж, в музеи и библиотеки. Сюда еще не проникли рабы. Статуи стояли еще неприкосновенными, как провели они двадцать столетий. Мирно дремали в углублении стен свитки — книги с летописями, величественными поэмами и страстными стихами о любви.

Из Музея камней, где собраны были величайшие в мире богатства, мы стали подниматься в пятый этаж, в Область Тайны, куда я шел впервые. Но во мне не было любопытства. Моя душа была полна одним чувством — тревогой за Сеату. Она уверенно и гордо шла за старцем.

Мы вступили в храм лэтеев. То был круглый покой с куполом. И этот гладкий купол и стены были выложены полированным золотом, в котором сотни раз повторялся свет факелов и где вновь и вновь встречали мы свое отражение.

Никаких статуй и украшений в храме не было. Только по всему полу был сделан широкий желоб, по которому медленно катился большой золотой шар, подчиняясь какой-то непонятной мне силе.

В зале на четырех золотых ложах сидели четверо жрецов. Их помощник-мальчик стоял около. Когда верховный жрец вступил в храм, все встали.

— Великий час настал, — сказал он им.

Все пали на колени, закрыли глаза руками и повторили с ужасом:

— Настал великий час! Великий час!

Верховный жрец обратился к Сеате строго и властно:

— Дочь моя, кто были твои предки?

— Я из племени царей, — отвечала Сеата.

— Великий час настал. Знаешь ли ты, что должна делать!

— Знаю, отец мой.

— Иди же. Ты гордыней своей низвергла в бездну Царство Горы; за это сегодня мы произнесли на тебя проклятие. Но ты исполнишь волю Звезды, и я благословлю тебя.

Сеата наклонила голову, закрыв глаза рукой.

— Вступи, царица, в Покой Великой Тайны.

Потайная дверь открыла в стене отверстие, мы вошли. Эта новая [комната] была очень небольшой, шагов в двадцать в длину и ширину. Стены ее были без всякого убранства, серокаменные. Свет падал из широкого окна. У одной стены стояло каменное ложе. Посреди комнаты стоял челнок странной формы. Нигде до сих пор в стране Звезды не видал я лодок, так как здесь не было ни значительных озер, ни рек.

Но что было самым дивным в этой комнате — это левая, восточная стена ее. У этой стены во всю ее вышину стояла мумия. Она не была одета. К выпирающим костям плотно прилегали иссохшие мускулы, обтянутые пожелтевшей кожей. Но это не была человеческая мумия. Я не знаю, что это было за существо. Голова его была небольшая, с двумя совершенно рядом поставленными глазами, [...] они сохраняли свой цвет и свою форму, словно глядели пристально. Костянистое тело было широко, напоминало несколько строением колокол. И кончалось целым рядом конечностей, руки были скорее крыльями, потому что на них я заметил перепонки. Наконец, все это кончалось как бы рыбьим хвостом, а может быть, рулем, чтобы забирать воздух во время полета.

Пока я смотрел, окаменев от изумления, жрец, приведший нас, исчез. Потайная дверь замкнулась. Мы были с Сеатой вдвоем.

— Кто это? — хрипло спросил я, указывая на мумию.

— Это он, — тихо ответила царица, — тот, кого мы почитаем. Он первый царь наш и вечный наш владыка. Прости меня, господин мой! Но я верю, ты сам хотел того. — Она поклонилась мумии.

— Сеата, но человек ли это? — опять спросил я.

— Он больше чем человек, — ответила Сеата еще тише. — Да! Есть другие миры, мой Толе! Есть высшие существа.

Она смотрела на меня восторженно...

Глава двадцать вторая

Тогда невыразимый стыд сдавил мое сердце. Я вдруг отступил от Сеаты. Мне подумалось, что я краду ее милость.

— Царица, — с трудом выговорил я, — отвернись от меня, царица. Я недостоин твоего взора. Я лгал вам всем, и тебе я лгал. Я вовсе не житель Звезды. Я, как ты, родился здесь, на Земле.

Широко открыв глаза, еще не понимая, царица отшатнулась от меня, как от призрака.

— Да, — продолжал я угрюмо, — я не житель Звезды и не сын царя. Я бездомный скиталец, которого дома презирают, который убежал в пустыню от насмешек. Все время я обманывал тебя.

Ответ царицы был скорее угадан, чем услышан мною.

— Ах, Толе! Разбита прекрасная мечта, яркая надежда! Так близок был ко мне иной мир, не мир Земли. [...]. А теперь, теперь я снова приговорена навеки... Бедные крылья сломаны.

Потом, взглянув на меня со слабой улыбкой, Сеата добавила громче:

— Но ты не грусти, мой Толе. Разве я в тебе любила только жителя Звезды? Ты был дорог мне как учитель. Ты дал мне понять, что я только угадывала. Что может быть иная жизнь, что не все кончается на этой Горе, что не вся мудрость у наших мудрецов, не вся правда — то, чему учили нас старики... Я, как прежде, люблю тебя, Толе. Грусть эта только моя.

Но голос ее был надтреснутым. Я попытался ободрить ее:

— Царица! Я позорно лгал, говоря, что прибыл со Звезды. Но я говорил тебе великую правду об иной жизни, о человечестве, которое ждет тебя. Ты увидишь все те чудеса, о которых я говорил, будто они на моей Звезде. Увидишь, если мы спасемся...

— Может быть, мы спасемся, Толе, — грустно молвила Сеата, — но меня не утешат твои чудеса. Что мне в том, что они чудеса, если они здесь, на Земле! Если их создали люди, такие же, как я! Если есть границы моему миру! Нам сказано: до сих пор это твое, а дальше мы не смеем. О! Толе! Толе! В этом-то ужас.

Она ломала руки. Я мог многое возразить ей, но молчал, не смел говорить. Но вот она встала с видом пророчицы.

— Идем! Как бы то ни было, теперь больше чем когда-либо должно исполнить волю Звезды. Идем!

За ложем была еще одна потайная дверь и узкая извивающаяся лестница. Скользя во мраке, мы поднялись на круглую площадку, которой заканчивалась Гора Звезды.

Была безлунная ночь. Во мгле не было видно ни долины, ни террас. Ни звука не доносилось снизу. Мы были словно одни во всем мире. Среди крупных тропических звезд ярко сверкала красная звезда Марса. К ней простерла свои мраморные руки Сеата.

— Звезда! Священная Звезда! Ныне исполняю твою волю. Ты царица на этой Горе. Пришел час истребить твое царство. Свое возьми себе, нам же оставь наши горести.

Потом, обращаясь ко мне, Сеата добавила:

— Я верю, да! Я верю, что у нас есть связь с нашей Звездой.

Ты не прибыл к нам со Звезды, но я чувствую, что мольбы и песни могут достигать до Звезды, [...] что оттуда к нам доходят голоса. Я слышу! Я слышу зов! Я иду к тебе, Звезда! Иду! Иду! — Она воскликнула последние слова в самозабвении и как лунатик шла к сверкающей Звезде. Я удержал Сеату на краю обрыва. Она очнулась.

— Ах, Толе, мне послышался зов, будто Звезда меня звала. Могла она звать? Как ты думаешь? Веришь ты этому?

— Я всему верю, чему веришь ты, — отвечал я, плача и целуя ее платье.

Сеата подумала секунду, потом сказала опять твердым голосом:

— Здесь на середине стоит золотой шар. Его должно сбросить вниз.

— Сеата, но это страшная тяжесть, это не под силу одному человеку.

— Толе! Ты умен, поищи, постарайся.

Царица села над обрывом, опустив ноги в пропасть, и задумалась. Я подступил к шару. В нем было с виду пудов... Скоро я ощупью нашел, что ось его составляет металлический стержень, который можно вынуть. Так у меня оказалось в руках орудие. Я старался, действуя им как ломом, приподнять шар. Это мне не удавалось. Потом заметил я, что некоторые камни на площадке легко вынимаются. Я начал делать скат для шара. Работа подвигалась быстро. Наконец я решился упереться в шар. Он неожиданно легко поддался. Я едва устоял на ногах, а страшная тяжесть покатилась сначала по площадке, потом подпрыгнула с края, и загрохотал страшный раскат от ее удара о крепкую стену Горы. Удар повторился еще дважды, и долго замирали отзвуки.

— Свершилось, — торжественно сказала Сеата. — Вернемся.

Я повиновался Сеате как существу высшему.

Мы опять спустились в комнату с ладьей. Сеата нашла где-то кружку воды и немного маису, видимо, приготовленного для нас. Я был очень голоден, но Сеата почти не прикоснулась к пище. Порывы бодрости сменялись у нее полным бессилием. Когда я подошел к ней, она что-то шептала. Я взял ее за руку — рука была холодна и дрожала.

— Ты больна, Сеата. Ты должна лечь отдохнуть.

Она повиновалась и поникла на каменное ложе. Почти тотчас глаза ее закрылись: то был свинцовый сон. Я благоговейно прикоснулся губами к ее бледному челу, взял факел и вышел потайной дверью вниз, в другие этажи горы.

Глава двадцать третья

Я предчувствовал гибель, я хотел последний раз осмотреть Гору, эту дивную Гору, у вершины которой хранится скелет странного существа. Был ли прав старый помешанный ученый, умерший в степях Африки? Создание ли это дерзких беглецов из другого мира? И, проходя опять по переходам лестницы, я мог только дивиться на это создание. Вся Гора изрезана, изрыта залами, комнатами и проходами сверху донизу. Иные залы были выше сорока саженей, громадные арки поддерживали тяжелые своды,

переходы шли уверенно, не сбиваясь с принятого направления; нигде не заметно было никакого промаха; я встречал статуи, высеченные из самой скалы, составлявшие одно с полом, так что для них оставляли глыбу, когда пробивали самую залу. Я готов был верить, что этот лабиринт был создан по единому плану великого зодчего, во власти которого были целые века и миллионы работников. Я прошел по Области Тайны. Все было там нетронуто. Золотой шар с тихим шумом продолжал катиться по золотому желобу, как катился, может быть, много столетий. Пять старцев и пять отроков лежали, простертые на полу. Я нагнулся к ним. Они были мертвы, тепло медленно покидало их тела....

Осторожно стал я спускаться в Царский этаж. Там я мог повстречать рабов. Но все было тихо. Я прошел средней витой лестницей и сразу вступил в Звездную залу. Она была так же изуродована; изображения Солнца и Луны сорваны со стены, и их пустые впадины зияли, как свежие раны. Но потолок был слишком высок, и при свете моего факела засверкало искусственное звездное небо — загорелся Южный Крест, красным светом загорелась священная Звезда. Тихие стоны вспугнули меня, когда я сделал несколько шагов вперед. Я увидел, что пол был устлан телами. То были лэтеи, павшие в последней схватке с рабами. Но еще больше валялось рабов, разрубленных лэтейскими мечами. Где-то были еще живые, только раненные, потому что я слышал зов. Я стал искать, скользя в лужах крови. Скоро я наткнулся на тело Итчуу. Юноша был убит наповал. Голова срублена до половины. Подальше у стены была целая груда женских тел.

Я уже дошел опять до середины залы, когда один из лежавших вдруг узнал меня и окликнул:

— Чужеземец!

Я остановился. Из груды тел привстал старик с седыми, но окровавленными волосами. Он смотрел на меня огненным взором.

— Чужеземец! Зачем вернулся ты сюда? Ты ищешь проклятий, ты хочешь, чтобы все мертвецы кричали тебе голосом бури: проклят, проклят! Нет! Ты этого не услышишь. Я иное скажу тебе. Не ты погубил Гору, ты не был бы в силах сделать это. Сама Звезда решила, что [наступил] ее последний час. Слышишь, сама Звезда. И потому мы тебя прощаем.

Проговорив эти слова, старик опять откинулся навзничь. Я слушал его слова, окаменев от ужаса, дикий бред уже готов был овладеть мной: по слову старика мне уже казалось, что мертвецы кругом действительно приподнимаются, встают, говорят мне... Страшным усилием воли я овладел собой и хотел подойти к старику, чтобы чем-нибудь помочь ему. Но вдруг я ясно почувствовал, что почва под моими ногами заколебалась.

От первого толчка я устоял. Но второй удар землетрясения был так силен, что я упал в лужу крови, и факел мой погас. Затем началось равномерное качание пола. Тела, лежавшие кругом меня, зашевелились как живые. Я был во мраке среди двигающихся мертвецов. Ужас оледенил мое лицо, сердце перестало биться.

Я полз среди груды тел, я ощупью искал дорогу. Я терял сознание. Наконец я нащупал вход

наверх. Я бросился бежать по скользким ступеням. Я пробежал в полном мраке через комнаты музеев; я остановился только около трупов жрецов, освещенных стоявшим здесь факелом. Тут я пришел в себя. Но я не мог отдать себе отчета в своих мыслях. То было сострадание к умирающим там, во тьме, одинокими, то был ужас и содрогание перед всем, что я сейчас испытал, то было смятение всех чувств. А пол продолжал качаться под моими ногами.

Я взял факел, освещавший мертвых жрецов, и пошел к Сеате. Она спала.

Я вышел на площадку Горы. Взошла луна в половину четверти. При слабом свете ее смутно увидел я что-то необъяснимое. На том пространстве, которое должна была занимать долина, странно сверкала полоса лунного света, словно под нами была водная гладь. Я долго смотрел на переливы света в волнах, потом я сошел на верхние ступени лестницы и, опустившись на них, тотчас заснул.

Глава двадцать четвертая

Мне снилось, что я еще раб в стране Звезды, что я бежал, проник в подземные проходы Горы и пробираюсь по ним, ища выхода. Переходы кружили, извивались, убегали все дальше, и не было им конца. Присосавшись к стенам, ждали здесь меня какие-то громадные слизняки, которые тянули ко мне липкие руки. Я отбивался от них. Когда наконец я совсем изнемог, подземелье вдруг кончилось. Мне глянул в очи океан. Я упал на гранитный выступ, а передо мной расстилалось безграничное водное пространство; луч луны играл на волнах; вал за валом разбивался о каменный берег, и страшен был гул набегающей пучины.

И в эту минуту подумалось мне, что я ушел из страны Звезды навсегда, что мне больше нет пути назад, что больше я не увижу Сеаты никогда, никогда! Эта мысль сковала меня невыносимым ужасом; я молил небо об одном — умереть, не быть, чтобы только не испытывать этих мучений... Но солнечный луч вдруг ударил прямо мне в лицо, и я проснулся на острых ступеньках лестницы. Первое, что охватило меня, было чувство безмерного счастья, блаженство от сознания, что Сеата близко, что она со мной, что я увижу ее. Но в то же мгновение меня поразило, что рев набегающей пучины не смолк, и после пробуждения я бросился наверх.

Гора медленно, но явственно опускалась. Я ощущал сотрясение площадки. Я видел, что отдаленные края котловины как бы поднимались вверх. Внизу же вместо долины, вместо лесов, полей и всей этой пышной карты расстилалась серая, волнующаяся водная гладь. Пенистые волны ходили и качались везде, куда достигал глаз. Какие-то жерла разверзлись за ночь, какие-то потоки хлынули из недр земли, и вот вся котловина была уже затоплена наполовину. Море поглощало Гору. Гора погружалась в море. Седые гребни волн уже плескались о террасу третьего этажа. Пока я стоял в оцепенении со взором, прикованным к невероятному зрелищу, на площадке показалась Сеата, бледная, утомленная, но с горящим взором. В ней ничего не было зем-

ного, словно она уже не принадлежала этому миру.

— Это Тайна Горы, — вдохновенным голосом сказала она мне, не ожидая вопроса. — Вода поглотила всю страну; вода, служившая гробом для предков, смоет и все создания веков, поверья прошлого и записи о грядущем. Ты вызвал к жизни эту силу, дремавшую в оковах. Вода будет на месте моей страны, а мы... У нас есть возможность пережить ее.

До нас смутно долетали стоны. Рабы так и не нашли прохода, ведшего в четвертый этаж. Потому никого из них не было на четвертой террасе, она была пуста. Зато весь народ рабов теснился, жался на третьей террасе, уже омываемой волнами. От нас это было на расстоянии почти трехсот саженей, и нам трудно было следить за ними.

Рабы были в паническом страхе. Они почти не двигались. Вся толпа — тысячи в три человек — стояла неподвижно, обернувшись к воде, и смотрела, как волны наступали на нее. Изредка у всех у них вырывался нечеловеческий вопль, доносившийся до нас слабым стоном. Вот вода перехлестнула через парапет. Рабы стали погружаться в губительную стихию. Я не знал, что сделать, я хотел бежать к ним, указать им путь к нам, я что-то говорил Сеате. Но она остановила меня, властно положив мне руку на плечо.

— Останься здесь. Если бы ты и привел их сюда, все равно их гибель была бы неотвратима. Челнок сделан лишь для двоих, ибо Звезда знала, что нас будет двое. Не пытайся бороться с велениями Звезды, мы слишком ничтожны, наша участь — покориться.

Я упал ничком у края площадки и впился взором в ужасающую трагедию, совершающуюся где-то в глубине. Вода подступила к груди рабов, постепенно поглощая их. Матери поднимали грудных детей над головой, более сильные в животном ужасе взбирались на плечи других, иные пытались взобраться вверх по гладкой стене, но тотчас обрывались, некоторые, обезумев, бросались сами в пучину. Вода повышалась со стремительной быстротой. Я видел, как волны стали окатывать головы самых высоких. Я видел мгновение, когда поднятая рука исчезла в пене прибоя. На поверхности виднелось несколько тел, боровшихся еще со смертью. Но никто из погибающих не умел плавать. Через несколько минут все было кончено. Ничто постороннее не нарушало более серой пенистой глади.

Когда я приподнялся, помертвелый от ужаса, Сеата все еще стояла в прежнем положении со взором, устремленным куда-то вдаль, прочь от земли.

— Все кончено, — хрипло сказал я.

Сеата обратилась ко мне.

— Мой милый, — промолвила она, впервые называя меня так, — надо принести сюда челнок.

Я повиновался.

Глава двадцать пятая

Гора опускалась медленно. В полдень исчезла под волнами терраса третьего этажа. Солнце уже клонилось к горизонту, когда волны дошли до края котловины. В то же время и вершина Горы уже почти касалась поверхности воды. За этот день мы едва ли об-

менялись с Сеатой десятком слов. Она сидела на груде камней, выбитых мной вчера из площадки, и загадочным взором смотрела на водную поверхность. Иногда мне казалось, что она наслаждалась этим новым для нее зрелищем. Иногда я начинал понимать, что за безумная тоска давит ей сердце.

Я работал над лодкой, сколько мог приспосабливая ее для путешествия. На Сеату смотрел я даже с некоторой робостью. Однажды я сказал ей, утешая ее:

— Мы скоро увидим с тобой новую землю и новое человечество. Думай о будущем.

Она ответила мне:

— Мы с тобой величайшие убийцы на земле.

Я содрогнулся.

Другой раз мне пришла странная мысль в голову, и я опять обратился к ней:

— Сеата, а как ты думаешь, не мог ли кто-нибудь из рабов проникнуть в Царство Тайны? Может быть, они еще и теперь таятся там. Не пойти ли к ним?

Сеата холодно посмотрела на меня и сказала:

— Нет, надо, чтобы они погибли все.

И я содрогнулся снова.

Когда вода подошла к нам на расстояние двух саженей, я спустил лодку в море: я боялся водоворота, который должен был бы возникнуть, когда пик Горы погрузится в пучину. Лодка веревками была привязана к камням, бывшим на середине площадки. По этим веревкам я спустился в лодку и ждал. Когда расстояние между лодкой и площадкой еще уменьшилось, я быстро помог сойти Сеате, перерубил веревки своим лэтейским мечом, оттолкнулся от стены и всей силой налег на весла, спеша уйти от тонущей Горы.

Через несколько минут вершина Горы с каким-то свистом погрузилась в пучину. Некоторое время мне приходилось бороться с волнами водоворота, но наконец мы могли считать себя в безопасности, и я огляделся.

Котловины уже не существовало. Вода перелилась через край и затопляла Проклятую пустыню, не переставая прибывать, грозя превратить всю Африку в дно морское. Течение несло нас от центра, и весла были не нужны.

Я посмотрел на Сеату, Сеата смотрела на меня.

— Мой милый, — сказала она мне, — нас двое во всем мире. Мы первые люди и последние люди. С нами кончается жизнь Земли. Нам надо умереть.

Я пытался ее успокоить:

— Земля велика еще. Есть много-много людей в мире. Ты найдешь новую родину, ты найдешь то, что искала.

Сеата молчала, устремив взор за нашу корму, туда, где возвышалось недавно Царство Горы. Теперь со всех сторон от нас, куда только хватал взор, были небо и вода. Ярко-красное солнце закатилось в обагрившиеся волны. Настала ночь и прохлада. Я хотел подкрепить силы. С нами было очень немного маису, но совсем не было воды. Со страхом и горестным предчувствием зачерпнул я воду за бортом. Увы! Худшие предчувствия исполнились. Вода была горько-соленая, негодная для питья, поистине морская.

Весь ужас нашего положения

ясно представился мне. Предстояло проехать или снова пройти всю ту же Проклятую пустыню, по которой мы шли с Мстегой, почти не имея ни малейшего запаса воды. Я ничего не сказал Сеате, но она все поняла.

— Не пугайся, милый, — сказала она, — для меня теперь ясно, что все создано волей Звезды. Я прежде смеялась над суевериями отцов, но теперь понимаю, как была я безумна. Позволь мне принести мольбу Звезде.

Она стала на колени, обратив свое лицо к Красной Звезде. И я тоже преклонил колени рядом с ней, молился впервые после многих и многих лет. И в молчании пустыни наш утлый челнок уносил нас в неведомую даль...

Глава двадцать шестая

Ночью я греб, направляясь по звездам. Под утро утомление одолело меня. Проснувшись, я увидел, что Сеата лежит на дне лодки с закрытыми глазами. В испуге я наклонился к ней. Она взглянула на меня и слабо улыбнулась.

— Я очень слаба, мой милый, — сказала она мне, — мне кажется, это смерть.

Я был так потрясен последними днями, что эти слова не ужаснули меня. Только слезы полились из моих глаз. Я прикоснулся губами к ее руке.

Не лишения, не трудности пути губили Сеату. Зной также не был силен, так как воздух был полон водяными парами. В полдень мне удалось поймать орла, спасшегося от потопа, но теперь упавшего в воду. На время мы были спасены от голодной смерти, могли даже утолить жажду его свежей кровью. Но Сеата не хотела ни пить, ни есть. Внутренняя скорбь убивала ее. Днем я продолжал грести, придерживаясь того направления, которое я дал лодке с вечера, но далеко не был убежден, что мы плывем верно. Разве можно было определить направление в этом океане без берегов? Вода перестала прибывать. Волнение утихло. Сквозь прояснившуюся воду мне было видно дно — поверхность каменистой пустыни. Глубина нового моря была всего аршина полтора. Я мог достать веслом до солончака. Весь день Сеата лежала как в забытьи. Несколько раз я смачивал ей губы кровью убитой птицы, но, приходя в себя, она не хотела пить. К вечеру она совсем очнулась и позвала меня:

— Мой милый! Мой дорогой! Нам осталось немного говорить с тобой. Я умираю.

— Сеата! Полно! — в тоске сказал я. — Зачем же умирать? Разве ты не хочешь увидеть мою землю, моих братьев?

— Полно, друг! Это несбыточная мечта. Я и не могла бы жить без моей страны, после гибели моего народа. Теперь я сознаюсь тебе во многом, в чем не решалась сознаться и себе. Напрасно мечтала я о других мирах, моя душа все же была прикована к этому. Я очень любила свою страну как родину, как родную землю. Я очень любила тебя, Толе, очень, как мужа. Скажи же мне еще раз, что ты меня любишь, что ты не льстил бывшей чужеземной царевне. Скажи, чтобы я умерла счастливой.

Я припал губами к ее рукам, я

шептал ей, что, теряя ее, я теряю больше, чем жизнь.

Она улыбнулась своей обычной тихой улыбкой и сказала:

— Нет, ты не виновен в гибели Горы. То Звезда отомстила лэтеям за рабов, а рабам — за лэтеев. Та же Звезда послала мне тебя, Толе, чтобы я поняла себя, а тебе меня, твою царевну, твою Сеату, чтобы и ты воскрес к жизни. Помни меня, а я благословляю тебя для жизни.

— Сеата! — с полным отчаянием воскликнул я. — Разве для меня будет жизнь без тебя?! Ради меня, ради души моей, не уходи, будь со мной, останься.

В слезах я целовал ее холодеющие пальцы, она уже не могла говорить, и только тихая улыбка сохранилась на ее побледневших устах. Потом она устремила взор к завечерившему небу, и душа ее отлетела из мира земли, которым она так тяготилась при жизни.

В тот же час, как Сеата умерла, я вдруг понял всю безмерность своей любви к ней. Мне сразу как в блеске молнии представились два существа — я до этой любви и я, воскрешенный любовью. И я понял, что это два разных человека. Я рыдал, как [осужденный], я хотел бы воскресить ее хоть на время, на одно мгновение, чтобы досказать ей все, что не успел выразить при жизни. В бешенстве я проклинал себя за потерянные дни и часы, в которые можно было передать так много!

Мысль об ужасном будущем пронеслась в моей голове. С дикой решимостью я схватил дорогое мне тело, прикоснулся к нему последним поцелуем и медленно опустил его за борт. Я произнес несколько молитвенных слов над этим местом, не обозначенным никаким памятником. Потом сильным ударом весла я удалился оттуда.

Почти тотчас раскаянье овладело мной, во мне воскресло страстное желание видеть ее, целовать ее хотя бы и безжизненные руки, говорить с ней. Я начал грести назад, среди мрака наступившей ночи я искал ее тело, я без устали работал веслами, плыл взад и вперед, тщетно всматриваясь в почерневшую воду. Но мне не суждено было найти дорогой могилы.

Взошло солнце, и я увидел себя все за теми же безумными поисками. Я не знал, куда уплыл я, долго ли блуждаю. Тогда в порыве нового отчаяния я отбросил весла прочь от себя в эту спокойную безответную воду и распростерся на дне челнока, на том самом месте, где лежала Сеата, целовал те доски, к которым она прикасалась. Неожиданно возникший ветер развевал мои волосы, но я не обращал на него внимания. Мне было все равно, куда влечется моя ладья.

Так прошел день, и настала новая ночь, и краски новой зари проглянули, прогорели и погасли [на востоке]. Я смутно понимал течение времени. Я был снова во власти бреда и диких грез, то отвратительно-мучительных, то несказанно блаженных, потому что в них мне являлась снова моя царевна Сеата. И весь мир был не нужен мне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грубое морщинистое лицо старухи негритянки и ее иссохшие руки — вот было первое, что я увидел, когда очнулся. Челнок мой

прижало ветром к краю озера, образовавшегося на месте Проклятой пустыни, и выбросило на траву. Меня подобрало кочевавшее здесь племя бечуанов. Обо мне заботились и, как умели, лечили. Много дней пролежал я в горячке и, очнувшись, был так слаб, что не мог шевелиться. Добрые бечуаны кормили меня сушеным мясом и поили водой из скорлупки страусовых яиц. Только через две недели встал я на ноги и лишь через месяц мог выйти за пределы деревни.

Первую свою прогулку я совершил по направлению к Горе Звезды. Вновь образовавшееся озеро уже отхлынуло, и на месте прежней каменистой степи простиралась равнина, покрытая илом, кое-где начинавшая порастать первым мохом и робкой травой. Ясно было, что впоследствии здесь образуется степь и появится жизнь. Пальмы вырастут над могилой Сеаты. Напрягая зрение, я всматривался в даль, но силуэт конусообразной Горы уже не рисовался на фоне ясного утреннего неба.

С трудом оторвав глаза от дали, повернул я к ближнему леску. Трава шелестела под моими ногами, попугаи испуганно перескакивали с ветки на ветку. Мне вздумалось испробовать, изменила ли мне рука. Со мной был бечуанский лук, которым прежде я свободно владел. Прицелившись, я спустил тетиву, стрела простонала, и попугай, как бывало, повалился с ветки на берег ручья. С несчастной улыбкой пошел я за бесполезно убитой птицей. Да! Немногое изменилось во мне, только сердце стало живым и страдающим.

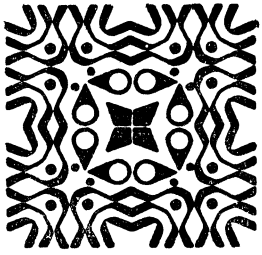
Я нагнулся, чтобы поднять попугая, и увидел свое отражение в зеркале ручья. Длинные волосы попрежнему смело падали мне на лоб, на шею, но они сверкали, как серебро. На меня из ручья смотрело лицо еще молодого человека, но с уже совершенно седой головой.

Еще печальнее улыбнулся я. Прошлая жизнь была погребена под этим снегом, а в новую я не верил. Подняв убитого попугая, я побрел в крааль друзей моих бечуанов. Больше мне некуда было идти.

Публикация Р. Щербакова

КЛУБ ФАНТАСТОВ

Сегодня мы представляем «Фантастике» видного советского ученого академика Виктора Михайловича Глушкова.

Наука, которой он занимается, очень близка к фантастике, многие из выдвигаемых им идей на первых порах тоже казались фантастическими, да и сам стремительный путь его в науку мог стать неплохим сюжетом для научно-фантастического романа.

Хотя, пожалуй, нет, путь этот закономерен и является ярким примером, демонстрирующим возможности упорного, настойчивого человека в нашем социалистическом обществе.

На физмат Ростовского университета он поступил в 1947 году и блестяще закончил его... на следующий год. В двадцать восемь он уже кандидат наук, в тридцать два — доктор, в сорок — академик. Ныне он вице-президент Академии наук Украины, директор Института кибернетики и руководитель одного из его отделов, главный редактор журнала «Кибернетика» и член редколлегии многих других научных изданий, консультант на самом ответственном уровне, лектор в самых высоких аудиториях, советник разнообразных комиссий и подкомиссий... Всего просто невозможно перечислить.

И одна из отличительных черт Глушкова в том и состоит, что он относится ко всем своим обязанностям не формально, а с полной ответственностью, каким-то понятным только ему одному способом успевая заниматься всем этим разнообразием дел.

Вторая его отличительная черта — увлеченность. Он увлекается многими вещами и всегда подходит к заинтересовавшим его вопросам с обстоятельностью настоящего ученого. А увлечений у него было много, и начались они с детства. В третьем классе — животные и растения, в пятом — геология и минералогия, в седьмом — телеуправляемые модели, в десятом — математика, физика и даже идеи моделирования человеческого мозга.

По чертежам, опубликованным в журнале «Техника — молодежи», он собственными руками смастерил электрическую пушку, стрелявшую снарядами, сделанными в виде ракет. Чтобы усовершенствовать ее и рассчитать траекторию полета снаряда, он занялся математикой и уже к восьмому классу знал ее в объеме технического вуза.

Когда началась Великая Отечественная война, он подал заявление в артиллерийское училище. Но, несмотря на увлечение детства, артиллерия так и не стала его професси-

ей — в училище его не приняли из-за сильнейшей близорукости. И тогда он оказался на трудфронте под Сталинградом. Когда фронт подходил к городу, Глушков рыл окопы, противотанковые рвы.

После окончания института он стал математиком, увлекся теорией автоматов и конструированием ЭВМ. За работы именно в этой области Виктор Михайлович был удостоен Ленинской и Государственной премий, звания Героя Социалистического Труда. Эти работы выдвинули его и в ряд крупнейших мировых авторитетов по кибернетике.

Но вот опять новое увлечение — проблемы экономики и применение компьютеров в управлении народным хозяйством. Это были идеи, о которых в Директивах XXIV съезда КПСС говорится как о первоочередной задаче. Он поставил перед собой поистине фантастическую проблему— создание таких автоматизированных систем, которые стали бы настоящим «искусственным интеллектом», верным помощником как в управлении народным хозяйством всей страны, так и в науке, литературе, искусстве и во многих других областях, расширяя и углубляя возможности человека.

Кибернетика XXI века

На вопросы журналиста Г. Максимовича отвечает академик В. М. Глушков.

— Виктор Михайлович, сегодня на страницах газет, журналов, книг все чаще появляются слова «кибернетика, автоматизация», «АСУ». И это легко понять. Сейчас, когда научно-техническая революция прочно вошла в нашу жизнь, без средств автоматизации обойтись просто невозможно. Скажите, а какой станет кибернетика и какие функции она возьмет на себя где-то на рубеже XX и XXI веков?

— Делать какие-либо прогнозы о такой быстро развивающейся области, как кибернетика, нелегко. История знает, как крупные неожиданные открытия нередко коренным образом меняли направление и характер развития многих, казалось бы, полностью устоявшихся областей науки и техники.

Разве мог кто-нибудь лет пятьдесят назад предугадать, например, пути развития атомной энергии? Даже крупные специалисты прошлого века не могли бы поверить, что обыкновенный луч света способен за секунды разрезать стальной лист или приварить отслоившуюся сетчатку глаза, как это делает сегодня лазер. А мог ли человек, разъезжавший на тройке, поверить, что пройдет не так уж много времени, и путь от Москвы до Нью-Йорка он будет покрывать всего за несколько часов, а от Земли до Луны — за несколько суток?

Так и мне сейчас довольно трудно точно сказать, что будет представлять собой кибернетика XXI века и какие новые функции возьмет она на себя. И все же, опираясь на тенденции развития этой науки и на то, что

сделано уже сегодня, я попытаюсь это сделать.

С чего же мы начнем?

— Лучше всего давайте с основы основ — с производства.

ЗАВОДЫ БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

— Вполне понятно, что основой производства завтрашнего дня станут заводы-автоматы. Но они в корне будут отличаться от тех автоматических предприятий, которые существуют сегодня. Сегодняшние заводы такого типа рассчитаны на выпуск стабильной, неменяющейся продукции, такой, как цемент, хлеб, молочные продукты. И для того чтобы изменить что-либо в технологии или же просто сменить выпускаемую продукцию, такой завод надо полностью останавливать.

Чтобы избежать этого, работу таких предприятий в будущем надо строить не на механическом, а на кибернетическом принципе. Что это значит?

Основой производства на таком заводе станут автоматические линии, созданные на базе станков с программным управлением. Наша промышленность уже выпускает такие станки, они хорошо зарекомендовали себя и позволяют в три-четыре раза увеличить производительность труда. Достаточно побывать на современном предприятии, чтобы увидеть, как они работают. Подчиняясь командам, записанным на перфорированной или магнитной ленте, станок сам обрабатывает деталь, весящую нередко тонны. Он сам меняет режим работы, знает, когда надо нарезать резьбу, отфрезеровать, обточить или произвести другие операции.

— Да, но менять ленту и деталь должен все же человек. Как же совместить это с идеей заводов без рабочих?

— Но вы забываете, что речь шла о станках с программным управлением, работающих в обычном цехе, на заводе сегодняшнего дня. Мы же говорим о заводах будущего. А на них и эта принадлежащая сегодня человеку часть работы перейдет к машинам.

Как же это будет выглядеть? Да почти так же, как в произведениях писателей-фантастов. Между станками заснуют механические существа — роботы. Конечно, они наверняка не станут этакими металлическими красавцами, напоминающими человека. Это будет, вероятно, небольшая тележка на колесах с одним или двумя манипуляторами, способными двигаться во всех плоскостях.

Не думайте, что такие роботы — дело далекого будущего. Уже то оборудование с программным управлением, о котором мы говорили выше, является, по сути дела, первым шагом на пути к эпохе роботов. А электронная техника с ее новыми возможностями приближает эту эпоху стремительно. Уже сегодня создаются «видящие» роботы, способные распознавать простейшие геометрические тела. Правда, они довольно громоздки и дороги, и вряд ли в ближайшее время у них будет искусственный глаз, сравнимый по способностям с человеческим, в котором пять миллионов нервных клеток.

Безусловно, проще и экономичнее «слепой» робот, подающий на сборку или обработку детали, не видя их: ему достаточно знать лишь, где они лежат.

— Интересно, а кто же будет управлять подобным устройством? Както не верится, чтобы удалось за-

программировать его на все случаи жизни.

— Конечно, запрограммировать машину так, чтобы она могла найти выход из всех непредвиденных ситуаций, пожалуй, невозможно. Хотя роботы, приспосабливающиеся к меняющимся условиям работы, уже есть; существуют, например, станки с адаптивным управлением, которые сами выбирают режимы резания в зависимости от твердости металла, величины припуска на заготовке, степени износа инструмента... Но для роботов, обслуживающих станки, это и не нужно. Ими, как и всем заводом-автоматом, будет руководить автоматизированная система управления АСУ. Она-то и станет следить за работой станков и деятельностью роботов. Кому, как не ей, знать, какие детали нужны каждому из цехов, какие надо переправить из одного цеха в другой, а какие доставить со склада. Она же будет отдавать распоряжения линиям или отдельным станкам на выпуск новой продукции. Эта же вычислительная машина будет составлять программы для всех станков и роботов.

— А как вы, Виктор Михайлович, представляете себе работу завода-автомата в целом?

— В общих чертах картина такого завода уже ясна. Как я уже говорил, основными «производителями» станут станки с программным управлением и роботы. Но это, так сказать, нижняя ступень иерархии на предприятии. И без верхней, руководящей ступени она вряд ли справится с работой. Поэтому давайте рассмотрим все производство по порядку.

Одно из основных звеньев управленческой ступени — автоматизированная система проектирования. Она-то и будет разрабатывать новую продукцию предприятия. Правда, работать она будет пока под руководством человека, и, по-видимому, до конца века ему не удастся полностью устраниться от проектирования. Но это не так уж важно для завода-автомата. Несколько человек на нем все равно будут трудиться, допустим, всего десять-пятнадцать, но они все-таки останутся на таких предприятиях. И, возможно, проектирование станет чуть ли не единственным участком, где они будут заняты.

Но продолжим нашу мысленную экскурсию по заводу будущего. Итак, новый вид продукции спроектирован ЭВМ, пускай даже при содействии незначительного числа людей. Автоматически разработанные конструкции передаются на другую машину, которая отвечает за управление. Чтобы производить сразу несколько видов продукции, детали нужно посылать на сборочные линии в определенном порядке. Вот за этим и проследит управляющая машина, точнее, она организует выпуск изделий по предварительным заказам.

И не думайте, что выпуск продукции по индивидуальным, предварительным заказам — это блажь. Нет, это насущная необходимость наших дней. Дело в том, что в потреблении, к сожалению, еще нередки спады и подъемы. И с годами тенденция к колебаниям спроса все заметнее. В такой ситуации на предприятии нужны резервы.

Однако резервы резервам рознь. Одно дело, когда предприятие имеет в резерве сырье, материалы, инструмент, детали, и совсем другое — запасы готовой продукции. Несколько лет назад они действительно считались необходимыми, да и сегодня сохранили свое значение, но лишь в

тех случаях, когда речь идет о традиционных видах продукции. Промышленная же продукция с развитием научно-технической революции обновляется все быстрее. Не проходит и нескольких месяцев, как в самые, казалось бы, современные и совершенные машины и конструкции проектировщики вносят изменения, улучшая их.

Возьмите, к примеру, то же кибернетическое машиностроение; разве можно делать впрок запоминающие устройства вычислительных машин? Ведь пройдет не так уж много времени — и они устареют, так и не дойдя до потребителя. Можно взять и другую, более знакомую всем область — бытовую продукцию. Спрос на нее очень изменчив и зависит как от моды, так и от «репутации» товара. Зайдите в магазин радиотоваров, и вы увидите, что одни, скажем, телевизоры пылятся на полках, а другие раскупаются сразу же. Так разве можно в этом случае говорить о каких-то запасах? Они не только не устранят дефицит, а, наоборот, будут тормозить выпуск новых моделей, нанося производству вред, так как в них омертвляются средства и труд. Происходит это оттого, что в большинстве случаев производство ориентируется на безличный рынок, на абстрактного потребителя, тогда как надо ориентироваться на выполнение предварительных заказов. К примеру, французская фирма «Рено» уже много лет больше половины автомобилей делает по индивидуальным заказам.

— Но мы опять отвлеклись от путешествия по заводу завтрашнего дня. Так кто же будет отвечать за производство на таком предприятии?

— Вся производственная информация будет поступать на третью машину. Ее обязанности — расчет программы для каждого станка и для каждого робота. Она же скорее всего будет заниматься и таким вопросом, как, скажем, раскрой основного материала, будь то металл, пластик или же обычная ткань. Вы не думайте, что раскрой — легкий процесс. Он довольно сложен и требует больших математических расчетов, а нередко и просто интуиции. Сегодня только большой опыт людей является критерием при раскрое материала на заготовки. Ведь заниматься в цехе «математикой» часто просто нет времени, и приходится угадывать, какое количество заготовок получится из оставшегося материала, как до минимума свести его отходы.

На заводе-автомате, как я уже говорил, этим станет заниматься скорее всего третья ЭВМ. Она же будет подбирать и необходимые материалы, инструменты. Если чего-то на заводе не окажется, она же сама выдаст заказ на завод-поставщик или на центральную базу снабжения. Кстати, эта же машина отправит на ремонт испортившихся роботов, заменив их на время другими, со склада. Думаю, что ремонт таких автоматов будет идти централизованно, в специально созданных мастерских.

Когда все сырье, материалы, инструменты будут получены и доставлены в цехи, машина, отвечающая за производство, включит механизмы, и они один за другим начнут работать, а роботы будут послушно передавать детали с одной операции на другую. Заготовки пойдут от станка к станку, с линии на линию, из цеха в цех, приобретая все более законченный вид. Наконец роботы-сборщики соединят отдельные узлы и детали в машину.

Для наглядности рассказанного возьмем, к примеру, завод, выпускающий автомобили. Допустим, пришел

заказ — нужна машина с окраской номер 5 (это код определенного цвета), внешней отделкой номер 7, внутренней облицовкой номер 2, радиоприемником второго класса и так далее. Специальное устройство наносит эти данные на магнитную карту, которая крепится к шасси, и электронная машина рассчитывает, в какой момент производства и какой из станков с программным управлением должен выпустить определенную, отличающуюся от других деталь. Она же рассчитывает, в какой момент и к какому месту конвейера эта деталь должна быть подана.

Вот шасси пришло туда, где на нем крепится мотор. Считывающее устройство знакомится с записью на магнитной карте и, узнав, какой двигатель необходимо установить, крепит именно его (к этому времени он уже подан другим конвейером). То же самое происходит и там, где на шасси крепится корпус, производится отделка и все остальное. В конце концов из сборочного цеха выходит автомобиль, отвечающий индивидуальным требованиям заказчика.

Подобным способом можно выпустить не только автомобили, но и телевизоры, холодильники, стиральные машины, станки...

Но вот готовая продукция попадает на контролирующие установки, которыми распоряжается еще одна ЭВМ. Контроль качества — дело ответственное и кропотливое. Продукция современного машиностроения состоит из сотен и тысяч деталей, и неполадки в некоторых из них могут сказаться не сразу. Вполне возможно, что самые ответственные и сложные узлы придется проверять еще до того, как они попадут на окончательную сборку. Но это нисколько не изменит структуру завода завтрашнего дня, о котором я говорю.

Испытания тоже будут программно-управляемыми. На одном и том же стенде пройдут проверку различные агрегаты. Обслуживающий робот для обнаружения неполадок, свойственных лишь данному узлу, в каждом отдельном случае будет поступать по-особому.

— Виктор Михайлович, из рассказанного вами получается, что для управления таким заводом-автоматом необходимо четыре электронно-вычислительные машины. Неужели нельзя создать одну, которая справилась бы со всеми задачами?

— Я говорил о четырех, исходя из сегодняшнего состояния электронно-вычислительной техники и из убежденности, что подобные заводы-автоматы могли бы появиться уже к концу текущей, девятой пятилетки, хотя, к сожалению, создание таких заводов еще не начато. Но одна ЭВМ четвертого поколения успешно может справляться со всей работой по управлению предприятием.

— Какие производства, на ваш взгляд, должны перейти на полную автоматизацию в первую очередь?

— Думаю, сначала надо перевести на автоматизированное производство электронную промышленность. Я это говорю не потому, что я кибернетик и эта проблема касается меня лично. Дело в том, что как специалист я прекрасно знаю, что строить компьютеры старыми методами не только недопустимо, но и просто невозможно.

Хотя машины первого поколения были громоздкими, сложными и работали на десятках тысяч электронных ламп, самих-то типов ламп было всего десятки. Так что сборку можно было вести вручную, и она скорее

напоминала составление механизмов из деталей детского конструктора. Монтировать компьютеры второго поколения оказалось несколько труднее. А вот с машинами третьего и тем более четвертого поколений дело обстоит гораздо сложнее. Попробуйте вручную соединить тысячи маленьких интегральных схем, когда чуть ли не каждая из них непохожа на свою предшественницу.

В этих условиях технология изготовления и проверки интегральных схем должна быть не жесткая, а программно-управляемая. Дело это очень важное. Известно, как велики издержки производства при изготовлении этих схем. Из каждой изготовленной партии нередко удается отобрать всего несколько с безупречными характеристиками. По мере же усложнения схем труднее становятся и их испытания: для схемы, например, из 60 элементов с 14 «концами» надо произвести более 150 испытаний; если в схеме будут сотни элементов, то несколько тысяч. Все это и означает, что для производства и проверки больших интегральных схем нужна такая технологическая линия, которая сможет с высокой производительностью изготовлять различные большие интегральные схемы.

ЛЕЧИТ... КОМПЬЮТЕР

— Виктор Михайлович, сегодня на страницах научно-популярных журналов часто встречаются описания неких «электронных врачей», то есть компьютеров, которые в считанные минуты ставят диагноз, назначают лечение, «работают» сиделками и т. д. Я не сомневаюсь, что почти все из того, что пишут на эту тему, — правда. Расскажите, пожалуйста, каким будет в недалеком будущем труд врача и какова будет судьба медицинских институтов и молодежи, поступающей в них.

— Действительно, несмотря на то, что в некоторых статьях, рассказывающих о внедрении кибернетики в медицинскую практику, нередко желаемое выдают за действительное, электронно-вычислительная техника уже сегодня прочно заняла место во многих больницах и клиниках мира. Но речь идет опять же не о замене врача машиной, а об их совместной работе. Помощь же эта бывает очень существенной.

В связи с этим мне хочется еще раз повторить, что кибернетика не ставила и не ставит своей целью подменить другие науки. Она просто проникает в них, предоставляя им принципиально новый метод исследования — метод математического моделирования, математического эксперимента, пригодный для всех наук, в том числе и описательных, какой считалась до недавнего времени и медицина. Однако оказалось, что с математикой у нее очень много общего. Вся жизнедеятельность организма — это постоянная работа его органов, параметры которой вполне можно выражать математическим языком.

Человек — это сложный механизм, состоящий из 200 простейших машин и 10^{27} атомов. Во время движения он развивает мощность, равную 0,1 лошадиной силы. Его сердце перекачивает в одну минуту около 5 литров крови, капля которой содержит около 5 миллионов красных кровяных телец.

Тело выдерживает огромное давление воздуха — около 20 тонн, — которое уравновешивается таким же изнутри. Примерно пол-литра воздуха забираем мы при вдохе, тогда как

общая емкость легких равна примерно 4 литрам. Почки человека пропускают в течение суток 1700 литров крови, а из 14 миллиардов нейронов его нервной системы целесообразно используются всего лишь 4 процента. В течение одной секунды наш организм расходует 1021 квант энергии. Если попытаться определить его работоспособность, то придется констатировать, что человек — устройство с довольно низким КПД: средний работник в течение 8 часов выполняет работу, равную 280 тысячам килограммометров. Если сопоставить ее с электроэнергией, то стоимость ее будет равняться... 4 копейкам.

Такова примерная математическая картина человека. Теперь попробуем составить его кибернетическую картину. Для этого сначала проведем структуризацию, то есть выделим отдельные крупные элементы организма человека. Их окажется не так уж мало — не менее 10 тысяч. Это органы, железы, системы регуляции и т. д.

Потом установим параметры каждой из этих систем. Они, естественно, будут весьма различны, и не всегда их можно выразить числом: например, слизистая кишок может быть нормальной, средней, угнетенной и т. д., и поставить в соответствии с этими определениями какие-либо числа не так-то просто.

Затем попытаемся представить характер общения человека с внешней средой. Здесь и тип гимнастики, которой он занимается (или не занимается) каждое утро (или регулярно), и определенный вид спорта, которым он увлекается, и тип его работы с указанием доли физической нагрузки и доли умственного труда. Оценить все это можно по десятибалльной шкале.

После этого вводятся в компьютер, так сказать, индивидуальные черты характера человека: холерик он или сангвиник и тому подобное, что также можно выразить с помощью чисел.

Так из системы всех структур и параметров получается индивидуальная модель человека. Причем она будет действительно индивидуальной, поскольку не может быть, чтобы все параметры у разных людей совпали; даже близнецы чем-нибудь да отличаются друг от друга.

— Я вижу, какую огромную надо провести работу, чтобы составить модель человека. Но что же дает кибернетика?

— Мы относим человеческий организм к разряду больших систем. И как большой системой — современным предприятием — не может руководить один человек без целого управленческого аппарата, так и один врач не может быть специалистом во всех областях.

Уже давно медицина разделилась на множество направлений. Все возможные процессы, системы и органы человека изучаются узкими специалистами разных наук. И чем больше накапливается знаний, тем глубже и быстрей происходит это разделение. Врач углубляет свои знания в одной, определенной и нередко очень узкой области. И получается, как говорят, что он «знает все ни о чем».

Эндокринолог уже не разбирается в нейрофизиологии, хирург-полостник — в операциях на мозге и тому подобное. Но в организме-то все взаимосвязано! И, несмотря на углубление знаний в какой-то одной области, один человек не в силах знать все об организме. Он не может вместить в себя всю богатейшую и разнообразнейшую информацию, содержа-

щуюся в человеческом организме. А для лечения просто необходимо, чтобы у одного врача была целостная картина состояния пациента. Ведь нередко получается, что, скажем, специалист по железам внутренней секреции пришел к определенным выводам и качественно описал влияние этих желез на пищеварение. Предположим, он установил, что при изменении деятельности щитовидной железы в среднем через три месяца происходят определенные изменения в поджелудочной железе, что, в свою очередь, ведет к патологии пищеварения. На этом, к сожалению, цепочка его знаний обрывается. Врач же, изучающий пищеварение, знает, как оно связано с кровеносной системой, с влиянием ее на мозг, но не знает, какие процессы протекают в мозге. Специалист по мозговой деятельности исследует только процессы мозга и т. д. Как же быть в этих случаях?

Можно, конечно, собирать у постели больного консилиумы специалистов. Но не каждая больница укомплектована врачами по всем профилям, а собирать их из других учреждений — дело нелегкое. Кто же решится на обобщение разнообразных сведений, сумеет поставить точный диагноз?

Конечно же, только кибернетика! Только она сможет собрать и объединить достижения всех наук о человеке и показать отклонения в организме данного человека от нормы. Но для этого в нее необходимо вложить все знания, добытые человечеством за всю историю существования медицины. Чтобы осуществить это, необходимо зафиксировать все упомянутые выше 100 тысяч параметров. Три или пять крупных специалистов в каждой области медицины сжато опишут данный параметр укажут его оптимальное значение, изменения, происходящие с ним, выделят несколько самых показательных ситуаций, вызывающих эти изменения.

Так шаг за шагом будет описан весь человеческий организм. Конечно, кое-где это описание окажется не совсем точным, но это не так уж важно. Нам нужен не какой-то один, определенный человек, а скорее человек абстрактный, вобравший в себя все здоровье и все недуги.

Затем все эти параметры будут разделены на группы. В одни из них войдут параметры, значения которых зависят от самого человека: от его поведения, от работы, которой он занят, от питания, которое он употребляет, и даже от тех лекарств, которые ему приходится время от времени принимать. В другие группы войдут параметры, значения которых совершенно не зависят от человека.

Когда же такое разделение будет закончено, за дело примутся кибернетики. Они внесут все эти сведения о человеке в машину. И она окажется тем универсальным врачом, который сможет установить любой диагноз.

— Но вот они введены в компьютер, и он начинает разбираться во всех человеческих недугах не хуже любого профессора. Как же он действует, помогая врачу установить диагноз?

— К нам обращается человек, который, предположим, собирается ехать на курорт.

Мы тут же выясняем (это я насчет тех 100 тысяч параметров), что в данном случае может произойти с его печенью, слизистой оболочкой, сердцем и так далее в этой новой, несколько изменившейся обстановке. Ведь, как известно, на организм человека влияют и изменение клима-

тических условий, и те или иные процедуры. То есть мы в каждом таком случае делаем как бы по крошечному шажку в ста тысячах направлений. И когда все это проделано, когда выяснено, как отреагирует каждый из органов данного человека на пребывание на курорте, мы уже можем точно сказать, стоит ему туда ехать или нет. Так же мы можем выяснить, полезно ли больному принимать какое-то лекарство или же этого делать не стоит, следует ли ему в данный момент соглашаться на операцию или же лучше несколько обождать, а может быть, и вовсе отказаться от нее.

Конечно, вы можете заметить, что это можно проделать и без машины, как бывало и раньше. Но обычным способом устанавливать все это бесконечно долго, а нередко и просто невозможно.

Но компьютер ускоряет этот процесс в миллиарды раз. Ведь на проверку одного параметра он затрачивает всего одну десятую секунды. То есть через каких-то 10 минут как бы состоится консилиум с самыми лучшими специалистами, и выясняется, что следует делать, а чего лучше остеречься. Мало того, нередко бывают случаи, что машина не только быстрее, но и гораздо правильнее, чем специалист, ставит диагноз. Сколько раз случалось, что уже во время операции хирург убеждался, что диагноз компьютера оказывался более правильным, чем его.

Все это возможно потому, что кибернетика дает средство собрать все множество фактов вместе и произвести после этого, так сказать, «мысленный» эксперимент с воображаемым больным организмом. Можно взять описание деятельности его органов — один в таком-то состоянии, а другой несколько в ином — и получится прогноз в развитии. Кстати говоря, вот именно эту-то возможность прогнозирования и отрицали когда-то противники кибернетики.

— То есть вы хотите сказать, что применение кибернетики в медицине не только оправдано, но и просто необходимо?

— Да, именно так!

— Но тогда получается, что электронно-вычислительные машины надо устанавливать чуть ли не в каждой больнице?

— А почему бы и нет? Вы заболели и пришли в поликлинику на прием к врачу. Сестра в белом халате провожает вас в небольшую комнату и оставляет одного, точнее сказать, не одного, а в обществе компьютера. Машина начинает задавать вопросы; сначала они ничем не отличаются от тех, что задают вам сегодня в регистратуре обычной поликлиники. Робот спрашивает ваше имя, отчество, фамилию, возраст, пол, место жительства и тому подобное. Потом он переходит к выяснению состояния вашего здоровья, перечисляя болезни. При упоминании очередного названия вы, в зависимости от того, перенесли ли это заболевание, нет или просто не помните, отвечаете. «да», «нет», «не помню».

После чего начинается первичный медицинский «осмотр». Робот измеряет вам пульс, давление, делает необходимые анализы. Все эти процедуры длятся несколько минут. Но этого вполне достаточно для заполнения вашей истории болезни. Если потребуется, компьютер отпечатает все эти данные, причем те из них, которые покажут отклонение от нормы, отпечатает красными чернилами.

Все это не только сэкономит время врачу, но и значительно облегчит его

труд. Причин здесь немало. Во-первых, как ни странно, пациент, как правило, более откровенен с компьютером, чем с человеком. Он может поведать бездушному электронному существу даже то, о чем постесняется сказать врачу. Есть и другой немаловажный фактор.

Например, метод ведения истории болезни не менялся, наверное, уже добрых две сотни лет. За это время успел родиться и уже устареть не один способ лечения. Сейчас появились новейшие сложные приборы: кобальтовые пушки, аппараты «искусственное сердце и легкие» и многое другое. И только для записи показаний и диагнозов — все те же ручка и листы бумаги.

А вы посмотрите, как выглядят хотя бы истории болезней! Кто часто обращается к услугам врачей, отлично знает, что это пухлый, толстенный том, состоящий из огромного количества различных по цвету и размеру бумажек. В нем результаты всевозможных анализов, рентгенограммы, электрокардиограммы и так далее. Кроме того, записи в такой истории болезни делаются разными людьми, почерки которых порой трудно разобрать. Они не систематизированы.

Истории же болезней, хранящиеся в памяти «электронного мозга», по объему занимают место в тысячи раз меньше, чем те, к которым мы привыкли, да и храниться они могут бесконечно долго. А найти их всегда будет легко. Если вы попали в ту же больницу, где уже были, через год или через десять лет, то достаточно назвать свой индекс или фамилию, и компьютер найдет в своей «картотеке» вашу историю болезни, составленную с большей тщательностью, чем если бы это делал человек. Машина отпечатает ее и передаст на стол врачу. Вся новая информация о вас — только что сделанные анализы, новые диагнозы — записывается на перфокарты или диктуется врачом на магнитофон, для того чтобы сразу быть введенной в компьютер, который и «освежит» историю болезни. Печатаются эти данные в доступной форме, которую легко могут читать и врачи и медсестры. Так что, если вы и попадете к новому врачу, ему ничего не стоит сразу же узнать и о ваших прежних заболеваниях, о том, как протекает новая болезнь. Мало того, на основе собранных данных компьютер может, как я уже говорил, поставить предварительный диагноз.

Как видите, применение электронно-вычислительных машин в медицинских учреждениях — дело очень нужное. Машины позволяют врачу больше времени уделять пациенту. А так как вся информация о ходе болезни человека имеется у врача в удобочитаемой форме, то и лечение может проводиться гораздо быстрее. Кроме того, компьютер никогда не забудет, что больного необходимо вызвать на контрольное обследование, например, через год, и сумеет напомнить об этом врачу или сестре.

ИСТОКИ САМОСОЗНАНИЯ

— Виктор Михайлович, кибернетика и фантастика идут сегодня где-то рядом. Очень часто возникают споры вокруг возможности «бунта машин» и всяких других кибернетических проблем. В бунт машин я не верю. Но я уверен, что в кибернетике завтрашнего дня есть такие неожиданные аспекты применения, которые сегодня покажутся совершенно нере-

альными. Не расскажете ли вы об этом?

— Я могу рассказать о переходе в машину человеческого самосознания. Причем не о случайном переходе, а о сознательном. И вы убедитесь, что от реальности до фантастики не так уж далеко.

— Не совсем ясно, что вы имеете в виду.

— Сейчас поясню. При совместной деятельности человека и машины человек, работая с компьютером, отстукивает приказы на машинке, правит текст, рисует чертежи и схемы световым карандашом и тому подобное. Совсем близко то время, когда он сможет и просто разговаривать с машиной как с собеседником.

Но не исключена возможность и совершенно другой совместной работы человека и компьютера. Сейчас учеными совершенно серьезно обсуждается проблема передачи машине информации с помощью биотоков. Человеку на голову надевают специальный шлем, который улавливает импульсы тока, выделяемые мозгом в процессе его деятельности. Импульсы эти будут расшифровываться, переводиться на машинный язык и вводиться в компьютер. Такой перевод на машинный язык, по-видимому, будет необходим так как мозг действует скорее всего совершенно иначе, чем ЭВМ, — «нецифровым» способом. И таким образом вся информация, весь мыслительный процесс будет попадать непосредственно в электронно-вычислительную машину. Она будет воспринимать все приказы человека, лишь только он успеет о них подумать.

А теперь попытайтесь мне ответить на вопрос, что же такое человеческое самосознание...

Можете не стараться. Пока еще никто, даже из специалистов, не смог бы с полной уверенностью в своей правоте ответить на этот, казалось бы, и простой вопрос. Ученые так и не пришли к окончательному мнению, является ли самосознание генетически наследуемым или же оно плод информации, получаемой нами из внешнего мира, от общения со всеми и всем окружающим нас, то есть плод нашего мышления. И этот, второй, вариант вполне реален. Ведь возможно, что любой из нас познает, что он есть именно он, в процессе познания окружающего его мира, в процессе знакомства с подобными ему существами, в процессе изучения самого себя.

А попытайтесь ответить мне: что же такое вы сами, что такое ваше «я» — телесная оболочка, которая, между прочим, постоянно меняется, или же ваши мысли, которые, хотя и претерпевают некоторые изменения, все же являются продуктом деятельности именно вашего мозга? Конечно, попутно вы можете возразить, сказав, что и мысли бывают заимствованными из книг или в процессе общения с кем-то. Это верно только отчасти, так как и в этом случае вы преломляете их в своем мышлении. Они как бы направляют ваше мышление, но никак не становятся им самим.

— Исходя из известной фразы: «Я мыслю, значит, я существую», — можно сделать вывод, что любой из нас, а в данном случае и я сам, — это все же мои мысли, а не моя внешняя, физическая структура. Ведь человеческая индивидуальность складывается именно из мыслей, воспоминаний, из хода рассуждений, а не из внешних данных. Хотя, пожалуй, и они порой накладывают свой отпечаток на человека, на его образ мышления. Известно же, что многие внешне

красивые люди, и в первую очередь женщины, холодны, эгоистичны, расчетливы. А человек, имеющий какой-то физический недостаток, чаще всего застенчив. Конечно, бывает и не так. Но подобные исключения только подтверждают правило.

— Что ж, в общем-то, все это правильно. Однако имейте в виду, что определенные черты характера формируются не самой внешностью, а внушаются человеку им же самим, его же мозгом, его же сознанием.

— Согласен, это действительно так.

— Приведу примеры, подтверждающие в какой-то мере, что индивидуальность человека — это в первую очередь его мысли. Человек попал в катастрофу. Стараниями врачей он выживает, но внешность его настолько изуродована, что даже родные с трудом узнают его. Но вот он заговорил, что-то вспомнил о хорошо знакомом, и между ним и его собеседниками возникла близость. И внешность уже перестала иметь какое-либо значение. Или представьте себе иную ситуацию. Человек в результате тяжелой болезни полностью теряет разум. Внешне этот несчастный остался совершенно таким же, что и до болезни. Но попробуйте с ним заговорить, и вы не узнаете его. Перед вами совсем другой человек, со своим, неизвестным вам образом мышления.

А теперь предположим, что мы уже достигли полного симбиоза человека и машины, получена полная совместимость работы нашего мозга и компьютера. Думаю, что ученые смогут достичь этого где-то в районе 2020 года, то есть меньше чем через полвека. И вот в такой ситуации электронно-вычислительная машина посредством общения с нами наделяется нашими чувствами, нашими эмоциями, отношением к окружающим предметам и людям, в общем, нашим отношением к жизни. Короче говоря, я передаю машине все богатство информации, которую копил всю жизнь. Но сам я все еще чувствую, что я есть я.

А теперь давайте возьмем за отправную точку то, что самосознание не генетически наследуемо, а все же плод информации, накопленной нами в процессе познания жизни.

Тогда где-то на последней, завершающей стадии передачи всей информации своего мозга компьютеру я вдруг неожиданно начинаю чувствовать, что я — это я и в то же время я — это и машина. Происходит как бы раздвоение сознания, так как вместе с информацией я выплеснул в «электронный мозг» компьютера и свое чувство самосознания. Пока мы соединены проводами, это не так сильно ощущается, ведь мы составляем как бы единый организм. Но вот все соединяющее нас отключено, и мое самосознание перешло в компьютер. Я смотрю на свое тело глазами компьютера, как на что-то чужое!

Испугает ли это меня? Исходя из приведенной вами фразы: «Я мыслю, значит, я существую», — не очень, так как буду прекрасно помнить, что человек смертен. И хотя где-то в XXI веке медицина наверняка сумеет продлить жизнь, быть может, даже до 150—200 лет, предел все же существует. Так что даже самые оптимистические наши предположения не сделают нас к тому времени бессмертными.

Компьютер же практически бессмертен. Мало того, теперь он наделен нашим ходом мыслей, нашим методом рассуждений и всем тем, о чем мы уже говорили выше. И кроме

того, он способен мыслить, рассчитывать, рассуждать гораздо быстрее нас. Так же значительно быстрее человека сможет он воспринимать и любые виды информации. А объему его памяти мы завидуем уже сегодня.

— Да, но, в конце концов, есть же предел и для «жизни» даже очень совершенной электронно-вычислительной машины?

— Конечно, такой предел существует. Но если к тому времени мы сами сможем передать вместе со всей информацией нашего мозга и наше самосознание, то вполне резонно считать, что ЭВМ, старея, способна будет проделать то же самое и с не меньшим успехом с другой машиной. И таким довольно простым способом ваше собственное самосознание, а значит, и до некоторой степени вы сами тоже перекочуете в новую, еще более совершенную оболочку. Кстати, это поможет сделать мое «я», мое самосознание, практически бессмертным.

Можно представить себе и другую ситуацию. Человек, скажем, отправляется в космический полет, который будет продолжаться, например, тысячу земных лет. Он хорошо понимает, что может не вернуться, даже несмотря и на анабиоз. Можем ли мы быть вполне уверены, что он вдруг не захочет оставить себя в этой своеобразной машинной оболочке здесь, на Земле? Наверное, нет. Ведь замораживают же себя уже сегодня некоторые миллионеры на Западе в надежде на то, что через какое-то время их смогут не только оживить, но и омолодить или же избавить от того недуга, который грозит им смертью сейчас.

Разумеется, в связи с возможностью перехода во второе «я» могут возникнуть, да наверняка и возникнут, различные моральные, этические, философские и другие проблемы. Но в конечном счете я высказал только гипотезу. До сегодняшнего дня так еще и не выяснено, что же такое центр человеческого самосознания, какова его природа.

И поэтому сейчас нам не следует высказывать свое отношение к такой возможности. А подтвердится моя гипотеза или нет — покажет время.

— Хотя вы и говорите, что все сказанное только гипотеза, у меня возникла мысль о применении «самоперехода» человека в компьютер. Если я правильно понял, то такой обмен информацией человека с машиной возможен в любом направлении: каждый из нас сможет передать свои мысли компьютеру, а он по первому же требованию передаст их человеку.

— Да, вы правы.

— Тогда для примера возьмем того же самого космонавта, который улетает в очень длительный и сложный полет. Действительно, для того чтобы человек прожил весь этот полет, прибегнут к анабиозу. И это позволит космонавту путешествовать по просторам вселенной хоть миллион лет. Но если человек не погибнет во время своего трудного путешествия, то так ли легко ему будет пережить трагизм ситуации возвращения на родную Землю? Ведь, проснувшись от сна, он окажется в совершенно чужом и незнакомом для него мире. За это время исчезнут не только известные ему люди, но и сменится еще не один десяток поколений. Быть может, его встретят на родной планете как героя, но ему-то от этого легче не станет. Он просто не приспособится к этому миру, с его новой и незнакомой культурой, обычаями, нравами, привычками, то есть он вернется на чужую для него планету.

— Не спорю, нарисованная вами картина не из веселых; но как же смогут помочь этому космонавту в столь сложной ситуации компьютеры?

— Очень просто. Обратимся опять к вашей гипотезе. Космонавт перед таким длительным полетом передал свое самосознание машине. И, как вы доказали, в таком состоянии оно способно жить практически вечно. Человек улетел, а его второе «я» спокойно живет в компьютере. Но оно не просто хранится там, а живет полнокровной интеллектуальной жизнью, постоянно получая извне всю необходимую информацию. А так как у этого второго «я» есть свое отношение к жизни, к ее проблемам, то оно переживает все происходящие вокруг него события. Одним словом, это второе «я» живет, вырабатывая свое отношение к тем или иным изменениям, вызванным новыми достижениями науки, культуры, социальными переменами. Короче говоря, оно существует в реальном мире почти так же, как существовал бы и сам человек.

Мало того, компьютер в отличие от нас сумел бы выбирать из попадающей в него информации только ту, которая заинтересовала бы человека, а в данном случае его второе «я». Если же машина устаревает, то она, как вы и говорили, передает это «я» более совершенной ЭВМ, то есть жизнь его не прерывается ни на одно мгновение.

Но вот космонавт вернулся. Как мы уже выяснили, для него все непривычно и ново. Тогда он находит свое второе сознание в одной из новейших электронных машин, надевает специальный шлем и через какой-то определенный период времени уже знает, как его второе «я» реагировало на те или иные события, как оно к чему относилось, узнает о его симпатиях и антипатиях. Это позволит ему быстрее найти друзей, правильнее разобраться в окружающих его людях. Ведь все они будут ему уже знакомы.

Конечно, можно возразить, что человеческий мозг не сумеет вместить всего того, что накоплено его вторым, электронным «я» за столь долгий период. Но я думаю, что компьютер все же сможет отфильтровать из всего только самое необходимое. Да и потом еще до сих пор неизвестно, каковы в действительности возможности нашего мозга. Быть может, они в тысячу, а то и в миллион раз больше тех, которые мы используем на сегодняшний день. Но все это уже дело техники.

Так как, на ваш взгляд, реально ли все это?

— Вы строите свой вариант использования перспектив прямого контакта человека и компьютера на гипотезе, которая еще не доказана. Но теоретически, да к тому же и с некоторыми оговорками, такой вариант мне кажется вполне возможным. Но в любом случае если такое и станет реальностью, то уж где-то в XXI веке. Так что давайте снова вернемся к проблемам более близким.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ТВОРЕЦ

— Виктор Михайлович, с каждым годом все расширяются «творческие» возможности компьютеров. Печатаются стихи, написанные машиной, есть картины, созданные ею... И если обобщить все это, то получается, что машина действительно претендует на те области деятельности, которые всегда считались привилегией человека. Действительно ли все это возможно?

— Ну что же, возьмем для примера

архитектуру. В этом виде творчества если не первостепенное, то очень важное значение имеет совершенно иная информация. Да и сам метод обработки полученных экспериментальных данных все время совершенствуется.

Давайте для ясности рассмотрим один пример, ну хотя бы из геологоразведки. Допустим, мы произвели взрыв и записали сейсмограмму. Такие сейсмограммы несут в себе большую информацию. Но сегодня нам с вами нужно выяснить только одно — есть ли в этом районе нефть? Под этим углом зрения и обрабатываем мы данную сейсмограмму. Но ведь не надо забывать, что в будущем наверняка будет разработан новый метод обработки сейсмограмм и встанут задачи определения других полезных ископаемых. Так неужели тогда снова будет необходимо производить взрывы?

Конечно, это совершенно не нужно. Необходимо только, чтобы первичные данные, определенным образом обработанные, хранились не на бумаге, а на магнитной ленте компьютера в цифровом виде.

Не менее важна и проблема стандартизации носителей информации, полученной в результате эксперимента. Сегодня действительно очень много таких носителей. И все они совершенно непохожи друг на друга. Это и диаграммы, и киноленты, и различные бумажные ленты. А ведь гораздо разумнее свести все это разнообразие всего к пяти-десяти носителям, которые легко читались бы ЭВМ.

Развитие кибернетики в значительной мере определяет дальнейшие успехи технического прогресса.

— Мы начали нашу беседу с творчества художественного. Так как же проявляет себя машина в области искусства?

— Например, в архитектуре. В этом виде творчества если не первостепенное, то очень важное значение имеет зрительный образ. Он делает работу более сложной, но и более интересной. На столе перед человеком стоят три экрана. На них воспроизводятся три проекции будущего здания или квартиры. Пользуясь клавиатурой, можно задавать различные типы геометрических преобразований. Я, например, могу попросить машину показать, как будет выглядеть здание со стороны площади. Командую: «Разверни-ка мне его на 35 градусов». И тотчас на экране появится дом именно в такой проекции.

Начинается же все с эскиза. Его нетрудно набросать световым карандашом на экране. Если что-то окажется не совсем удачным, эскиз можно поправить или стереть. Когда я рисую, машина дает на экране более совершенный чертеж. И опять я могу по своему усмотрению вносить необходимые поправки.

Но вот мы пришли к общему мнению, и я даю задание — разместить квартиры по этажам и дать план. Машина делает это довольно быстро, буквально в считанные секунды. Вот план передо мной, и тут я замечаю, что в двух квартирах дверь открывается в дверь. Машина просто не смогла предусмотреть пространство для площадки. Световым карандашом я исправляю эту неурядицу. Машина учитывает поправку и выдает площадь комнат, объем жилого помещения, прочность перекрытий и т. д. Вот тогда-то и происходит операция, о которой я говорил: осмотр готового здания со всех сторон. Если нахожу этот проект удовлетворительным,

нажимаю кнопку, и машина начинает выдавать чертежи.

Как видите, при союзе ЭВМ и человека вся черновая работа передается машине. Творчество остается за архитектором. И он может в полной мере проявить свою индивидуальность.

— Но, очевидно, некоторые моменты творчества, и в первую очередь его эстетическая, индивидуальная и интуитивная части, непереводимы на язык машины. Значит ли это, что в художественном творчестве автоматизация практически невозможна?

— Нет, это не совсем так. И в художественном творчестве ЭВМ может стать и обязательно станет незаменимым помощником человека, особенно там, где совершенный и точный графический язык общения с машиной способен сделать ее активным «соавтором».

— Честно говоря, в это трудно поверить. Ведь машины оперируют только с числами, а это лишь частный вид информации, с которой приходится сталкиваться человеку во всей его многообразной интеллектуальной деятельности. Всем понятно, что компьютер может управлять экономикой практически в любом масштабе. Но стихи, музыка... Ведь они так далеки от каких бы то ни было чисел.

— Да, на первый взгляд такие сомнения кажутся довольно-таки обоснованными. Но именно только на первый взгляд.

В том-то вся и суть, что в известном смысле числовой способ задания информации оказывается универсальным. Любую буквенную информацию можно закодировать числами. Вероятно, в детстве, начитавшись детективных романов, вы сами писали своим товарищам «шифровки», записывая вместо каждой буквы ее порядковый номер в алфавите. Это, конечно, простейший вид перевода буквенной информации в числовую. Но даже при этом алфавит может быть как угодно расширен. В него можно включить знаки препинания, знак пробела, любые специальные значки, буквы иностранных алфавитов — короче говоря, все, что может потребоваться.

Теперь представим себе, что нам нужно перевести текст с русского на английский или наоборот. Если в исходном, например, английском тексте мы закодируем все буквы их номерами в латинском алфавите и введем полученную информацию в электронно-вычислительную машину, то она окажется в привычной стихии. Предположим, что нам удалось составить программу работы машины таким образом, что она сможет преобразовать полученную ею последовательность чисел, представляющих в закодированной форме русский перевод исходного английского текста. Вполне понятно, что «расшифровать» полученный перевод в привычном для нас буквенном виде в общем-то нетрудно. Современные ЭВМ обычно снабжаются автоматическими буквопечатающими устройствами, так что информация может быть выдана ими сразу же в требуемом буквенном виде. Кстати, задача автоматизированного кодирования исходного текста, отпечатанного на машинке, тоже решается сейчас с помощью специальных приставок к вычислительным машинам — читающих автоматов.

Так что наиболее трудной частью работы будет как раз перевод закодированного английского текста в закодированный русский. А эта часть работы выполняется компьютером исключительно над числовой информацией. Никакой чудодейственной «формулы перевода» не существует.

Все обстоит гораздо прозаичнее. Но этот пример, как мне кажется, должен убедить вас, что практически любую буквенную информацию можно перевести в числовую. И сделать это не так уж трудно.

Эксперименты по машинному переводу проводились в нашей стране еще в пятидесятые годы. За это время машины научились прилично переводить технические и научные тексты, газеты. С художественной же литературой значительно сложнее. Компьютер не всегда правильно понимает художественные образы, метафоры... А когда он начинает переводить их дословно, то получается, как вы сами понимаете, не литература, а что-то несуразное.

Для перевода художественных текстов нужна система человек — машина. Специалист, переводчик-литератор, работая в содружестве с электронно-вычислительной машиной, должен править все, что она переводит, фразу за фразой. И хотя это довольно хлопотная, кропотливая и медленная работа, такая система все же очень перспективна. При таком «соавторском» переводе машина экономит до 70 процентов рабочего времени переводчика. Ведь ЭВМ, хотя и не обладает художественным вкусом, сам перевод делает очень быстро, и вся задержка только за тем, как быстро сумеет придать этому тексту художественный, литературный вид переводчик. Так что смысл в таком «соавторстве» есть.

— Получается, что компьютер выполняет как бы обязанности подстрочного переводчика?

— Да, его работу можно назвать и так.

— А есть ли надежда применять компьютеры в поэзии? Ведь, насколько мне известно, машина пытается сочинять стихи.

— Я не сомневаюсь, что уже в ближайшее время ЭВМ может стать отличным помощником поэтов. Но именно помощником, а не поэтом. Мы уже не раз говорили с вами, какой поистине необъятной памятью обладает машина. А это значит, что она, помимо другой информации, способна хранить в себе неисчислимое количество различных рифм. И по приказу человека она может выдать их сколько угодно. Поэту же останется лишь выбирать из этого огромного запаса наиболее подходящие. Что из этого получится, какое выйдет стихотворение — это уж дело таланта и вкуса человека.

Очень хорошо делает компьютер и анализ литературных стилей. Конечно, когда приходится иметь дело с известными произведениями, то мы сами (или в крайнем случае специалисты) можем разобраться в этом и без помощи ЭВМ. Ведь у каждого настоящего поэта или писателя есть свой особый стиль. И поэтому мы никогда не спутаем произведений Пушкина и Лермонтова, Шевченко и Леси Украинки, Маяковского и Блока, Толстого и Тургенева. Но, к сожалению, не всегда литературоведам приходится встречаться только с произведениями, которые подписаны автором. В таких ситуациях нередко возникают жаркие литературоведческие споры.

Вот, например, уже не один век человечество восхищается гениальным древнегреческим эпосом «Илиада» и «Одиссея». И столько же веков продолжается спор, принадлежат ли они перу Гомера или же он был просто собирателем сказаний различных поэтов. И если автором «Илиады» был все же он, то он ли написал и «Одиссею»?

И вот сравнительно недавно это удалось выяснить американскому ученому Джеймсу Макдоунгу. Правда, ученый этот не литературовед, а... кибернетик. Работа по установлению авторства была довольно кропотливой. Сначала были сравнены произведения, авторство которых ни у кого не вызывало споров. Для этого в электронно-вычислительную машину были введены перфокарты с оттиснутыми на них в виде кода ямбами. И оказалось, что один автор из ста случаев в двадцати вместо второго ударного слога применяет неударный. И какое бы из его произведений мы ни взяли, это соотношение во всех из них будет примерно одинаковым.

Когда эта закономерность была установлена, принялись за «Илиаду». Все ее 15 693 строки оттиснули на перфокартах. И когда их обработали на машине, электронный литературовед отметил все стилистические особенности текста, которые раньше ускользали от внимания ученых. После их сопоставления и было доказано, что автор бессмертной «Илиады» — Гомер.

Позже подобным способом было установлено, что Гомер же является и автором «Одиссеи». Так с помощью компьютера удалось наконец-то разрешить многовековой спор литературоведов.

Поможет машина и писателям. Вот как это будет происходить. Автор печатает текст на пишущей машинке, и строки тут же появляются на экране. Если нужно что-то поправить, в ход идет световой карандаш. ЭВМ тут же учитывает поправку, передвигает строки, вставляет дополнения. Когда окончательная редакция готова, по команде печатает несколько экземпляров текста.

Пульт с экраном можно иметь и дома. Это позволит работать с компьютером, даже если он и находится в другом городе. Ведь вся связь-то с ним может осуществляться и по телефону.

— Но все, о чем вы сейчас рассказывали, относится, так сказать, к буквенной информации. И в то же время вы сказали, что компьютеры могут применяться практически во всех сферах умственной деятельности. Как же ЭВМ может справляться с информацией зрительной или звуковой? Ведь если возможен компьютер — художник или композитор, то это значит, что для машины безразлично, в каком виде находится воспринимаемая и выдаваемая информация. Действительно ли это так?

— Универсальность числового способа представления информации не нарушается и в том случае, когда мы перейдем от буквенной информации к произвольной зрительной, то есть к чертежам, рисункам... Ведь каждый зрительный образ не так-то трудно разбить на очень маленькие элементарные участки, примерно так же, как это делается, скажем, в телевидении или фототелеграфии. А дальше все происходит совсем просто. Достаточно пробежать эти участки в строго определенной последовательности. Измеряя их яркость, мы можем закодировать изображение в виде последовательных чисел. Если же нам необходимо закодировать цветное изображение, то яркость определяется в трех основных цветах.

Словом, числовым способом можно кодировать практически любую информацию — звуковую, зрительную... Современная техника уже имеет в своем распоряжении всевозможные приборы для кодирования и декодирования звуковой, зрительной и других видов информации. Конечно, пока

еще не все из этих приборов доведены до совершенства, но это, как вы понимаете, не имеет принципиального значения. Важно то, что это возможно, а усовершенствование, улучшение таких аппаратов — это уже дело времени.

— А как вы представляете себе применение компьютеров в художественном творчестве?

— Конечно, и в художественном творчестве ЭВМ может стать и обязательно станет незаменимым помощником. Скажем, в создании мультипликационных фильмов. Уж очень кропотливое это дело. На один фильм нередко уходит целый год. Взяв на себя изрядную долю работы, ЭВМ намного сократит сроки кинематографического производства. Есть несколько вариантов взаимодействия художника и машины. Человек может рисовать лишь начальный и конечный этапы движений героя фильма. А всю раскадровку, все промежуточные этапы нарисует «электронный художник». Или же другой вариант — ему задают только отдельные элементы фильма: дом, дерево, собаку, ногу, руку, голову героя и программу для компоновки.

Можно сделать и так. Я сижу за пультом. Передо мной телевизор, клавиатура управления. Выдаю приказ: дай мне дерево. На экране появляется 50 вариантов деревьев. Но мне ни одно не нравится. Требую еще несколько вариантов и в конце концов нахожу желаемый. Потом таким же образом выбираю дом. Отдаю приказ поставить его в левый угол. Машина беспрекословно выполняет задание. Но мне почему-то кажется, что окно в домике, изображенном на экране, должно быть другим. Опять даю приказ, и окно меняется. Потом я прошу поместить в окно человечка, которого выбрал раньше. И так в содружестве с ЭВМ создается фильм. Подобные системы уже есть. Они позволяют делать мультипликацию практически за неделю.

— Виктор Михайлович, а могут ли живописцы использовать аналогичные системы?

— Могут. Машина очень изобретательно варьирует орнаменты. Необходима лишь соответствующая программа. Человеку приходится выбирать один из десятков, а то и сотен вариантов. Вот где испытание для эстетического вкуса!

В портретной живописи дело обстоит гораздо сложнее. Однажды машине поручили создать рисунок, в котором сочетались бы черты десяти самых красивых женщин. И что же вы думаете: когда рисунок был готов, он изображал не красавицу, а урода. Машина «понять» своей ошибки не могла и считала, что сделала все правильно.

Но есть и удачные образцы. Однажды на конкурсе машинного искусства в Англии проводили такой эксперимент. Нужно было нарисовать портрет старика. Художник сделал реалистический контурный портрет. Потом его вводили в ЭВМ, а она по нему выдавала вариант в духе импрессионистов. И получилось у нее неплохо. Мне, например, этот портрет очень понравился. Но опять-таки машина делала его не сама, а по исходным данным, полученным от человека.

Сегодня перспектива применения ЭВМ в живописи незначительна. Но относиться к ней следует всерьез.

— В последние годы было много сообщений о музыке, сочиненной ЭВМ. Проводились даже конкурсы «электронных композиторов». Что вы об этом можете сказать?

— Конкурсы музыкальных произ-

ведений, написанных электронно-вычислительными машинами, действительно проводились уже не один раз. И они показали, что ЭВМ-композиторы, по крайней мере как авторы эстрадной музыки, весьма талантливы (если так можно сказать о машине). Устроители конкурсов, зная предубежденность некоторых членов жюри к машинному творчеству, якобы случайно путали записи музыкальных пьес, одни из которых принадлежали ЭВМ, а другие человеку. И бывали случаи, когда лавры первенства доставались машине. Когда же обман раскрывали, не все верили в электронное происхождение понравившейся мелодии.

С помощью ЭВМ можно создавать и музыкальные произведения в подражание какому-либо композитору. Однажды был такой случай. В машину заложили все темы фуг Баха. Она варьировала возможности мелодического построения и написала музыку, настолько похожую на творения великого композитора, что даже видные специалисты не сразу разбирались, кому на самом деле принадлежит мелодия.

— Все это, конечно, очень хорошо. Но не кажется ли вам, Виктор Михайлович, что применение компьютеров в автоматизации творческой деятельности — вещь совершенно нереальная, так сказать, радужная мечта. И не потому, что я не верю в возможности «электронного мозга». Дело совершенно в другом. Ведь ЭВМ очень и очень дорогие, приобрести их не сможет ни композитор, ни писатель. Но даже если они и будут связаны с вычислительным центром с помощью телефона, то кто же позволит им, людям творческим, способным подолгу обдумывать тот или иной поворот сюжета, ту или иную музыкальную фразу, тратить понапрасну время, которое можно использовать и с гораздо большей рентабельностью?

— Вы правы только в одном. Любой творческий человек во время своей работы может долго думать над той или иной проблемой. Архитектор, отыскивающий яркие и выразительные линии контуров будущего здания, или художник, обдумывающий, скажем, характерную и привлекательную улыбку положительного героя, или же писатель, решающий острый поворот сюжета, могут искать оптимальное решение даже сутки. И если в терпеливом ожидании этого нового решения компьютер будет простаивать, то использование его будет просто-напросто нецелесообразным, и мысль о машине-помощнице действительно останется для них лишь фантазией и радужной мечтой.

Из всего этого следует, что электронно-вычислительные машины должны работать на разных программах одновременно, получать задание со многих пультов.

И тогда быстродействующий «электронный мозг» будет выполнять функции помощника в творческом процессе как бы между прочим, занимаясь параллельно серьезным делом. Пока архитектор задумался над тем, что именно ему не нравится в предложенных машиной контурах здания, компьютер будет помогать художнику-оформителю. В это же время по просьбе директора завода, которому срочно необходимо десять или двадцать металлорежущих станков такой-то марки, ЭВМ будет изучать имеющиеся и хранящиеся в ее памяти предложения и находить адреса тех владельцев излишков станочного парка, которые находятся ближе к заводу. Ведь директору завода или его

помощникам целесообразнее обратиться за подобной информацией к ЭВМ, чем ежедневно проглядывать газетные объявления. И параллельно со всем этим компьютер сможет заниматься еще десятком различных проблем.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

— Виктор Михайлович, в последнее время во многих странах приступили к созданию всевозможных больших автоматизированных систем. Я имею в виду не простые автоматизированные системы управления предприятием или даже отраслью, а такие широкомасштабные, как Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством нашей страны и различные «банки данных». Не расскажете ли вы о том, как будут работать эти системы и какие выгоды они принесут?

— Вы, наверное, знаете, что если управление автоматизируется в масштабе одного предприятия, то показатель эффективности (соответствующий рост прибыли и увеличение роста продукции) составляет примерно 10—15 процентов, для отраслевых автоматизированных систем — 50—60 процентов. После завершения создания ОГАС, а на это, я думаю, потребуется не одна пятилетка, эта цифра будет составлять, на мой взгляд, не менее 100 процентов.

Но дело все-таки не только в этих процентах, хотя, конечно, и они очень важны. Дело в том, что грандиозная память человеческая, сконцентрированная в ОГАС, не должна быть и не будет только памятью. Конечно, очень выгодно и удобно, что по требованию, например, экономиста система выдаст не только сведения о том, где и сколько на металлургических заводах производится проката, но и какие заводы и в каком количестве нуждаются в этом прокате. Но гораздо важнее, что она сама сможет решить задачу о путях наивыгоднейшей транспортировки продукции к потребителям и проинформирует его о выбранном ею решении. Более того, компьютер сумеет, опираясь на свои «знания» текущего состояния и потенциальных возможностей экономики страны, проверить «в модели» все последствия того или иного важного решения.

То есть ОГАС станет не просто вместилищем информации, а именно электронной информационной системой, которая не только вберет в себя всю информацию и будет хранить ее, но и сможет оказать услуги по техническому подбору ее и переработке в заданном плане. Этой же системе будет поручено и проведение различного рода социологических опросов, в которых сможет участвовать все взрослое население страны.

— Но все это относится к ОГАС, то есть в первую очередь к управлению и экономике. А что же такое «национальные банки данных»?

— Это будет система вычислительных центров, в которых станет накапливаться определенная информация. Система будет соединена с пультами на рабочих местах потребителей — конструкторов, ученых, инженеров. И через эти пульты они смогут «общаться» по линиям связи с «национальными банками данных». Дело это очень нужное и своевременное. Ведь уже сегодня известна жалоба на то, что в современном мире подчас бывает легче и дешевле заново провести разработку какой-то научной или технической проблемы,

разработать конструкцию того или иного устройства, чем найти в безбрежном море накопленной информации описание решения этой проблемы или чертежи подобного устройства. Когда же такие «банки данных» будут созданы, конструктор или научный работник через выносной пульт сможет в считанные минуты подобрать всю понадобившуюся ему информацию.

По мнению английских специалистов, такого рода «банки данных» по науке и технике, по медицинской диагностике начнут появляться где-то около 1977 года, а по юриспруденции — к 1980 году. Вполне возможно, что в некоторых странах это будет сделано еще быстрее.

— Виктор Михайлович, ну а как будет обстоять дело с памятниками культуры? Как будут накапливаться в памяти компьютера различная производственная информация, описания изобретений, открытий — это ясно. Так нельзя ли будет проделать то же самое и с произведениями искусства, литературы?

— Недалеко то время, когда электронно-вычислительные машины станут кладовыми не только технических и научных знаний человечества, но и сокровищницами всего, что было создано им за многие века своего существования на Земле. В сущности, они станут огромной и вечной памятью его. Ведь мы уже говорили о том, что любую зрительную информацию можно представить в виде цифр. А это значит, что при усовершенствовании таких считывающих устройств можно будет разбить на мельчайшие точки любую картину из любого художественного музея. Затем прибор объективным образом оценит цвет каждой из них и разделит этот цвет на составляющие, как разделяется он, ну, скажем, в полиграфии при многоцветной печати.

И вот в таком цифровом виде бесценные сокровища живописи смогут храниться сколько угодно долго в электронной памяти компьютера. При этом они не будут выцветать, тускнеть, им не будет страшна никакая порча. В то же время они по первому же требованию смогут быть воспроизведены на экране. Для этой цели, конечно, придется создать телевизионные экраны невиданных ныне размеров, так как, для того чтобы воспроизвести в натуральную величину картину А. Иванова «Явление Христа народу», нужен будет и соответствующий экран. Хотя вполне реально, что будет изобретен и другой способ воспроизведения подобной информации.

— А как же будет обстоять дело, ну, скажем, со скульптурами? Их ведь на экране не очень-то передашь.

— Я думаю, что вполне можно будет делать это с помощью голографии. Вы же, наверное, знаете, что она позволяет получить нормальное трехмерное изображение. Так что воспроизвести с ее помощью скульптурные произведения и архитектурные памятники не составит особого труда.

Вполне понятно, что с произведениями литературы дело будет обстоять куда проще. Ведь уложить в необъятную память компьютера книги всех библиотек мира будет очень просто. Ну а о том, что на магнитную ленту можно записывать музыку или кинофильмы, сегодня знают все. И опять же магнитная лента стареет куда медленнее, чем обычная кинопленка. Так что с кинофильмами и музыкой дело обстоит еще проще.

— А как же будут объединены между собой и с потребителями все эти системы?

— Наши сегодняшние представле-

ния о связи коренным образом изменятся. Что такое современная система связи? Это только канал для передачи информации, канал, который соединяет жаждущих информации с очень ограниченным, по сути дела, источником ее. Создаваемая в нашей стране Единая система связи включит в себя огромный парк электронных машин и превратится в Единую систему хранения, обработки и передачи информации. В ее задачу будет входить не только установление связи между людьми, но и людей с машинами и машин между собой. Подключение же Единой системы связи к Единой информационной системе равносильно тому, что канал будет черпать информацию из практически безбрежного ее источника.

Правда, создание такой информационной системы будет довольно продолжительным процессом. Я уже говорил, что на строительство ОГАС уйдет немало времени. После ее создания или параллельно с этим будут строиться сети по отраслям научных и технических знаний. Потом будут созданы сети общекультурных знаний. А далее произойдет их слияние.

Создание такой Единой информационной системы не только принесет огромную пользу людям, но и благотворно скажется на «уме» самих ЭВМ. Включение компьютеров в такую огромную систему будет означать, в сущности, не только возможность «обучения» их на своем собственном опыте, но и использование ими всей суммы накопленных до них знаний.

— Каким же образом люди будут общаться с этой огромной, разветвленной системой?

— Создание и усовершенствование светящихся люминесцентных экранов, экранов на жидких кристаллах и различных копирующих устройств позволит любому из нас получить быстрый доступ ко всему информационному богатству человечества. Пульты Единой информационной системы войдут в каждую семью и станут столь же привычными и обыденными, как стали сегодня телевизоры, магнитофоны и телефоны. Через считанные секунды после запроса абонента любая книга из Библиотеки имени Ленина сможет быть «выдана» читателю любого города на телеэкран его пульта. Буквально тотчас вы сможете иметь у себя на столе копию старинного манускрипта, сведения о только что найденном новом научном факте, справку о свойствах тех или иных материалов. Вполне возможно, что газеты и журналы перестанут выходить в привычном для нас виде. На том же самом экране можно будет увидеть по своему желанию полосы любой выходящей в стране газеты, страницы любого журнала.

— Это, пожалуй, неплохо. Но как быть тогда с довольно сильной привычкой человечества читать свежие новости на остановке или в транспорте? Надо от нее избавляться?

— Избавляться от нее нет никакой надобности. Вам достаточно будет взглянуть на экран, выбрать заинтересовавшую вас полосу газеты, нажать соответствующую кнопку. Специальное печатное устройство тут же снимет с нее копию, и, пожалуйста, читайте себе ее на здоровье в любом удобном для вас месте.

По вашему запросу в любое удобное для вас время вы сможете прослушать любую лекцию, вроде тех, какие, например, читаются сегодня по учебной программе телевидения. Лекции эти могут храниться в памяти электронно-вычислительной машины. Если вы что-то не поняли в этой лек-

ции или кто-то отвлек вас во время ее передачи, вы сможете вернуться назад и прослушать необходимый раздел сначала. Мало того, вы сможете задавать лектору вопросы и тотчас получать на них ответы. Многие вопросы, задаваемые ранее, повторяются, и их и ответы на них система помнит. Так что подобрать нужный ответ на ваш вопрос ей не составит труда.

Такова вполне вероятная перспектива «вычислительной», по современной терминологии, техники. Пусть нарисованная картина может показаться нам сегодня несколько фантастичной, но завтра она будет вполне реальной.

— Виктор Михайлович, только что вы говорили, что в такой системе будет храниться чуть ли не вся информация, накопленная человечеством как за всю его историю, так и за последние пять минут. И разве можно допустить, чтобы совершенно все из этого океана информации было известно любому человеку? В конечном итоге это может принести и немалый вред. Я не говорю уж о данных, имеющих оборонный или секретный характер, но есть информация, предназначенная лишь для определенных групп людей. Скажем, детям до определенного возраста не стоит знать то, что предназначено для взрослых. Да, к примеру, и медику совершенно не обязательны сведения, необходимые дипломату.

— Ну, это уж совсем не проблема. В конце концов, каждую информацию можно закодировать. И чтобы получить доступ к ней, надо будет набрать определенный код на пульте с клавиатурой. Да и сами пульты в различных учреждениях могут быть разными, и регулировать доступ к секретной информации можно довольно просто.

Так что, как видите, когда все информационные системы сольются в одну Единую систему, она будет работать при участии людей и во имя людей. Огромные преимущества нашего самого справедливого социального строя, помноженные на информационную мощь электронно-вычислительных машин будущего, помогут создать изобилие материальных и духовных богатств.

Проверьте свою фантазию: попробуйте за полчаса придумать какое-нибудь фантастическое растение...

* * *

Еще не так давно творческие способности исследователя рассматривались как нечто очень неопределенное и практически не поддающееся изучению. Если время от времени человека «озаряет» — значит, у него есть творческие способности, «не озаряет» — способностей нет... Ныне установлено, что творческие способности представляют собой сплав многих качеств. И хотя наука еще не знает точных формул этих качеств, можно с уверенностью сказать: все творческие качества включают фантазию. Подобно тому как углерод входит во все органические соединения, фантазия составляет непременный и очень важный элемент всех без исключения творческих качеств. Развивать творческие качества — значит развивать воображение, фантазию.

Но удивительный парадокс: признание величайшей ценности фантазии не сопровождается планомерными усилиями по ее развитию. В школах нет уроков воображения; студенты не изучают курса развития творческого воображения; аспиранты не готовятся к сдаче экзаменов по воображению. В рассказе Рэймонда Джоунса «Уровень шума» психолог Бэрк с горечью говорит: «Мы постепенно взрослеем, и по мере того как мы учимся в школе и получаем образование, в наших фильтрах шума появляются ограничительные уровни, которые пропускают лишь ничтожную часть

ГЕНРИХ АЛЬТОВ

Вектор фантазии

сведений, приходящих из внешнего мира и из нашего воображения. Факты окружающего мира отвергаются, если они не подходят к установленным уровням. Творческое воображение суживается...» *

Пока единственным массовым и практически действенным средством развития фантазии остается чтение научно-фантастической литературы (НФЛ). Разумеется, характерное для современности увлечение НФЛ вызвано многими причинами. Однако анкетный опрос выявил четкую закономерность: людей творческого труда значительно сильнее тянет к НФЛ, чем других читателей.

Особенно сильна тяга к НФЛ у инженеров и ученых. 52 процента опрошенных инженеров и физиков отметили, что ценят НФЛ прежде всего за новые научно-фантастические идеи. Действительно, в этом отношении НФЛ может дать очень многое думающему инженеру. Вплоть до темы, за разработку которой можно взяться, или даже до готового решения, которое остается лишь перевести на инженерный язык. Недавно, например, в ФРГ выдан патент № 1229969 с такой формулировкой предмета изобретения: «Способ добычи полезного ископаемого из космических месторождений, отличающийся тем, что в качестве месторождения выбирают астероид с небольшой собственной массой и такой орбитой, при которой возможны затраты на осуществление импульса для транспортирования астероида на Землю». Человек, хорошо знающий фантастику, сразу отметит, что в числе авторов этого изобретения следовало бы указать Жюля Верна («Золотой метеор») и Александра Беляева («Звезда КЭЦ»).

Перелистывая патентные материалы последних лет, невольно замечаешь, что все чаще и чаще встречаются изобретения «на грани фантастики», а порой и за этой гранью. Вот, например, выданное недавно советское авторское свидетельство № 239797: «Способ съемки и воспроизведения кинематографических фильмов, отличающийся тем, что с целью получения кинестетических ощущений при съемке фильма на соответствующие участки тела артиста в местах расположения периферических нервов накладывают электроды и при игре артиста записывают, например, на магнитную пленку его биотоки, а при воспроизведении фильма на соответствующие участки тела зрителей накладывают электроды, на которые передают записанные при съемке биотоки артиста *. Любители фантастики знают: в фантастике эта идея была высказана еще в 30-е годы.

Прямое использование идей НФЛ чаще всего имеет место на ранних этапах развития новой отрасли науки или техники. В какой-то период (правда, очень короткий) фантастика оказывается одним из основных источников идей для возникающей отрасли знания. Так было, например, по свидетельству В. В. Парина и Р. М. Баевского, с космической биологией: «Наши писатели-фантасты изложили в своих произведениях много «кибернетических» идей, которые могут и должны быть взяты

* Библиотека современной фантастики. М., изд-во «Молодая гвардия», 1967, т. 10, стр. 368.

* Бюллетень «Открытия. Изобретения. Промышленные образцы. Товарные знаки». 1969, № 11, стр. 143.

на вооружение космической биологией. Так, например, проблема регулируемого анабиоза имеет громадное значение не только для обеспечения межзвездных перелетов, но и для космических полетов большой продолжительности в пределах солнечной системы, которые, возможно, состоятся еще в нашем столетии. К сожалению, наиболее подробное рассмотрение этого вопроса содержится не в научной литературе, а в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» *.

Даже чисто приключенческая фантастика нередко содержит интересные изобретательские задачи. Вот отрывок из фантастической повести Гарри Гаррисона «Неукротимая планета»:

«Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводом. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

— Тут заключен весь секрет силовой кобуры. — Бруччо коснулся провода пальцем. — Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе.

— Смотри дальше.

Увлекаемый проводом пистолет нырнул в кобуру.

— А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

— Здорово! — сказал Язон. — Но все-таки, с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

— Нет, он не звуком управляется. — Бруччо даже не улыбнулся. — Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну, вот на твоем правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, и он уже у тебя в руке. Не нужен больше — возвращается в кобуру» *.

Почти готовое техническое задание на создание устройства, подающего инструмент! Такое устройство пригодилось бы хирургам, сварщикам, монтажникам, фотокорреспондентам...

Разумеется, НФЛ далеко не всегда содержит идеи зрелые и правильные. Нередко читателю приходится встречать идеи, с научно-технической точки зрения сомнительные или откровенно условные. Более того, в ряде случаев в фантастической идее все неверно. Но в силу своей яркости, необычности она привлекает внимание исследователей, вызывает интенсивные поиски, приводящие к ценным открытиям или изобретениям.

Лауреат Ленинской премии Юрий Денисюк рассказывает: «Я решил придумать себе интересную те-

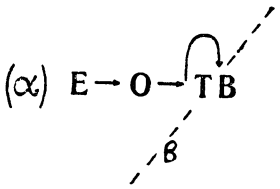
* «Известия Академии наук СССР». Серия биологическая, № 1, 1963, стр. 13.

* «Вокруг света», 1972, № 6, стр. 69.

матику, взявшись за какую-то большую, на грани возможности оптики, задачу. И тут в памяти выплыл полузабытый рассказ И. Ефремова...» Речь идет о рассказе «Тени минувшего». В пещере в результате редкого сочетания условий возникло подобие фотоаппарата: узкий вход в пещеру сыграл роль входного отверстия камеры-обскуры, а противоположная входу стена, покрытая смолой, стала огромной фотопластинкой, запечатлевшей мгновения давно минувших эпох. Денисюк подошел к проблеме иначе: а нельзя ли получить изображения вообще без объектива? Исследования привели к открытию одной из систем голографии. Но первый толчок все-таки был дан рассказом! «Я не только не отрицаю, — говорит Денисюк, — своеобразное участие И. Ефремова в моей работе, но подтверждаю его с удовольствием».

НФЛ помогает преодолевать психологические барьеры на путях к «безумным» идеям, без которых не может развиваться наука. Это тонкая и пока малоизученная функция научно-фантастической литературы, становящейся элементом профессиональной тренировки ученого.

Обычно механизм воздействия НФЛ состоит в том, что НФЛ вступает в реакцию с реальными «рабочими» мыслями. Суть этой реакции становится понятной, если воспользоваться схемой творческого процесса, предложенной академиком Б. М. Кедровым *.

В поисках решения задачи мысль человека движется в определенном направлении (α) от единичных факторов Е к выявлению того особенного О, что присуще этим фактам. Следующим шагом должно быть установление всеобщности В, то есть формулировка закона, теории и т. п. Переход от Е к О не вызывает особой трудности, но дальнейший путь от О к В прегражден познавательно-психологическим барьером I. Нужен какой-то трамплин Г, позволяющий преодолеть барьер. Чаще всего таким трамплином бывает случайно возникающая ассоциация, причем появляется эта ассоциация при пересечении линии (α) с другой линией мыслей (β).

Научно-фантастическая литература хорошо работает в качестве линии (β).

НФЛ воздействует на творческий процесс и косвенно. Чтение фантастики постепенно ослабляет психологическую инерцию, повышает восприимчивость к новому. На схеме Кедрова это можно показать как уменьшение высоты познавательно-психологического барьера и появление способности к самообразованию трамплина, то есть к преодолению барьера без непосредственного внешнего воздействия линии (β).

Нельзя, конечно, сказать, что НФЛ стала незаменимым инструментом развития творческих способ-

* Б. М. Кедров, О теории научного открытия. В сб.: «Научное творчество». М., «Наука», 1969, стр. 78—82.

ностей. Но она, безусловно, является одним из важных инструментов. Возможности НФЛ в этом смысле далеко не исчерпаны. И все-таки: нет ли других способов развития воображения?

* * *

Одна из немногих попыток в этом направлении была предпринята профессором Стэнфордского университета Джоном Арнольдом *. По методу Арнольда предлагается решать изобретательские задачи в условиях воображаемой планеты Арктур IV. Эта придуманная планета отличается своеобразными условиями: температура на ее поверхности колеблется от минус 43 до минус 151 градуса; атмосфера состоит из метана, моря — из аммиака; сила тяжести в десять раз больше земной. На Арктуре IV живут разумные существа — метаниане. У метанианина руки с тремя пальцами, две ноги, клюв и три глаза, а тело покрыто перьями...

На занятиях со своими студентами Арнольд последовательно разрабатывает метианскую технику: дома, средства транспорта, дороги, инструменты... Нужно преодолеть немало психологических барьеров, чтобы придумать, например, автомобиль для условий Арктура IV. Регулярно решая подобные задачи, студенты профессора Арнольда постепенно развивают воображение.

К сожалению, метод Арнольда очень узок. В сущности, это одно упражнение в разных вариантах. Для эффективного развития творческой фантазии нужна система упражнений и, главное, нужно обучение приемам фантазирования. Мало сказать: «Придумай то-то», — надо объяснить, какими приемами следует при этом пользоваться.

* * *

Фантастика, легко наделяющая своих героев любыми качествами — невидимостью, бессмертием, способностью проходить сквозь стены, менять внешность, подниматься в небо усилием воли и жить на дне океана, — безудержно смелая фантастика становится очень робкой, когда речь заходит о развитии фантазии. Действительность здесь обогнала фантастику: в нашей стране разработан **курс развития творческого воображения.** Создан этот курс общественной лабораторией методики изобретательства при Центральном совете Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), а преподается он в Баку, в Азербайджанском общественном институте изобретательского творчества.

Фантазия — величина векторная, она характеризуется численным значением и направлением. Управлять фантазией — значит уметь «включать» и «выключать» ее, менять ее «напряжение» и, главное, направлять так, чтобы получить максимальную творческую отдачу. Этому и учит курс развития воображения.

Начинается курс с проверочных упражнений, позволяющих выявить исходный уровень способности к фантазии и наметить наилучшую для данной группы программу тренировки. Вот одно из таких упражнений: «Нужно придумать какое-

---

* Дж. Диксон, Проектирование систем: изобретательство, анализ и принятие решений. М., «Мир», 1969, стр. 39.

нибудь фантастическое животное». На первый взгляд все очень просто. Представим себе собаку, добавим ей орлиные крылья и хвост дельфина — чем не фантастическое животное... Так ли уж много мы нафантазировали, механически соединив части известных животных? Ведь мы не получили ничего качественно нового. Когда-то такое механическое объединение было очень сильным приемом: мифы, предания, сказки населены множеством фантастических существ (кентавры, русалки, драконы), «сделанных» приемом объединения. Но сегодня к творческой фантазии предъявляются значительно более высокие требования, обусловленные уровнем современной науки. Старый прием изменился, стал более гибким, глубоким. Хорошие образцы нового уровня фантазирования можно найти в научно-фантастической литературе. Так, в рассказе С. Гансовского «Хозяин Бухты» описано животное, способное распадаться на отдельные одноклеточные организмы. Когда надо охотиться, эти клетки объединяются в единый организм, и с морского дна поднимается нечто вроде гигантского спрута...

Кстати сказать, при разработке курса развития творческого воображения все упражнения сначала испытывались на писателях-фантастах. Это дало эталоны для сравнения, позволило построить своего рода «шкалу фантазии». Как правило, уровень развития фантазии до начала тренировок весьма невысок. Искра фантазии высекается с трудом и тут же гаснет.

Это далеко не случайно. На протяжении всей эволюции человеческий мозг приспосабливался оперировать привычными представлениями. Вот человек начал придумывать фантастическое животное — и сразу мысль услужливо подсказывает привычный прообраз («представим себе, например, собаку...»), привычное добавление («... прибавим ей орлиные крылья...»). Нужны сотни и тысячи попыток, пока мысль, скованная привычными представлениями, преодолеет психологические барьеры.

Вероятно, человеку, впервые увидевшему гимнастические занятия, трудно понять, что это такое: собрались взрослые люди, зачем-то без дела размахивают руками, подпрыгивают на месте, а потом расходятся, ничего не сделав и ничего не добыв... Столь же странными могут показаться стороннему наблюдателю и занятия по тренировке фантазии. А между тем это серьезная и очень напряженная работа. От занятия к занятию осваиваются приемы фантазирования: сначала простые (увеличить, уменьшить, сделать «наоборот» и т. д.), затем более сложные (сделать свойства объекта меняющимися во времени, изменить связь между объектом и средой), мысль приучается преодолевать психологические барьеры.

Попросите придумать фантастическое растение — и 10 человек из 10 обязательно начнут видоизменять цветок или дерево, то есть целый организм. А ведь можно опуститься на микроуровень: менять клетку растения, и тогда даже небольшие изменения на клеточном уровне дадут удивительные растения, которых нет и в самых фантастических романах. Можно подняться на макроуровень — и менять свойства леса: опять-таки здесь окажутся интересные и неожиданные находки.

Каждый объект (животное, растение, корабль, токарный станок

и т. д.) имеет ряд главных характеристик: химический состав, физическое строение, микроструктуру («клетку») и макроструктуру («сообщество»), способ энергопитания, направление развития и т. д. Все характеристики могут быть изменены, и приемов изменения тоже десятки. Поэтому в курс развития воображения входит обучение фантограммам, тренировка в их составлении и использовании. Фантограмма — это таблица, на одной оси которой записаны меняющиеся характеристики объекта, а на другой — главные приемы изменения.

Богатство фантазии в значительной мере определяется обилием накопленных комбинаций, которые, в сущности, и составляют фантограмму. Но до тренировки мозг хранит лишь разрозненные осколки таких комбинаций. И только у писателей-фантастов в результате профессиональной тренировки эти осколки складываются в подобие целой фантограммы.

Изучение техники фантазирования нисколько не похоже на зазубривание шаблонных приемов. Одно и то же упражнение может быть выполнено по-разному в зависимости от личности человека. Здесь, как в музыке, технические приемы помогают раскрытию индивидуальных качеств, и интересно выполненные упражнения порой доставляют подлинно эстетическое удовольствие, как хорошо сыгранная вещь.

— Возьмите, пожалуйста, объектом дерево, — говорит руководитель занятий, — и используйте прием увеличения.

Слушатель, молодой инженер, выходит к доске.

— Итак, надо увеличить дерево. Что ж, пусть его высота будет триста метров, даже четыреста...

— Такие деревья существуют, — замечает кто-то с места.

— Да, — соглашается инженер, — но я только начал увеличивать. Допустим, высота дерева тысяча метров. Или две тысячи. Вероятно, ветви деревьев не выдержат собственной тяжести, они работают на изгиб, как консоли, вес увеличивается пропорционально кубу линейных размеров. Значит, ствол высотой в две тысячи метров будет иметь сравнительно небольшие ветви. Продолжим: две тысячи метров, три тысячи...

— Пока нет нового качества, — напоминает руководитель.

— Пусть высота будет десять тысяч метров. Тогда вершина попадет в область вечных снегов. Вот и новое качество...

— Пожалуйста, чуть смелее. — настаивает руководитель.

— Двадцать тысяч...

— Метров?

— Нет. Двадцать тысяч километров!

В аудитории оживление. Неожиданный скачок: ствол дерева теперь в полтора раза больше диаметра Земли.

— И как выглядит такое... гм... растение?

На доске появляется рисунок А.

А

Впрочем, инженер тут же спохватывается:

— Нет, не так... На ствол будет действовать сила Кориолиса, вершина отклонится. К тому же вершина должна стремиться вниз, к теплу, к воздуху... Инерция мысли: я увеличивал высоту, тянул ствол вверх. Ствол должен удлиняться, оставаясь у поверхности земли. Сразу отпадает вопрос о прочности. Дерево просто лежит на земле (рис. Б).

Б

— Вероятно, это не единственное дерево, — подсказывает руководитель.

— Конечно. Их много. И в целом это выглядит так.

Появляется третий рисунок (рис. В).

В

— Похоже на марсианские каналы... А почему бы и нет? Почему не допустить, что марсианские каналы не просто полосы растительности (была такая гипотеза), а именно глобальные деревья?.. Может быть, не на Марсе, а на какой-то другой планете.

Один из слушателей, астрофизик по специальности, возражает:

— У так называемых «марсианских каналов» есть ряд особенностей; каждая новая гипотеза обязана их объяснить. Сезонные изменения, например. Удвоение некоторых каналов...

— Очень хорошо, — отвечает инженер, — ствол продолжает расти, появляется второй виток, отсюда удвоение... Вообще в условиях Марса дереву выгодно иметь глобальные размеры. Какая-то часть всегда там, где лето. К тому же на Марсе нет океанов, нет гор, ничто не мешает дереву удлиняться...

— Дерево только часть биосферы, — не сдается астрофизик. — Дерево не может существовать само по себе.

— А кто сказал, что на Марсе нет биосферы? Она находится в н у т р и дерева, вот в чем дело. Ведь ствол не только длинный, но и широкий. Внутри развивается жизнь, может быть, даже разумная...

Через полчаса фантастическая гипотеза марсианской биосферы сконструирована во всех деталях. Конечно, это чистая фантастика, но, быть может, не менее интересная, чем мыслящий океан, описанный Ст. Лемом в «Солярисе».

* * *

Итак, проверьте свою фантазию: попробуйте за полчаса придумать какое-нибудь фантастическое растение. Теперь у вас есть с чем сравнить то, что вы придумаете...

* * *

Другой тип упражнений — исследование «черного ящика».

Предположим, космический корабль, преодолев огромные меж-

звездные расстояния, приблизился к какой-то неизвестной планете. Договоримся, что планета закрыта тонким слоем условных облаков, проницаемых для корабля и спускаемых с корабля автоматических станций, но непроницаемых для любого излучения. Проводная связь сквозь облака тоже невозможна. Разумеется, это выдуманные облака, они нужны только для того, чтобы создать ситуацию «черного ящика».

До спуска корабля на поверхность нужно, чтобы на планете побывала автоматическая станция. Если она благополучно вернется, проведя на планете десять часов, можно спускаться и кораблю. Слушатели предупреждены: на планете действуют те же физические законы, те же геологические, климатические и т. п. факторы, что и на Земле, на Луне или на Марсе. **И только один фактор изменен.** Какой именно? Это и надо выяснить с наименьшего числа попыток. Преподаватель «играет» за планету, слушатели — за экипаж корабля.

Поскольку с корабля — по условиям задачи — ничего нельзя увидеть, остается один путь: спуск автоматических станций. Связь между кораблем и станцией, опустившейся ниже условных облаков, невозможна (таковы правила упражнения), и «экипажу» приходится заранее задавать программу станции: опуститься ниже облаков, сделать то-то и то-то, потом вернуться. Каждый запуск станции — модель эксперимента по обнаружению икс-фактора. А этим иксом может оказаться что угодно (кроме чужой цивилизации: предполагается, что на планете нет разумной жизни). Икс-фактором может быть, например, сила тяжести, уменьшающаяся обратно пропорционально сотой степени расстояния. Или сплошная сеть вулканов на поверхности планеты. Или острые пики, доходящие до условных облаков. Или иной темп времени...

Первые же действия «экипажа» вскрывают драматизм ситуации. Вот несколько отрывков из диалога, записанного магнитофоном.

— Отправляем автоматическую станцию. Задание: опуститься на поверхность, взять пробы грунта, воздуха... сделать снимки... вернуться через час...

— Станция не вернулась.

— Почему?

— Это ваше дело — узнать почему...

— Хорошо. Это могла быть случайность. Отправляем еще одну станцию. С той же программой.

— Вторая станция тоже не вернулась.

— Странно... Учтите, наши станции имеют автоматы, выводящие их на посадку только в безопасном месте.

— А как они узнают, что место безопасное?

— По рельефу хотя бы... Если внизу ровный грунт — значит безопасно.

— Прекрасно. И все-таки две станции, снабженные системами выбора места посадки, не вернулись... Что вы будете делать дальше?..

Удивительно, насколько сильно проявляется в этих условиях психологическая инерция! Иногда «экипаж» на первом этапе упражнения теряет десятки станций и только после этого задумывается: может быть, привычная тактика здесь не подходит?..

— Тогда так: пусть станция опустится под эти облака, сделает снимки и сразу вернется. Опуститься она должна совсем немного — на метр, не больше.

— Станция вернулась.

— Наконец-то! А снимки получились?

— Да.

— И что на них?

— Степь, река, холмы, лес... Все как на Земле. Снято с высоты в десять километров. Взяты пробы атмосферы — воздух тоже как на Земле...

— А почему посаженные в этом районе станции не вернулись?

— Это уж ваше дело — узнать почему...

— А можно, чтобы следующая станция, оставаясь на высоте в десять километров, сбросила вниз зонд с радиопередатчиком?

— Можно.

— Хорошо! Посылаем станцию. Она остается наверху, под облаками. И сбрасывает зонд на какое-нибудь ровное место. Например, на холм. Зонд должен подавать сигналы с поверхности. Станция их запишет и вернется на корабль.

— Станция вернулась, но никаких сигналов зонда она не записала.

— Почему?

— Это ваше дело — узнать почему...

Упражнение продолжается, и еще не скоро «экипажу» удается обнаружить, что икс-фактор на этой планете — замедленная скорость света и других электромагнитных колебаний: один сантиметр в секунду. До станции, находящейся на десятикилометровой высоте, свет доходит на двенадцатый день. Станция видит степь, реку, холмы, а внизу — болото или горные вершины...

Три-четыре таких упражнения наглядно показывают слушателям, насколько прилипчива психологическая инерция. А преподаватель получает возможность изучить индивидуальные особенности слушателей: когда одна за другой гибнут станции (хотя бы и условные) и возникает критическая ситуация, отчетливо виден стиль действий каждого члена «экипажа».

А потом такого же рода упражнения выполняются иначе — для развития управляемой фантазии. Два человека в «экипаже» только выдвигают предложения, что делать дальше. Третий тоже занят только одним: проверяет поступившее предложение на психологическую инерцию. Если обнаружена инерция, предложение не проходит. Если явных признаков инерции нет, предложение принимается. Полученная информация («Станция не вернулась...») поступает к четвертому члену «экипажа», который только регистрирует с т р а н н о с т и, то есть признаки и формы проявления икс-фактора. Пятый и шестой члены «экипажа» только ищут возможные объяснения странностей, выдвигают гипотезы. На основе этих гипотез двое первых намечают, что надо делать дальше.

Слушатели, следящие за действиями «экипажа», знают «секрет» планеты и могут анализировать (молча, не подсказывая «экипажу») ход поиска. Процесс научного творчества моделируется точно и наглядно.

* * *

Современный эвристический алгоритм решения изобретательских задач разбивает творческий процесс на последовательные шаги. Многие из этих шагов могут быть сделаны только при достаточно развитом воображении.

Вот вы читаете условия задачи: «Необходимо повысить стойкость задвижки трубопровода, по которому течет истирающая задвижку пульпа», — и у вас сразу возникает **образ** злополучной задвижки. Этот образ создает психологические барьеры, заранее навязывая вам привычные представления о задвижке: примерные размеры задвижки, примерную скорость ее действия, примерную стоимость... Вы еще не начали решать задачу, а уже возведены высокие психологические барьеры, замыкающие мысль в пределах известного, привычного. Здесь и нужна фантазия. Она оказывается надежным рабочим инструментом, позволяющим преодолевать психологические барьеры.

В алгоритме решения изобретательских задач этот шаг связан с применением оператора РВС (Р — размеры, В — время, С — стоимость). Оператор РВС — шесть мысленных экспериментов с условиями задачи. Эксперимент первый: начнем неограниченно уменьшать размеры объекта и посмотрим, как будет меняться задача и какие новые решения при этом возникнут. Если трубопровод мысленно превратить в капиллярную трубку, обычная задвижка вообще окажется непригодной. Капиллярную трубку надо перекрывать иначе, например, пережимать. А почему бы не выбросить задвижку и в большом трубопроводе? Если мы научимся пережимать трубопровод, не сжимая жестких стенок, задача будет решена.

Эксперимент второй: мысленно увеличим размеры трубопровода. Как перекрывать трубопровод диаметром в десять километров? в тысячу километров?

Я взял для примера простенькую задачу, но и на ней видно, насколько необходимо для таких мысленных экспериментов **умение работать фантазией.** Тут-то и нужны навыки, приобретенные на задачах типа «Придумайте фантастическое животное».

Психологическая инерция многолика. Сбитая оператором РВС, она вскоре возникает вновь — на этот раз в виде навязчивого представления о структуре объекта. «Задвижка... что-то такое твердое, непроницаемое...» И снова на помощь приходит фантазия. Представим себе наш объект в виде толпы маленьких человечков (наподобие демонов Максвелла). Как должны вести себя человечки, чтобы перекрыть трубопровод и в то же время не истираться частицами руды? Заменив привычный технический образ задвижки фантастической «толпой маленьких человечков», мы получим отличную «безынерционную» модель для мысленных экспериментов: человечки могут выполнить любую нашу команду, они не боятся слова «невозможно». Потом, когда станет ясно, что должны делать человечки, мы снова вернемся к техническому образу, и это, быть может, будет новый образ, совсем не похожий на привычную задвижку...

* * *

Инженер, придумавший «марсианские» деревья, недавно получил свое первое авторское свидетельство.

Называется оно вполне прозаически — «Мастика для полов». Занятия по развитию воображения не сделали инженера «пустым фантазером» (нам приходилось слышать и такие опасения). Стали изобретателями и многие из тех, кто в составе «космических экипажей» исследовал икс-факторы на планетах, затянутых пеленой «условных облаков»...

Немалую роль в этом наряду с упражнениями сыграло и обильное чтение научно-фантастической литературы.

Редкая статья о фантастике обходится сейчас без напоминания о том, что фантастика прежде всего художественная литература и что основная ее задача — человековедение.

Что ж, не спорю: фантастика, конечно, художественная литература и, конечно, должна заниматься человековедением. Но такова уж диалектика научно-технической революции: художественная фантастическая литература дает и непосредственный экономический эффект.

Еще никто не подсчитал этот эффект. Он не лежит на поверхности, его трудно выделить в чистом виде.

Но он есть, и тем досаднее, что существует огромный разрыв между тиражами, которыми издается НФЛ, и потребностью хотя бы у тех, кому НФЛ просто необходима для развития творческого воображения.

* * *

А занятия по курсу «эртэвэ» продолжаются. Теперь это упражнения посложнее.

...Предположим, сто миллионов лет назад нашу планету посетила экспедиция, прилетевшая из далекой звездной системы. К великому разочарованию экспедиции, по Земле еще бродили динозавры и не было никаких признаков разумной жизни. Впрочем, высокоразвитая наука пришельцев позволила с высокой точностью (плюс-минус десять миллионов лет) вычислить время, необходимое для возникновения цивилизации. Решили улететь, оставив будущей цивилизации нечто такое, что поможет потом установить контакт. Понятно, оставить это «нечто» на Земле нельзя: за сто (плюс-минус десять) миллионов лет уйдут под воду одни материки и появятся другие, «нечто» окажется где-то в недрах планеты. Целесообразнее оставить «нечто» на почти неменяющейся Луне.

И вот — уже в XX веке — космонавты обнаруживают на Луне два десятка черных ящиков. С виду это самые обычные ящики. Наподобие посылочных. Но совершенно гладкие, без намека на крышку, шов или замочную скважину. И тут же на скале нацарапаны картинки, поясняющие происхождение ящиков и их назначение. Конечно, рисунки — это условное допущение, необходимое для создания проблемной ситуации.

Лента магнитофона. Запись сделана в группе новичков.

— И что от нас требуется?

— Не знаю. Я описал вам ситуацию. Поставьте себя на место

космонавтов, нашедших эти ящики. И сами решайте, что делать.

— Непонятно, в чем задача... Ну взяли один ящик и отнесли на базу.

— Взяли? Так вот, когда вы его взяли, он сразу рассыпался.

— Как это... рассыпался?

— Очень просто. Рассыпался в порошок, а порошок тут же превратился в газ — и все.

— Возьмем другой ящик.

— Другой ящик тоже рассыпался, превратился в газ, исчез.

— А почему?

— Это ваше дело — знать почему.

— Возьмем еще один ящик, пусть рассыпается, но мы соберем газ и исследуем.

— Исследовали. Восемьдесят процентов углекислого газа, двадцать процентов азота.

Могучий способ исследования: сожжем, например, книгу и по составу газа будем судить о ее содержании... Это не последняя ошибка. Группа будет уничтожать ящик за ящиком, постигая простую, но необходимую мораль: фантазией надо управлять.

Свободный полет фантазии часто отождествляют с примитивным перебором вариантов: «Хочу — попробую так, хочу — попробую иначе...» Формально при таком переборе фантазия ничем не стеснена. А на самом деле психологическая инерция намертво сжимает неокрепшие крылья воображения. Мысль топчется на тесном пятачке простеньких комбинаций. Какой уж тут полет!.. Для полета нужно управление.

Еще одна лента. Запись, сделанная в группе, прошедшей первые этапы тренировки:

— В расположении ящиков нет закономерности?

— Нет.

— Хорошо. Тогда фотографируем ящики. Один ящик доставляем на базу.

— Ящик, который вы взяли, рассыпался.

— Как?

— Очень просто. Рассыпался в порошок, а порошок тут же превратился в газ — и все.

— Понятно... Глупо было тащить ящик. Инерция мысли. Сначала надо понять, что делать. С планетой, спрятанной под облаками, мы ничего не могли узнать без проб. А здесь и без проб можем узнать многое.

— Ну а все-таки: каковы ваши действия?

— Зачем вы нас подталкиваете к действиям? В этой задаче как раз не нужно действовать.

— Почему?

— Я хотел сказать: не надо спешить с действиями. Ящики пролежали сто миллионов лет. Что для них еще год или десять лет? Мы должны сначала выработать обоснованную тактику

— Как?

— Перевернем задачу. Поставим себя на место пришельцев. Мы оставляем ящики цивилизации, которая появится через сто миллионов лет. Как мы запрограммируем ящики? Прежде всего они должны определить, что представляет собой цивилизация, обнаружившая ящики. А этого не сделаешь с одной встречи. Ящикам придется долго присматриваться к разным людям, к

обществу. Я бы сказал: им нужно пожить среди нас. Тогда они не ошибутся.

— Так что же вы предлагаете?

— Не трогать ящики. Пусть изучают нас. Ящики оставлены высокоразвитой цивилизацией. Ее представители еще сто миллионов лет назад совершали межзвездные перелеты. Такой цивилизации легче понять нас, чем нам понять ее.

— А ящики?

— Пусть лежат. Поняв нас, они сами что-то предпримут. Конечно, потребуется немало времени... Но и решение они должны принять ответственное. Не со всякой цивилизацией нужен контакт, не всем можно передать знания...

* * *

Сегодня мы делаем первые шаги в управлении фантазией. Еще непривычно само это словосочетание: управляемая фантазия. Но пройдет какое-то время, и мы научимся планомерно развивать воображение и на этой основе формировать творческие способности. Быть может, это станет одной из главных особенностей будущего коммунистического общества.

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Импульс фантастики

Археологам повезло, раскопки, как известно, открыли им целую библиотеку древнего Вавилона. В ряду прочих уцелела одна глиняная табличка. Когда прочитали этот документ, то выяснилось, что в нем канцелярским стилем изложен... сюжет «Мертвых душ»!

Да, да! Был в Вавилоне, оказывается, свой Чичиков (не мужчина, правда, а женщина), который не в книге, а в действительности спекулировал «мертвыми душами» с той же целью, что и гоголевский Павел Иванович.

Сначала этот факт не укладывается в сознании. Где Россия, где Вавилон, быть не может такого совпадения! Потом приходит простая мысль: почему, собственно, не может? Царская Россия и древний Вавилон, да, их разделяют тысячелетия и солидные расстояния. Но там и здесь господствовал примитивный подневольный труд, там и здесь были помещики, были рабы. Дуб, где бы и когда бы он ни рос, плодоносит желудями, никак не персиками. Сходное общее дает сходное частное.

Иногда не мешает вот так оглянуться, чтобы понять, как далеко и от чего мы ушли. За тысячелетия. За века. За десятилетия.

Но если один век в главных своих чертах повторял другой и тысячелетия не приносили качественных изменений, то могла ли возникнуть и проявиться потребность в литературе, которая бы изображала иное состояние бытия, прозревала другое будущее?

Фантастическая литература возникла давно (сказки, легенды, отчасти мифы). Ничто не менялось в застывших рамках феодально-рабовладельческого строя или менялось мало, вывод Экклезиаста о вечной по-

вторяемости событий казался неоспоримым, а люди продолжали выдумывать какую-то иную жизнь, где летают ковры-самолеты, где неизменно торжествует справедливость и текут молочные реки. Мечта, а может, отчасти и социальный наркотик? И все-таки и прежде всего мечта — прекрасная, пусть и наивная. Она расцветала где-то там, на небесах, в тридевятом царстве, в фантазии, поскольку в действительной жизни ей не было опоры. Литература невозможного, заведомо нереального; однако самим фактом своего существования она лишний раз доказывала, что тяга к иной жизни неистребима. Что-то в этом есть от двигателя, который век за веком работал вхолостую! Вхолостую? Вряд ли. Все-таки это форма сохранения и передачи некоего импульса. Пока мы скорей всего не в состоянии ясно и точно изучить, каким образом претворенное в сказочную фантастику стремление к чему-то иному, небывалому, влияло на ход событий. Наверное, влияло. Возможно, сильней, чем мы себе это представляем. Ведь за этим стоит потребность — и какая! Роль мечты, чаяний и надежд, воплощенных в образах сказочной фантастики, еще ждет своих исследователей.

В разбуженном средневековье возникают «острова утопии». О, это уже не сказки! Тут все серьезно. Тщательно расписано, как устроен город утопии, какое применение имеет там золото и каким правилам морали (очень жестким) следуют люди. Подхвачен и развит платоновский опыт «рационального устройства» общества, перед нами нечто вроде весьма детального социального чертежа. Но вот чего нет совершенно, так это технологии. Неясно, каким образом, под воздействием каких сил, благодаря каким закономерностям средневековое общество может перестроиться (или быть перестроенным) в соответствии с образцом. Все попытки описания перехода более чем наивны. Перед нами — в новом обличии — фантастика. Та и уже не та, что прежде. Время изменилось!

Жюль Верн не писал утопий. Он знал, что меняет мир: техника, наука. Ибо жизнь уже дала тому доказательства! Фантастика обрела под ногами почву. Твердую и вроде бы надежную.

Иногда границы современной фантастики отодвигают далеко-далеко в прошлое. Настолько, что Жюль Верн и Брэдбери оказываются за одним столом с Апулеем (человек, превращенный в осла, — чем не фантастика?). Беглый, а потому грубый очерк, который здесь дан, надеюсь, все же показывает, насколько относительно такое соединение. Современная фантастика не тождественна древней. Между ними примерно та же разница, как между водой и льдом. Налицо единство материала и одновременно — полный разрыв свойств.

Герои Жюля Верна задумываются (правда, не слишком часто) о далеком будущем человечества. Интересен характер этих размышлений. В «Таинственном острове», например, речь заходит о том, что произойдет, когда иссякнут запасы каменного угля. Спор на тему, иссякнут эти запасы или нет, быстро гаснет; да, иссякнут, неизбежно иссякнут — лет через двести пятьдесят—триста. А дальше что? Конец цивилизации? Ни в коем случае! Вместо угля люди будут сжигать воду, поясняет Сайрус Смит, и доказывает это. «Пока на земле живут люди, — заканчивает инженер, — они будут обеспечены всем, и им не придется терпеть недостатка в свете,

тепле и продуктах животного, растительного и минерального царства».

Ни тени сказочного, ни тени утопии. Фантазия, выверенная трезвым расчетом. Полная уверенность в своих силах, абсолютная убежденность, что человек, владеющий наукой и техникой, — хозяин своей судьбы. Попутно другая, очень важная мысль: в сфере техники возможны, более того — неизбежны качественные изменения, вызванные самим ходом прогресса. Вывод, азбучный для наших дней, но в середине прошлого века очевидный лишь для проницательных мыслителей.

Кстати, Сайрус Смит с его фантастическим для того времени лозунгом «Вода — уголь будущего» оказался прекрасным футурологом. Правда, описанный им способ разложения воды на составляющие газы и использование их в качестве топлива не стал ведущим, хотя сама идея вполне жизнеспособна и, возможно, еще осуществится в широких масштабах. Но в принципе вода, сейчас мы это знаем точно, действительно «уголь будущего», неиссякаемый источник термоядерной энергии.

Во всем, что касается науки и техники, фантастика Жюля Верна демонстрирует свою силу и реальность. Да, реальность: подавляющее большинство научно-фантастических идей Жюля Верна сбылось либо сбудется. Минувшее столетие устроило им всем проверку; современников писателя результат этих экзаменов скорей всего ошеломил бы. Факт примечательный...

Насколько зорко, однако, герои Жюля Верна видят горизонты науки и техники, настолько же туманны для них горизонты социальные. То, что было главным и основным в утопиях, исчезло в научной фантастике на первом этапе ее развития. Она тушуется, едва дело касается социальных перспектив, ей нечего сказать об этих перспективах, а если она и говорит о них, то это довольно жалкое зрелище. Здесь она не чувствует под ногами почву, могучий метод фантазии-расчета не действует, ибо неясно, что и какой алгеброй надо поверять. Надежными кажутся лишь общие упования на благотворный «ход прогресса», который движется успехами техники и цивилизуется гуманно-либеральными идеями.

Жюль Верн, хотя, конечно, у него были предшественники (от Томаса Мора до Ф. Одоевского и Эдгара По), сформировал метод, который условно можно назвать «инженерной фантазией». И он же, судя по некоторым последним его произведениям, ощутил недостаточность и неполноту этого способа фантастико-реалистического отражения новой действительности. Следующий шаг был сделан прежде всего Уэллсом. Он нашел недостающую «социальную алгебру». Ею оказалась научная теория социализма, разумеется, в том виде, в каком Уэллс ее воспринял. На новом витке литературной спирали обозначился возврат к утопии, но возврат диалектический. В творчестве Уэллса и его последователей утопия в прежнем ее виде не возродилась да и не могла возродиться (даже чисто утопические произведения конца XIX века — скажем, Беллами — существенно отличались от утопий средневековья). Но с этого момента оформилась фантастика, в которой писательское воображение стартует по направляющим рельсам естественно-технических и социальных наук.

Что принесла с собой новая фантастика?

Фантазия — замысел — осуще-

ствление. История дала нам прямотаки хрестоматийный пример осуществления этой триады. Сначала возникли космические фантазии Жюля Верна. По свидетельству Циолковского, именно эти фантазии направили его интерес в сторону космоса. Прошло время, и уже теории Циолковского завладели молодым Королевым. Осуществление их стало делом его жизни.

Невозможно сказать, какую бы направленность приняли устремления Циолковского, на что обратился бы его могучий ум без воздействия импульса фантастики. Возможно, чуть позже Циолковский все равно увлекся бы космоплаванием, и ход событий существенно не изменился бы. Могло быть и другое: теория космоплавания была бы создана позже и не Циолковским.

Гадать бесполезно, ведь «другой» истории не существует. А в той истории, которая есть, записано, что в великом деле освоения космоса импульс фантастики сыграл роль искры зажигания.

И благодарное человечество не забыло отметить этот факт: один из первых открытых на обратной стороне Луны кратеров был назван именем Жюля Верна.

Путь слова в сознании людей скрыт более, чем путь капли в толщах земли и неба. Благодаря изотопному анализу мы можем сегодня узнать, откуда и какая вода выпала в дождях над Байкалом или над Темзой. Обнаружить след книги в тех или иных поступках неизмеримо трудней. Здесь мы еще недалеко ушли от алхимии, подтверждением чему служит порой до сих пор бытующее мнение, что если в книге талантливо изображен негодяй, то читатель немедленно станет ему подражать, а если хороший человек, то и читатель проникнется хорошим. Не было бы трудностей для исследователя, если бы восприятие обладало такой вот простотой газировочного автомата. Такой простоты, однако, нет и в помине. На виду, в пределах наблюдения оказывается даже не верхушка айсберга, а кончик верхушки. Действительно, во скольких случаях из ста вы можете вспомнить, что и в какой мере обусловило ту или иную вашу мысль, чувство, поступок? И если, как в случае с Циолковским, человек способен указать исток, то это значит, что очень уж сильным и стойким было воздействие. Но и тогда многие ли оставляют свидетельство, как все происходило?

Поэтому отметим сам факт влияния импульса фантастики на дела и свершения и воздержимся от обобщений. А вот механизм влияния рассмотреть стоит, тут есть кое-какой любопытный материал.

Прежде всего оказывается, что «искровыми ситуациями» дело не исчерпывается.

Мы существуем в пространстве и времени. Собственно, все наши органы чувств служат цели ориентации в пространстве (понятие ориентации взято в широком смысле этого слова). А как с ориентацией во времени?

«Среда» времени более постоянна, чем «среда» пространства. Однако и у низших животных есть орган восприятия времени — биологические часы. С другой стороны, даже низшим животным присущ инстинктивный механизм, который заставляет их, например, готовить запасы на зиму. Это тоже своего рода «орган» ориентации во времени. С развитием мозга возникает и совершенствуется функция, которая уже не столь же-

стко связана с инстинктом и которую можно назвать функцией предвидения. В высшей степени этой функцией наделен разум.

Теперь представим себе, что относительно малоподвижная «среда» времени стала изменчивой. Что должно произойти в этом случае? Одно из двух: либо разум приспособится к новым условиям, либо нет. Нам известно, что происходит с существами, которые не успели, не смогли приспособиться к резко изменившейся обстановке, — останки их мы видим в палеонтологическом музее.

В физическом смысле время, конечно, не изменилось; оно осталось таким же, каким было в эпоху динозавров. Но субъективно время для нас стало совершенно иным, чем было еще недавно. Оно стало иным потому, что за десятилетия сейчас происходит больше изменений, чем некогда за века. Раньше будущее втекало в настоящее наподобие плавной, еле движущейся реки. Сейчас оно напоминает бурный поток. Это мы сами сделали время таким.

Естественно и неизбежно должна возрасти прогностическая функция разума. Что и наблюдается в действительности. В 60-х годах окончательно выяснилось, что никакое планирование не даст хороших результатов без тщательных, долгосрочных прогностических исследований. И прогностика получила бурное развитие.

В момент становления этой науки обнаружилось, что у нее есть предтеча — научная фантастика. И что опыт, накопленный фантастикой, может пригодиться. Не углубляясь в детали, отметим, что сегодня прогностика широко и успешно использует метод «научно-фантастического сценария», когда надо исследовать динамичный веер возможного развертывания событий.

Затрудняет ли это обстоятельство дальнейшее развитие фантастики? Не в большей мере, чем совершенствование исторической науки затрудняет развитие исторического романа. Литература относится к науке примерно так, как продольное колебание волны к поперечному. Источник общий, но каждая из волн существует сама по себе, свойства одной не повторяют свойства смежной.

В фантастике нередко используется чисто логический прием экстраполяции. В 1946 году, например, появился рассказ Азимова «Огненный прибой». Сюжет рассказа таков. В конце 60-х годов в проливе Ла-Манш гибнет гигантский танкер. К берегам устремляется колоссальное нефтяное пятно, которое вспыхивает от случайной искры.

Это фантастика. В жизни произошло вот что. В 1967 году в проливе Ла-Манш потерпел аварию гигантский танкер. Хлынувшая нефть устремилась к берегам Англии и Франции. Пожара не было, но ущерб оказался грандиозным.

Какой в данном случае была технология фантастики? Вот какой. Размеры танкеров непрерывно растут и, судя по всему, будут расти в дальнейшем, потому что перевозка нефти в крупных танкерах обходится дешевле, чем в мелких. Зная линию развития до 1946 года, можно прикинуть, какие танкеры скорей всего появятся через двадцать лет. Но чем крупнее танкер, тем меньше его маневренность, тем больше угроза катастрофических последствий аварии. Где вероятней всего может произойти катастрофа? Очевидно, там, где напряженней всего судоходство. По-

этому местом действия избран Ла-Манш...

В сущности, метод, по которому построен сюжет рассказа, ничем не отличается от метода науки. И не случайно уже в 60-х года футурологи независимо от давнего рассказа предупредили общественность о грядущей аварии супертанкера и о последствиях такой аварии.

Но фантастику менее всего можно свести к совокупности таких вот научных приемов. Педантичный Жюль Верн, похоже, прекрасно понимал, что выстрелом из пушки послать людей на Луну нельзя. К счастью, это соображение его не остановило. Биолог Уэллс не мог не знать, что человек-невидимка невозможен. И все же он создал Гриффина. Без таких «нарушений» не было бы фантастики или она была бы чахлой. Именно потому, что фантастика развивается по законам литературы, подобные «нарушения» оказываются благом.

Здесь, кстати, случаются любопытные инверсии. Уэллс, допуская существование высокоразвитых марсиан, следовал взглядам тогдашней науки. Сегодня это допущение выглядит ошибкой. В комментариях к «Гиперболоиду инженера Гарина» специалисты не раз отмечали, что аппарат, подобный гиперболоиду, невозможен принципиально. Но, когда появился лазер, вспомнили именно о гиперболоиде... Уэллс послал своих героев на Луну не в ракете, а в антигравитационном корабле. Это было фантастикой, фантастикой и осталось. С той разницей, что тогда фантастика не противоречила действительности, а сегодня противоречит. Интересно, а как будет обстоять дело лет через сто? Ракеты всегда останутся единственным средством межпланетных сообщений?

Но обратите внимание: все перечисленные здесь произведения живут и сегодня. Их читают и перечитывают, морально они не устарели. Не устарели именно потому, что это хорошая литература. И совершенно второстепенно, что там «сбылось», а что «не сбылось». Не в этом дело. Речь в них идет о людях, поставленных в необычные, фантастические условия, о том, что эти люди думают, чувствуют, как воспринимают изменившийся мир. А это и есть реальность сегодняшней жизни.

Но и отрывать в фантастике «научное» от «человеческого» тоже нельзя. Читали бы мы сегодня «80 000 километров под водой» Жюля Верна, если бы там не было капитана Немо? Да с какой стати! Но кто такой капитан Немо без «Наутилуса»? Никто! Без «Наутилуса» нет образа...

В этом своеобразие фантастики. О характере ее влияния хорошо сказал Лев Успенский:

«Как передать всю силу воздействия, оказанного Уэллсом на мое формирование как человека; наверное, не одно мое?

Порой я думаю: в Аду двух мировых войн, в Чистилище великих социальных битв нашего века, в двусмысленном Раю его научного и технического прогресса, иной раз напоминающего катастрофу, многие из нас... задохнулись бы, растерялись, сошли бы с рельсов, если бы не этот Поводырь по непредставимому.

...Он не объяснял наш мир — он приготовил нас к его невообразимости. Его Кейворы и Гриффины расчищали далеко впереди путь в наше сознание самым сумасшедшим гипо-

тезам Планка и Бора, Дирака и Гейзенберга.

Его Спящий уже в десятых годах заставил нас сделать выбор: за «людей в черном и синем» против Острога и его цветных карателей... Его алои и морлоки раскрыли нам бездну, зияющую в конце этого пути человечества, и доктор Моро предупредил о том, что будет происходить в отлично оборудованных медицинских «ревирах» Бухенвальда и Дахау.

Что спорить: о том же во всеоружии точных данных науки об обществе говорили нам иные, в сто раз более авторитетные учителя. Но они обращались прежде всего к нашему Разуму, а он... приходил к нам как Художник. Именно поэтому он и смог стать Вергилием для многих смущенных дантиков того огромного Ада, который назывался «началом века».

Средства фантастики, читаемой и потому массовой, годятся как для расчистки, так и для минирования фарватеров сознания. Это тем более важно помнить, что представления о будущем влияют на ход событий, которые это будущее формируют. Стоит ли удивляться, что прилавки Оттавы и Тегерана, Мехико и Осло, Токио и Мельбурна завалены англо-американской фантастикой? И доход, и идеология одновременно. В пору, казалось бы, говорить о полной духовной оккупации читателя. Все, однако, сложней. Можно легко и быстро взрастить тысячи поделок. Нужны безысходные картины грядущих катастроф? Пожалуйста! Розовые идиллии будущего? К вашим услугам! Но долговечность поделки — это долговечность поденки. Без Художника есть видимость литературы, нет самой литературы; есть видимость воздействия и нет подлинного влияния. Недаром А. В. Луначарский писал, что «мы с нетерпением ждем появления нашего собственного Уэллса...»

Оставим, однако, социальную фантастику в покое и вернемся к теме. Параллельно с фантастикой, которую можно назвать научной, существует и развивается просто фантастика. Условная, романтическая, сказочная — определить ее трудно, поскольку самая что ни на есть сказочная фантастика все-таки не сказка, одно с другим спутать трудно. «Фэнтези», «фантазия» — такое общее определение годится, пожалуй, лучше всего. Мы уже исследовали некоторые грани взаимовлияния научно-технического прогресса и фантастики. Но это исследование, пожалуй, относилось исключительно к фантастике научной. А ею не исчерпывается и не определяется облик современной фантастики. Значит ли это, что «фантазии» никак не смыкаются с научно-техническим прогрессом?

В газетных выступлениях ученых все чаще мелькает соображение важности для научного работника такого качества, как творческое воображение. Наконец, в «Литературной газете» была поставлена точка над «и». Выступивший в ней ученый прямо и недвусмысленно сказал, что воображение сейчас важней, чем знания.

Мысль не столь уж обычная. Как так?

В перечне человеческих достоинств воображение всегда занимало скромное место. Логика? Бесспорно! Знания? Конечно! Воображение? А кто его знает, хорошо это или плохо... «Да он у нас фантазер» — чего больше в такого рода сентенциях — хвалы или осуждения? И с чего бы это вдруг в наш век точности и рационализма заговорили о важности во-

ображения? Да еще представители естественных и технических наук?

Чтобы уяснить причину, изобразим такую сцену. Аудитория, сидят люди.

— Дымное окно! — говорит один.

— Ледяное пламя! — вторит ему другой.

Собрание сумасшедших? Вовсе нет. Просто учеба. Слушатели — трезвейшие люди: инженеры, конструкторы, научные сотрудники солидной фирмы. Идет занятие по методу синектики — методу развития изобретательских способностей.

Добавим, что сцена, которую мы воспроизвели, — типичная. Ибо синектика — это прежде всего способ активизации воображения. «Дымное окно» и тому подобная чепуха на деле никакая не чепуха, подобно тому, как бред, высказываемый во время «мозгового штурма», — ценнейший бред. От слушателей требуют, чтобы они умели быстро находить несопоставимые понятия. Это, кстати, не так легко, как кажется. Ледяное пламя? Неудовлетворительно: в лаборатории получен горячий лед, так что «ледяное пламя» — это всего лишь вариация на тему...

Хотите знать, сколько американские фирмы платят за краткие (не более шестнадцати дней) курсы синектики? От 20 до 200 тысяч долларов.

Когда новые идеи в науке и технике требовались от случая к случаю, когда за ними не охотились с вертолета и не нанимали шпионов, чтобы их выкрасть, бизнесмена не интересовало, что это за штука — воображение, зачем оно и как его развивать. Времена изменились: новшества требуются постоянно и в растущих количествах. Иначе обставят конкуренты. Тут-то и выяснилось, что рынок не отвечает потребностям. Что придумать новое трудно, что этим свойством человека не может наделить никакой диплом. Всякие разговоры насчет «божественного дара» и «непознаваемости творческого процесса» были тут же оставлены. Потребовалось дело! И скоро выяснилось (это было известно и раньше, но не привлекало внимания), что без воображения нет творчества.

Воображение тотчас стало товаром.

Напрашивается теоретический вывод, что как научная фантастика, так и просто фантастика в силу своей специфики может резко активизировать воображение. Ломать стереотипы, приучать не бояться слов «невозможно», «не может быть», давать навык видения в необычных ракурсах.

Вывод этот подкреплен экспериментально. Советские исследователи, проведя бо́льшую серию опытов и наблюдений, установили, что при прочих равных условиях те инженеры лучше усваивают и применяют творческие методы изобретательства, которые систематически читают фантастику. Результат был тут же использован. Сейчас на занятиях по изобретательству слушателям читают курс фантастики, вменяют им в обязанность следить за этой литературой.

Впрочем, та же синектика разработала уже не метод обучения, а метод изобретательства, который так и назван — научно-фантастическим (с его помощью, в частности, был изобретен новый тип застежки для космического скафандра; задание шло от НАСА, срок истекал, а другие методы не срабатывали).

Пожалуй, никогда еще литература не использовалась столь прикладным образом... Ни лучше, ни хуже она от этого, впрочем, не стала.

Иногда приходится слышать и читать соображения, что фантастика отучает от удивления. Что люди, начитавшись фантастических романов, без восторга, как нечто самоочевидное принимают новые достижения научно-технического прогресса. И что это плохо.

Даже если дело обстоит таким образом, то так ли уж это плохо? Пора привыкнуть, что новизна стала постоянным спутником нашей жизни. Что наука, техника и должны производить новинки, как конвейер автомобили. Что внимание, эмоции, мысли не мешало бы переключить на другое: на разумное использование (или неиспользование) новинок, на изучение последствий их применения, на то, как с их помощью улучшить жизнь. Удивление — это эмоциональный фокус внимания. Современная фантастика обычно изображает сверхтехнику будущего без упоения всякими там киберами и прочими необычностями. Киберы будут; лучше уделим внимание человеку. С другой стороны, изумление и восторг нашего современника, когда он получил транзистор, были куда слабее радости тех, кто впервые увидел зеркальце и стеклянные бусы. Жалеть о такой эволюции чувств вряд ли стоит.

В последнее время возникли разговоры о кризисе фантастики, поскольку в Америке произошел спад изданий и закрылся ряд журналов. Столь же однозначных фактов по нашей фантастике нет: здесь книжный рынок настолько ненасыщен, что сокращение изданий никак не свидетельствует об уменьшении читательского интереса. Что же касается изменений на американском книжном рынке, то тут, в общем, нет ничего загадочного. Интерес к чему-то не есть величина, неизменно растущая (с таким же успехом можно говорить о кризисе интереса к физике). Наблюдая явление со стороны, трудно сказать что-либо более определенное. Можно выдвинуть лишь гипотезу. На Западе сейчас ширится разочарование, вызванное тем, что ход научно-технической революции в условиях капиталистического общества сплошь и рядом оборачивается против человека (проблемы урбанизации, загрязнения среды и так далее). Разочарование переносится на саму науку, технику, прогресс. И следовательно, на научную фантастику. С другой стороны, кризисные явления в недрах капиталистической системы побуждают людей искать идеалы, лежащие вне этой системы. Однако социальная фантастика по понятным причинам развивается в рамках господствующей идеологии. И если литература не в состоянии выйти за эти рамки, если она не может или не хочет дать ответ на новые запросы, то внимание к ней, естественно, ослабевает. Видимо, совокупность этих причин и вызвала спад в американской фантастике.

Однако долговременные перспективы развития фантастики от этого не меняются. Возрастание прогностических функций науки и литературы не мимолетная вспышка и не дань интеллектуальной моде. Это объективная потребность. Как и потребность в произведениях, которые отражают новую реальность, способствуют научно-технической революции, художественными средствами исследуют те перспективы, над которыми неизбежно задумывается современный человек.

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

Фантастическая этнография и этнографическая фантастика

Связь фантастики с естественными науками общепризнана и, можно сказать, освящена временем.

Почему-то гораздо меньше внимания обычно обращают на роль гуманитарных наук для научной фантастики. И сама большая История, и антропология, и в очень большой мере этнография стали неисчерпаемыми источниками и фантастических идей, и замысловатых сюжетов. Откуда, как не из фантастики, мы получаем сведения о быте будущего? Но, главное, материал этнографии, народоведения, науки, выясняющей особенности материальной и духовной культуры народов, присутствует почти всюду, где изображены контакты землян с инопланетчиками. Так же, как материал антропологии — всюду, где эти инопланетчики описываются.

Научный материал, этнографический и антропологический, может быть дан с прямыми ссылками на земные аналогии, а может присутствовать лишь как невидимый, скрытый от глаза, но открытый мысли и чувству фон событий. Этот фон, видимый или невидимый, есть в каждой по-настоящему талантливой вещи.

Жюль Верн в «Таинственном острове» пускался чуть ли не в приматологические изыскания, чтобы читатель поверил в ум орангутана Юпа. Уэллс для объяснения облика своих марсиан (голова да щупальца) ссылался на научную литературу и объяснил, что, по мнению тогдашних антропологов, эволюция человека должна привести его к такой примерно внешности. Александр Беляев, рисуя людей будущего хилыми, лысыми, без ногтей и почти без зубов, дает сноску о том, что тут все «по науке».

Фантастика так хотела быть научной, что считала своим долгом подтверждать этот титул на каждом шагу.

Сейчас ей уже поверили — иногда даже больше, чем следует. Но одно, на мой взгляд, бесспорно: фантастика интересна для читателей постольку, поскольку, по-своему преломляя, она пытается решать насущные реальные проблемы. Путешествие на чужую планету для фантаста, к примеру, может быть и способом показать нелепость расовых предрассудков, и средством раскрыть глаза тем, кто готов считать себя образцом для вселенной, а свои религиозные взгляды и бытовые привычки — безусловно идеальными.

Фантастика впитывает в себя огромные знания, накопленные науками. Ее владения так огромны, что она граничит буквально со всеми отраслями знания (недаром же так часто повторяют про очередное научное достижение, что оно «граничит с фантастикой»). Через эти границы поступают в фантастику непрерывным потоком сведения и замыслы, питающие ее. Я попробую рассказать, в каком виде проступают на экране литературы некоторые проблемы двух наук: антропологии и этнографии. Разумеется, потребовалась бы целая книга, чтобы сделать мало-мальски полный обзор фантастики под этим углом зрения. Перед вами — заведомо беглый и, боюсь, весьма субъективный рассказ.

Ни в чем, пожалуй, так не расходятся фантасты между собою (и «сами с собою» в разных произведениях одного автора), как в «антропологических» описаниях инопланетчиков.

Одни рисуют мыслящие растения, мыслящие камни, мыслящие облака, океаны и даже планеты, которые представляют собой единый мозг — от ядра до коры. Другие «скромнее».

Вот жители Луны в описании польского фантаста начала века Е. Жулавского:

«...У них есть крылья, хотя они с трудом пользуются ими... Между собой они объясняются при помощи светящихся знаков на лбу ...под крыльями из натянутой на костях перепонки есть гибкие змеиные руки с шестипалой кистью. Все тело их покрыто черным коротким волосом, мягким, густым и блестящим, кроме лба и ладоней... беззубый рот, окруженный роговым наростом в виде широкого и короткого клюва с крючковатым выступом в середине».

По мнению Виктора Гончарова, советского писателя 20-х годов, обитатель Луны — «слоненок на задних лапах... верхние конечности мускулистые и покрытые пергаментной кожей с мелкими черными волосиками...».

Под все детали строения тела своих героев большинство фантастов старается подвести научную базу. Американец Хуго Гернсбек не только живописует, но и объясняет:

«Рост (марсиан) около 10 футов, их огромные тела похожи на бочку, а сверху возвышается большая несуразная голова с громадными, словно раковины, ушами шириной около фута и хоботообразным носом длиной 3 фута... глаза... как бы сидят на длинных стеблях, которые могут удлиняться и укорачиваться, словно подзорная труба. На голове... две громадные антенны — органы телепатии. Рот похож на расплющенный клюв... Руки и ноги

тонкие и хрупкие. На каждой руке по восемь пальцев, а вместо ступней огромные лапы с перепонками. Поскольку сила притяжения на Марсе мала, там никогда не было очень плотной атмосферы. Поэтому, чтобы не погибнуть, марсианам пришлось значительно развить свои легкие; отсюда их колоссальная грудь, из которой практически и состоит все тело».

По Уэллсу, все тело марсиан состоит из одной головы, а селениты больше всего похожи на огромных насекомых, наделенных мозгом.

Тут испугаешься! И фантаст Э. Гамильтон написал юмористический рассказ «Невероятный мир», в котором Марс заселен марсианами из разных фантастических произведений.

«Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, возвышающихся над толпой на двадцать футов, и шестируких марсиан, похожих на маленьких безруких комариков; марсиан четырехглазых, трехглазых и марсиан совсем безглазых, но с щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах неопределенных оттенков, анилинокрасного, вишневого, бурого цвета и марсианах прозрачных... Удивительнее всего было, что женщины, все без исключения, были гораздо привлекательнее мужчин... любая марсианка, бурая, зеленая, синяя или красная, могла быть образцом земной красоты».

Француз Ф. Карсак перенес на некую планету кентавров из древнегреческих мифов. Американец Клиффорд Д. Саймак изобрел живые существа, способные принимать любые формы, в том числе и форму человека.

Советский фантаст В. Савченко во «Второй экспедиции на Странную планету» обнаружил на ней существа в образе космических ракет (за двадцать лет до того они были самолетами и превратились в ракеты в процессе эволюции).

«...Эти ракетки и есть живые существа, населяющие Странную планету... По-видимому, они сродни не нам, а скорее тому, что создано руками и умом человека: электрическим двигателям, фотоэлементам, ракетам, электронным математическим машинам... Мы — растворы, они — кристаллы. Мы собраны природой из клеток, которые являются.... весьма сложным раствором различных веществ и соединений в воде. Они, «ракетки», состоят из сложных и простых кристаллов, металлических, полупроводниковых и диэлектрических. Все то, чего человек достиг после тысячелетий труда и поисков, естественным образом вошло в организмы «ракеток». Электромагнитное движение, телевидение, космические скорости, радиолокация, представление об относительности пространства и времени».

Должен сказать, что ученые сейчас выдвигают и еще более фантастические предложения о возможных основах жизни. Как участник Бюраканской международной конференции по связи с внеземными цивилизациями, я слушал доклад академика В. Л. Гинзбурга. Он, в частности, говорил о принципиальной возможности жизни на основе иных, чем наши атомы, соединений совсем других элементарных частиц.

И на этой конференции каждую попытку как-то ограничить конкретными условиями среду, порождающую жизнь и разум, встречали

хлестким словосочетанием: «космический шовинизм». Среди его разновидностей были шовинизм углеродно-кислородно-водородный, водородный, солнечный, звездный, планетный...

Астрономы, физики, биологи отказывались признать свой способ существования в природе единственно возможным. Они были против исключительности чего бы то ни было во вселенной.

Задним числом ученые оправдали всех, кто рисовал себе «другие версии» разума. И тех, кто писал о чужих, но людях, — тоже. Человек ведь не исключение (хотя и не правило), значит, природа могла его и повторить.

Но писатели все-таки не ученые. По-видимому, за относительно редкими исключениями, гораздо интереснее и писать, и читать про существа, похожие на людей и по внешности, и по своей психологии.

И поэтому-то, мне кажется, человекоподобные инопланетчики, для которых фантасты предложили специальный термин — гуманоиды, — господствуют на страницах рассказов, повестей и романов. И главное, потому еще, что человеческие проблемы удобнее решать, показывая конфликты среди людей же.

Иван Антонович Ефремов, впрочем, предложил научное обоснование тому:

«Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, также высоко совершенно, универсально, то есть прекрасно. Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть». И у него в повести «Сердце змеи» люди, у которых в каждой молекуле место кислорода занимает фтор, даже по росту не отличны от землян. У них другой цвет кожи, но «фиолетовые губы открывают правильный ряд зубов».

Словом, фантасты по-своему пробуют на зуб коренные проблемы эволюционной антропологии.

Неизбежно ли появление разума? — сейчас этот вопрос задают на симпозиумах и конгрессах. Фантасты первыми поставили его — с научной точки зрения — в книгах, которые, увы, не были научными. И все же такой приоритет чего-то стоит.

Обычаи и правила жизни несуществующих народов! Казалось бы, они могут быть интересны в литературе лишь как антураж, нужны лишь в виде острой приправы к блюду, роль которого играет приключенческий сюжет или фантастическая, научная, этическая идея. Но тогда почему столь многие детали из быта выдуманных людей прочно оседают в памяти?

Даже этнограф, если он специально не занимается малайцами, вряд ли сразу припомнит правила, которых они придерживаются при еде. И, наоборот, не всегда признает народ по описанию его способа готовить мясо.

Но достаточно почти что кому угодно услышать: «Установлено, что за это время не меньше одиннадцати тысяч человек пошли на казнь, лишь бы не подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца», чтобы понять, о ком идет речь.

Это же о лилипутах Джонатана Свифта!

Верно. Лилипутах. Но разве это только о них? Там, где наука описывает, исследует, пытается объяснить генезис явления, увидеть тенденции его развития, там фантастика подхватывает и продолжает

эти тенденции, порою превращает рисунок в карикатуру, порою возносит на месте дома дворец, чаще надстраивает одну из стен дома, чтобы мы яснее увидели прекрасные узоры или, наоборот, трещины на ней.

Аркадий и Борис Стругацкие создали в своей повести «Трудно быть богом» научно-исследовательский Институт экспериментальной истории. Его посланцы на чужих планетах живут среди их обитателей, приняв их внешний облик, освоив одежду и традиции, и пробуют — очень осторожно — корректировать историю. Есть среди этих научных сотрудников, по крайней мере, один этнограф — Шуштулетидоводус, «специалист по истории первобытных культур, который сейчас работает шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем».

Не знаем мы пока иных населенных планет; и этнографам хватает дел на земле, но Институт экспериментальной истории существует. Функции его выполняет научная фантастика. Пока это мысленные эксперименты; но ведь в практике человечества они всегда предшествуют модельным и натурным экспериментам. Впрочем, здесь и в принципе возможны только мысленные эксперименты — не поставишь же опыты на людях. А в распоряжении фантастов миллионы, миллиарды, триллионы людей плюс парсеки, пространства и тысячелетия времени.

Фантаст может как будто делать все, что хочет, не принимая во внимание даже собственные предыдущие рассказы.

Рэй Брэдбери рисует нам Марс то безлюдный, вымерший, то населенный, изображает марсиан то воинственными, то милыми и кроткими существами. То у него Марс колонизуют покинувшие Соединенные Штаты негры, причем после ядерной войны на Земле к ним присоединяются остатки белых американцев, то, наоборот, белые обитатели Марса, узнав о войне на Земле, срочно и поголовно возвращаются на старую родину.

Писатель сильнее, чем любые мифические боги, которые, по точному определению древних греков, все-таки не могут сделать бывшее — не бывшим.

Тем не менее есть правила игры, обязательные и для фантаста, особенно научного, конечно, но и «ненаучного» — тоже.

Книги пишут для людей, и книги должны быть интересны, должны волновать читателей, иначе эти книги не нужны. А чтобы в читателе проснулось волнение, произведение искусства обязано так или иначе отражать жизнь, воспроизводить действительность. И в самых фантастических по масштабам космических конфликтах мы узнаем земные беды и страсти. И фантасты уходят в глубины океанов и на чужие планеты лишь для того, чтобы на новой сцене новыми гранями заиграли старые драмы человеческой жизни. В том числе и те, которые изучает этнография.

На Земле встречались представители разных народов, отличающихся друг от друга, по существу, мелочами. В космосе могут встретиться два человечества, чуждые друг другу в бесконечно большей степени, разделенные не только расстояниями, но и химическим составом, средой обитания, размерами, бог знает чем еще. Фантаст поставил

над иксом в земном уравнении показатель высокой степени, очистил эксперимент от мелочей.

И над этой пропастью существа, каждое прикосновение которых друг к другу чревато смертельной опасностью для обоих, соединяют в дружеском пожатии руки в тяжелых перчатках скафандров. Это у Ефремова. И то же, в другой форме, у десятков других писателей: советских, польских, американских, японских.

Но бывает и иначе. Вот великолепный рассказ Роберта Шекли «Проблема туземцев».

На планету «Нью-Таити» прибывает космический корабль с переселенцами, странствующими уже пять поколений от звезды к звезде.

Их вождь произносит речь:

«На планете есть туземцы... и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять; мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-нибудь неладное, стрелять первыми!»

Спрятавшись за кустами, слушает эту речь единственный «туземец» Эдвард Дантон — американец, приехавший на планету на несколько месяцев раньше, ходивший здесь в набедренной повязке и как следует загоревший.

Его знание английского рассматривается как высокая способность к мимикрии, заявления о миролюбии — как черное коварство, попытки объясниться — как беспримерная наглость. В конце концов Дантон сумел запугать пришельцев, и те «помирились с туземцами». Одного лишь Дантону не удалось добиться: так и не смог он доказать никому, в том числе и любимой девушке, ставшей его женой, что он не туземец. Дантон стал предметом изучения антропологов и этнографов.

«Их внимание привлекли также исполинские статуи из песчаника на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уже не мог позабыть (их вырубил сам Дантон во время своего отшельничества). Вне всякого сомнения, они были созданы некой пранью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов».

Конечно, этот рассказ — острая сатира на расизм. Но не только на него. Концовка бьет по другим настроениям, бесконечно менее вредным и все же ошибочным: по идеализации «детей природы» и прочим стандартным способам восприятия конкретной и не принимающей шаблонных мерок действительности.

На Земле проблема контакта между культурами, взаимопонимания между народами, стоящими на разных стадиях развития, сама по себе достаточно остра. Перед человечеством стоит серьезнейшая задача — удержать в своей коллективной памяти богатства, накопленные всеми его разнообразными культурами. Взаимопонимания требует и еще более насущная задача — поддержание прочного мира.

На Земле оно возможно. Ну а в космосе?

Во множестве произведений ключом к взаимопониманию служит общий интерес к науке. В рассказах, повестях и романах другого рода люди разных планет объединяются для общей борьбы за справедливость и счастье.

Аркадий и Борис Стругацкие написали, по существу, цикл повестей на тему о контакте миров в разных его формах и о праве на вмешательство в чужую жизнь. В «Трудно быть богом» они ограничивали это право, оставляя за сотрудниками Института экспериментальной истории возможность наблюдения и — изредка — спасения отдельных лиц. «Обитаемый остров», напротив, стал гимном праву на вмешательство, праву на борьбу за «чужих».

Но вслед за тем мы прочли «Малыша» с его «закрытой цивилизацией», отказывающейся вступить в какой-либо контакт. В последней повести Стругацких о контакте «Пикнике на обочине» рассматривается ситуация, когда понимание невозможно в принципе. Чужая цивилизация оставила на Земле несколько районов со следами своего присутствия. Там горит в ямах «ведьмин студень», смертельно опасный для людей, там зоны усиленного тяготения расплющивают в лепешку все, что в них попадает. Там смерть подстерегает буквально на каждом шагу. Но из этой же «полосы встречи» люди выносят вечные аккумуляторы для автомобилей. И есть там золотой шар, выполняющий человеческие желания...

От контакта согласно этой повести может быть польза, может быть вред, может быть то и другое — это зависит от социального устройства каждой из контактирующих планет. Не может быть только взаимопонимания...

Что же это, отступление писателей, отречение от прежних идеалов? Нет. Смысл «Пикника на обочине» в обращении к людям. Нам даже не показали тех, с кем не получился контакт. Это нелюди. Не о них речь. Понять друг друга — и себя — должны земляне.

Исследуя старые предрассудки, фантасты всерьез занимаются и «предрассудками будущего». В неприязни людей к роботам, о которой писали Карел Чапек, А. Азимов, Е. Войскунский и И. Лукодьянов, Станислав Лем и многие другие, есть элементы расизма, и иногда описание вызванных этой неприязнью конфликтов — лишь средство поновому заклеймить шовинизм. Но бывает, что фантаст исследует такой конфликт без оглядки на конкретные земные прецеденты. И тогда выясняется, что проблема взаимоотношений людей и машин может стоять очень остро. У Владимира Григорьева люди сбегают от слишком заботливых роботов. Войскунский и Лукодьянов устраивают в одной из глав романа «Плеск звездных морей» войну части людей против высокоразвитых роботов (впрочем, за людей агрессивность по отношению к роботам прежде всего проявляют собаки). Поняв, что больше не нужны человечеству, роботы в романе коллективно кончают жизнь самоубийством.

Фантасты открыли новые типы семьи на планетах, население которых делится не на два пола, а на три, четыре, пять и так далее. Но им не удалось сконструировать незнакомые нашей планете образцы

семьи для двуполого человечества. Моногамия, полигамия, полиандрия, групповой брак, промискуитет — человечество, по-видимому, проверило все возможные в принципе формы семьи, отбирая из них наиболее подходящие к данным условиям, и история не оставила фантастам неиспользованных вариантов.

Что касается вариантов социального устройства общества, то у многих фантастов пользуется большим «успехом» кастовая система древнеиндийского типа.

Любопытное общество нарисовал Р. Шекли в повести «Билет на планету Транай». Власть президента и министров ограничивается правом любого из граждан в любой момент уничтожить кого угодно из правителей, доходы граждан перераспределяются путем грабежа, государственный сборщик налогов действует тем же методом, преступлений нет, поскольку они таковыми не считаются. Впрочем, транайца, убившего слишком много своих сограждан, ждет смерть от руки одного из членов правительства, но безо всяких судебных процедур.

Разумеется, здесь (как часто в фантастике) перед нами своего рода сатирическая утопия, это, с одной стороны, карикатурное изображение отдельных черт американского общества, с другой — ироническая проекция в реальность прекраснодушных мечтаний некоторых анархиствующих идеалистов.

В «Четырех четырках» Н. Разговоров описал марсианское общество, сложившееся, увы, после истребительной войны «физиков» против «лириков». Войны, в ходе которой «лирики» были побеждены, а из культуры планеты исключили всякие следы их деятельности. Исчезли не только литература и искусство. Исчезли за ненадобностью даже домашние животные. Эта повесть не стала всего лишь остроумным откликом на нашумевшую дискуссию. Н. Разговоров сумел тонко показать реванш, взятый эмоциями в душах марсиан, с точным юмором продемонстрировал, что человек не может существовать без поэтического элемента в жизни.

Не случайно учебник нормативной грамматики на Марсе начинается со слов: «Все окружающее нас можно подразделить на одушевленное и неодушевленное, к одушевленному относим мы и подарки. Подарком называется вещь, задуманная вами и сделанная вами для другого». «Учение о подарках преподается с первого по восьмой класс». На изготовление подарков тратится большая часть свободного времени марсиан.

Человеческое тепло согревает их. И наконец происходит и внешнее возрождение «лирики».

Кстати, по Р. Шекли («Обмен разумами»), есть планеты, где по обычаю от подарков нельзя отказаться, как бы они ни были тебе неприятны. И в ходу, в частности, «серые дары» — предупреждения, и «черные дары», уничтожающие того, кому они поднесены. Но даже если тебе подарили кольцо в нос с прикрепленной к нему бомбой замедленного действия — деваться некуда — надо носить.

Можно особо поговорить о том, как представляют себе фантасты изменения в будущем тех нравов и обычаев землян, которые подлежат ведению этнографии, изменения, вызванные переменами в самых разных обстоятельствах человеческого существования.

Вот один пример. Сейчас удлиняется реальный срок человеческой жизни. Над последствиями этого задумываются экономисты и министры, социологи и историки. И этнографы тоже.

А писатели начали примеряться к этой проблеме уже давно. Чапек написал пьесу «Средство Макропулоса», которая кончается отказом героев от возможности жить по триста лет. Бернард Шоу создал пьесу «Назад, к Мафусаилу» — по имени библейского персонажа, прожившего якобы несколько сот лет. Советские фантасты обратились к этой теме в самые последние годы. Один из героев Владимира Михайлова в силу сцепления случайностей остается вечно молодым. И его самого, и всех вокруг волнует мысль: как это отразилось на его психологии? Стал ли он дороже ценить свою жизнь, не превратился ли, грубо говоря, в труса — ведь теперь, погибнув, он потеряет бессмертие, сотни и тысячи лет, а не годы.

Но бессмертный гибнет, спасая пытающегося покончить с собой старика, гибнет, не только отдавая свои бесконечные жизнь и молодость, но и унося с собой секрет бессмертия.

Человек победил смерть тем, что принял ее.

А Лев Эджубов «открыл» планету Стинбу, где люди живут по две тысячи лет. Сначала они не знали об этом, потому что гибли в бесконечных междоусобицах, но потом истина была открыта, и один из гениев Стинбы заявил: «...люди должны бороться... но только за те идеи, срок жизни которых больше срока жизни борца. Когда мы жили тридцать-сорок лет, можно было сложить голову за чужую землю, за чужое счастье. Но живущие тысячи лет рано или поздно поймут, что умирать надо только за то, что живет вечно».

Как жалеют обитатели Стинбы людей с их восьмидесятилетним сроком жизни! По первоначальному плану Стинбы люди должны провести на ней два года. Узнав о ничтожной продолжительности жизни землян, стины решают закончить исследовательские работы за десять-пятнадцать дней!

А если жизнь станет не особенно длинной, но зато полностью безопасной и обеспеченной? Такой мир показывает нам Станислав Лем в «Возвращении со звезд». Всему человечеству делают что-то вроде прививки от агрессивности; лишают человека психической возможности причинить вред кому бы то ни было. А техника уничтожает опасности транспортные и иные.

Казалось бы, это только хорошо. Но Лем обнажает перед нами отдаленные последствия «гениального» способа избавить общество от страха. Благодаря воздействию на плоть ограничили человеческий дух, мораль стала опираться на безусловные рефлексы. И безопасность человеческого тела обернулась опасностью для души. Человечеству нельзя терять смелость, возможность самопожертвования, нужны даже необузданные порывы — чтоб было что обуздать!

Очень важная способность фантастики состоит в том, что она не просто переносит земные конфликты в другие условия, но резко заостряет сами обстоятельства этих конфликтов.

Мы сталкиваемся с проблемами скученности городского населения,

обеднения и уничтожения природы. А Ф. Пол и С. М. Корнблат (роман «Операция «Венера») рисуют нам мир, в котором ступеньки лестниц административных зданий ночью превращаются в спальни для рядовых рабочих, процветающие чиновники еле поворачиваются в крохотных комнатках, двухминутный душ из пресной воды — явная роскошь, а «настоящее дубовое кольцо» ценится больше золотого. Ну а ездят в педальных автомобилях: кончились запасы нефти. Не менее грустные черты придают этому миру американского будущего во многих своих рассказах Брэдбери, Шекли, Азимов. Стандартизация еды, строгая карточная система, деление всех граждан на разряды, имеющие строго заданные права и обязанности... Перед нами мир, где трудно дышать и в переносном и в буквальном смысле этого слова, — недаром герои Пола и Корнблата выходят на улицу, сунув в нос фильтры. Для героев «Стальных пещер» Азимова сама мысль о том, что из одного города в другой можно пройти пешком, под открытым небом, кажется абсурдной. Ньюйоркцы описанного Азимовым будущего никогда не видят солнца, их пугает пейзаж, открывающийся за окном самолета. Азимов уверенно рисует целый комплекс связанных с новым образом жизни привычек, незнакомых нашим современникам.

«Стальные пещеры» — первый из цикла романов, объединенных содружеством двух детективов — человека и робота. В следующих романах цикла повествуется, в частности, об изменениях образа жизни на планетах, где сотни лет обитают немногочисленные переселенцы с Земли.

На одной из этих планет сложнейшей проблемой становится продолжение рода. Ее обитатели, окруженные роботами, постепенно приучили себя к одиночеству и с невероятным трудом переносят общество друг друга.

Нелегкое дело — написать этнографию будущего; но, по-видимому, и сами авторы этих пессимистических романов не слишком верят в свои прогнозы. И Рэй Брэдбери, автор «451° по Фаренгейту», книги о времени, когда жгут книги, все книги (451° по Фаренгейту — температура горения бумаги) — и порою вместе с их хозяевами, — заканчивает свою печальную повесть гибелью американского общества, дошедшего до крайней степени ущемления личности. Зато в живых остаются герои повести, посвятившие себя сохранению культуры.

Герои романа Пола и Корнблата улетают на Венеру. Работают над совместным решением проблем перенаселенной Земли и недозаселенных планет люди и роботы Азимова.

А самое, пожалуй, пессимистическое из всех произведений об обществе и быте американского будущего — маленький, всего на половину печатного листа, рассказ Уильяма Тэнна «Нулевой потенциал». Рассказ об обществе, которое сделало идеалом человека — посредственность, идеалом жизни — покой и привело к вырождению человечества.

«...Президент заявил: «Знаете, я заметил, что даже самый сильный лесной пожар рано или поздно выгорит. Главное — не волноваться».

«...вся система поощрений — в

учебе, спорте и даже на производстве — была... приспособлена для вознаграждения за самые средние показатели и для ущемления в равной мере как высших, так и низших. Когда вскоре после этого иссякли запасы нефти, люди с полной невозмутимостью перешли на уголь». А позже «человек, истощив запасы угля, вернулся в обширные, вечно возобновляющиеся и неистощимые леса».

А затем окончательно деградировавший человек делается домашним животным у ставших разумными собак. Этот рассказ — ответ на воспевание в США посредственности в противовес «интеллектуализму», удар по культу Простого Американского Парня, который был особенно силен в недавнем прошлом, но и сейчас сохранил кое-какие позиции.

По версии Уэллса, в будущем возможно, наоборот, не усреднение человечества, а постепенное разделение его на резко отличные друг от друга виды. В «Машине времени» перед нами, с одной стороны, потомки эксплуататоров — нежные, красивые, не умеющие работать, лишенные умения мыслить элои и, с другой стороны, подземные труженики морлоки, для которых элои — мясной скот.

Не будет ни того, ни другого, но фантасты уловили определенную тенденцию в развитии капиталистического общества. Для серьезного ее проявления нужны многие тысячи лет, а их история капиталистическому обществу не оставила.

А некоторые советские фантасты пытаются предсказать хотя бы отдельные черты быта в будущем коммунистическом обществе. Иван Антонович Ефремов в «Туманности Андромеды» показывает новые взаимоотношения между мужчиной и женщиной, новые разновидности искусства.

Е. Войскунский и И. Лукодьянов в «Плеске звездных морей» демонстрируют, в частности, спортивные игры будущего.

В «Попытке к бегству» А. и Б. Стругацких для людей будущего невозможен отказ в помощи, хотя бы они не понимали мотивов того, кто этой помощи просит.

Многое странно, смешно, неожиданно в конкретных деталях придуманного фантастического мира... Но сопоставление удачных фантастических произведений ясно показывает, что нельзя выдумывать что угодно и вымысел подчиняется строгим законам реальности — иначе он становится неинтересен.

Приведенные в этой статье примеры взяты, часто наудачу, из разных областей фантастики, но они в равной степени демонстрируют эту истину.

Фантасты — мастера выдумывать, тут, как говорится, положение обязывает. И все-таки предложенные ими новые типы организации общества, удивительные обычаи и странные нравы не так уж удивительны и странны для тех, кто знает, какой диапазон обычаев и нравов существует и существовал на Земле.

Если фантасты придумывают «закрытые цивилизации», то аналогии им были на Земле. Достаточно вспомнить Китай или Японию, которые по воле своих правителей на целые столетия были закрыты для иностранцев.

И необычные искусства, предназначенные для осязания и обоняния, тоже не такая уж диковинка. Тонкости парфюмерии Переднего

Востока на рубеже нашей эры вполне могли бы быть приняты «пришельцами» за признаки изощренного искусства. А скульптура предков нынешних эскимосов создана для того, чтобы ее воспринимали не только разглядывая, но и ощупывая.

Впрочем, бесполезно и безнадежно ожидать от фантастов, чтобы они сумели по-настоящему оторваться от почвы земных фактов. По-видимому, это невозможно с философской точки зрения. Но на этой почве они строят из земных кирпичиков новое здание. Здание, имеющее собственную ценность. Здание, с планами и деталями которого стоит знакомиться без пренебрежения и предвзятости. Я позволю себе напомнить слова Аристотеля о разнице между поэтом и историком: «...первый говорит о случившемся, второй о том, что могло случиться; поэзия более говорит об общем, история об единичном». Свифт, пожалуй, лучше всех показал, что это определение поэзии иногда годится и для фантастики.

Ну а кроме того, настанет ведь день, когда земная этнография станет частью более общей науки, занимающейся народами всех обитаемых планет. И по отношению к «ксеноэтнографии» научная фантастика, может быть, займет место, какое занимает мифология по отношению к истории.

Даже если это преувеличение — с ним, я надеюсь, любители фантастики не будут спорить.

Бегло коснулся я лишь маленькой части «контактов» научной фантастики с антропологией и этнографией. Можно было бы назвать гораздо больше примеров из каждого района этих контактов, да и самих районов на самом деле больше. Чего стоит хотя бы район магии!

Ни Рэй Брэдбери, ни Стругацкие, ни десятки других фантастов не устояли перед соблазном столкнуть XX век с колдунами и ведьмами. Кто из писателей объясняет чудеса телекинезом, кого занимает приложение научной терминологии к весело поданной чертовщине. Недавно вышедший на русском языке роман Клиффорда Саймака «Заповедник гоблинов» — своего рода кунсткамера фантастических идей. Тут и раздвоение личности, и телетранспортировка, и инопланетчики, собирающиеся покорить Галактику, и добрые старые феи, и путешествие во времени, и дух (что-то вроде привидения) Шекспира, и даже сам Шекспир, читающий лекции о том, он ли написал шекспировские пьесы. Я перечислил только малую часть всех деталей, которые, казалось бы, явно не подходят друг к другу «по резьбе». А роман удался, несоединимое скреплено человеческой любовью и дружбой, заботой о менее разумных, благодарностью и теплотой. Бессмысленно пересказывать содержание целого романа. Для меня он стал свидетельством того, насколько мало значат в фантастике сами по себе фантастические идеи рядом с тем, как использует их автор. И этнография здесь, конечно, уже ни при чем. Или, точнее, при чем — на равных правах со всем остальным, что создал на земле человек.

* * *

Фантастика — часть литературы. Может ли она что-нибудь дать науке? На этот счет давно и упорно спорят. Одни видят в фантастах пророков и провозвестников всего но-

вого, что несет с собой научно-техническая революция. Другие оставляют за ними роль регистраторов научных гипотез, подбирающих крохи с чужого стола.

Кто же фантасты в своем отношении к научной истине? Нет, не они стоят у руля идущего к ней корабля. Большинство пророчеств не так уж удачно, и сбываются чаще всего наименее конкретные предсказания, а их легче всего сделать. Но у этих литераторов есть удивительное чутье на малозаметные, невыявившиеся тенденции развития общества, направления науки. Там, куда они привлекают ваше внимание, стоит поискать. И часто стоит бояться того, чем они пугают. Фантасты могут порою первыми почувствовать опасность какого-то явления, как канарейки, которых брали в шахты из-за особой чувствительности к рудничному газу. Или первыми, как петухи, приветствовать солнце. Как петухи, без которых солнце все равно взойдет. Но они не дадут его проспать.

Для вас робот — это робот. Механизмы и металл, электричество и позитроны... Разум, воплощенный в железо! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком... Но вы не работали с ними, и вы их не знаете...

Айзек Азимов

ИСАЙ ЛУКОДЬЯНОВ

Пришедшие из сказки

(О ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫХ РОБОТАХ)

Когда еще не было научной фантастики, была сказка.

Слушатели сказки, затаив дух, представляли себе золотое яблочко, катающееся по серебряному блюдечку, холодный блеск серебра с цветным изображением Кощеева дворца — наши предки не думали, что дальновидение будет вначале черно-белым...

В сказках отражалась мечта о техническом прогрессе.

Меч богатыря Кёр-оглы, удлинявшийся всемеро по воле владельца, был придуман на много веков раньше первого пистолета и придуманных моими собратьями-фантастами лучевых «бластеров» и «скорчеров»...

Властителю хотелось бы построить побыстрее неприступный дворец, но не хватает рабов и строительных материалов, камня, извести и яиц для добавки в раствор белка. И сказочники тешат владыку рассказом, как Аладдин потер тряпочкой масляную лампу — и возник могучий джинн, и за одну ночь построил чудесное здание — без проекта, сметы и заявок на материалы.

А теперь предполагают, что лампа Аладдина была телеуправляющим органом, доставленным на Землю добрыми пришельцами из космоса, а джинны — строительными роботами, комплектующими лампу...

Не будем вступать в спор о пришельцах. Поговорим о роботах.

Слово «робот» подарил миру чешский писатель Карел Чапек в 1920 году, введя биохимических роботов в пьесу «Р.У.Р.» («Россемские Универсальные Роботы»). Американский ученый и фантаст Айзек Азимов в статье «Идеальный компьютер» отмечает: «У Чапека слово «робот» означает попросту «рабочий». В английском словоупотреблении оно, однако, утратило этот простой смысл и стало соответствовать представлению о механических существах».

Дальше Азимов вспоминает созданных писателями-фантастами роботов — в основном опасных, а иногда добродетельных. А еще дальше пишет так:

«...лишь в 1939 году один писатель-фантаст впервые, насколько мне известно, подошел к роботам со строго инженерной точки зрения.

Без лишней скромности должен признаться, что этот писатель был я сам...»

Итак, каким должен быть настоящий робот?

Прежде всего в его программу должны быть намертво включены «три закона роботехники» — три этических закона, сформулированных тем же А. Азимовым:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Если исходить из инженерной логики, робот должен иметь автономный двигатель с достаточным зарядом и постоянной подзарядкой (у советского лунохода энергию давали солнечные батареи) и исполнительными органами: устройствами для приема команд и для сигнала о выполнении заданий; блок программирования с достаточным запасом готовых программ и устройством самостоятельного выбора нужной из них; блок самосовершенствования, составляющий новые программы, когда в наборе не окажется подходящих; приспособления для получения информации об окружающей среде («зрение», «слух» и т. п.)...

Разумеется, вся «мыслительная» часть робота должна быть построена на базе быстродействующих вычислительных устройств.

Такой робот мог быть создан в воображении современных сказочников-фантастов только с появлением кибернетики.

И однако же...

Кибернетический робот появился в литературе около трех тысяч лет назад — в великолепном гомеровском эпосе «Илиада».

В 18-й песне «Илиады» *, озаглавленной «Изготовление оружия», Гомер приводит конкретные описания.

Напомним обстановку. Один из греческих вождей, полубог Ахилл, не принимает участия в боевых действиях, потому что оскорблен верховным вождем—Агамемноном. Патрокл, друг Ахилла, одалживает у него комплект вооружения и вступает в бой с Гектором, сыном троянского царя Приама. Гектор убивает Патрокла и присваивает его доспехи.

Ахилл хочет отомстить троянцам за смерть Патрокла, но у него нет

---

* Гомер, Илиада. Academia, 1935.

оружия. Он молится своей матери — морской богине Фетиде, и та отправляется к богу кузнечного дела, хромоногому Гефесту. Вот что увидела Фетида в божественной кузнице:

Бога, покрытого потом, находит
в трудах перед мехами
Быстро вращавшегось: двадцать
треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего
благолепного дома.
Ои под подножием их золотые
колеса устроил,
Сами б собою они приближалися
к сонму бессмертных,
Сами б собою они приближалися,
взорам на диво...

Не странно ли? Бог — не величественный старец в сверкающих одеждах, а хромой, здоровенный мужичина, полуголый, потный, мечущийся по кузнице...

Он занят выпуском серии однотипных треножников с двигателями и редукторами, чтобы они автоматически приближались к богам, когда они придут в гости к Гефесту.

(В греческих эпосах треножники упоминаются часто. Вероятно, это треногие таганки, подставки для котлов или жаровен. Некоторые считают, что треножник — маленький столик, какие подавали отдельно каждому гостю.)

Увидев Фетиду, Гефест смывает пот и копоть и отправляется с ней в свой «златокованый дом». И там:

Вышел, хромая; прислужницы, под
руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные
девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют
и голос,
И которых бессмертные знанию дел
научили...

Ну конечно, это роботы-андроиды, выполненные в виде девушек, имеющих «разум, силу и голос». Другим богам Олимпа прислуживают юные полубоги, например Ганимед-виночерпий. А бог-кузнец Гефест сделал для себя роботов.

Прав А. Азимов, говоря, что универсальному роботу, осуществляющему человеческие действия, лучше придать человеческую внешность: такой робот «наилучшим образом вписывается в мир, создавший человека, а также в мир, созданный человеком. С таким роботом, по психологическим причинам, приятнее иметь дело».

Гефест вернулся в кузницу и приступил к изготовлению комплекта вооружения для Ахилла:

...и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и
действовать дал повеленье,
Разом в отверстья горнильные
двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша
раздувающим пламень дыханьем;
Или порывным, служа
поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду
творимого дела..

Переведем этот отрывок о мехах на современный технический язык.

Гефест включил 20 автоматических воздуходувок, соединенных воздухопроводами с нагревательной печью. Каждая из них автоматически варьировала давление и количество подаваемого воздуха, самостоятельно выбирая режим дутья применительно к тонким и массивным участкам нагреваемой заготовки...

Все описанное может быть осуществлено только посредством командно-вычислительного устройства с пирометрическими датчиками и обратной связью, что, конечно, выводит эпизод далеко за пределы типовых деталей сказочных сюжетов.

Но как мог древний аэд придумать автоматическую воздуходувку? В те времена сказочнику не нужно было так далеко заходить в технологию. Бог взялся создать оружие? Ну что же! Он бог, ему дунуть, плюнуть — и готово. А тут придумано явно кибернетическое устройство: робот-воздуходувка, о каком можно

мечтать и для современного кузнечно-прессового цеха.

Древность ставит перед нами множество таких загадок.

Как объяснить то, что герой героических мифов Орфей пел... о жизни на других звездах? Что 2400 лет назад греческий философ Демокрит — не поэт и не сказочник — писал, что «в действительности существуют только атомы и пространства»?

Перенесемся из Древней Греции в Россию XIX века и познакомимся с роботом, созданным фантазией великого сатирика Салтыкова-Щедрина в сатирической сказке «Игрушечного дела людишки».

Впрочем, это скорее не сказка, а научно-фантастический рассказ, ведущийся от имени автора.

В уездном городке на фоне взяточничества и произвола игрушечных дел мастер Изуверов демонстрирует свое «хобби» — говорящих и движущихся кукол, которых он делает в свободное от изготовления обычных, рыночных кукол время.

Кукла-«мздоимец» из цензурных соображений наряжена в вицмундир несуществующего ведомства и носит чин коллежского асессора: более высокие чины запрещалось изображать «в кукольном виде».

Куклы мастера Изуверова, как уже сказано, могут поддерживать разговор:

«— ...Сказывай, коллежский асессор: взятки любишь?

— Пáпп-п-пá! — вдруг совершенно отчетливо крикнул «человечек».

—...Это значит: люблю-с, — пояснил Изуверов и, вновь обращаясь к «коллежскому асессору», продолжал: — Большую, поди, мзду любишь?

— Пáпп-п-á!

— Такую, чтоб ограбить? дотла чтобы?

— Пáппá! пáппá! пáппá!

Троекратно произнося этот возглас, коллежский асессор выказывал чрезвычайное волнение: вращал глазами, кивал головой, колыхал животом и хлопал руками по бедрам...

—...Ну, коллежский асессор, сказывай! Что большую мзду ты любишь — это мы знаем, а как насчет малой мзды — приемлешь?

— Пáпп... вззз...

«Человечек» как будто спохватился и зашипел. Признаться, я подумал, не испортился ли в нем механизм, но Изуверов поспешил разуверить меня.

— Это значит: приемлю и малую мзду, но лишь в тех случаях, когда сорвать больше нечего. Ну а как ты скажешь насчет того, чтобы, например, совсем без мзды дело решить?

— Ввззз...

Коллежский асессор не только зашипел, но даже закружился. Лицо у него совсем налилось красной жидкостью; глаза блудливо бегали в орбитах. Вообще было видно, что самая идея решить дело без мзды может довести его до исступления.

Даже Изуверов возмутился такой наглостью и строго покачал головой.

— Как посмотрю на тебя, «Мздоимец», — сказал он, — тáк ты жаден,.. что, кажется, отца родного за взятку продать готов?

— Пáпп-пá! пáпп-пá! пáпп-пá!

— А под суд за это попасть хочешь?

— Ввзззз...»

Далее разыгрывается сцена: на прием к «Мздоимцу» приходит кукла-мужик, и «коллежский асессор» обирает его до нитки — отнимает даже медный гребень, висевший на поясе.

Затем мастер предлагает автору самому поговорить с «Мздоимцем». Автор спрашивает:

«— ...понимаешь ли ты, коллежский асессор, какое значение слово «правда» имеет?

Молчание.

— А бога... боишься?

Молчание.

— Ну, что бы еще?.. На пользу ближнему послужить не прочь?

Опять и опять молчание. Я в недоумении взглянул на Изуверова.

— Не понимает-с, — объяснил он кратко.

— То есть как же это не понимает? кажется, вопросы не очень мудреные?

— И не мудреные, а он ответить не может. Нет у него «добродетельного» разговора — и шабаш! все воровство да подлости, да грабеж только на уме! Вообще, позвольте вам доложить, сколько я ни старался добродетельную куклу сделать — никак не могу! Мерзавцев — сколько угодно, а что касается добродетели, так, кажется, этого слова и в заводе-то в этом царстве нет!

— Да ведь это, впрочем, и естественно. Возьмите даже живую куклу — разве она понимает, что такое добродетель?

— Не понимает — это верно-с. Да, по крайности, она хоть лицемерить может. Спросите-ка, например, нашего магистратского секретаря: боишься ли ты бога? так он, пожалуй, даже в умиление впадет! Ну а мой коллежский асессор — этого не может!»

Казалось бы, все ясно: робот примитивный, однопрограммный. Сложный характер у него не получился.

Роботу-мздоимцу далеко до живых мерзавцев, которые и воруют, и добродетельные разговоры в соответствующем месте могут вести. Усовершенствовать его?

И Щедрин предлагает мастеру Изуверову: «сделать доступную для негодяя добродетель, обратив ее, посредством лицемерия, в подлость».

Мастер задумывается. Теперь ему кажется, что он сможет переделать робота.

Однако Щедрин объясняет ему, что никакой технической переделки не надо, дело только, выражаясь по-современному, в алгоритме задания. А так как задание дается в устной форме, Щедрин, обращаясь к кукле, сформулировал вопрос так:

«—Слушай, «Мздоимец»! Что ты не понимаешь, что значит правда, — это мы знаем. Но если бы, например, на пироге у головы кто-нибудь разговор о правде завел, ведь и ты, поди, сумел бы притвориться: одною, мол, правдою и свет божий мил?

«Коллежский асессор» взглянул на нас с недоразумением и несколько мгновений как бы соображал, стараясь понять. И вдруг пронзительно и радостно крикнул:

— Пáпп-пá! пáпп-пá! пáпп-пá!»

Человекообразные автоматы известны очень давно. В гидравлическом театре Герона Александрийского миниатюрные фигурки разыгрывали эпизоды троянской войны.

Двести пятьдесят лет назад инженер петровской эпохи Виллим де Геннин в книге «Описание сибирских и уральских заводов» рассказывал о древнем монгольском строении, найденном в районе Семипалатинска, «от Иртыша расстоянием на один день езды на лошади»:

«В тех полатах имелись вещи истуканные фигуральные, устроенные на проволоках идолы, и когда, входя в полаты, двери приходящий отворит,

то оные идолы станут на ноги, яко живые, вооруженные, и тем приходящих устрашают. А когда полатные двери затворятца, тогда те идолы садятца во учрежденные им места...»

В екатерининские времена петербургская знать восхищалась заграничным автоматом — стариком в древнегреческой одежде, сидящим в кресле, за столом. Он перебирал карты и монеты, переставлял шашки, а когда испортился, восстановить его удалось только знаменитому механику Ивану Кулибину.

Но все эти автоматы были чисто механическими, на рычажных передачах, действующих в строгой последовательности.

Куклы Щедрина, реагирующие на устные команды-вопросы, — роботы в современном понимании слова. А заключительная сцена приведенного эпизода, несомненно, относится к той еще не существующей отрасли знания, которую А. Азимов назвал «робопсихологией».

Если добавить в щедринскую «сказку» несколько слов о резисторах, позитронных связях, вакуумных ячейках и гипермнимых величинах, получится современный научно-фантастический рассказ.

«Игрушечного дела людишки» были опубликованы в журнале «Отечественные записки» в 1880 году.

А в 1883 году петербургский «Ежемесячный журнал романов и повестей» опубликовал фантастическую повесть графа Шузи «Подземный огонь».

Сюжет повести таков. Некое акционерное общество роет шахту, чтобы достичь «подземного огня». Одновременно работают вручную тридцать человек. Им очень трудно и жарко. Их бесплатно снабжают гренландским льдом — буксируют по морю айсберги. В погребках компании рабочие покупают «уплотненный кислород», приготовленный машинами Пикте.

Эти машины упоминаются в повести очень часто — возможно, потому, что незадолго до выхода «Подземного огня» швейцарский ученый Рауль Пикте получил бледно-синюю жидкость — жидкий кислород.

Администраторы у Шузи носят в карманах «кислородные пастилки» и глотают их для охлаждения (добавим: совершенно не задумываясь о последствиях: эти «пастилки» имели бы температуру порядка минус 220° С и должны были давать после испарения примерно тысячекратный объем газа).

Шахтеры-европейцы не выдерживают жары, их заменяют африканскими неграми «из очень дикого, привычного к жаре племени». Те довольствуются горстью фиников в день; по воскресеньям им сверх того выдают арбузы.

Африканские дикари оказываются немецкими диверсантами, имевшими задание взорвать шахту. Взрывчатку им прислали в чучеле белого медведя, вмороженном в гренландскую льдину. После разоблачения их «вождь», немецкий майор, отвечает на вопросы президента акционерного общества:

«— Как вы переносили работу в такой жаре?

— Дисциплина, милорд.

— А как вы довольствовались такой скудной пищей?

— Повиновение, милорд».

Диверсантов оставляют на шахтерской работе, гарантировав им снабжение пивом, сосисками и кислой капустой.

Проходка продолжается. После

многих приключений «подземный огонь», в конце концов, сдан в эксплуатацию. При устье шахты возникает город Индустриа-Сити. Суровый климат провинции Ольстер в Северной Ирландии становится тропическим. В городе — восточные дворцы, где среди фантастических удобств живут акционеры.

Под землей в Индустриа-Сити — второй город, населенный автоматами.

Энергией для автоматов служат сжатый воздух и пар, поэтому автор называет их «атмофитами». Повсюду в Индустриа-Сити разбросаны зарядные станции, где атмофиты получают порцию электричества, пара и сжатого воздуха за счет энергии «подземного огня».

Роботы-атмофиты по-собачьи преданы людям. Город обслуживают разнообразные «люди-орудия» — железные почтальоны, носильщики и даже кучера фиакров. Большая армия роботов занята в сельском хозяйстве, причем «железные пахари», заменяющие одновременно лошадь и землепашца, обрабатывают землю обыкновенной сохой.

Благополучие общества базируется на труде атмофитов.

И вдруг «в результате чрезмерного развития и неблагоразумных усовершенствований» атмофиты взбунтовались. Они «мечтают истребить людей или заставить работать на себя». Они «стали умнее людей».

В парламенте идет бурное заседание: что делать? Некоторые предлагают «пробудить в атмофитах чувство человеческого достоинства, из рабов превратить в друзей...».

Поздно. Атмофиты возбуждены восстанием, пьяны от неумеренного потребления энергии. Они мечут друг в друга страшные заряды электричества, выносят из погребов лейденские банки, «отбивают у них горлышки и пьют электричество». Зажигают все, к чему прикасаются. Ужаснее всего «женщины» — швейные и стиральные машины. Последние «изрыгают лай, столь же грязный, как белье, которое они стирали». Город окутывает отвратительный зловонный пар, «пропитанный запахом железа, пота и деревянного масла...» *.

К восставшим городским атмофитам присоединились сельскохозяйственные автоматы, вооруженные косами и серпами. Они атакуют ратушу — храм огня. Впереди камнеломный автомат весом в двести тонн. Телефоны тоже взбунтовались и изрыгают ругательства.

Уже рухнули ворота, и армия разъяренных машин хлынула во двор, но тут главный инженер «твердыми шагами подошел к крану от трубы, распределяющей энергию от шахты, и закрыл его». Атмофиты, у которых, видимо, кончался заряд, бросились к зарядным станциям, но напрасно... Индустрия-Сити спасен!

Вот вам и вся повесть. В ней нетрудно найти гротеск и пародийность, направленную на некоторые произведения Жюля Верна. Так, неизбежно приходит на ум «Путешествие к центру Земли» и «500 миллионов бегумы», вышедшие незадолго до «Подземного огня».

Современники часто пародировали Жюля Верна, но в большинстве случаев дружески, с откровенной симпатией к романисту.

«Подземный огонь» не отнесешь к числу дружеских пародий: слишком много в нем желчной озлобленности аристократа, может быть, не возра-

* То есть оливковое масло, которым смазывались тогда паровые машины.

жающего против прогресса технического, но уж, во всяком случае, никак не приемлющего прогресса общественных отношений.

Однако вернемся к нашим роботам.

Автор «Подземного огня» описывает роботов-атмофитов на уровне однопрограммных паровых машин. Что могло подсказать ему возможность самопрограммирования? Не мог же он тогда знать об устройствах памяти, о кибернетических устройствах... По части теории систем управления «граф Шузи» знал не более Гомера. Его «железный пахарь» — машина, не более склонная к самосовершенствованию, чем современный трактор. И тем не менее он приводит как причину бунта «чрезмерное развитие и неразумные усовершенствования».

Или же это всего только слепые опасения по аналогии с рабочим классом, который когда-то ведь тоже воспринимался определенными слоями общества лишь в качестве механической, по-собачьи преданной и покорной силы, но вот «чрезмерно развился», поумнел и оттого взбунтовался?.. Ведь повесть о подземном огне появилась вскоре после того, как были утоплены в крови последние баррикады Парижской коммуны. И фантастический бунт роботов, возможно, навеян грозной памятью 1871 года.

Золотые самоходные, наделенные разумом девушки. Воздуходувные машины с автоматикой, на ходу вычисляющей и задающей параметры дутья. Куклы, воспринимающие голосовые команды и способные к самоусовершенствованию... до лицемерия. Наконец, целая серия роботов узкоспециального назначения, ставших «умнее людей». И все это задолго до появления великолепных формулировок Айзека Азимова.

Видно, человек издавна мечтал о помощниках более сильных и надежных, чем он сам и боги, которых люди «изобрели» до того, как придумали роботов.

Мы уже знаем, каким должен быть робот. Но пока мы еще не можем разработать даже технический проект, не то что рабочие чертежи. Но мы уже вышли на уровень задания на проектирование роботов. Нам необходимо сделать еще очень много, но дорога уже известна. От Гомера до Айзека Азимова фантастика сделала свое дело. Очередь за наукой, а потом — за техникой.

Что будет дальше — пока не ясно. Впрочем, для того чтобы покончить с темой, приведем несколько строк из того же Азимова:

«Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, кроме научных...»

ИЗАБЕЛЛА ЛЯПУНОВА

Советская фантастика* (Опыт библиографии 1961—1964 гг.)

1961

АБАШИДЗЕ Г. Г.

Путешествие в три времени (пьеса, перевод с грузинского)
1. Журн. «Октябрь», № 5.
2. В авт. сборнике «Две пьесы». Тбилиси, «Заря Востока», 1963.

АЛЬТОВ Г. С.

Генеральный конструктор (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 10.

Легенды о звездных капитанах (рассказы)
М., Детгиз.
Сод.: «Богатырская симфония». — Полигон «Звездная река». — Генеральный конструктор. — Может ли машина мыслить? (Триггерная цепочка. — К взлету — готов! — Первый контакт. — Странный вопрос. — «Машина смеялась...»). — Скучный капитан. — Легенды о звездных капитанах (Икар и Дедал. — Сверхновая Аретина. — Огненный Цветок).

Может ли машина мыслить! (Триггерная цепочка. — К взлету — готов! — Первый контакт. — Странный вопрос. Рассказы).
1. Журн. «Знание — сила», № 7.

АМАТУНИ П. Г.

Встреча со снежным человеком (рассказ-шутка)
1. Журн. «Гражданская авиация», № 7.
2. Под назв. «Тайна снежного человека» — журн. «Дон», 1964, № 10.

---

* Продолжение библиографии советской фантастики. Библиография за предыдущие годы помещена в сборниках «Фантастика-67», «Фантастика-68», «Фантастика 69—70», «Фантастика-71», «Фантастика-72».

Под № 1 указана первая публикация (в том числе отрывков и сокр. вариантов), под № 2 — последнее издание.

ВОЙСКУНСКИЙ Е. Л.
ЛУКОДЬЯНОВ И. Б.

Экипаж «Меконга» (роман)
1. Сокр. вариант — журн. «Литературный Азербайджан», № 8—12. Отрывки — журн. «Знание — сила», № 8.
2. М., «Детская литература», 1967.

ВОЛКОВ К. С.

Марс пробуждается (роман)
1. М., «Советская Россия».

ГОЛУБЕВ Г. Н.
ЛЕОНТЬЕВ А.

До свидания, Земля! (сценарий)
1. Сокр. вариант — журн. «Техника — молодежи», № 7, 8.

ГОМОЛКО Н. И.

Шестой океан (роман, перевод с белорусского)
1. Минск, Госиздат БССР.
Сод.: Книга первая. За великую трассу. — Книга вторая. Цитадель неба.

ГОР Г. С.

Докучливый собеседник (повесть)
1. Журн. «Звезда», № 7.
2. В авт. сборнике «Глиняный папуас». М., «Знание», 1966.

ГРЕБНЕВ Г. Н.

Мир иной (повесть)
1. В авт. сборнике «Пропавшее сокровище. — Мир иной». М., Детгиз.

ГРЕШНОВ М. Н.

Маша (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 5.
2. В авт. сборнике «Волшебный колодец». М., «Молодая гвардия», 1974.

ГУБАРЕВ В. Г.

Путешествие на Утреннюю Звезду (повесть-сказка)
1. М., «Детский мир».
2. В авт. сборнике «Повести-сказки». М., «Детская литература», 1972.

ГУРЕВИЧ Г. И.

Прохождение Немезиды (повесть и рассказы)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Прохождение Немезиды. — Инфра Дракона. — Иней на пальмах.

ДНЕПРОВ А. П.

Игра (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 5.
Мир, в котором я исчез (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 2.
Полосатый Боб (повесть)
1. Журн. «Молодая гвардия», № 8.
Пурпурная мумия (рассказ)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 7, 8.
Пятое состояние (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 9, 10.
Трагедия на улице Парадиз (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 8.
Фактор времени (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 2.
Эксперименты профессора Леонозова (рассказ)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 3.
Другое назв.: **«Новое направление»**.

ЖИТОМИРСКИЙ С. В.

Зеленый мост (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 12.

ЖУРАВЛЕВА В. Н.

Мы уходим к Аэлле (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 1.
Другие назв.: **«Орленок» не вернется»**; **«Орленок»**.
Поправка на икс (рассказ)
1. Газ. «Комсомольская правда», 5 февраля.

ЗАБЕЛИН И. М.

Загадки Хаирхана (повести)
М., «Советская Россия».
Сод.: Загадки Хаирхана. — Долина Четырех Крестов. — Легенда о «земляных людях».

Тени оазиса (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 7.

ИЛЬФ ИЛЬЯ
ПЕТРОВ ЕВГЕНИЙ

Светлая личность (повесть)
2. В книге: Ильф И., Петров Е., Собрание сочинений в пяти томах. М., Гослитиздат, т. 1. Первая публикация — журн. «Огонек», 1928, № 28—39.

КАЗАНЦЕВ А. П.

Гость из космоса (сценарий)
1. Журн. «Сибирские огни», № 7.

КАЛИНОВСКИЙ И. А.

Скандальный случай с мистером Скоундрэлом (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 6.

КОЛПАКОВ А. Л.

Цена миллисекунды (повесть)
1. Журн. «Юный техник», № 1—3.

КУЗНЕЦОВ Ю.

На чужом берегу (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

ЛАГИН Л. И.

Вспышка собственита в агрогородке Егоровке (юмореска)
1. Журн. «Огонек», № 42.

ЛАНСКОЙ М. З.

В обжитом космосе (рассказ)
1. Журн. «Звезда», № 1.

ЛЕОНОВ Л. М.

Бегство мистера Мак-Кинли (киноповесть)
1. Газ. «Правда», 1, 2, 4, 6, 8 января и 3 февраля.
2. В сборнике «Нефантасты в фантастике». М., «Молодая гвардия», 1970 (Б-ка современной фантастики, т. 19).

ЛЯСОЦКИЙ Е.

Гость Василия Стронгина (рассказ)
1. В сборнике «У моря студеного». Книга пятая. Магадан, Книжное изд-во.

МАКРУШИН В.

Первый день на Марсе (повесть)
1. Журн. «Молодая гвардия», № 5 (незаконч.).

МАЛАХОВ А. А.

Миражи Тургая. История почти фантастическая.
1. Журн. «Уральский следопыт», № 5 (сокр. вариант).
2. Свердловск, Книжное изд-во, 1962.

МАРТЫНОВ Г. С.

Встреча через века
1. Главы из романа — журн. «Искатель», № 2. Сокр. вариант — журн. «Смена», № 17—24; 1962, № 4—6,8.
2. Под назв. «Гость из бездны». Л., Лениздат, 1962.

ОБРУЧЕВ В. А.

Путешествия в прошлое и будущее (сборник)
1. М., Изд-во АН СССР.
2. «Наука», 1965. Сод.: Загадочная находка. — Видение в Гоби. — Происшествие в Нескучном саду. — Полет по планетам. — Коралловый остров. — Тепловая шахта. — Путешествие в прошлое и будущее. — [Завоевание тундры. — Солнце гаснет. — Сказание об Атлантиде.)

ПАЛЬМАН В. И.

Вещество Ариль (роман)
1. Краснодар, Книжное изд-во.
2. Под назв. «Красное и зеленое». М., Детгиз, 1963.

ПАРНОВ Е. И.
ЕМЦЕВ М. Т.

Секрет бессмертия (рассказ)
1. Журн. «Молодежь мира», № 7.

ПОЛЕЩУК А. Л.

Ошибка инженера Алексеева (повесть)
1. В альм. «Мир приключений», книга 6. М., Детгиз.
2. Под назв. «Ошибка Алексея Алексеева». М., «Молодая гвардия».

РОГОВОЙ М. И.

В полночь на вилле «Линда» (рассказ)
1. Журн. «Простор», № 7.
2. В авт. сборнике «Бомбовозы над Брайтоном». Алма-Ата, Казгосиздат, 1963.

РОСОХОВАТСКИЙ И. М.

Встреча в пустыне (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 3.
Другое назв.: **«Встреча во времени».**
Крик о помощи (рассказ)
1. Газ. «Неделя», № 50.
Мост (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 6.
Объект «Б-47» (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 11.
Другое назв.: **«Вожак».**

СТРУГАЦКИЙ А. Н.
СТРУГАЦКИЙ Б. Н.

Полдень, XXII век (повесть)
1. Главы из повести — журн. «Урал», № 6; «Злоумышленники» (глава из повести) — журн. «Знание — сила», 1962, № 2.
2. Под назв. «Возвращение (Полдень, XXII век)». М., Детгиз, 1962 и 1963.; под назв. «Полдень, XXII век (Возвращение)». М., «Детская литература», 1967.

СТУДИТСКИЙ А. Н.

Разум вселенной (отрывок из романа)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 9—11.
2. Роман. М., «Молодая гвардия», 1966.

ТЕПЛОВ Л. П.

Вертикаль (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.
Всевышний-1 (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 6.
Иван Иванович (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 2.

ТОМАН Н. В.

Говорит Космос!.. (повести)
М., Детгиз.
Сод.: Девушка с планеты Эффа. — Говорит Космос!.. — Катастрофы не будет, если...

ТОМИЛИН А. Н.

Возвращение (рассказ)
1. Журн. «Костер», № 11.
2. В сборнике «За гранью XX века». Л., Детгиз, 1962.

ХЛЕБНИКОВ А. О.

Черная отрешенность (рассказ)
1. В альм. «Хочу все знать». Л., Детгиз.

ХУДЕНКО Б.

Здравствуй, сапиенс! (роман)
1. Журн. «Искатель», № 4, 5.

АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

Золотой лотос
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Альтов Г., Журавлева В., Баллада о звездах. — Днепров А., Мир, в котором я исчез. — Грешнов М., Золотой лотос. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Великий КРИ. — Дунтау М., Жертвы биоэлектроники. — Сапарин В., Суд над танталусом. — Сафронов Ю., Ничего особенного. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Белый конус Алаида.
Мир приключений, книгая шестая
М., Детгиз.
Из сод.: Полещук А., Ошибка инженера Алексеева. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Благоустроенная планета. — Гансовский С., Шаги в неизвестное.
На суше и на море (выпуск 2)
М., Географгиз.
Из сод.: Сапарин В., Прораб Вселенной.
Янтарная комната
Л., Детгиз.
Из сод.: Журавлева В., Урания. — Альтов Г., Полигон «Звездная река». — Шалимов А., Музей Атлантиды. — Гансовский С., Гость из каменного века. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Свечи перед пультом. — Журавлева В., «Орленок» не вернется.

АМАТУНИ П. Г.

Гаяна (роман)
Ростов-на-Дону, Книжное изд-во.
Сод.: Тайна Пито-Као (книга первая). — Тиунэла (книга вторая).

АНТИПОВ Г. И.

Ортис — десятая планета (повесть-сказка)
1. В сборнике «Жарки». Красноярск, Книжное изд-во.
2. М., «Детская литература», 1967.

АНТОНЕНКО В.

Облако Брюнелля (рассказ)
1. Журн. «Кубань», № 6.

АНФИЛОВ Г. Б.

Испытание (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 4.
Радость действия (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 1.
ЭРЭМ (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 6.
Я и не я (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.

БЕРДНИК А. П.

Призрак идет по земле (повесть, перевод с украинского)
1. Ташкент, «Ёш гвардия».
2. М., «Детская литература», 1966.
Пути титанов (повесть-сказка, перевод с украинского)
1. В альм. «Мир приключений», книга 7. М., Детгиз (сокр. вариант).

БЕРЕСТОВ В. Д.

Люди с планеты Земля (рассказ)
1. «Литературная газета», 14 августа.

БИЛЕНКИН Д. А.

На изгибе пространства (рассказ)
1. Журн. «Сельская молодежь», № 5.
Последняя пустыня (рассказ)
1. Газ. «Пионерская правда», 27 июля.

БИРЮЛИН Г. М.

Море и звезды (роман)
1. Владивосток, Приморское книжное изд-во.
2. Владивосток, Дальневосточное книжное изд-во, 1968.

БОРУШКО А.

Зона свидания (рассказ)
1. Журн. «Сельская молодежь», № 10.

ВАНЮШИН В. Ф.

Желтое облако (роман)
1. Журн. «Простор», № 3, 4 (сокр. вариант).
2. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1963.

ВАРШАВСКИЙ И. И.

Дневник (рассказ)
1. Журн. «Звезда», № 7.
Индекс Е-81 (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.
Роби (рассказ)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 4.

ВИННИК А. Я.

Фантастические повести
Донецк, Книжное изд-во.
Сод.: Тайна доктора Хента. — Охота за невидимками.

ВОЙСКУНСКИЙ Е. Л.
ЛУКОДЬЯНОВ И. Б.

Алатырь-камень (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.

ВОЛГИН С.

Звездный бумеранг (роман)
1. Журн. «Звезда Востока», № 3—8.
2. Ташкент, Гослитиздат Узб. ССР, 1963.

ГАНСОВСКИЙ С. Ф.

Не единственные сущие (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

ГОЛУБЕВ Г. Н.

По следам ветра (повесть)
1. В альм. «Мир приключений», книга 7. М., Детгиз (сокр. вариант).
2. В авт. сборнике «Огненный пояс. — По следам ветра». Л., Гидрометеоиздат, 1966.

ГОР Г. С.

Странник и время (повесть)
1. Журн. «Звезда», № 6, 7. Отрывок — газ. «Вечерний Ленинград», 10 мая.
2. В авт. сборнике «Кумби». М., «Молодая гвардия», 1963.

ГРЕШНОВ М. Н.

Звезда (рассказ)
1. Журн. «Ставрополье», № 3.

ГРИГОРЬЕВ В. В.

Ничто человеческое нам не чуждо (рассказ-шутка)
1. Журн. «Искатель», № 6.
Другое назв.: «**Дважды два старика робота**».

ГРОМОВА А. Г.

Глеги (повесть)
1. В сборнике «Фантастика. 1962 год». М., «Молодая гвардия».
Поединок с собой (роман)
1. Журн. «Урал», № 9—11.
2. М., Детгиз, 1963.

ГУБАРЕВ В. Г.

Необыкновенные приключения (повести-сказки)
1. М., «Молодая гвардия», 1962 и 1963.
Сод.: Путешествие на Утреннюю звезду. — Королевство кривых зеркал. — Трое на острове.
2. Уфа, Башкнигоиздат, 1966.

ГУРЕВИЧ Г. И.

Пленники астероида (повести и рассказы)
М., Детгиз.
Сод.: Лунные будни. — Пленники астероида. — Инфра Дракона. — Функция Шорина. — Первый день творения. — Мы — с переднего края.

ДЕДЕШИН В.

Звездные пришельцы (рассказ)
1. В альм. «Тихий океан», № 4. Владивосток, Приморское книжное изд-во.

ДНЕПРОВ А. П.

Две минуты одиночества (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 6.
2. В авт. сборнике «Пророки». М., «Знание», 1971.
Импульс «Д» (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 12.
Лицом к стене (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 8.
Лунная соната (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 6.
Другое назв.: **«Людвиг»**.
Мир, в котором я исчез (повести и рассказы)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Полосатый Боб. — Пятое состояние. — Мир, в котором я исчез. — Машина «ЭС, модель № 1». — Игра.
Подвиг (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 6.
Формула бессмертия (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 9.

ДУБРОВИН Ю.

Эти трое (рассказ-шутка)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.

ЕМЦЕВ М. Т.
ПАРНОВ Е. И.

Запонки с кохлеоидой (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.
На Зеленом перевале (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 1.
Другое назв.: **«Не оставляющий следа»**.

ЖИТОМИРСКИЙ С. В.

Проект-40 (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 9.

КАЛИНОВСКИЙ И. А.

Королева большого дерби (рассказы)
Красноярск, Книжное изд-во.
Сод.: История космической миссии м-ра Смита. — Скандальный случай с мистером Скоундрэлом. — Королева большого дерби. — Кибернетическая трагедия. — Фонтан Хиднея. — Перевоплощение Ральфа Диллона.

КОЛПАКОВ А. Л.

Нейтринный импульс (рассказ)
1. Журн. «Старшина-сержант», № 10.

КОЛЬЦОВ А.

Черный свет (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.

КОПТЕВ Ю.
НЕВИНСКИЙ В.

Земной рай (рассказ)
1. Журн. «Нева», № 8.

КРАПИВИН В. П.

Я иду встречать брата! (повесть)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 8.
2. В авт. сборнике «Баркентина с именем звезды». Пермь, Книжное изд-во, 1972.

КУЗНЕЦОВ Ю.

Человек, сидящий в кресле (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 8.
Эстафета (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 1.

КУРДИЦКИЙ В. П.

Дыхание Харута (повесть)
1. Журн. «Ашхабад», № 3, 4.
2. В альм. «На суше и на море». М., «Мысль», 1964.
Любовь (рассказ)
1. Журн. «Ашхабад», № 6.

ЛАГИН Л. И.

Майор Велл Эндъю (повесть)
1. Журн. «Знамя», № 1.
2. В сборнике «Антология советской фантастики». М., «Молодая гвардия», 1968 (Б-ка современной фантастики, т. 15).

ЛЕВАНТ Я. А.

Зеленый смерч (отрывок из повести)
1. Газ. «Комсомольское племя» (Оренбург), 16 февраля — 2 марта.
2. Космический ключ. Повесть. Оренбург, Книжное изд-во, 1963.

ЛУКОВСКИЙ И. В.

Была ли Атлантида! (драматическая фантазия)
1. В альм. «Современная драматургия», книга 27. М.,

МАРИН В.

Сиреневая токката махаона (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 5.

МЕЕРОВ А. А.

Родбариды (отрывок из романа)
1. В альм. «На суше и на море». М., Географгиз.
2. Сиреневый кристалл. Роман. М., «Мысль», 1965.

МИХАЙЛОВ В. Д.

Особая необходимость (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 3—5; отрывок под назв. «Загадка спутника» — газ. «Вечерняя Москва», 7 августа.
2. Рига, Латгосиздат, 1963.

МОГИЛЕВ Л. Н.

Железный Человек (повесть)
1. Журн «Ангара», № 2.
2. В одноименном авт. сборнике. Иркутск, Книжное изд-во, 1963.

НЕМЦОВ В. И.

Повести.
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Золотое дно. — Осколок Солнца.

НЕМЧЕНКО М. П.
НЕМЧЕНКО Л. Д.

Пари (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 12.
Письмо (рассказ)
1. Газ. «На смену!» (Свердловск), 24 и 25 ноября.
Преимущество живых (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.
Случай на полуострове Маяковского (рассказ)
1. Журн. «Наука и религия», № 9.
Тайна Джона Глитта (рассказ)
1. Журн. «Урал», № 3.
Другое назв.: **«Тайна Чарльза Робинса».**

ПОДОЛЬНЫЙ Р. Г.

Впервые (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 11.

Мореплавание невозможно (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 9.

РОГОВОЙ М. И.

Один-единственный человек (рассказ)
1. Журн. «Простор», № 1.
2. В авт. сборнике «Бомбовозы над Брайтоном». Алма-Ата, Казгосиздат, 1963.

РОСОХОВАТСКИЙ И. М.

Загадка «Акулы» (рассказы)
Благовещенск, Амурское книжное изд-во.
Сод.: Мост. — Загадка «Акулы». — Отклонение от нормы. — Чудовища лунных пещер. — Море, бушующее в нас. — У лесного озера. — Объект Б-47. — Наследство. — Огненная карта. — Шутка госпожи Природы. — Возвращение олимпийца. — На дне океана. — За порогом чувствительности. — Встреча в пустыне.
Иду к вам. — Электронный судья (рассказы)
1. Журн. «Советская Украина», № 11.
«Х=» (рассказ)
1. Газ. «Неделя», № 14.

САПАРИН В. С.

Пыль приключений (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 1, 2.
Суд над Танталусом (рассказы)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Суд над Танталусом. — Последний пилот. — Непредвиденное испытание. — Прораб Вселенной. — Возвращение круглоголовых. — Исчезновение Лоо. — Пыль приключений. — Первая вахта.

САФРОНОВ Ю. П.

Огненный водопад (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 3.
Осколок звезды (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 4.

СТРУГАЦКИЙ А. Н.
СТРУГАЦКИЙ Б. Н.

Попытка к бегству (повесть)
1. В сборнике «Фантастика. 1962 год». М., «Молодая гвардия».
2. В авт. сборнике «Хищные вещи века». М., «Молодая гвардия», 1965.

Стажеры (повесть)
1. М., «Молодая гвардия». Сокр. вариант под назв. «Должен жить» — в альм. «Мир приключений», книга 8. М., Детгиз; две главы под назв. «Генеральный инспектор» — журн. «Искатель», № 2.
2. В авт. сборнике «Стажеры. — Второе нашествие марсиан». М., «Молодая гвардия», 1968.
Человек из Пасифиды (рассказ)
1. Журн. «Советский воин», № 17.
2. Сб. «Фантастика-72». М., «Молодая гвардия», 1972.

ТОМАН Н. В.

«Made in...» (повесть)
1. В альм. «Мир приключений», книга 8. М., Детгиз.
2. В авт. сборнике «В созвездии трапеции». М., «Советский писатель», 1970.

ФИЛАНОВСКИЙ Г. Ю.

Двенадцать лет человеческих (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 11.

ФОГЕЛЬ Н. Д.

Гипнотрон профессора Браилова (повесть)
1. Херсон, Книжное изд-во.

ЦУРКИН Г.

Мозг, лишенный добродетели (рассказ)
1. Журн. «Сельская молодежь», № 4.

ШАГУРИН Н. Я.

Возвращение «Звездного охотника» (рассказ)
1. В сб. «Жарки». Красноярск, Книжное изд-во.

ШАЛИМОВ А. И.

Тайна Гремящей расщелины (повесть)
1. Журн. «Костер», № 4—7.
2. В авт. сборнике «Охотники за динозаврами». Л., «Недра», 1970.
Тайна Гремящей расщелины (рассказы и повести)
Л., Детгиз.
Сод.: Тайна Гремящей расщелины. — Охотники за динозаврами. — Призраки Белого континента. — Беглец.
Повесть «Призраки Белого континента» публиковалась также под назв. «Призраки ледяной пустыни».

ШЕЙНИН Б.

В недрах планеты (киноповесть)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 1, 2.

ШПАКОВ Ю. П.

Кратер Циолковский (повесть)
1. Омск, Книжное изд-во.

ЯНОВСКИЙ Ю. Л.

Аристотель двадцатого века (повесть)
1. Газ. «Комсомолец» (Ростов-на-Дону), № 176—178, 182—184, 186—190, 192—196, 198.
2. В одноименном авт. сборнике. Ростов-на-Дону, Книжное изд-во, 1965.

ЯРОВ Р.

До свидания, марсианин! (рассказ)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 8.
Компонент гениальности (рассказ)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 3.

АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

Капитан звездолета
Калининград, Книжное изд-во.
Из сод.: Беляев А., Невидимый свет. — Золотая гора. — Зуев-Ордынец М., Властелин звуков. — Гуревич Г., Черный лед. — Ефремов И., Озеро Горных Духов. — Нечаев И., Белый карлик. — Днепров А., Электронный молот. — Мир, в котором я исчез. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Глубокий поиск. — Журавлева В., Астронавт (Капитан звездолета). — Савченко В., Вторая экспедиция на Странную планету. — Альтов Г., Легенды о звездных капитанах (Огненный Цветок. — Сверхновая Аретина. — Икар и Дедал).

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ, КНИГА 7

М., Детгиз.
Из сод.: Казанцев А., Внуки Марса. — Голубев Г., По следам ветра. — Бердник О., Пути титанов. — Гансовский С., Хозяин бухты.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ, КНИГА 8

М., Детгиз.
Из сод.: Стругацкий А., Стругацкий Б., Должен жить. — Томан Н., Made in... — Чижевский Г., Архитойтис.

На суше и на море (выпуск 3)
М., Географгиз.
Из сод.: Колпаков А., Око далекого мира. — Мееров А., Родбариды.

ФАНТАСТИКА. 1962 ГОД

М., «Молодая гвардия».
Из сод.: Гор Г., Странник и время. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. — Днепров А., Подвиг. — Цветков Ю., 995-й святой. — Громова А., Глеги. — Илличевский С., Исчезло время в Аризоне. — Глебов А., Большой день на планете Чунгр. — Лагин Л., Майор Велл Эндъю.

АЛЬТОВ Г. С.

1963

Второй рейс «Стремительной черепахи» (рассказ)
1. В альм. «Юный моделист-конструктор». М., 1963.

АНТОНОВ С. Ф.

Путешествие в Чудесный край (повесть-сказка)
1. Пенза, Книжное изд-во.

АНФИЛОВ Г. Б.

Изменение настроения (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 4.

АХНАЗАРОВ Э.
РЕБРОВ Ю.

По ступенькам лестницы чудес (повесть)
1. В сборнике «У моря студеного», книга 8. Магадан, Книжное изд-во.

БАХТАМОВ Р. Б.

Открытие (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 10.

БЕЛОВ М. П.

Восьмая тайна моря (роман)
1. Хабаровск, Книжное изд-во.

БЕЛЯЕВ А. Р.

Собрание сочинений в восьми томах
М., «Молодая гвардия». Т. 1—4.
Сод.: Том 1. Остров Погибших Кораблей. — Голова

профессора Доуэля. Том. 2. Последний человек из Атлантиды. — Продавец воздуха. — Когда погаснет свет. Том 3. Человек-амфибия. — Подводные земледельцы. Том 4. Властелин мира. — Вечный хлеб. — Человек, потерявший лицо.

БИЛЕНКИН Д. А.

Время невидимое (рассказ)
1. Журн. «Ставрополье», № 3.
Грозная звезда (рассказ)
1. Газ. «Молодежь Азербайджана», 26 июля.

БЛИНОВ Н.
ЛУБЯНСКИЙ Ю.

Сильнее Солнца (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 3.
Другое назв.: **«Солнца сильнее».**

БРЮСОВ В. Я.

Не воскрешайте меня! (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 12. (Первые публикации.)

БУГРОВ В. И.

Ассистент доктора Кларка (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 11.

ВАРШАВСКИЙ И. И.

Биотоки, биотоки... (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 4.
Рассказы (Новое о Холмсе. — Дельта-ритм. — «Цунами» откладывается. — Секреты жанра).
1, Журн. «Звезда», № 12.
Поединок (рассказ)
1. Газ. «Комсомольская правда», 8 сентября.

ВИЛЬКИН Я. Р.

Необыкновенные приключения Геннадия Диогенова (повесть)
1. Минск, Госиздат БССР.

ВОЙСКУНСКИЙ Е. Л.
ЛУКОДЬЯНОВ И. Б.

Формула невозможного (повесть)
1. Журн. «Знание — сила», № 1.

2. В авт. сборнике «На перекрестках времени». М., «Знание», 1964.

Черный столб (повесть)
1. В сборнике «Фантастика. 1963 год». М., «Молодая гвардия»; в сборнике «Черный столб». М., «Знание».

ВОЛКОВ А. М.

Приключения двух друзей в стране прошлого (повесть)
1. Ташкент, «Ёш гвардия».

ГАНСОВСКИЙ С. Ф.

Голос (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 2.

Миша Перышкин и Антимир (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 3.

Ослепление Фридея (рассказ)
1. Журн. «Юный техник», № 1, 3.

Шаги в неизвестное (повести и рассказы)
М., Детгиз.
Сод.: Шаги в неизвестное. — Миша Перышкин и Антимир. — Младший брат человека. — Стальная змея. — «ПМ-150». — Голос. — Новая сигнальная. — Двое. — Хозяин бухты.

ГОР Г. С.

Аппарат Аристотеля (рассказ)
1. Газ. «Литературная Россия», 13 декабря.

Гости с Уазы (повесть)
1. Журн. «Нева», № 4.
2. Под назв. «Кумби» — в одноименных авт. сборниках. М., «Молодая гвардия», 1963; Л., «Детская литература», 1968.

ГРЕШНОВ М. Н.

Генератор нуль-времени (рассказ)
1. Журн. «Ставрополье», № 2.

ГРИГОРЬЕВ В. В.

А могла бы и быть... (рассказ-шутка)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 11

ГУРЕВИЧ Г. И.

Ааст Ллун — архитектор неба (отрывок из книги)
1. Журн. «Знание — сила», № 7.

2. **Мы — из Солнечной системы.** Роман. М., «Мысль», 1965.
На прозрачной планете (повести)
М., Географгиз.
Сод.: Наш подводный корреспондент. — На прозрачной планете. — Подземная непогода. — Под угрозой.
Под угрозой (отрывок из повести)
1. Журн. «Искатель», № 2.
2. Повесть. В авт. сборнике «На прозрачной планете». См. выше.

ДИЖУР Б. А.

Берег трех братьев (повесть)
1. Свердловск, Книжное изд-во.

ДНЕПРОВ А. П.

Глиняный бог (повесть)
1. В альм. «Мир приключений», книга 9. М., Детгиз.
2. В авт. сборнике «Формула бессмертия». М., «Молодая гвардия», 1972.
Конец «Рыжей хризантемы» (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 6.
Перпетуум мобиле (рассказ-шутка)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 9.
Послесловие к Уэллсу (юморески)
1. Журн. «Знание — сила», № 8.
Прямое доказательство (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 10.
Тускарора (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 5.
Формула бессмертия (повести и рассказы)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Глиняный бог. — Лицом к стене. — Формула бессмертия. — Людвиг. — Послесловие к Уэллсу.

ДУБРОВСКИЙ Э.

Поражение Геракла (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.

ЕФРЕМОВ И. А.

Лезвие бритвы (роман)
1. Журн. «Нева», № 6—9.
2. М., «Молодая гвардия», 1964 и 1965.

ЖУРАВЛЕВА В. Н.

Летящие по вселенной (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 3.
Человек, создавший Атлантиду (рассказы)
М., Детгиз.

Сод.: Поправка на икс. — Человек, создавший Атлантиду. — Урания. — «Орленок». — Астронавт. — Второй путь. — Летящие по Вселенной.

ЗАГДАНСКИЙ Е. П.

Прыжок в бессмертие (повесть)
1. Киев, «Молодь».

ЗУБКОВ Б. В.
МУСЛИН Е. С.

За краем Солнца (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 2.
Зеленая кнопка (юмореска)
1. Журн. «Знание — сила», № 1.
Летающая собака (рассказ)
1. Журн. «Юный натуралист», № 1.
Черные и зеленые (юмореска)
1. Журн. «Знание — сила», № 5.
Другое назв.: **«Изумрудные».**

ИВОЛГИН А.

Таинственное пятно (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.

КАВЕРИН В. А.

Легкие шаги (рассказ)
1. Журн. «Москва», № 8.
2. В авт. сборнике «Три сказки и еще одна». М., Детгиз.

КАЗАНЦЕВ А. П.

Гости из космоса (повести и рассказы)
М., «Московский рабочий».
Из сод.: Гость из космоса. Рассказы (Гость из космоса. — Марсианин. — Звездные пришельцы. — Кусок шлака). — Лунная дорога. — Планета бурь.
Внуки Марса (повесть). М., Детгиз.

КАЛАЧЕВ В.

Широта северная 28° (рассказ)
1. Журн. «Кубань», № 4.

КАЛИНОВСКИЙ И. А.

Меллок заключает мир (рассказ)
1. Журн. «Енисей», № 2.

КАПИЦА А. П.

«SOS» из бездны (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 5, 6.

КОБРИНСКИЙ А. Е.

Открытие профессора Фула (рассказ-шутка)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 2.
2. В кн.: Кобринский А., Кто — кого? М., «Молодая гвардия», 1967.

КОНОВА А. В.

Голос Вечности (повесть)
1. Журн. «Сибирские огни», № 6, 7.
2. В авт. сборнике «Осколки тяжести». Иркутск, Вост.-Сибирское книжное изд-во, 1964.

КОТЛЯР Ю. Ф.

Меня зовут звезды (рассказ)
1. Журн. «Юный натуралист», № 4, 5.
Последнее повеление Гато (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 10.

КУЛИКОВ Н.

Космос зовет (рассказ)
1. Журн. «Юный техник», № 4.

КУРДИЦКИЙ В. П.

Дыхание Харута (повесть). — **Одиночество** (рассказ)
Ашхабад, Туркменгосиздат.

ЛАВРЕНКО Б. П.

Звездолет возвращается на Землю (повесть)
1. В сборнике «Парус». Калининград, Книжное изд-во.

ЛАГИН Л. И.

Белокурая Бестия (повесть)
1. Журн. «Юность», № 4.
2. В авт. сборнике «Съеденный архипелаг». См. ниже.
Полет в никуда (новая глава романа «Атавия Проксима»)
1. Журн. «Искатель», № 1.

2. **Трагический астероид** (Атавия Проксима). Роман. М., «Советская Россия», 1972.
Съеденный архипелаг (сказки и памфлеты)
М., «Советская Россия».
Из сод.: Печальная судьба Эйби Линкольна. — Съеденный архипелаг. — Майор Велл Эндъю. — Белокурая Бестия.

ЛАНИН Г.

Остров алмазов (повесть)
1. Хабаровск, Книжное изд-во.

ЛИЛИНА М. Е.

Миллионы в пещере (повесть)
1. М., «Советская Россия».

МАРТЫНОВ Г. С.

Гианэя (роман)
1. Журн. «Смена», № 11—18, 21—23.
2. Л., «Детская литература», 1965.

МИХАЙЛОВ В. Д.

Черные Журавли Вселенной (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 4.
Другое назв.: **«Черные журавли».**

МОГИЛЕВ Л. Н.

Железный Человек (повести)
Иркутск, Книжное изд-во.
Сод.: Железный Человек. — Профессор Джон Кэви.

НЕМЦОВ В. И.

Альтаир (роман, повесть, рассказы)
М., Детгиз.
Сод.: Альтаир. — Огненный шар. — О том, чего не было. Рассказы (Шестое чувство. — «Снегиревский эффект». — Сто градусов. — Новая кожа. — День и ночь).

НЕМЧЕНКО М. П.
НЕМЧЕНКО Л. Д.

Там, за Плутоном (рассказ)
1. Газ. «На смену!» (Свердловск), 27 июня.

Только человек (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 4.

НОВИКОВ В. А.

Тролла (глава из повести)
1. Журн. «Простор», № 7.
2. «Путешествие «Геоса» (повесть). Алма-Ата, Казгослитиздат, 1964.

ОБРУЧЕВ В. А.

Тепло земных недр (рассказ)
1. Журн. «Природа», № 10 (незаконч.).

ОГЛОБИН И.

Приговор (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.

ПАРНОВ Е. И.
ЕМЦЕВ М. Т.

Уравнение с Бледного Нептуна (повесть)
1. В сборнике «Фантастика. 1963 год». М., «Молодая гвардия».
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Молодая гвардия», 1964.

ПОЛИТЫКО Г.

Ни капли фантастики (рассказ)
1. Журн. «Юный техник», № 5.

ПОТАСКУЕВ Э.

Красная барракуда (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 6.

РАЗГОВОРОВ Н. В.

Четыре четырки (повесть)
1. В сборнике «Черный столб». М., «Знание».
2. В сборнике «Антология советской фантастики». М., «Молодая гвардия», 1968 (Б-ка современной фантастики, т. 14).

РИЧ В. И.
ЧЕРНЕНКО М. Б.

Сошедшие с неба (повесть)
1. Журн. «Молодая гвардия», № 2, 3.
2. Под назв. «Мушкетеры». М., «Детская литература», 1964.

РОМАНОВ Р.

Чудесная машина (рассказ)
1. Журн. «Огонек», № 45.

РОСОХОВАТСКИЙ И. М.

Встреча во времени (рассказы)
Киев, «Молодь».
Сод.: Встреча во времени. — Иду к вам. — Знак на скале. — Проклятая долина. — Возвращение олимпийца. — Электронный судья. — Свидание.
Сокровища атанов (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 9.
Другое назв.: **«Знак на скале».**

РЯБИКИН Б.

Последнее изобретение (рассказ)
1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 3.

САФРОНОВ Ю. П.

Нить жизни (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 1.

СЕРГЕЕВ И.

На грани (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 12.

СИЛЕЦКИЙ А.

«Галактик Шуз» из космоса (рассказ-шутка)
1. Журн. «Юный техник», № 12.

СЛУКИН В. М.
КАРТАШЕВ Е. Р.

100% объективности (юмореска)
1. Журн. «Искатель», № 2.

СТРУГАЦКИЙ А. Н.
СТРУГАЦКИЙ Б. Н.

Далекая Радуга (повесть)
1. В сборнике «Новая сигнальная». М., «Знание».
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Молодая гвардия», 1964.

СУШКОВ Ю.

Призрак с Плутона (рассказ)
1. Газ. «Неделя», № 52.

ТЕНДРЯКОВ В. Ф.

Путешествие длиной в век (повесть)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 9—12.
2. В сборнике «Нефантасты в фантастике». М., «Молодая гвардия», 1970 (Б-ка современной фантастики, т. 19).

ТОМАН Н. В.

В созвездии трапеции (отрывок из повести)
1. Журн. «Искатель», № 3.
2. Повесть. В одноименном авт. сборнике. М., «Советский писатель», 1970.

ХЛЕБНИКОВ А. О.

Лунный сюрприз (рассказ)
1. Журн. «Костер», № 8.

ЦЫВЬЯН Б. М.

Премьера (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 7.

ЧИЖЕВСКИЙ Г. М.

В дебрях времени (палеонтологическая фантазия)
1. М., Детгиз.

ШАЛИМОВ А. И.

Стажировка (рассказ)
1. Журн. «Нева», № 1.

ШАРОЛЬ Л.

Улика (рассказ)
1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 7.

ШЕФНЕР В. С.

Скромный гений (рассказ)
1. Газ. «Неделя», № 41.
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Молодая гвардия», 1974.

АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

В мире фантастики и приключений
Л., Лениздат.
Из сод.: Ефремов И., Cor Serpentis (Сердце Змеи). — Лагин Л., Майор Велл Эндъю. — Росоховатский И., Встреча в пустыне. — Шалимов А., Охотники за динозаврами. — Ефремов И., Озеро Горных Духов. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Извне. — Днепров А., Фактор времени. — Пятое состояние. — Гуревич Г., Первый день творения. — Варшавский И., Индекс Е-81. — Роби. — Альтов Г., Журавлева В., Баллада о звездах.

Мир приключений, книга 9

М., Детгиз.
Из сод.: Бобровников А., Повесть о бедных марсианах. — Емцев М., Парнов Е., Падение сверхновой. — Днепров А., Глиняный бог. — Емцев М., Парнов Е., Доатомное состояние.

На суше и на море (выпуск 4)
М., Географгиз.
Из сод.: Мееров А., Время, назад! — Голованов Я., Победа Альбрехта Дюрера. — Колпаков А., И возгорится солнце.

Новая сигнальная
М., «Знание».
Из сод.: Емцев М., Парнов Е., Не оставляющий следа. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Далекая Радуга. — Гансовский С., Новая сигнальная. — Варшавский И., Сиреневая планета. — Ловушка. — Возвращение. — Внук. — СУС. — Диктатор. — Молекулярное кафе.

Фантастика. 1963 год

М., «Молодая гвардия».
Сод.: Емцев М., Парнов Е., Уравнение с Бледного Нептуна. — Войскунский Е., Лукодьянов И., Черный столб. — Крапивин В., Я иду встречать брата! — Стру-

гацкий А., Стругацкий Б., О странствующих и путешествующих. — Днепров А., Когда задают вопросы... — Варшавский И., В космосе (Ловушка. — Возвращение. — Внук. — Неедяки. — Сиреневая планета). — Биотоки, биотоки... — Дневник. — Анфилов Г., ЭРЭМ. — Глебов А., Золотой дождь. — Полещук А., Тайна Гомера. — Григорьев В., А могла бы и быть... — Парнов Е., Емцев М., Снежок. — Яров Р., До свидания, марсианин!

Черный столб
М., «Знание».
Из сод.: Войскунский Е., Лукодьянов И., Черный столб. — Днепров А., Разговор с чужой тенью. — Миронов И., Двое под гамаком. — Разговоров Н., Четыре четырки. — Сафонов В., Пришествие и гибель собственника.

1964

АЛИМБАЕВ Ш. К.

Последний пациент (рассказ)
1. Журн. «Простор», № 3.

АЛЬТОВ Г. С.

Девять минут (рассказ)
1. Газ. «Баку», 28 ноября.
Машина открытий (рассказ)
1. Газ. «Баку», 4 июля.

АМАТУНИ П. Г.

Чао — победитель волшебников (повесть-сказка)
1. Ростов-на-Дону, Книжное изд-во.
2. М., «Советская Россия», 1968.

АНТОНОВ В.

Двенадцатая машина (рассказ-шутка)
1. Журн. «Искатель», № 2.

БАБАТ Г. И.
ГАРФ А. Л.

Утраченная Вселенная (отрывки из неоконч. повести)
1. Журн. «Знание — сила», № 1.

БАЖОВ П. П.

Радио-Рай (памфлет)
1. Журн. «Урал», № 1 (из неизданного).

БЕЛЯЕВ А. Р.

Собрание сочинений в восьми томах
М., «Молодая гвардия», Т. 5—8.
Сод.: том 5. Прыжок в ничто. — Воздушный корабль; Том 6. Звезда КЭЦ. — Лаборатория Дубльвэ. — Чудесное око; том 7. Человек, нашедший свое лицо. — Ариэль; том 8. Рассказы: Светопреставление. — Ни жизнь, ни смерть. — Мистер Смех. — Невидимый свет. — Изобретения профессора Вагнера [Творимые легенды и апокрифы. — Ковер-самолет. — Чертова мельница. — Над бездной. — Человек, который не спит. — Гость из книжного шкафа. — Амба. — Хойти-Тойти.] — Белый дикарь. — Сезам, откройся! — Легко ли быть раком? .

БЕРДНИК А. П.

Кванты или мысль! (рассказ, перевод с украинского)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 2.

Сердце Вселенной (повести, перевод с украинского)
Ташкент, «Ёш гвардия».
Сод.: Сердце Вселенной. — Путешествие в антимир. — Катастрофа.

БЕРЕСТОВ В. Д.

Алло, Парнас... (юмореска)
1. Журн. «Вокруг света», № 12.
2. В сборнике «Нефантасты в фантастике». М., «Молодая гвардия», 1970 (Б-ка современной фантастики, т. 19).

ВАРШАВСКИЙ И. И.

Молекулярное кафе (рассказы)
Л., Лениздат.
Сод.: Автоматы и люди (Роби. — Молекулярное кафе. — Поединок. — Конфликт. — Вечные проблемы. — Дневник. — Индекс Е-81. — Красные бусы. — Джейн. — Операция «Рок-н-ролл». — Призраки. — Биотоки, биотоки... — Маскарад. — Путешествие в ничто). — Большой космос (Ловушка. — Возвращение. — Сиреневая планета. — Неедяки). — Секреты жанра (Джамбли. — Секреты жанра. — Пантеон бессмертия. — Змеиный плод. — Новое о Шерлоке Холмсе).
Тревожных симптомов нет (рассказ)
1. Журн. «Звезда», № 12.
2. Одноименный авт. сборник. М., «Молодая гвардия», 1972.

ВДОВИНА О.

«Гелиос-1» (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 7.

ВЕЛТИСТОВ Е. С.

Электроник — мальчик из чемодана (повесть)
1. М., «Детская литература».
2. М., «Детская литература», 1968.

ВИННИК А. Я.

Фиолетовый шар (повесть)
1. Журн. «Донбасс», № 3.
2. В авт. сборнике «Сумерки Бизнесонии». Донецк, «Донбасс», 1965.

ВОЙСКУНСКИЙ Е. Л.
ЛУКОДЬЯНОВ И. Б.

На перекрестках времени (рассказы)
М., «Знание».
Сод.: Алатырь-камень. — Прощание на берегу. — На перекрестках времени. — Формула невозможного. — Полноземлие.

ГНЕДИНА Т. Е.

День туготронов (отрывок из повести)
1. Журн. «Юный техник», № 10.
2. Последний день туготронов. Повесть. См. ниже.
Последний день туготронов (повести-сказки)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Последний день туготронов. — Острова на кристаллах воображения.

ГОЛОВАНОВ Я. К.

Кузнецы грома (повесть)
1. Журн. «Юность», № 1.
2. М., «Советская Россия».

ГОЛУБЕВ Г. Н.

Огонь-хранитель (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 1, 2.

Уэра (повесть)
1. В альм. «НФ», вып. 1. М., «Знание».
2. Под назв. «Скиталец Ларвеф» — в одноименном авт. сборнике. М.—Л., «Советский писатель», 1966.
Электронный Мельмот (повесть)
1. В сборнике «В мире фантастики и приключений». Л., Лениздат.
2. В авт. сборнике «Скиталец Ларвеф». М.—Л., «Советский писатель», 1966.

ГОРБОВСКИЙ А.

Он проснется через двести лет (рассказ)
1. Журн. «Байкал», № 5.

ГРЕШНОВ М. Н.

Мы даем дождь (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 1.

ГУЛЯКОВСКИЙ Е. Я.

Ошибка (рассказ)
1. В авт. сборнике «Высокий Ключ». М., «Молодая гвардия».

ГУРЕВИЧ Г. И.

Игра в «ничего не выйдет» (сценка)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.

ГЯНДЖАЛИ Н.

Сокровища сгоревшей планеты (пьеса, перевод с азербайджанского)
1. В сборнике «Формула невозможного». Баку, Госиздат Азерб. ССР.

ДНЕПРОВ А. П.

Банка без наклейки (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.
Интервью с регулировщиком уличного движения (юмореска)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.
Следы на паркете (рассказ-шутка)
1. Журн. «Искатель», № 3.
Случайный выстрел (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 4.
Ферма «Станлю» (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 9.

ЕМЦЕВ М. Т.
ПАРНОВ Е. И.

Падение сверхновой (рассказы)
М., «Знание».
Сод.: Падение сверхновой. — Запонки с кохлеоидой. — Операция «Кашалот». — Угодный Солнцу. — Аналогия. — Цепная реакция. — Не оставляющий следа.
Последняя дверь! (повесть)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 2, 3.
Уравнение с Бледного Нептуна (повести)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Уравнение с Бледного Нептуна. — Душа Мира.

ЕФРЕМОВ И. А.

Сердце Змеи (рассказы)
М., «Детская литература».
Сод.: Встреча над Тускаророй. — Озеро Горных Духов. — Олгой-Хорхой. — Белый Рог. — Бухта Радужных Струй. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Тень минувшего. — Сердце Змеи. — Юрта Ворона. — Афанеор, дочь Ахархеллена.

ЖИТОМИРСКИЙ С. В.

Один шанс из тысячи... (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 9.

ЗУБКОВ Б. В.
МУСЛИН Е. С.

Житейские разговоры XXI века.
1. Журн. «Знание — сила», № 12.
Другое назв.: **«Диалоги XXI века».**
Неизбежное вырождение (юмореска)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 11.
Синий мешок (рассказ)
1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 6.

ИВАНОВ В. В.

Сизиф, сын Эола (рассказ)
1. Журн. «Наш современник», № 12.
2. В сборнике «Нефантасты в фантастике» (Б-ка современной фантастики, т. 19). М., «Молодая гвардия», 1970.

КАЗАНЦЕВ А. П.

Льды возвращаются (роман)
Журн. «Дон», 1963, № 10, 11, и 1964, № 1—3.
2. М., «Советская Россия».

КАТАЕВ Г.

Звезды просят слова (маленькая повесть)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.

КОЗЛОВ А.

Остров Пантонго (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 7.

КОЛПАКОВ А. Л.

Море Мечты (повесть и рассказ)
М., «Советская Россия».
Сод.: Море Мечты. — Альфа Эридана.

КОМАРОВ В.

Электронный бог (рассказ)
1. Журн. «Наука и религия», № 7.

КОНОВА А. В.

Осколки тяжести (повести)
Иркутск, Вост.-Сибирское книжное изд-во.
Сод.: Голос Вечности. — Осколки тяжести.

КОРЯКОВ О. Ф.

Формула счастья (повесть)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 10—12.
2. Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1969.

КОТЛЯР Ю. Ф.

Младший пилот (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 4.

КУТУЙ А.

Приключения Рустема (повесть, перевод с татарского)
1. Казань, Таткнигоиздат.

ЛАГИН Л. И.

Голубой человек (роман)
1. Отрывок — газ. «Московская правда», 23 августа; отрывок под назв. «Счастье» — газ. «Литературная

Россия», 6 ноября.
2. М., «Советский писатель», 1967, 1969, 1972.

ЛАНСКОЙ М. З.

Добавка (рассказы и фельетоны)
М.—Л., «Советский писатель».
Из сод.: Научно-фантасмагорические рассказы (В общитом космосе. — Поединок. — Грибоискатель. — Бунт машин).

ЛЕВАНТ Я. А.

Волшебные звуки банджо (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 3.

МАЛОВ В.

Двести лет спустя (рассказ-шутка)
1. Журн. «Юный техник», № 6.

МИХАЙЛОВ В. Д.

Спутник «Шаг вперед» (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 2—5.
2. Под назв. «Люди Приземелья». Рига, «Зинатне», 1966.

МИХАНОВСКИЙ В. Н.

Тайна одной лаборатории (рассказы)
Харьков, «Прапор».
Сод.: К звездам (Эллор. — Гость. — Координаты бедствия. — Уснувший мир. — Рыжая. — Путь «Таиры» долог. — Приключения на Аларди). — По ту сторону (Хобо. — Тайна лаборатории низких температур. — Двадцатый старт. — Крайнее средство. — Гладиатор. — Бремя сгорает без остатка. — «Космос для нас». — В далеком дрейфе. — Последний жетон).

МОГИЛЕВ Л. Н.

Коллоид доктора Крога (повесть)
1. Журн. «Ангара», № 3.

МОСКАТОВ Е.

46 метров дырок (юмореска)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.

НЕВИНСКИЙ В.

Под одним солнцем (роман)
1. В сборнике «В мире фантастики и приключений». Л., Лениздат.

НЕМЧЕНКО М. П.
НЕМЧЕНКО Л. Д.

Двери. — Всеобщая безопасность (рассказы)
1. Журн. «Урал», № 8.
Рассказ «Двери» — см. в сборнике «Фантастика. 1967».
Летящие к братьям (рассказы)
Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во.
Сод.: Летящие к братьям. — НМ. — Тайна Чарльза Робинса. — Случай на полуострове Маяковского. — Преимущество живых. — Там, за Плутоном. — Пари. — Земля юавов.
Логическое завершение (рассказ)
1. Газ. «На смену!» (Свердловск), 12 ноября.

НОВИКОВ В. А.

Путешествие «Геоса» (повести и рассказы).
Алма-Ата, Казгослитиздат.

ОСТРОУМОВ Г. Н.

Дневник пришельца (юмореска)
1. Газ. «Неделя», № 17.

ПАВЛОВ С. И.

Банка фруктового сока (рассказ)
1. Газ. «Молодой ленинец» (Томск), 17—20 февраля.
2. Журн. «Енисей», № 4.
Солнечная луна (отрывок из повести)
1. Журн. «Енисей», № 2.
2. Корона Солнца. Повесть. В кн.: Шагурин Н., Павлов С., Аргус против Марса. Красноярск, Книжное изд-во, 1967.

ПАРНОВ Е. И.
ЕМЦЕВ М. Т.

Бунт тридцати триллионов (повесть)
1. В альм. «НФ», вып. 1. М., «Знание».
2. В авт. сборнике «Зеленая креветка». М., «Детская литература», 1966.
Кангамато (рассказ)

1. Журн. «Искатель», № 2.
Лоцман Кид (рассказ)
1. Журн. «Искатель», № 1.
Последнее путешествие полковника Фосетта (повесть)
1. Журн. «Искатель», № 6.
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Молодая гвардия», 1965.

ПАРХОМЕНКО В.

Людям из племени мудрых (рассказ)
1. Журн. «Литературный Азербайджан», № 6.

ПЕТРОВ В.

Прыжок в облако (рассказ)
1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 3.

ПОДОЛЬНЫЙ Р. Г.

В нашем журнале через сто лет (юмореска)
1. Журн. «Знание — сила», № 8.
Единство цели (рассказ)
1. Журн. «Смена», № 15.
Неисторические рассказы (Пределы фантазии. — Начало одной дискуссии)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 5.
Неудачный дебют (рассказ)
1. Журн. «Смена», № 9.
Сердце Эсвада (рассказ)
1. Журн. «Молодая гвардия», № 2.

ПОЛЕЩУК А. Л.

Падает вверх (отрывок из повести)
1. Журн. «Знание — сила», № 2.
2. Повесть. М., «Молодая гвардия».

РЕВИЧ В. А.

Tête-à-tête... (рассказ)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.

РЕЙМЕРС Г. К.

Неземной талисман (повести и рассказы)
Брянск, «Брянский рабочий».
Из сод.: Неземной талисман. Повесть. — Последний шаг профессора Вудда. Повесть. — Горы хранят тайну. Рассказ.

РИЧ В. И.

Кассиопейские рассказы (юморески)
1. Журн. «Наука и жизнь», № 2.
Сод.: Подвиг профессора Царта. — Распределение. — Кек и Кибер.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Ю.

Конец Гориллиуса (сказка)
1. Журн. «Костер», № 1.

РОСОХОВАТСКИЙ И. М.

В бухте Возвращения (рассказ)
1. Газ. «Молодежь Азербайджана», 2 августа.
Виток истории (сценарий-шутка)
1. «Мир приключений», № 10.

САВЧЕНКО В. И.

Алгоритм успеха (повесть)
1. В сборнике «Фантастика. 1964 год». М., «Молодая гвардия».

САПАРИН В. С.

Лунная рапсодия (рассказ)
1. Журн. «Вокруг света», № 3.
Чудовище подводного каньона (рассказ)
1. Журн. «Пионер», № 2, 3.

СЕРГЕЕВ Д. Г.

Необычайный пациент. — Севка (рассказы)
1. Журн. «Ангара», № 2.

СЕРГЕЕВ М. Д.

Машина времени Кольки Спиридонова (повесть)
1. Иркутск, Вост.-Сибирское книжное изд-во.
2. В авт. сборнике «Волшебная галоша. — Машина времени Кольки Спиридонова». Красноярск, Книжное изд-во, 1971.

СНЕГОВ С. А.

Тридцать два обличья профессора Крена (повесть)
1. В сборнике «Солнце над морем». Калининград, Книжное изд-во.

СТЕКОЛЬНИКОВ Л. Б.

Трехглавый дракон (повесть)
1. Журн. «Костер», № 9, 10.

СТРУГАЦКИЙ А. Н.
СТРУГАЦКИЙ Б. Н.

Далекая Радуга (повести)
М., «Молодая гвардия».
Сод.: Далекая Радуга. — Трудно быть богом.
Понедельник начинается в субботу (повесть)
1. Глава из повести — журн. «Искатель», № 6; 1-я часть под назв. «Суета вокруг дивана» — в сборнике «Фантастика. 1964 год». М., «Молодая гвардия».
2. Б-ка современной фантастики. Том 7. М., «Молодая гвардия», 1966.

ТИТОВ С.

Аура Фиоры (рассказ)
1. Журн. «Литературный Киргизстан», № 4.

ТОМАН Н. В.

Операция «Безумие» (повесть)
1. Журн. «Простор», № 10.
2. Б-ка современной фантастики. Том 7. М., «Молодая гвардия», 1966.

ТУМАНОВА З. А.

Кумуш-Тау — Алые снега (рассказы)
Ташкент, Гослитиздат УзССР.
Из сод.: Кустарник Старого Дика. — Серебряный лист. — Пуговица в янтаре.

ФЕТИСОВ С.

Коралловый плен (рассказ)
1. Журн. «Литературная Мордовия», № 2.

ФИЛАНОВСКИЙ Г. Ю.

Дочь атланта (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 12.
Ламентоза (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 11.
Порожский феномен (рассказ)
1. Журн. «Знание — сила», № 5.

ФИЛЕНКО Е.

Космический десант (рассказ)
1. Журн. «Юный техник», № 9.

ФРАДКИН Б. З.

Настойка тундровой серебрянки (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 8.

ЧИЖЕВСКИЙ Г. М.

Как Желтый Джек спустился с гор (рассказ)
1. В сборнике «Звезды над перевалом». М., «Физкультура и спорт».

ШАГУРИН Н. Я.

Операция «Синий гном» (повесть)
1. Журн. «Енисей», № 3.
2. В авт. сборнике «Тайна декабриста». Красноярск, Книжное изд-во, 1965.

ШАЛИМОВ А. И.

Пленник кратера Арзахеля (повесть)
1. Журн. «Костер», № 5—7.
2. В авт. сборнике «Охотники за динозаврами». Л., «Недра», 1968.

ШЕФНЕР В. С.

Девушка у обрыва (повесть)
1. Газ. «Литературная Россия», № 39—44, 46.
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Знание», 1971.

ШИТИК В. Н.

Последняя орбита (повесть, перевод с белорусского)
1. Минск, «Беларусь».

ЩЕРБАКОВ А.

Вселение во Вселенную (баллада)
1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

ЮРЬЕВ З. Ю.

Финансист на четвереньках (повесть)
1. Журн. «Смена», № 16—18.
2. В одноименном авт. сборнике. М., «Молодая гвардия», 1970.

Патент сверхновой (рассказ)
1. Журн. «Уральский следопыт», № 5.

АЛЬМАНАХИ И СБОРНИКИ

В мире фантастики и приключений
Л., Лениздат.
Из сод.: Невинский В., Под одним солнцем. — Варшавский И., Тревожных симптомов нет. — Гор. Г., Электронный Мельмот. — Шалимов А., Все началось с «Евы». — Ларионова О., Киска. — Журавлева В., Леонардо. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Путь на Амальтею. — Гуревич Г., Пленник астероида.

Лучший из миров
М., «Молодая гвардия».
Из сод.: Гансовский С., Не единственные сущие. — Войскунский Е., Лукодьянов И., Алатырь-камень. — Кольцов А., Черный свет. — Блинов Н., Лубянский Ю., Солнца сильнее. — Емцев М., Парнов Е., Запонки с кохлеоидой. — Житомирский С., «Проект-40». — Варшавский И., Индекс Е-81. — Днепров А., Подвиг. — Дубровин Ю., Эти трое.

Мир приключений, № 10
М., «Детская литература».
Из сод.: Томан Н., В созвездии трапеции. — Гансовский С., Восемнадцатое царство. — Мечта. — Росоховатский И., Виток истории. — Котляр Ю., Темное. — Парнов Е., Емцев М., Зеленая креветка.

НФ, выпуск 1
М., «Знание».
Из сод.: Парнов Е., Емцев М., Бунт тридцати триллионов. — Гор Г., Уэра. — Гансовский С., День гнева. — Соприкосновенье.

На суше и на море (выпуск 5).
М., «Мысль».
Из сод.: Курдицкий В., Дыхание Харута. — Глухов В., Последний лемур.

Фантастика, 1964 год

М., «Молодая гвардия».
Из сод.: Стругацкий А., Стругацкий Б., Суета вокруг дивана. — Савченко В., Алгоритм успеха. — Парнов Е., Емцев М., Последняя дверь! — Днепров А., Ферма «Станлю». — Случайный выстрел. — Григорьев В., Рог изобилия. — Дважды два старика робота. — Коллега — я назвал его так. — Варшавский И., Новое

о Холмсе. — «Цунами» откладывается. — Секреты жанра. — Происшествие на Чайн-род. — Лекции по парапсихологии. — Мистер Харэм в тартарарах. — Зубков Б., Муслин Е., Самозванец Стамп. — Синий мешок. — Щербаков В., Кратер. — Возвращение Сухарева. — Жуков Д., Рэм и Гений. — Биленкин Д., Прилежный мальчик и невидимка. — Обыкновенная минеральная вода. — Подольный Р., Путешествие в Англию. — Впервые. — Мореплавание невозможно. — Яров Р., Пусть они скажут.

Формула невозможного
Баку, Госиздат Азерб. ССР.
Сод.: Войскунский Е., Лукодьянов И., Формула невозможного. — Махмудов Э., Лекарство из облака. — Феномен (перевод с азерб.). — Ибрагимбеков М., Исчезновение Стива Брайта. — Бахтамов Р., Прыжок в высоту. — Открытие. — Журавлева В., Буря. — Милькин И., Иду к тебе. — Антонов В., Двенадцатая машина. — Альтов Г., Машина открытий. — Гянджали Н., Сокровища сгоревшей планеты (пьеса, перевод с азерб.).

СОДЕРЖАНИЕ

Север Гансовский. Млечный Путь 3
Михаил Пухов. Костры строителей 21
Владимир Щербаков. Река мне сказала... . . . 26
Валерий Цыганов. Марсианские рассказы . . . 33
Григорий Тарнаруцкий. Космический пешеход . . 43
Олег Лукьяиов. Пробуждение 52
Игорь Дручин. Тени лунных кратеров 62
Наталья Соколова. Дезидерата 103
Владимир Фирсов. И жизнь, и смерть 135

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ

Вместо предисловия. Р. Щербаков 187
Валерий Брюсов. Гора Звезды 191

КЛУБ ФАНТАСТОВ

Виктор Глушков. Кибернетика XXI века . . . 241
Генрих Альтов. Вектор фантазии 265
Дмитрий Биленкин. Импульс фантастики . . . 279
Ромаи Подольный. Фантастическая этнография и этнографическая фантастика 288
Исай Лукодьяиов. Пришедшие из сказки . . . 301

БИБЛИОГРАФИЯ

Изабелла Ляпунова. Советская фантастика (опыт библиографии 1961—1964 гг.) 309

ФАНТАСТИКА 73—74. Сборник научно-фантасти-
Ф22 ческих рассказов. М., «Молодая гвардия», 1975.
352 с. с ил.

На страницах сборника научно-фантастических повестей и рассказов читатели встретятся с новыми произведениями уже известных им авторов, с молодыми, впервые выступающими на страницах сборника авторами из самых разных уголков нашей страны. В сборнике напечатана ранее не публиковавшаяся фантастическая повесть поэта В. Брюсова. В сборнике представлен критико-библиографический раздел.

$\Phi\frac{70302-187}{078(02)-75}161-74$ Р2

ФАНТАСТИКА 73—74. Сборник

Редактор **С. Михайлова**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Л. Никитина**
Корректор **Т. Пескова**

Сдано в набор 24/XII 1973 г. Подписано к печати 25/VI 1975 г. А08167. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 22 (усл. 22) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 26,1. Тираж 200 000 (100 001—200 000 экз.). Цена 1 р. 09 к. Т. П. 1974 г., № 161. Заказ 2609.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.